

ДРУЖБА НАРОДОВ

- *Дмитрий Румянцев*
В семействе триедином
Стихи
- *Дарья Верясова*
Великий пост. Дневник неопита
Монастырская проза
- *Резван Хасанов*
Тазият
Повесть
- *Андрей Столяров*
Разноликий ислам
- *Алексей Буров, Геннадий Прашкевич*
О правде и о вечных вопросах
Два письма на одну тему

12'2017

**Независимый
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

**Основан
в марте 1939 года**

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, дом 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов».
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12.

**E-mail: dn52@mail.ru,
http://magazines.russ.ru/
druzha/
LiVEJOURNAL: http://druzha-
narodov.livejournal.com/**

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.10.2017.
Подписано в печать 29.11.2017.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 7180. Цена свободная.

Дружба народов

12'2017

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Лев
АННИНСКИЙ
Ирина
ДОРОНИНА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Рамазан
АБДУЛАТИПОВ
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Иван
ДЗЮБА
Валентин
КУРБАТОВ
Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА
Фарид
НАГИМ
Захар
ПРИЛЕПИН
Кнут
СКУЕНИЕКС
Сергей
ФИЛАТОВ
Ренат
ХАРИС
Вячеслав
ШАПОВАЛОВ
Александр
ЭБАНОИДЗЕ
ЭЛЬЧИН

СОДЕРЖАНИЕ

Проза и поэзия

Дмитрий РУМЯНЦЕВ. В семействе триедином. Стихи	3
Дарья ВЕРЯСОВА. Великий пост. Дневник неопита. Монастырская проза	7
Ербол ЖУМАГУЛ. Человек. Стихи	44
Булат ХАНОВ. Непостоянные величины. Роман. Окончание	47
Елена КРЮКОВА. Для Всех-Небес-Любви. Стихи	93
Алексей ИВАНОВ. Утоли моя печали. Рассказ	96
Елена ЛАПШИНА. С отвагой голубиной. Стихи	109
Резван ХАСАНОВ. Тазият. Повесть	112
Александр ОРЛОВ. О том, как жизнь иконописна. Стихи	138
Билан ДЗУГАЕВ. Руми. Рассказ	141
Денис ГЕРБЕР. Баклажан на дынной лозе. Рассказ	146
Егор ФЕТИСОВ. Рассказы	153

Первые стихи

Анна ГЕДЫМИН. «Выхода нет — надо писать...»	158
---	-----

Публицистика

Андрей СТОЛЯРОВ. Разноликий ислам	160
Михаил РУМЕР-ЗАРАЕВ. Сыновья Авраамовы. Еврейско-арабский симбиоз: столетия связей и противоречий	178
Алексей БУРОВ, Геннадий ПРАШКЕВИЧ. О правде и о вечных вопросах. Два письма на одну тему	187

Нация и мир

Алла ТАРАСОВА. Моя Америка: жизнь в стране мормонов	195
---	-----

Личный опыт

Александр ГОРОДНИЦКИЙ. «Родство по слову порождает слово». Разговор ведет Ирина Юн	206
---	-----

Литературный барометр

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Литература «бородастая» и «безбородая»	215
---	-----

Критика

СРЕДИ ДРУГИХ МИРОВ	
Сана ВАЛИУЛИНА. С полначала	218
Николай АЛЕКСАНДРОВ. Как человек уходит из истории	222

Книжный развал

Оксана БУТУЗОВА. Приближение к северу («Альманах новой северной прозы») ...	225
Владимир ШПАКОВ. Украинский пазл (П.Беседин. «Дети декабря»)	228
Дмитрий АРТИС. Довериться руке (В.Салимон. «Право на молчание»)	231
Александр ЕВСЮКОВ. Спокойствие среди хаоса (В.Месяц. «Стриптиз на 115-й дороге»)	233
Валерий МИЛЬДОН. Очарованные странники литературных фуршетов (Н.Кременчук. «Смерть на фуршете»)	235
Ольга БАЛЛА. Точность тайн (А.Цыбулевский. «Поэтика доподлинности»)	237

Эхо

Бриллиантовый флёр. Рубрику ведет Лев АННИНСКИЙ	242
Содержание журнала «Дружба народов» за 2017 год	246

Дмитрий Румянцев

В семействе триедином

* * *

давай писать, чтоб получился снег
сам на себя — в снежинках — не похожий
давай пророчить счастье всем прохожим
навек
есть жизнь и небеса, а смерти нет
и выносимы всполохи страдания
давай опять пророчить в назиданье
апостолу фоме, что вот он, след
от ангела — в позёмке над рекой
в колечках пара над большой купелью
и оттепель зимы с её капелью
пророчит лето и его покой
иван-да-марью, каши, бересклет
женьшень, и те названья, что не знаю
всё будет с нами вновь к апрелю-маю
давай писать, чтоб получился свет

* * *

как высокую песню кузнечика
растворённую в звоне стрижей
я любил тебя друг-человечество
улыбался тебе до ушей
ты ведь тоже платило мне золотом
за улыбку, за солнце её
в наковальню тяжёлую молотом
тяжко бухало сердце моё

потому что старинным приветствием
награждало тебя от души
только долго ходило под следствием
глубоко занемогшей души
и когда отогрелось, отмучилось
жизнь свою понесло на руках —
очень добрую, самую лучшую
только так, я скажу, только так

Румянцев Дмитрий Анатольевич — поэт. Родился в Омске в 1974 году. Окончил философский факультет Омского педуниверситета по специальности «культурология». Автор книг стихов «Сравнительное жизнеописание» (Омск, 2011), «Нобелевский тупик» (Омск, 2011), «Страдающее животное» (Омск, 2013). Постоянный автор журнала «Дружба народов». Живет в Омске.

Все счастливые семьи похожи друг на друга

В талой луже теплится звезда,
телится литыми плавниками.
Вот и это «море» Ты создал
с хрупкими (от марта) берегами.
Ты — везде, Ты — рядом, Ты — за нами.
Ты — за нас, Ты — прежде, Ты опять
явлен в захолустье в каждой капле.
Господа так хочется назвать
не Отцом, не отчеством, а папой
(в множестве отцов, не всякий — папа).
И когда сгущается гроза,
и когда терпеть невыносимо,
хочется Спасителя назвать
не священным именем, а Сыном.
Это — святотатство, так нельзя?
Но когда и ты одарен сыном,
чувствуешь семейство — триединым,
как рублёвский образ — в образах.

* * *

заведи кормушку на окне
пусть тебе друзьями станут птицы
к очагу летящие извне
щебета небесные криницы
тёплые у Господа глаза
да и сам ты знаешь этот танец
залетавший часто, где нельзя

впрочем, добродушный францисканец
свистнет снегириха — напоит
из колодца зимнего сиянья
пусть же ты в своём самостояньи
так стоишь, как в чаще скит стоит
словно тебе небо пред-стоит

Вечер

всякая пташечка господа славит
лето огромно, что твой океан
слышишь, звучит в предпоследней октаве
многоголосый небесный орган?
сам ты из органов — органов слуха
что предвещает небесный чк?
лыко ли в строку в симфонии духа?
спичка сгорит, коротка
но осве/ятит застоявшийся воздух
дымкою волей... не пойман — не вор
пой, воробышка, си(м)бирский мой лабух
рэпом войди в разговор
с нью-орлеанским акцентом на свадьбу
рощи и парка лети, вокалист
перелицуй в даровую свободу
нотный осиновый лист

* * *

как паучок плетёт из живота
высокую историю о мух/ке
так жизнь моя и мира полнота
измерены альтиметром на звуке
стиха
старинная история любви
планида со стрекозыми глазами
приди ко мне и имя назови
той, кто на помощь прислан небесами
репейницы полёт на небе замер —
лови
лети сквозь сердце бабочка-пилот
тому, кто жаждет — девочка-подмога
от ужаса сжимается живот
когда до этой встречи так немного
вот в небе п(р)оявился поворот
до Бога
веди меня сквозь небо, недотрога
Он ждёт

Путешествие с дикими гусями длиною в жизнь: молитва

словно нильса лапландские гуси
уносил меня маленький гнев
в лапидарные сумерки грусти
в фарисейство провинности гнусной
в нору *зверя* и душного *гноса*
с вифлеемских небес лагерлёф
стал я взрослым да падким на блеф
стал — прожжённый нахал и *пся крев*
поменяй же мне буйную голову
добрый пастырь... веле^{нь}ем *отца*
дай живого животного новую
душу... впредь пусть я буду — *овца*
да мальчишка, кому открывается
град небесный... пусть будет храним
голосами гусей третий рим
где с азов моя жизнь начинается
как с яслей *твоя* жизнь не кончается
будь прощающим небо над ним...

* * *

Величавости гордые специи:
парки, рощи, вокзалы. И мне
Питер нравится больше Венеции
(с отражением Бога в Неве).
Русский Бог. Поднебесная глыба
за оградами там, за которыми
проплывает болотная «скорая»
и кричит, точно выпь.
Хохломское твоё рококо
на ладони у нищего,
глубь театров с духовною пищею,
магазины с бумагою писчею.
Небо — рядом, да Ты — далеко.
Ресторанный крутой эскалоп
с вкусом крови, как хлеб предложения
я отдал бы, но за разрешение
насладиться Тобой!.. Как циклоп,
зрак луны золотит отражение
лучезарных европ.
И тойота несёт, точно гроб,
вдаль меня, где стоит Воскресение.

Дарья Верясова

Великий пост. Дневник неопита

Монастырская проза

Пролог

— Трудно в миру?
— Очень.
— Ну, поживи... — архимандрит внимательно взглянул на меня, — год проживешь?

— Год?! — ужаснулась я.
— Разве тебе здесь плохо?

Нет, в монастыре было хорошо. Небольшая девичья пустынь вдали от столицы оказалась тем местом, где я снова начала улыбаться. Так бывает: смысл борьбы с трудностями вдруг исчезает, заканчивается все, что держало тебя на крючке, дорогие люди становятся безразличными, исчезновение под колесами электрички уже не кажется страшным...

Но год?!

— Москва скоро в преисподнюю рухнет, нечего там делать. Грехи да скорби. А здесь благодать, икона державная чудотворная, матушка заботливая, добрая. Живи! Сейчас Великий пост начнется, на Пасху похристосуемся, потом Троица, а дальше Успение, Рождество — вот и год пройдет. А за человека того не молись, не надо. Ему не поможешь, а себя загубишь.

— Хорошо, — сказала я, — постараюсь.

Накануне матушка-настоятельница тоже уговаривала меня остаться:

— Не хочется тебя отпускать. Слезы одни в Москве. А у нас — похорошела, похудела! Глазки засияли. А ведь приехала чучело чучелом.

«Лотта, голубушка, можно у вас вписаться ненадолго?» — написала я Лотте.

«Дарьюшка, разумеется!» — ответила она.

Почти случайный отъезд в монастырь походил на бегство: в панике я не взяла необходимых вещей, забыла у друзей телефон, не сделала важных дел. И теперь, месяц спустя, надо было приехать в Москву хотя бы на неделю, чтобы с чистой совестью исчезнуть на неизвестный срок.

Сестры хором отговаривали: дескать, будет трудно вернуться сюда из столицы — появятся мелкие и неприятные преграды, но я верила в свое возвращение настолько, что оставила в келье все привезенные вещи.

Дарья Верясова — поэт, прозаик, драматург. Родилась в Норильске. Окончила Литинститут им. А. М. Горького. Лауреат «Илья-премии» (2009), премии «Пушкин в Британии» (2012), премии фонда В. П. Астафьева (2016). Автор книг «Крапива», «Дом-музей» и «Муляка». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — № 12 за 2016 год.

Конечно, я не могла не повидаться с тем человеком, которого безуспешно пыталась выкинуть из головы. Я искала встречи и, еле выдержав неделю, позвонила. Мы засели в какой-то кафешке, что-то ели и что-то пили.

— Может быть, нам стоит остаться друзьями? — спросил он.

Я ответила в духе времени:

— Никогда мы не будем братьями!

Ничего нельзя было исправить — слишком далеко зашло. Только рвать по живому.

Характер наших небратских отношений подтвердился в тот же вечер, и было непонятно, как можно снова уехать от необходимого мне, но столь равнодушного человека.

Возвращение удалялось от внутреннего взора и грозило растаять в неизведанной дали. Вишенкой на торте стали утренняя температура и насморк с кашлем.

«Ты издеваешься?» — подумала я в адрес того, кто заграждал мне путь. Встала, написала записку Лотте, порыдала над загубленной жизнью и поехала.

Дикая безысходность настигла меня в Тёплом стане, на автобусной станции, но там и без того невесело бывать человеку. В районном центре сорок минут под дождем ждала такси, чтобы добраться в нужную глушь.

Я ступила за ограду, увешанную плакатами с просьбой не подкидывать в монастырь кошек, и перекрестилась на икону над входом в храм. Я вернулась.

Прощеное воскресенье

В нашем приходе много детей с красивыми лицами. Подростки-младенцы, мальчики-девочки. Я этим детям завидую. В их отношении к церкви раскованности больше, чем я сумею в себе воспитать когда-либо: в их сознании уже живут правила и обряды, о существовании которых только сейчас начинаю узнавать. Причем через этих же детей. Долго не могла понять, что происходит перед исповедью, когда священник поворачивается к людям и все они вразнобой произносят разные наборы букв, и оборачивалась в панике, пока не услышала, как малыш громче всех крикнул «Сергей», а его отец при этом пробасил: «Игорь». И наконец, дошло, что каждый исповедующийся должен назвать свое имя. В третий раз я присутствовала на исповеди.

Дети наизусть читают молитвы, которые я до сих пор толком не расслышала. Здесь есть девочка лет двух, похожая на Машу из детской сказки. Она бегает по храму в голубом платочке, который удивительно идет маленькому личику, приседает на корточки и плохо выговаривает слова — эта «манная каша» понятна лишь родителям. Иногда отец взваливает ее на плечо и та засыпает. Отец слишком громоздок для ее тщедушного тельца, и вместе они напоминают памятник в Трептов-парке. Однажды сидя так на плече, кроха встрепенулась и отчетливо пропела вместе со всеми:

— Недостойных помилуй нас!

Всякий раз я люблюсь на нее до слез. А она подбегает к взрослым и смотрит на них хитрыми глазами.

Была ли она сегодня — не знаю. Почти все утро я помогала на кухне печь блины и на утреннюю службу заглянула лишь на полчаса. Впрочем, вспомнила про девочку только вечером, когда происходило самое важное.

— Что говорить-то надо матушке? — спросила Лена-трапезница у Новеллы, сидящей перед нами.

Новелла полистала книгу, которую держала в руках, и произнесла с выражением:

— Ты ей говоришь: «Матушка и все святые отцы! Простите мне, недостойному, все прегрешения, вольные и невольные, даруйте отпущение грехов и души очищение...»

Дальше прозвучала такая длинная и сложная фраза, что я испугалась:

— Дословно? Мне надо на бумажку записать!

— Ну да, — серьезно кивнула Новелла, — а матушка тебе на это ответит... — и процитировала фразу еще более длинную. Если бы не финальный пассаж про славянский шкаф, я бы поверила. В религиозном юморе я тоже пока не сильна.

Но говорить надо было простое и привычное «прости» — «Бог простит» — и троекратно обниматься. Что-то тут было от игры «ручеек», когда матушка шла к архимандриту, кланялась оземь, целовала крест, а потом вставала рядом с ним, и следующий человек шел к архимандриту, потом к матушке и тоже вставал рядом, так один ряд постепенно — по чину — проходил мимо появляющегося другого, и это было прекрасно и весело. Кто-то перед каждым вставал на колени, кто-то просто отвешивал поясной поклон.

Когда я встала возле дверей, ища в толпе знакомые, но непрощенные лица, передо мной на колени бухнулись те двое, отец и сын, благодаря которым я поняла, что происходит на исповеди. И я тоже встала перед ними на колени, и тоже им поклонилась и попросила прощения, ибо что остается делать, когда двое незнакомых мужчин падают перед тобой на колени?

И тогда я вспомнила про ту девочку в платочке и поняла, что перед ней я первой бы встала на колени, ибо что же делать, если ты перед кем-то настолько сильно не виноват, что любишься на него до слез?

Вечером мыла посуду после ужина и думала о Великом посте, как о счастье трапезницы: ни жирных тарелок, ни селедочниц, и посуды меньше, и мыть ее реже. Трапезницей я трудилась весь предыдущий месяц, и освобождать меня от этого послушания никто не собирался. Говорят, все сестры в нашем монастыре поначалу бегали по кухне с тарелками. Послушание утомительное, но тем вернее спасешься. Да, некоторые спасают душу мытьем посуды.

В родной келье на последнем третьем этаже все осталось нетронутым: без меня никто сюда не входил и паломниц не селил. Меня ждали, и это было приятно.

Уже помолившись и сидя на кровати, долго смотрела в экран телефона, не желая выпустить его из руки и не решаясь написать.

Экран погас и тут же вспыхнул:

«Ты уже в обители?» — спросил он.

Я тихо засмеялась и, не отвечая, легла спать.

День первый

— Во сколько завтра служба начинается? — спросила меня насельница Наташа поздним воскресным вечером.

Я пожала плечами, и тогда она обратилась к соседке слева — мать Феоклите, нашему келарю — похожей на специальную круглую деревенскую бабушку в очках, переднике и с ласковыми шаркающими интонациями рекламы «Домика в деревне». Походка у нее тоже ласковая и шаркающая. Однажды осознав, что отказать я ни в чем не могу (не затем же я приехала, чтобы лентяйничать), мать Феоклита волевым решением взяла меня в помощники и использует при всяком удобном случае. Разгадав ее хитрость, я научилась удирать до того, как мы встретимся глазами и она вспомнит о каком-нибудь деле. Если не считать этого, у нас с ней душевные отношения, и она всегда пытается меня подкормить или напоить чаем.

Так вот, Наташа обратилась к мать Феоклите... Я не знаю, склоняется ли слово «мать» в данном сочетании в литературной речи, но в разговорной мы его не склоняем.

— В семь, — ответила Феоклита, — а заканчивается в час. Или раньше — смотря как читать будут.

— В час ночи? — уточнила я, всерьез готовясь к духовному подвигу.

— Дня! — фыркнула Наташа.

Перед службой я стандартно успеваю почистить зубы, погладить котенка Сервелата, что коротает век в туалете на нашем этаже — тут кошачья зона карантина — и пробежать стометровку до входа в храм. Иногда успеваю прийти до начала службы и приложиться ко всем иконам. Мне сразу понравилось это зимнее вставание затемно, как в детстве: нырнуть из теплого корпуса в мороз и чувствовать, как захватывает дух от ощущения света в темноте, храма в глуши, радостного просонья на душе. А сейчас светло, и прилетели грачи, и начали оглушительно картавую возню на деревьях.

— Они до июня тут будут, до Чудотворной, — объяснила Феоклита, в первое же утро сцапавшая меня печь блины. — Скоро привыкнешь, замечать их не будешь.

В храме грачей почти не слышно, особенно в монашеской части — где алтарь и самая главная Чудотворная икона Божьей Матери. А во второй части храма — это называется придел, — надтреснутое птичье грохотанье прорывается сквозь стены ли, сквозь окна...

Пока не было земных поклонов, я могла сидеть вместе с монахинями в маленьком уголке напротив Чудотворной, под иконой Кирилла и Мефодия. А где бы еще отыскался уголок оскорбленному сердцу литератора? Но прямо перед иконой стоит большой подсвечник, и земные поклоны грозили обернуться трагедией. Пришлось уйти в заднюю часть храма, где есть лавки для прихожан — пять часов службы на ногах я бы не осилила. Я и земные-то поклоны — десять подходов по три раза, или как это говорится среди атлетов? — с трудом выдержала. Сначала припадала на одно колено, опускала второе, кланялась и вставала в обратном порядке, но это было долго и вызывало старушечье кряканье. Потом заметила, что насельница Наташа впереди меня быстро складывается горбиком, ныряя к полу, и так же ловко встает, опираясь на руки. Опытным путем отбитых коленей стало ясно, что падать все же лучше на ладони, максимально близко поставленные к коленям, но и тут не без проблем: при вставании под пятки неминуемо попадает подол юбки, и что делать с этим — неясно. Рано или поздно навернусь с шумом или юбку порву.

— Смотри, лампадки постные! — шепнула мне Наташа.

Я пригляделась: вместо привычных расписных нарядных лампад стояли простые цветные. Архимандрит был тоже постовый: в темно-фиолетовом одеянии с золотистыми крестами.

Служба была долгой. Очень долгой. Время от времени меня опрокидывало в сон, и если бы не силовые нагрузки в виде поклонов, я уснула бы сидя или стоя.

Но к счастью моему, сегодня не было привычных послушаний, и уснула я благопристойно после обеда, игнорируя чудную погоду и договоренность с Леной-трапезницей прогуляться до реки, где вовсю идет ледоход. Может быть, завтра сходим.

На утренней службе практически не было прихожан, а на вечерней еле-еле всем хватало места для поклонов. Архимандрит был уже весь в черном, электрический свет не горел, и темнота в храме сгущалась вместе с темнотой за окнами. Волшебное пение доносилось с клироса, и волновались огоньки лампад и свеч в темноте, хотелось мира всем и добра. И чтобы юбка была шерстяной, а то от шелковой коленкам на плиточном полу ледяно и твердо. И молиться: о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою. И никогда не умирать.

А на ужин, как и на обед, были куски вареной свеклы, печеная картошка и соленые огурцы.

— Трудные будут дни, — вздохнул кто-то, глядя на это богатство.

А мне нравится: если мелко порубить, то почти винегрет.

День второй

Странно я проснулась — с ощущением того, как устала спать сон. То ли разбитость это была, то ли недосоединенность. Переходное состояние, обдумывание которого заняло минут десять, и к началу службы я опоздала. Обидно это тем, что когда опаздываю, то к иконам возле алтаря не прикладываюсь. Стесняюсь при всех, тем паче, что толком не знаю, когда можно шевелиться, а когда надо застыть с руками по швам. Так и стою до конца службы непреложная и тем огорчаюсь.

Мне, конечно, рассказали, когда следует застывать на месте, но из всего перечисленного я опознала только «Отче наш», и во время его чтения старательно застываю. Разве что после бочком подкрадусь к Казанской и Николаю Чудотворцу, что висят возле выхода, ну и тем хорошо.

Сегодня я была трапезницей, и пришлось уходить задолго до конца службы, чтобы кипятить чайники, резать хлеб и производить иные нехитрые постные манипуляции. В обычное время обязанностей куда больше: надо расставить приборы на сорок человек, принести фрукты на обед из холодильной камеры, разложить сладости, заварить чай, выставить еду, которую раскладывает по тарелкам кухарка, после трапезы собрать посуду, вымыть ее и расставить по местам, протереть столы — словом, беготни хватает. В конце вечера: нарезать салфетки, досыпать кофе-соль-перец-сухарики на каждом столе, помыть пол, поправить лампаду. Последняя трапеза неуставная, и посуду за всеми моет кто-то, не имеющий регулярного послушания. Посуда моется старым деревенским способом, которому я обучена с детства, а потому отношусь к процессу с симпатией: одна емкость с водой для мытья на первый раз, другая для ополаскивания. Сначала кружки, потом тарелки, затем самое жирное. Этот конвейер заставляет мое сердце трепетать — я делаю мир чище. Мытье полов почему-то такого не вызывает, но именно оно остается при любом раскладе: в обычный день и в постный. А посуду в эти четыре дня каждый моет за собой сам, чем, безусловно, облегчает жизнь трапезнице.

Из храма меня кивком головы вытащила Новелла. К тому времени я чуть было не уснула; поняла, что юбку перед земными поклонами надо зажимать между коленями, — тогда при вставании не наступишь пяткой на подол, — а после пришла в странное состояние, когда, несмотря на усталость от многочасовой службы, не хочется уходить из храма.

На улице было солнечно и тепло. Я глупо улыбалась и на распоряжения Новеллы реагировала раза с третьего. Меня оглушило внезапной и неясно откуда пришедшей радостью.

Особенно долго не могла сообразить, на какой тарелке запекать яблоки для архимандритского набора — когда он служит, мы носим ему завтраки и ужины: вареные картошку, свеклу и морковку, а еще яблоко и луковицу. Я медленно тыкалась то в один шкаф, то в другой и сияла улыбкой, пока Новелла сама не вручила мне искомую тарелку.

— Прости, — сказала я, — мне так хорошо и бессмысленно...

— Бывает, — хохотнула Новелла.

И невозможно описать, что это было: я плавала в воздухе, как рыба в воде, и ни на что не реагировала, в особенности на людей. Пробегись по мне мышь, я бы, наверное, умилилась разнообразию бытия.

В три часа пошла к реке. Разбитая дорога кое-где была приморожена, а кое-где разморилась грязью, и тогда я шла по краю поля. В поле крупно росли кочки, покрытые желтой соломой, а проплешины между ними залил лед. Рекой пахло издалека, и оттаявшей корой, и еще чем-то, от чего мерзли щеки, горели уши, и хотелось поэзии.

Я стала думать про того человека, про которого думать не следовало, спорила с ним о Георгии Иванове, а затем обо всем на свете.

«Представь себе, — говорила я ему. — Вот это поле было всегда. Оно лежит тут день за днем и не ведает, что будет однажды перекопано и заселено деревьями или домами. Поле — оно **еще** вечное. А Иванов умирал в своем доме престарелых и знать не знал, что будет так любим интеллигенцией, которую презирал до конца. Иванов не сразу, а много лет спустя после смерти вдруг нашелся и стал велик. Значит, он **уже** вечный. А Бог всегда вечен, потому что могут кончиться и не начаться поле и Иванов, а Бог был и будет».

И все мы можем кончиться или не начаться, а Бог будет. Потому что иначе теряют всякий смысл и мы, и поле, и Иванов. Собеседник усмехался и мне не верил.

В храм я пришла задолго до начала службы, чтобы хоть раз за день приложиться к иконам. Внутри было пусто, и я долго стояла на ступеньке, глядя в карие глаза Чудотворной, а когда прикладывалась к шкатулке с мощами апостолов, вдруг ощутила, что не могу дышать. Я не задыхалась, просто внутри уже было что-то большое и легкое, чему даже воздух не нужен — это «что-то» тоже было воздухом, но иного состава. И во время службы поняла каждой клеткой, что в теле не болит ровным счетом ничего из того, что болело накануне, а поднимаясь вверх после земного поклона, можно случайно оттолкнуться от пола и взлететь под купол. Только неудобно при матушке, поэтому надо прочнее держаться за землю.

И столько в этом удивительной правды, что не было ни страшно, ни странно. Наверное, именно это и есть благодать — застывшее ощущение легкости и покорности судьбе. Как у поля, что будет перекопано, как у неизвестных стихов Иванова, что будут читаться наизусть.

День четвертый

Снег почти сошел, наша глушь покрыта мрачным небом, которого так много, что хочется заплакать от бессилия. Еще наша глушь покрыта желтым песком: мокрым — на уличной земле и храмовых половиках, сухим — на асфальте и плитке. Деться от него некуда: он срывается с ног деревенских прихожан, а потому мы ежедневно чистим ковры и моем полы в храме. Иногда, правда, кто-то из прихожан, устав тереть ладони, берет веник и очищает себе место для земных поклонов, но это частность, а через пять минут песок приползает снова.

Когда мне за обедом дали послушание привести в порядок мой третий этаж, где больше никто не живет, я ушла в туалет и минут десять там ревела. Потом послушание сменили на уборку в храме, я пошла переодеваться и долго рыдала в келье. Нипочему. Будто ощутив все обиды за жизнь разом, начиная с ранних лет и кончая вчерашним днем.

Вероятно, это откат после праздничного вторника, а душа моя ныне — место боя света и тьмы. Как тело — место борьбы здоровья и немощи, силы и слабости. Это я так себя утешаю.

Немного пришла в себя, пока мыла полы в храме: голубая и желтая плитка с бордовыми ромбами, а в центре бело-голубая кафельная дорожка. Я вообще к дореволюционной плитке — с нежностью. Встречаются еще неширокие бордовые дорожки, такая, например, опоясывает место могилы генеральши Поздняковой: на ее деньги в конце XVIII века был построен храм. Могилы этой не видно, на ней стоит важная церковная штука, названия которой я не знаю, и даже чугунная памятная табличка на стене загорожена иконой Иоанна Предтечи. Это не от злого умысла, а по причине экономии места: храм невелик, а ценностей в нем хватает.

— Таня, ты мой полы там, — мать Анфиса машет рукой в сторону алтаря, — а ты, Даша, здесь.

— На солее тоже мыть? — спрашивает вновь прибывшая Таня.

«Ух ты! Солея...» — думаю я и иду за водой и тряпкой.

Через полчаса не выдерживаю:

— Мать Анфиса, а что такое солея?

— Ну вот эта — поперек амвона, — с удивлением объясняет мать Анфиса.

— Ааа... — говорю я. — А амвон — это?..

— Ну, вот где поп стоит — это амвон. А где клирос поет, где мы с тобой дорожки поправляли — это солея.

— А все вместе — алтарь? — облегченно спрашиваю я.

Мать Анфиса — сухая маленькая старуха — смотрит на меня с жалостью. Она вспыльчивая, как многие аллергики, но добрая, потому я рискую спрашивать.

— Алтарь — это та часть, которую не видно, куда Царские врата открываются. За солеей и амвоном. Куда женщин не пускают!

— Ааа...

Предчувствуя слезы-сопли, на вечернюю службу взяла бумажных салфеток. Не зря: пока пел хор, терла нос, еле сдерживалась, чтобы не зарыдать в голос. Особенно на режущей темноту фразе «конец приближается». Так стало жалко всех на нашем несчастном свете, которому приближается конец.

Матушка вышла с клироса, подошла к насельницам, и они тут же потянулись к ней за благословением — одна вслед за другой.

— Ну, понеслась! — проворчала она, крестя их золотым распятием, так добродушно, что я тоже потянулась, а потом разулыбалась. Впервые за день разулыбалась. Впрочем, после снова разревелась. Но уже не так отчаянно. Потому что есть в благословении от церковного лица нечто столь истинное и нужное, от чего вздрагивает нутро, как будто его быстро и ярко осветили. Гроза в начале марта. Вольфрамовая искра над моим золотым песком.

И можно еще побарахтаться.

День пятый

— Это у меня в глазах потемнело или на улице? — Новелла сильно жмурила глаза.

Я посмотрела в окно — над полем и дальней ниткой леса и по бокам, где дома и близкие деревья, сгущалась чернота. От пристальных взглядов она дрогнула и посыпалась на землю белым снегом — мелким и напористым. Одновременно весь дом загудел от сквозняка. Через минуту не стало видно ничего.

— Все было мрак и вихорь, — сообщила я, глядя в окно. — Ну, барин, беда — буран!

— Опять «Гардемарины»? — с подозрением спросила Новелла.

Я недавно цитировала ей этот фильм.

— «Капитанская дочка», глава «Заячий тулупчик». Когда Петруша Гринёв повстречал на жизненном пути... — я наткнулась на ироничный взгляд Новеллы и несмело закончила: — ...кучу неинтересных событий.

Та покачала головой:

— Замуж тебя надо. Срочно!

Снег шел весь день — то утихая, то замедая снова. Он сыпал солью, и валил крупными хлопьями, и крутился маленькими вихрями. Иногда в плешь между тучами выглядывало солнце. За недолгую побывку оно успевало нагреть крышу так, что по ней с жестяным грохотом скользили сугробы и, коснувшись земли, разбивались в лепешку.

Промокшие мужики, устав махать лопатами, отогревались в кухне чаем, и Новелла грозила расправой за натопанную грязь. В шутку грозила, а не как накануне, когда у всех были нелады с психикой и все со всеми ругались.

— Тебя кто до слез вчера довел? — спросила она меня.

И было почти не удивительно, что весь замкнутый монастырский мирок в курсе моих переживаний.

Я пожала плечами:

— Жизнь.

И Новелла ответила:

— Во. Точно замуж!

Обед был постный, но полноценный: с супом и сладким.

— Наконец-то закончились пищевые страдания, — улыбнулась мне мать Стефанида.

— У нее я кухарка, — сообщила ей Новелла. — Ее страдания только начинаются.

Я вспомнила про горы посуды, которые мне опять придется мыть раз в три дня, и немножко погрустила о сухоядении. Хорошее все-таки это было время. Lentяйное.

Снег перестал лишь за полчаса до вечерней службы, после которой была исповедь. Как всегда неожиданно для меня. Впрочем, мало кто был готов, судя по листкам, ручкам и задумчивым выражениям лиц во время службы. Новелла сунула мне брошюру-шпаргалку с подробным толкованием содержимого семи смертных грехов, и я с удивлением обнаружила там «страх старости» — то ли в «гневе», то ли в «гордыне». Воспитанной на массовой культуре вечной молодости, мне как-то и в голову не приходило, что это может быть грехом. Но с другой стороны, я и не старости боюсь, а того, что до ее наступления категорически ничего не успеваю сделать: ни дома, ни сына, ни дерева. А жизни с каждым днем меньше — и оттого страшнее.

Как действующие кухарка и трапезница, мы с Новеллой должны были идти в числе первых — сразу за коровницами (животным и желудкам, как известно, чины безразличны), но перед службой забыли испросить благословения у матушки, а после — она не поняла, чего мы от нее хотим, и поначалу велела ждать очереди, а потом едва ни силком погнала к архимандриту, и эти кутерьма и суэта слопали весь нежный исповедальный настрой. Оттарабанив грехи, я убежала кипятить чайники и резать хлеб.

Хлеб сейчас свежайший, ежедневный, его не получается нарезать тонко — он прогибается под ножом и разламывается некрасивыми с зазубринами ломтями. Такой хлеб можно даже не есть, а нюхать до сытости. По края заполнив хлебницу ржаным и батоном, я наклоняюсь над ней и втягиваю запах.

— Хлеб был в детстве вот такой, — нескладно говорит за ужином своему соседу разнорабочий Шурик. Он длинный, сильно пьющий и похож на орангутанга. — Корочку отрежешь, чесноком потрешь, соли еще. Лучше пряника!

И с грустной мечтой в голосе добавляет:

— Да непременно книжку читать! Про приключения. Никуда без книжки!

Я удивленно оборачиваюсь к соседнему столу и вижу, как в лице орангутанга проступает белобровый мальчик.

А к ночи ветер затаился, и на небе не осталось ни облака, только звезды, только синий воздух, синий, вечный, ледяной, сине-грозный, сине-звездный над тобой да надо мной.

— Им спокойно вместе, им блаженно рядом. Тише-тише, не дыши. Это только звезды над пустынным садом, только синий свет твоей души, — продекламировала я, протирая столы после ужина.

— Опять Пушкин? — спросила Новелла.

— Почти, — ответила я.

День седьмой

В храм я сегодня не попала: завтра снова трапезничать — в моих же интересах прийти в себя, и на улицу я решила не высовываться. Сижу укутанная, пью горячее.

Но после обеда в порядке самодисциплины отправилась гладить белье. Заодно и ингаляция, когда отпариваешь.

— Если совсем плохо, лучше отлежись, но если не трудно... — сказала благочинная мать Елена, глядя на меня глубокими дореволюционными глазами и будто склоняясь ко мне, хотя мы одного роста. Вчера у нее был день рождения, и после обеда матушка говорила речь о том, как нам повезло с благочинной, как держится на ней монастырь, как Бог едва не забрал ее, «но отмолили». После этой фразы мое простуженное хлюпанье носом перестало быть таким вызывающим, ибо расхлюпались все.

— Я желаю тебе, — сказала матушка, еле держась от слез, — чтобы в твоей жизни был только Бог. Даже не так. Чтобы, кроме Бога, ничего в твоей жизни не было.

И мне вспомнился племянник мать Елены — мальчик лет семи, который с родителями приезжал к ней в гости. Родителей я не видела, а племянник деловито прошелся по кухне, рассказал о любви к манной каше, взял предложенный фрукт и сообщил, что съест его после обеда. Мальчик был худой, носил солидные профессорские очки, мать Елена глядела на него с родительской любовью. Потеснит ли Бог этого серьезного мальчика с манной кашей и в очках? О том ли говорила матушка?

А с благочинной нам и впрямь повезло: с ее деликатностью и заботой. Порой кажется, что я не раз видела ее портрет то ли в Эрмитаже, то ли в Третьяковке: такие тонкие черты и круглые всепонимающие глаза — результат жизни не одного поколения. Мне видятся светлые завитки над высоким лбом и ямочки на щеках, которых нет, но должны быть у мать Елены. За обедом, если отсутствует матушка, именно благочинная звонит в колокольчик, означающий начало и конец трапезы и перемену блюд. Перемену в том смысле, что после общей молитвы и первого колокольчика можно наливать суп, после второго класть в тарелку рыбу, гарнир и салат, после третьего заваривать чай или кофе.

Во второй день пребывания в монастыре, начисто забыв и про звонки, и про молитву, я пришла в трапезную, налила суп и спокойно стала есть.

— Даша, ты куда-то торопишься? — понимающе спросила мать Елена, увидев это безобразие.

— Вроде нет, — ответила я, зачерпывая суп.

— Ты бы подождала — молитвы еще не было, матушка не пришла...

Ложка застыла на полпути. Стало нестерпимо стыдно. Вообще в монастыре стыд за промахи острее, может быть, потому, что никто тебе их в вину не поставит. Даже голодного архимандрита без нужды не вспомнят.

Во время трапезы кто-нибудь монотонным голосом читает душеспасительные книги: воспоминания о старцах, монашеские нравоучения, в день памяти святого — его жизнеописание. Еще один звонок, и все встают. Хор монахинь поет молитву в начале и конце трапезы, мать Елена тоже в певчих.

Когда они поют, вокруг наступает такая красота, среди которой можно взлететь. Потому я, как и бело-рыжий кот Моня, который все на свете понимает, всегда хожу

на ежевечерний Крестный ход. Впереди с иконой и крестом идут мать Елена и мать Кассиана (а может, это другая монахиня — я их путаю, хотя говорят, что они вовсе не похожи), потом мать Николая и мать Юлия. Это основной состав.

Я иду за ними и тихонько подвываю мелодии — полностью слова никак не запомню, а просить распечатку молитв неловко. Но кое-что все же откладывается в голове, и когда я обнаруживаю себя поющей «зрише мою беду, зрише мою скорбь» — то прихожу в восторг от самого содержимого слов. Будто архаичный слой стал прозрачен, как желе в холодце, а под ним завиднелось мясо. Которого, кстати, в монастыре не едят вовсе.

Итак, сегодня я гладила. Почему-то много накопилось постельного белья, его было не принято гладить в нашей семье, так по привычке я и дожила до своих тридцати лет с неглаженными пододеяльниками. Но есть в простой женской работе на общую пользу что-то обаятельное и важное. И когда глубокие морщины на ткани мелели под тяжестью утюга и вдруг вовсе исчезали в потоке пара, душа моя замирала от радости. Нечто подобное я испытала, впервые приготовив съедобный плов.

Потом гладила рясы и подрясники — плотные, длиннополые, с пуговками на рукавах — на одном из них увидела метку «Люда» сзади под воротом, где обычно петелька пришита. Не знаю, кто такая Люда, не в ней дело. На днях по возвращении с Крестного хода мать Юлия говорила кому-то хохоча:

— Когда уже она умерла? А до сих пор нет-нет, а на ее подрясник наткнешься.

Она смеялась, потому что смерти нет. Потому что на самом деле это жизнь. Вечная. Без дураков.

Мать Юлия говорит, слегка пришепечывая, как человек, что может позволить себе не загораживать красивых белоснежных зубов губами, ведь губами можно постоянно смеяться.

Именно она сочинила эпохальное:

«Любовь не тонет, любовь не горит! —

Сказал мне как-то архимандрит».

В монастыре все — дети. Сколько бы ни исполнилось лет, всегда кто-то старший и мудрый возьмет ответственность за твою жизнь перед тем, кто старше и мудрее его самого. Отмолит и благословит. Измерит температуру, накормит и защитит. Попросит помыть посуду или почистить овощи. Вещи погладить.

А от тебя всего и надо: жить припеваючи и слушаться старших. Как в детстве.

День двенадцатый

Тяжело просыпаться на утреннюю шестичасовую службу — глаза не открываются, хоть тресни. Так сумеречно в комнате — не день, не ночь. Так назойлив писк будильника, а скоро мать Николая начнет бить в колокол. И так свободно и придавлено, так тепло, но не жарко телу под одеялом, и удобно лежит поверх него согнутая рука, а другая — за головой, и вся ты не спишь — утопаешь в покое, замирая на секунду, потом на пять минут, потом на полчаса, а потом и вплоть до завтрака, как бы ни разрывал сонную тишину звон колокола. Потом вроде и стыдно, а так славно выпалась...

Засыпаю я довольно поздно: пишу отчет за день, занимаюсь стихами, еще почитать охота. Плюс умывание, стирка по мелочи, глажка дежурного котейки и молитва на сон грядущим. Не менее трех часов. А если в этот день тружусь трапезницей, то попадаю в кровать не раньше часа ночи.

Кстати про глажку. Сегодня я опять ею занималась — гладила подрясники и апостольники — такие специальные монашеские штуки на голову с прорезью для лица

и завязками на затылке. Если апостольником из легкой материи помахать в воздухе, то он похож на Карлсона, который пугает жуликов на чердаке.

Пока я гладила, болезненного вида мать Мария разбирала пожертвованные вещи — рухольная (местный секонд-хенд для трудниц и насельниц) находится на моем третьем чердачном этаже рядом с душем-туалетом. Тут же гладильная доска с утюгом и алюминиевые сушилки для мокрого белья. В вещах обнаружили бесценные запасы бабушкиных сундуков: льняные вышитые полотенца, наволочка, вручную расшитая белыми розами, — тонкая предсвадебная работа, какие-то вязаные скатерки и кружевные поделки. Я бросила утюг и присоединилась к Марии. Мы ахали-охали и думали, как полезнее использовать это богатство в храме и в монастырском хозяйстве.

— Не жалко же людям!

— Бабка, наверное, умерла, вот ее приданое нам и отдали. Мне однажды настоящее льняное свадебное полотенце попало — с вышитыми именами жениха и невесты. Красивое!

— А что там? — я кивнула на вторую сумку.

— Там мужские вещи.

Я задумалась.

— А зачем в женском монастыре мужские вещи?

— Мы их раньше в райцентр отвозили в пункт сбора, там их раздавали бедным. Сейчас не возим, вроде бы закрылся пункт. Эти вещи можно и местным раздавать, мужикам нашим рабочим. Пригодятся. Слушай, ты подрясники гладишь? Вроде бы мои там должны быть.

— Да, — ответила я. — На днях гладила, один был помечен «Мар». А еще один — «Люда». А кто такая Люда?

Мария улыбается и отвечает:

— Люда — это я была. Это мой послушнический подрясник. Еще до пострига.

Мне странно думать, как можно отказаться от своего имени, лично я своим дорожу.

— Нет, ты не понимаешь, — говорит Мария. — Тебе-то имя родители дают, а монаху — Бог. Не одно и то же.

— А хоронят монахинь возле храма всех-всех?

Справа от входа в храм на небольшой поляне стоят одинаковые мраморные кресты. Они серые и округлые, с выбитыми именами. Их не более десяти, к ним не натоптаны дорожки, только коты носятся друг за другом по снежному насту. Сверху растёт два-три хлипких дерева и одна мощная... туя? да, наверное, туя... От этого пространства веет радостной вечностью.

— Кто жил в обители и принял постриг. Да.

«Ну, ради такого покоя и постриг можно принять, — подумала я про себя. — Интересно, колокол оттуда слышно?»

Родительская суббота (день тринадцатый)

В прихожей храма стоят вешалки, там оставляют верхнюю одежду, чтобы не мешала во время службы. Многие, впрочем, так и стоят в шубах-пуховиках — у нас прохладно. Чтобы не мерзнуть, монахини накидывают на черное облачение серые шали, с которых опадает шерсть на ковры, вольные слушатели утепляются кофтами-жилетками. С тех пор как уехала трапезница Лена, я сижу на нашей лавке в просторном одиночестве, и подсвечник не мешает земным поклонам. Правда, теперь в толпе не затеряешься: всегда видно, есть ты в храме или нет. Зато спиной можно прислониться к теплой батарее и не жалеть о пальто, что оставила на входе.

Прихожане появляются позже и уходят тоже позже, достать из-под их одежды свою — задача трудная. Сегодня меня завесили детскими разноцветными курточками. Снимая, оторвала у одной петлю, огорчилась, думала, как исправить дело, обняла эту маленькую красную курточку и понюхала воротник. Равнодушно пахло стиральным порошком. Я повесила ее за капюшон.

— Ты где ходишь? — воскликнула Новелла при моем появлении.

— На службе была. Вот пришла.

— Ты в семь должна была прийти, а сейчас почти девять. Ты должна была уже все сделать и идти в храм.

— Так завтрак в одиннадцать.

— Ты чо, службы попутала? — спросила Новелла так угрожающе, что я захохотала в голос.

Оказалось, да, попутала. А потом еще не заварила чай, пять раз бегала в холодильную камеру за чем-то забытым, не положила на монашеский стол ложки...

Про ложки мне Новелла сказала, сама бы я не узнала.

— А как же они ели? — удивилась я.

— Взрослые девочки. Сориентировались.

— Не расстраивайся, — сказала Павла. — Сегодня Родительская суббота, еще и не такое бывает. Скажи спасибо, что выжила. А то у нас и ноги ломали, и в ухо получали...

Я и не расстраивалась. После обеда и мытья посуды пошла к реке. Вдоль забора худо-бедно лежал снег, но та половина дороги, куда тень от забора не достала, почернела и расхлябилась. А в поле снег голубел во впадинах и рычал под моими шагами. Сбоку рассеянно стоял лес.

«А вдруг — война!» — подумалось мне.

Издалека налетел гул бомбежки, наши отступили, а я осталась прикрывать. Достала из-за спины винтовку, посетовала на то, что мало патронов, решила, что пусть у меня будет пулемет, он надежнее. Перебежками продвигалась вдоль леса, ползла попластунски, подбегавших фрицев косила из пулемета и забрасывала снежками-гранатами.

Когда кончились патроны, немцы подошли совсем близко и хотели взять меня живьем.

Снежной горстью запорошила лицо подбежавшего врага и прыгнула в кусты. Сердце колотилось, нерусская речь звучала то впереди, то сзади, и страх в груди распрямлялся пружиной, требуя вскочить и мчаться, не чуя дороги. Проваливаясь в наст, отшвыривая ветки кустов от головы, подныривая под ними, я отступила за дерево, потом за другое. Но надо было выходить к нашим, надо было форсировать речку, и пришлось выйти из лесу, и меня убили, и я долго лежала в снегу, глядя в небо застывшим взглядом.

Потом встала и огляделась. Высился на пригорке монастырь, пустое поле лежало тихо и бесполезно.

Возле берегов тающей реки сгрудились льдины с глубокими стариковскими трещинами. Льдины были готовы отломить тяжелые тела от приставучего берега и двинуться в путь. Я нашла прочную палку и стала им помогать. Первая льдина ждала этого момента и оторвалась легко, оттащив и обрушив кусок снега с кромки крутого берега. Похожий кусок одновременно свалился в воду с другого берега, и оттуда с шумом сверху рванулись утки. Льдина меж тем вырулила на серединку реки, почти целиком заполнив растаявшее пространство, немного проплыла и тонкой кромкой вонзилась в еще замерзшую поверхность.

«Не дело!» — решила я и стала отрывать тяжелые куски льда и бросать их, чтобы пробить моей льдине дорогу. Попутно толкала другие льдины, они пихались и ломались меж собой. Это было важно: я помогала весне наступить. Одна льдина не

желала плыть или ломаться, я изрезала ею руку и начала бить ногой. Лыдина разломилась, дерево, за которое я держалась, оказалось гнилым. С не самым православным возгласом я полетела в воду. Затормозила на полпути спиной об грязный берег, зато ног почти не промочила.

«Я ежик, я упал в реку!» — громко подумала я среди тишины. Вода зазвенела в ответ, и по-птичьи запело дерево.

Да, тишина здесь такая, что слышны самые далекие звуки — они разлетаются по огромному небу, как звезды и птицы, они бьются о купол храма, оседают на крышах домов и ветках деревьев. А сами дома плывут над оврагом, как будто взаправду — в небе.

И, как в детстве, пахнет долгой счастливой жизнью, в которой не будет ни горя, ни обид, ни взрослой тоски по тому времени, когда можно было палкой пробивать дорогу весне.

На обратном пути я была разведчицей и шла в деревню по рыхлому снегу вдоль опушки, чтобы в одном из деревенских домов собрать сведения о количестве военных сил противника. В черном пальто на белом снегу мне было страшно: с колокольни просматривается все поле, и в сорок втором немцы подчистую выкосили советский десант, вышедший из леса в маскхалатах.

Уже возле монастыря встретила насельницу Наташу.

— Гуляла? — спросила она.

— В разведку ходила, — застеснялась я.

— Места тут красивые, — понимающе кивнула Наташа.

— Ну да...

Семеро козлят (день семнадцатый)

Снилось, что мы с Лоттой летим над морем в бизнес-классе. Очень низко, страшно, но красиво.

— Оказалось, в бизнес-классе так удобно лететь — даже разбиться не жалко! — делилась я впечатлениями наутро.

— Самолеты все падают, — махнула рукой Павла. — Я в девяностые возвращалась из командировки — еще не воцерковленная была — у нас шасси не выпускалось: часа три кружили над взлеткой. Низко-низко. Все стюардессы попрятались, в салоне паника. Кое-как плюхнулись на землю. Сейчас смешно.

— А по мирской жизни ты не скучаешь? — задаю я наболевший вопрос.

— А чего скучать? Ни мужа, ни детей. И потом, жизнь-то кончается. Завтра лопнет сосуд в мозгу — и какая ты из мира к Богу придешь? Там-то как в монастыре все равно не подготовишься.

И я снова ясно вижу беспомощность моей веры: подстраховка в виде внуков необходима, целиком положиться на жизнь вечную у меня не получается.

Потом мы говорим о нынешнем празднике Алексея — человека божьего, и Павла рассказывает, что после многолетних скитаний он неузнанным жил в своем доме, где его всячески били и принижали.

— Он так спасался. В нас гордыни много, нам не понять, а раньше святые даже платили за то, чтобы их унижали.

— То ли дело сейчас, — понимающе киваю я, — зашел в фейсбук, написал «Крым» — спасайся не хочу! Экономия!

После обеда идем смотреть новорожденных козлят. Новелла и Наталия — двое из ларца — берут меня с собой. По пути к нам прибиваются Николая и Юлия. В коровнике-курятнике я ни разу не была, но много раз ходила мимо. Здание стоит в середине огороженной территории, чуть под горку от жилых корпусов. От весны горка расквасилась, за калиткой мы по очереди попадаем в грязевую трясиину, и главный животновод мать Надежда ругается: она только что постелила новорожденным свежее сено. Юлия визжит и с хохотом удирает от дружелюбной козы-роженицы, а Новелла могучей рукой хватает козу за шею и насильно кормит батоном. Коза лопухая, черного цвета, зовут ее Майкой. Вокруг вертится брехливая собака Герда, которая откликается на все клички мира, лишь бы заслужить ласку. Новелла зовет ее Шашлыком.

Внутри несколько мелких козых загонov по одну сторону от прохода, куриная клеть — по другую. Дальше крупные разгородки — это для коров. Мы заходим в ясельную клетку, Новелла сгребает козлят и прижимает к груди, остальные фотографируют. Козлики с двух сторон утыкаются ей в щеки, будто целуют. Я смеюсь и вдруг слышу стук возле щеки. Поворачиваю голову и носом утыкаюсь в козью морду. Коза опирается копытами на доску разгородки и с любопытством смотрит мне в глаза. Она безопасна, но я на всякий случай отодвигаюсь подальше.

Козлята отчаянно мекают, но почти не вырываются — за три дня жизни они толково не овладели телом.

— Смотри, чтобы пупки не разошлись! — предупреждает мать Надежда.

От белых животиков тянутся черные пожухлые шнурки — пуповина.

По очереди фотографируемся с детками. У Николаи выходит идеальная фотография: белый козлик с выпученными голубыми глазами и распахнутым в ужас кровавым ртом сидит на моей руке. Лицо же мое в кадр не попало.

По возвращении обмениваемся фотографиями в трапезной — как раз время чая.

— Мои руки пахнут козами! — сообщает Юлия.

— Ваши пальцы пахнут ладаном! — в тон ей отвечает Новелла. — Сейчас мамульке пошлю фото козла! ...Ой!

Она смущенно фыркает и подсовывает телефон Наталии. Та закрывает лицо рукой.

— А что случилось? — спрашиваю.

Новелла глядит с прищуром и отвечает:

— Да так... Друг у меня в космосе, ему отправила.

Наталия поддерживает:

— Хорошо, что в космосе, до тебя не доберется!

Сестры фыркают и косятся на меня.

— А ты в ЦУП отправь!

— Ага, и коменданту космодрома!

Я недоумеваю:

— Разве в космосе есть связь? Как эсэмэс дойдет?

Новелла отчеканивает:

— Пешком.

Здесь у всех свои секреты, обижаться не на что.

«Монашка и космонавт. В поисках Бога» — думаю я рекламным голосом. Смотрите на ОПТ!

Популярность бы зашкалила.

А под вечер другая козочка родила четырех деток. Одному дали имя Гендер. Предвижу его несчастную философскую судьбу.

День ангела (день девятнадцатый)

— А у меня сегодня именины! — гордо сообщала я всем встречным, начиная с шести утра.

Встречные удивлялись и требовали подробностей. Я рассказывала, что святая мученица Дарья была жрицей в древнеримском языческом храме любви, а потом ее скормили львам за христианство. Или закопали. В общем, кончилось грустно.

Недоверчивые взоры впивались в меня, и приходилось пояснять, что в промежутке между указанными событиями Дарья вышла замуж, крестилась вместе с мужем и вместе с ним же осталась верна христианству даже под пытками, а больше я о ней ничего не знаю. Разве что однажды нашла ее мощи в Троице-Сергиевой лавре в полуподвальной комнате, на пороге которой являлась Богородица. И что память ее отмечается первого апреля. Сегодня.

Историю эту я поведала раз пять, успевая исполнять служебные трапезнические обязанности.

Одной из моих любимейших, кстати, является обязанность созывать на трапезу. Голодный народ идет на звук. К подножию колокольни опущена веревка с ручкой, если дернуть за нее, то, пышно хлопая крыльями и картавя, вверх взметнутся черные птицы-грачи, а на землю будет медленно опадать яркий низкий гул. Звонить надо трижды. Но сначала необходимо взять благословение у матушки. В коридоре встречаю мать Стефаниду — она всегда при матушке и живет в том же корпусе.

— А у меня сегодня именины!

— А мы знаем!

Они вправду знают: после завтрака и традиционной молитвы хор поет «Многая лета» в честь Дарьи и матушка подзывает меня к себе. Я стою, глупо улыбаясь, а внутри растекается радость.

— Люди по-разному приходят к вере, а православие — это такая высота и глубина! Жизни не хватит понять. Что там твоя литература! — говорит матушка. — И вот я желаю тебе всю жизнь карабкаться к Богу.

Она троекратно обнимает меня, а следом за ней и остальные обнимают и поздравляют. Желают здоровья и остаться в монастыре насовсем. Я пожимаю плечами. Мне сейчас очень хорошо.

— От добра добра не ищут, — говорит мать Анфиса.

— Поживем — увидим, — отвечаю я.

Вообще это утомительно — столько поздравлений разом. Хочется убежать и спрятаться.

Стефанида кивает на серый бумажный пакет, что стоит возле матушкиного стола. Это подарок. Мне. На именины. И это потрясающе.

Внутрь заглядываю, когда все расходятся. Там то, без чего неуютно сейчас жить на свете: курточка с глубокими карманами, дополнительные теплые колготки (мои единственные устали от ежедневной стирки), красивая ночнушка и шоколадка. А еще вязаный ослик, которого я немедленно нарекаю Хрисанфом — так звали мужа моей святой.

Таких осликов вяжет мать Агата, раньше они мне не встречались, а сейчас я в обнимку с ним прыгаю по кухне. Мать Агата чистит овощи и смеется, глядя на меня.

В это время Феоклита приносит новости:

— Вы в курсе, что владыка будет нынче проездом? Часа в четыре. Он мимо нас куда-то едет и заглянет. Готовьтесь к торжественной встрече!

Новелла смотрит на меня нецензурным взором, я пожимаю в ответ плечами. На кухне начинается паника.

После обеда приходит мать Надежда. Новорожденные козлята готовятся к голодной смерти, поскольку мать-коза не дает им молока. Это грустно, мать Надежда психует. И ближе к вечеру внезапно срывается на мне. Я собираюсь в храм, но вдруг рывком в ответ. Потом ухожу в туалет и начинаю рыдать. Не из-за несправедливой обиды. Из-за собственной несдержанности. Из-за усталости. Из-за мгновенной внутренней пустоты. Из-за того, что в миру я никому не нужна. Из-за того, что тот, кому я не нужна, не пишет мне четвертый день. Из-за того, что...

Это по сути истерика, и я никак не могу успокоиться. Силой веду себя в храм, но и там хлюпаю носом и шумно вздыхаю. Конечно же, нет носового платка, приходится незаметно вытирать нос подолом юбки. От такого унижения юбка покрывается белыми разводами, самолюбие усиливает рев, приходится вовсе уйти из храма на кухню.

Там я наливаю себе кофе и вспоминаю старый разговор со сбежавшей насельницей Наташей.

— Как ты справляешься с гневом? — спросила она.

Я подумала и ответила:

— Формулирую его. Облекаю в метафору.

Наташе мой вариант пришелся по душе. Сегодня мне это не удалось, как ни прискорбно.

А про митрополита Феоклита пошутила. Первое апреля все-таки. И монашки шутить умеют.

День двадцатый

Накануне объявили штормовое предупреждение, и поздним вечером мать Елена бегала по помещениям, проверяя, закрыты ли окна. Забежала она и в кухню, где я под именинный шумок и рев выпрашивала у Феоклиты конфеты-батончики «Рот Фронт».

— Даша, — огорчилась мать Елена, — ну не плачь, я не могу тебя такой видеть. Не обращай внимания, мать Надежда всегда так: рывкнет, а потом сама же и переживает.

Она обняла меня, и я еще пару раз всхлипнула ей в плечо. Новелла, которая весь вечер изнывала от любопытства и с четвертой попытки вывела меня на рассказ о причине слез, видимо, успела оповестить всю общественность. Пришлось объяснять, что расстроилась не из-за мать Надежды, а из-за собственной реакции на ее выпад: всю внутреннюю благодать, как метлой, вымело. С тем же успехом можно было среагировать на закипевший чайник.

— Иди отдыхать, — сказала мать Елена. — Ты же работу закончила? Только окна закрой, а то нас всех выдует: обещают бешеный ветер.

— А как на Крестный ход пойдем?

— Свяжемся одной веревкой, что же делать.

— А коты? — спросила Феоклита.

Келейные коты весь день гуляют на улице, домой их пускают погреться и заночевать.

— Воспарят.

Я представляю, как парят коты и как хозяйки, раскинув крылья черных облачений, летят следом за ними. Красиво.

Утром в храме Павла и Новелла внимательно ко мне приглядываются.

— Все, кончились рыдания?

— А я так думаю: ей надо было водичку спустить. Я перед сном тоже поплакала — и хорошо стало.

Я удивляюсь проницательности Павлы: да, это похоже на воду, оставшуюся после взбивания масла из молока — однажды Новелла демонстрировала мне сей процесс на всех этапах. Еще бы знать, куда исчезает масло.

— Но вы же оценили тот изумрудный цвет глаз? — смеюсь я. Мне всегда жалко реветь в одиночку, потому что распухшие глаза становятся волшебного цвета, но прилюдно плакать я не могу, а значит, любоваться некому.

— Он у тебя и сейчас изумрудный, еще не прошел.

На самом деле, это зеленый платок с пандами. Панды сами по себе делают мир красивее, а зеленый оттеняет глаза. Платок мне выдали взамен моего теплого на днях, когда еще планировалась весна, а не то безобразие, что сейчас происходит на белом монастырском свете.

Сегодня снова были именины — у Фотинии, еще одной нашей кухарки. Фотиния, по сути, — та же Света, но на иноземном.

Для нее хор снова спел «Многую лету», матушка рассказала об аморальной судьбе этой святой, а после мы шли к имениннице с объятиями. И вдруг я услышала тишину. Вчера, когда поздравляли меня, казалось, что вокруг бурлит музыка. Она крутилась вокруг головы и оглушала так, что я ее не слышала, а узнала о ней только сегодня, ощутив ее отсутствие. Кто-то кашлял, кто-то шаркал.

— Ну как ты? — спросила мать Елена.

Я пожала плечами:

— Голова трещит. Наревелась.

— На погоду тоже может быть реакция, — посочувствовала мать Елена. — Смотри, что творится.

Выпавший ночной снег наутро смыло дождем. Сам дождь сносило в сторону ветром, и он шпарил наискосок. Коты не взлетали: до земли ветер не доставал — ходил верхами, а когда под вечер усилился, питомцев по кельям разобрали хозяйки. Лишь неизменный Моня мужественно сопровождал своих подопечных во время Крестного хода по кромешной темноте и заборной грязи. Удивляюсь, как он еще слова песнопений не выучил!

Я вот выучила и пою, создавая баящей мать Юлии полифонию из двух первых голосов: впереди идет мать Кассиана, я автоматически равняюсь на ее высокие ноты. Надо попробовать вырулить на басы — забавно будет.

День двадцать четвертый

Женское царство наводнилось детьми. Художница Полина привезла дочку Дашу. К Феоклите на весенние каникулы приехали внучки Лиза и Соня — они сюда ездят много лет. Я им завидую: жаль, что у меня не было такой монастырской бабушки.

Старшей Лизе пятнадцать, и в монастыре у любящей бабули ей неинтересно. Потому старшую в просфорню забрала бодрая и веселая Наталия. Там девочка — худенькая и в платочке — делится мирской жизнью, катает тесто и вырезает кружочки-шапочки для просфор, она же ставит на них печать

IC|XC
NI|KA

Эти кургузые палки и дефисы между буквами — моя неловкая попытка изобразить красиво вырезанный православный крест. Вчера мимоходом заглянула в просфорню, и меня тоже припахали к делу печатания.

— Тут главное — рассчитать силу. Всем телом не налегай, продавишь до стола. Дави уверенно, старайся попасть ровно в середину.

Непривычно белотканная (с черного муку нескоро стряхнешь), Наталия придала лепешку печатью, и вокруг металла вспухло тесто.

— Покатай немного по окружности, чтобы продавилось, и снимай.

Она подняла печать, а лепешка с рисунком осталась на столе в окружении безликих товаров.

Я с упоением взялась за дело. От неумения круглая ручка печати быстро намяла центр ладони. Минут через пять я скособочила первую заготовку, и ее сырую съела Лиза.

— Давай повернем целлофан, — предложила она мне, когда край с ее стороны переполнился свежими заготовками, а мой наоборот опустел — Наталия в это время наклеивала шапочки на основные тела просфор и забрала мои печати.

При повороте несколько заготовок упали, их пришлось выбросить в пользу птиц. Упавшее тесто на святое дело не годится.

— Ой, — обвиноватилась я и попыталась перевести тему. — А почему просфоры из двух частей?

— Суть Божественная и суть человеческая — две ипостаси Христа.

— А НИКА что значит? Которое на печати?

— Это Ника. Целиком: «Иисус Христос побеждает».

— А почему рисунок в печке не исчезает?

— Так это тесто тверже, чем на пельмени, как бы он исчез? Вот постоят просфорки в расстоечном шкафу, потом уже в печку посадим. Если сразу в печь, то тесто трескается.

— Шляпки, похоже, съеживаются...

Кое-какие из круглых заготовок стали овальными. Наталия взяла одну, растянула руками и прижала к смоченному водой просфорному телу.

— Ааа...

Младшим Соне и Даше поручили лепку пельменей: пока нет молока у наших непраздных коров, зав.молочным хозяйством Феоклита в промышленных масштабах лепит пельмени с рыбным фаршем. Разница у Сони и Даши в два года жизни и десять сантиметров роста, сдружились они мгновенно, а у меня появилась компания для подвижных игр. В принудительном порядке.

Сорок минут девчонки в ладонях катают рыбные кругляши для начинки, потом делается двадцатиминутный перерыв на чай. Если в этот момент я прохожу мимо, то меня ловят и заставляют играть в «колечко-колечко, выйди на крылечко» или еще в какую-нибудь ерунду. Втроем забава с колечком предсказуема настолько, что весь интерес уходит в беготню. Я бы бегала, но боюсь, что влетит от старших по званию.

— Ну, Даааш, — ною я, — ну так же скучно!

— Тихо! — шикает на меня Даша. — Сейчас подключу актерское мастерство — станет интереснее! Ты ни за что не угадаешь, у кого из вас двоих кольцо!

«Даши — это неисправимо...» — думаю я и осторожно пячусь.

В итоге передвигаться по корпусу и улице стала с оглядкой. Иногда удается перенаправить энергию в мирное русло: когда я трапезница, девчонки наперегонки помогают разложить ложки, сладости и фрукты. Два последних пункта изрядно страдают, ложки приходится переключать и поправлять, зато весело и быстро. Вообще удивительно видеть нормальных здоровых детей без гаджетов, но с хохотом, котами через плечо и беготней.

Коты давно привыкли к такому обращению и ластятся, и мурчат, и боятся

оцарапать глупых двуногих. У одного нет лапы, у другого — хвоста или уха. Они, как все мы здесь, — убогие. Некоторые из них попросту люди. Вот сейчас, поздним вечером, в открытые окна влетает горький детский плач забытого на улице кота:

— Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

Честно, он каждый звук выговаривает!

Искушения (день двадцать пятый)

Чем больше праздник, тем больше искушения. А сегодня Благовещение.

— На самом деле, это главный праздник, — сообщила мать Анфиса, пока я чистила в храме подсвечники. — Без Благовещения вообще бы ничего не было!

На подсвечники меня поставили в связи с раздражением на коже рук: мыть через день посуду на сорок человек после завтрака и обеда — у кого хочешь раздражение появится. А на подсвечниках полезное масло и вообще небольшая передышка рукам. Обычно их чистит Ира Светлова. Я ее боюсь. От фамилии в ней ничего нет, зато в больших количествах водится темнота. Она видна даже в походке, что уж там говорить про лицо. Одна нога короче, потому ходит Ира вызывающе врасхлеб. А лицо такое черное, будто она после обеда может взять нож и воткнуть его в соседа. Давным-давно мать Елена пыталась с ней беседовать о правилах поведения в монастыре, на что Ира ответила, уперев руки в боки:

— Я однажды за брата помолилась, и тот умер. Могу и за вас помолиться.

Кажется, после этого никто не предпринимал попыток ее перевоспитать. Выселить некуда — мирскую квартиру у нее отжали.

— То ли подписала что, то ли прописала кого, не в курсе. Она же форменный псих, — рассказывал мне кто-то на кухне. — Я с ней поначалу жила в соседстве, она мне утром и говорит: «Ко мне сегодня ночью приходил этот, — указательный и средний пальцы означают в монастыре вовсе не символ победы. — Такой красивый мужчина!». Так что и бесы к ней приходят, и сама она к ним похаживает.

Ого, думаю я. С Ирой я общалась только на тему занятого места на сестринской скамейке: пока не застолбила местечко возле Кирилла и Мефодия, приходилось стоять в проходе под аркой. Ира редко ходит на службы, и я присаживалась на ее пустующее место. Зачастую она появлялась и заставляла меня там. Если я успевала вскочить и отойти, то она говорила: «Пока можешь сидеть». Но стоило замешкаться, и Ира чуть не пинками прогоняла меня, шипя вслед: «Не надо занимать чужие места!»

На новых жертв — паломниц Веру и тетю-дрозда — она рычит так же. Тетя-дрозд быстро сообразила, что к чему, и ушла стоять во втором приделе, Вера всюду испытывала судьбу, а сегодня еще и возмутилась Ириной бесцеремонностью. После праздничного обеда в трапезной стоял крик, они едва не подрались, и мать Елене пришлось разнимать забияк.

Мать Елену жалче всех: еще раньше она разруливала вопрос с паломницей Светой, что похожа на юную Шапокляк с повадками Ренаты Литвиновой. Света вечером исповедалась с сестрами, но наутро внезапно оказалась с неисповеданным грехом и встала в очередь к прихожанам, откуда ее выдворила мать Анфиса. Последняя не понимает интонаций Ренаты Литвиновой, объяснить ей необходимость своего шага Света не сумела и в итоге осталась без причастия.

— Вспомнила за ночь такой страшный грех, что отказалась причащаться? — удивляюсь я.

— Вспомнила или согрешила... — с ангельским видом отвечает Новелла. — Тебе через стенку слышнее.

Как человек, едва избежавший аналогичной участи, я потупила взор. Вчера

ночью после исповеди стало мерещиться и вспоминаться такое жгучее и грешное, что только усталость и спасла: я прочла вечернее правило и уснула невнятным подростковым сном. Но и утром во время службы воспоминания бурлили и поодиночке рывком всплывали на поверхность, окатывая нутро кипятком и не желали исчезать, а может, я и сама не желала их исчезновения. Было стыдно и обидно, я низко опускала глаза, чтобы никто не сумел разглядеть того, что творится в моей голове, и ждала причастия. После него все прошло, и внутри поселилось спокойствие.

А вечером в келье поймала себя мычащей песню «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла! Гоп-стоп, ты много на себя взяла!». Мой маленький автоматический бунт против системы...

Иногда оглядываюсь на свою жизнь с восторгом — я понимаю, что в старости у меня будет что рассказать. Только некому.

День двадцать шестой

За отличную работу трапезницей Дашеньку премировали послушанием на огороде. Почти путевкой на солнечный юг.

Это, скажу я вам, блаженство: после надоевшей кухни провести утро на свежем воздухе, собирая палки-втыкалки вместе с мусором и бороздя землю под грядки. Таскать воду в лейке и сыпать в сырую землю семена шпината и редиса «Сахарок».

— Сахарок... — мечтательно протянула я. — Надо будет так следующего блудного кота назвать.

— Хорошее имя, — согласилась пожилая послушница Марина. Она в монастыре четыре года и почти все время посвятила огороду. Я похожа на ее внучку.

Первым делом она провела меня по старому саманному домику за зеленым забором напротив монастыря — вокруг него находится огород.

— Монастырь с этого домика и начинался. Тут был матушкин кабинет, там гостиная, владыка здесь бывал. А сейчас меня со швейной машинкой сюда перевели. Мастерскую сделали.

В домике пахнет крепким прокуренным мужским духом, тут живет разнорабочий Шурик с кошкой.

— Кошка после пожара пришла: женщин не признает, а к Шурику прибилась и больше не отошла. Когда он в запой уходит, она вокруг дома бродит и плачет. Я ее запущу, она возле него ляжет...

Трехцветная киса смотрит вопросительно и вдруг трется об мою ногу.

День двадцать седьмой

Здесь много природы, но мало где можно гулять, и обычно путь мой лежит вдоль поля по наезженной колее, а потом вдоль реки — по соломенным охапкам кочек. Потеплело настолько, что можно жить без теплых колготок, но на улице еще стоит носить гетры. Я их все равно спускаю до щиколоток: теплынь и юбка плотная — немоготу.

В поле безлюдно и много яркого блеска. Я закатываю рукава, а потом, шурясь от блаженства и страха, что меня застукают, задираю юбку выше колен. Голые ноги обдувает ветерок и пригревает солнце, и всю себя я чувствую в этот момент голой, и скачу от восторга свободы и силы, и бегу вприпрыжку, захлебываясь воздухом.

На дороге возле реки лежит кот. Белый в рыжих пятнах. Коты сейчас все греются на асфальте и брусчатке, перекатываясь с боку на бок, но почему Моня ушел так

далеко от монастыря? В том, что это Моня, я не сомневаюсь — у кого еще есть такие рыжие кляксы на белой шерсти?

Но это оказался не Моня, а совсем незнакомый тощий кот-подросток. Увидев мои голые ноги, он бросился об них тереться.

— Это ты — Сахарок? — с подозрением спросила я.

— Мя! — гаркнул кот.

Больше он не отходил ни на шаг, загораживал мне дорогу и пронзительно требовал ласк. На Сахарка откликался с таким воодушевлением, что дурак бы понял, насколько котик голоден. Скакать перед ним было неловко, и юбку я опустила.

Путь наш лежал вдоль сельского кладбища, потом справа за монастырским забором начался коровий удел, откуда нас обляяла Герда-Шашлык, а слева за сеткой-рабицей — пчельник и яблоневый сад. Над сеткой в вышине дневными звездами сияла верба. Я встала под ней и завела:

— Еще кругом ночная мгла, еще так рано в мире, что звездам в небе нет числа...

Котик удивился и полез за сетку взглянуть, что творится в оживающем пчелино-яблочном мире.

Я дочитала вербе стихи и огляделась. Сахарок пропал.

«Ну хоть не влетит за нового постояльца!» — с облегчением подумала я.

Вечером в поле лег молочный туман, и тянуло выскользнуть за калитку, чтобы утопить разгоряченное за день тело в непроглядном холоде. Но пока собиралась, все потемнело, и кончился день.

Поэтому пошла на Крестный ход. Я уже почти все его молитвы знаю наизусть. Впятером долго стояли на крыльце, чего-то ждали. Возле неба еще дрожал еле живой свет, который загораживает звезды. Настоящий Моня крутился невдалеке, ожидая начала движения.

— Ну? — воскликнула мать Юлия. — Что споем?

— Смуглянку! — предложила я, но никто не засмеялся.

Пели, конечно, традиционные молитвы, а за забором путь нам преградила жаба. Заглядываясь, все обтекли ее с двух сторон, а мы с Монею замолчали и бросились ее рассматривать. Жаба испугалась и ускакала на длинных складных ногах. Моня прижал уши и попятился, я побежала за Крестным ходом.

— Не принц? — тихо спросила Юлия, на секунду прервав пение.

— Не поймала, — вздохнула я, а Моня согласно кивнул.

День тридцатый

По-церковнославянски это «л» с закорючкой-волной сверху. А завтра будет «ла» с закорючкой над «а». А сорок — это «м». Столько дней Иисус провел в пустыне и столько раз в иных местах Великого повечерия говорится «Господи, помилуй». Тут я прекращаю следить за текстом, потому что нет смысла пялиться в страницу в ожидании, когда Новелла или Павла отщелкают четками сорок раз. А потом еще и тропарь какой-нибудь читать начнут, которого нет в «Часослове».

— А сколько их вообще, тропарей этих?

— Много.

— На неделю, месяц? на год?

— На год, и еще бывают сдвоенные.

— То есть текст искать бесполезно?

Новелла смотрит на меня сочувственно-ехидно и кивает в сторону клироса:

— Видела там книжечку мааахонькую?

— Та, которую вдвоем носят?

— Ага. Вот в ней — все! Искать тебе — не переискать.

Жаль, конечно: когда я слежу за чтением, то мысли, неподходящие для храма, поста и жизни, улетучиваются, а другие мысли ой как атакуют. Мне теперь видны слабые места. Это как прокол в камере ищут — топят в воде и смотрят, где забулькает. Мое булькает там, где и положено булькать у молодых, красивых и незамужних. Ничего нового.

А что до текста, то проще всего следить за Новеллой и Павлой: они четко проговаривают фразы и не очень спешат — так что я тоже успеваю шепотом пропеть читаемый кусочек. И так наострилась, что кое-какие знакомые места читаю быстрее суфлера.

— Давай, тренируйся! — подбадривает Новелла. — И сама уже читать выходи.

— Куда?! — удивляюсь я.

— Туда. Все равно же придется, если останешься надолго.

«Ох ты ж!..» — проносится в моей голове. Ответственность, боязнь публичности, малые скорость и внимание — все бы ничего. А вот напевная манера чтения вызывает у меня неловкость. Когда это делают другие — нормально, но представить себя за распеванием канонов и кафизм... Дико.

Мысли на минуту исчезают, а потом предлагают сделать что-нибудь дикое: громко заржать, прыгнуть через скамейку, завалить подсвечник и посмотреть, что будет. Ну, или уйти поспать. Seriously, тратится уйма сил на то, чтобы просто сидеть в храме и слушать происходящее. Моя ветхая, как мир, соседка иногда засыпает и заваливается набок. Тогда я начинаю читать Псалтирь. Вроде и стихи, а вроде и Богу. И полезно, и приятно. А главное — помогает. Потому что суть не в отсутствии искушений, а в борьбе с ними, в готовности дать отпор или смириться, не теряя внутренних сил.

А еще монастырь — это огромный пласт культуры, исчезнувшей из обихода, но бывшей в нем до событий столетней давности. Пласт, вскормивший каждого писателя до октября 1917 года. И как перекасти-полю нужно знать свои корни, так и мне, вечному бездомнику, хочется верить, что я смогу ощутить махину времени за моей спиной и за спинами монахинь. Смогу ощутить вкус исконной русской речи и услышать, как шумит лес, бывший когда-то на месте храма. И может быть, пойму что-то важное, помогающее жить. Например, почему если «п» — это восемьдесят, а «р» — сто, то девяносто — это «ч»? Почему?!

День ЛВ (расшифровка в предыдущей серии)

Дождь начался в обед. Мы как раз закончили рассаживать петрушку. А до того было солнце, и пока петрушка не пришла в заботливых руках послушницы Марины, я сидела в пластиковом кресле, закинув ноги на сбитую из досок лавку-верстак. Солнце пригревало, и было жалко, что ему можно подставить только руки и лицо. Юбка целомудренно тянулась до сиреневых галош. Пришла тетя-дрозд, села неподалеку и сообщила:

— А на это дерево вчера аисты прилетали.

— Принесли кого?

Тетя-дрозд пожала плечами:

— Разве лишь деревенским.

«Ну да, не монастырским же...»

Со времен мрачного приезда тетя-дрозд освоилась и повеселела, с ней стало интересно разговаривать.

Чтобы посадить петрушку, надо прочитать молитву, а после взрыхлить землю специальной ковырялкой — сделать из плоского пласта объемную и пышную грядку. Мой отец всегда ограждал гигантские высоко вздыбленные грядки досками — чтобы

лечь грудью на перекинутый меж бортами досочный мост и прополоть посаженную полезную культуру. От тяжести борта кренились и разъезжались, земля напирала, доламывала доски, вываливалась наружу. Отец даже не пытался что-то менять в унылой картине, и огородное надругательство тянулось десятилетиями. Мы же сегодня делали грядки прямо на земле узкими и удобными. И то, что этот огород свободен от отцовской дури, воодушевляло.

— Ну, ты просто трактор! — сказала Марина, глядя на мой участок. — Трактор тр-тр Даша! Помнишь, в Простоквашине они завели «трактор тр-тр» то ли Витю, то ли Митю? Я внучке читала, пока она маленькая была.

Что-то ласковое прокатывается внутри: мы с ее внучкой похожи, это я уже запомнила.

— У тебя, наверное, родители — огородники?

Морщусь.

— Отец северянин. Мечтал пенсию провести на огороде. Первый в жизни чернозем полюбил страстно и неумело. К сожалению, однолюб и стареет.

— Ты как писатель шпаришь, — восхищается Марина.

— Похоже... — соглашаюсь я.

Сверху раздается грозный птичий хрип. Вскидываем головы и видим большую белую птицу, что, растопырив черные кончики крыльев, равнодушно качается на воздухе, как на воде. Вокруг нее мелким бесом носится осерчавший черный грач.

— Аист! — выдыхаю в восторге. — Аист!

Он кажется еще больше и белее из-за тучи, что засеяла полнеба, проглотила солнце и степенными волнами сносит птицу далеко за горизонт и колокольню. И пока аист плывет над землей, ни разу не махнув крыльями, грач растворяется в темноте и замолкает. Порывами налетает ветер.

— Они на водокачке поселились, — говорит тетя-дрозд. — Птенцов, наверное, выведут.

— Как бы нам до ливня успеть? — озадачилась Марина. — Ну-ка, давайте ускоряться.

Ковырялкой веду межу из начала грядки в конец, по пути разбивая крупные комья и вынимая камни. Выпрямляюсь, ртом вдыхаю летящий в лицо ветер и чувствую, как глотаю комара.

— Что делать? — я паникую от брезгливости. — Фу!

— Все, ты пропала, — удрученно сообщает Марина. — Бегом на исповедь. Великим постом — и так оскоромиться!

Бросаю ковырялку на дороге и несусь в дом запивать комара водой. Тут важно, что — *на дороге*, и, вернувшись, с подсознательным ужасом жду отцовских воплей и ругани. Но Марина хвалит меня за ровную, как по нитке, межу, и внезапно хочется обнять весь добрый мир.

Марина разбирает посеянные в горшке укроп и петрушку, мы с тетей-дроздом рассаживаем травяную мелюзгу на грядке. Ветер сдувает зелень в ров и приходится закапывать ее едва ли не с головой. Встаю с корточек, и в глаза ударяет темнота и немеют ноги. И это еще по холодку, а что же будет летом? Едва мы заравниваем грядку, падают первые капли.

— Все, спаси Боже! — говорит Марина.

Это значит: можно бежать домой, в келейные тепло и уют, где нет дверного замка, но никто не войдет без разрешения, распахнув с ноги дверь, как это делал отец, не забывая моими возрастом и полом. Будут стучаться, стоять под дверью, повторяя «Господи, помилуй!» (так здесь говорят вместо привычного «можно?»), но не войдут, равно уважая монахиню и паломника.

И я бегу под дождем, мелко перебирая ногами, которые воедино облепила хлопающая юбка: через дорогу к храму и дальше в дом, за спиной которого обрыв, и кажется, что сейчас вбежишь в небо и полетишь в мокром воздухе вслед за аистом — к полю и реке. К настоящей живой свободе.

День ЛГ

— Мать Феоклита, а вам опять новое имя дадут?

Она кивает.

— А вы бы какое хотели?

Она пожимает плечами.

— Волнуетесь?

Она неопределенно машет рукой.

Содержательная беседа прервана появлением Марии, что спускается по лестнице в такой же, как у Феоклиты, белой длиннополой рубахе и черном апостольнике. И с пятнами краски в лице.

На постриг сестры собираются возле административного корпуса в половине пятого, и с четырех я дежурю возле трапезной, чтобы не пропустить ничего важного. Я бурлю чувствами, мне кажется, что ради такого таинства и САМ может взглянуть на нас. А значит, надо хранить в душе благоговение и радость.

Наконец все собираются, зажигают свечи с бумажными воротниками от воска и с пением неизвестных мне молитв идут в храм. Первой матушка ведет Марию, второй мать Надежда — Феоклиту. Я непарно замыкаю шествие, удивляясь, почему не видно Мони. Уж этот кот не пропускает уличных песнопений.

В храме расстелена ковровая дорожка, перед амвоном нет аналая с иконой, зато сбоку стоят скамейки с одеждой. То, что это новое облачение, доходит до меня тогда, когда виновницы торжества снимают верхние теплые куртки и апостольники, оставаясь в одних рубахах. Потом разуваяются и босыми встают на дорожку: сначала Мария, а Феоклита следом. Старшие монахини, за исключением клироса, встают полукругом, сцепив руки — маскируя неодетых инокинь широкими крыльями мантий.

Архимандрит опаздывает. Мы, статисты, стоим возле дверей со свечами. Матушка сердится и зачем-то ходит к алтарю. Николай фотографирует застывшую процессию из переднего притвора. Я прохожу вперед, чтобы заглянуть в лица Марии и Феоклиты, но обе низко опустили головы, и лица занавешены длинными распущенными волосами — каштановыми и серо-седыми.

Наконец приходит архимандрит. Широкими шагами он проносится в алтарь, и пока надевает облачение, главная процессия черепашьям шагом движется по ковровой дорожке. Вообще положено ползти на коленях, но обе инокини — сердечницы и потому идут во весь рост, периодически падая в земные поклоны.

Наконец действующие лица встают друг против друга: архимандрит читает вопросы из книги с цветными закладками-стикерами, инокини держат перед собой распечатки и отвечают тихим хором: «ей, честный отче», «нет, честный отче», «ей-богу». Последнее словосочетание вызывает у меня нежность филологического узнавания. Вот оно откуда в книжках про революцию.

Мне по-прежнему видны лишь затылки, но матушка стоит ко мне лицом, и я вижу, как она порывисто дышит и стряхивает пальцем что-то из-под очков. Она волнуется.

— У меня не было обетов, только стрижка, было не так долго, — шепчет Павла.

«Так это обеты!» — понимаю я.

Старинным языком честный отче подробно допрашивает инокинь, я представляю себя на их месте и вдруг чувствую такой кристальный холод к происходящему, что пугаюсь, а потом понимаю, что это и есть ответ на все вопросы последних дней. Нет, я не останусь в монастыре, и, как не жаль, постриг — это не для меня. Понимание окатывает внезапно, как ведро ледяной воды. И я начинаю плакать от обиды и ощущения того, что, стоя на месте, я только что уехала прочь из этого благословенного места.

Архимандрит вспоминающе говорит: «Так...» — и протягивает испытуемым ножницы на Евангелии в серебряной обложке. Мария и Феоклита по очереди трижды берут ножницы и кладут обратно на книгу.

— Сестра... Так... Имя?

Ему протягивают свернутую бумажку. Имена заранее неизвестны, их своевольно выбирает матушка.

— Сестра Лаврентия, — читает он обрядовую фразу, и я слышу шепот Новеллы: «Берия!»

— ...Сестра Евдокия...

И Новелла комментирует: «О! Дуся!».

Я думала, что крестообразно выстричь — это сделать ежиком крест на макушке среди длинных волос. То есть едва ли не проще машинкой его выбрить. Оказалось, нет. Архимандрит легкими привычными взмахами отрезал с голов новых монахинь по четыре прядки, которые матушка намотала на свечки и вдруг разулыбалась.

Путая имена, архимандрит перечисляет детали облачения, и монахини помогают Марии и Феоклите одеться и обуться в ботинки, которые нарекаются сандалиями.

Я бы и хотела написать про облачки грехов, отлетевшие к куполу вместе со старыми именами, или про осязаемое присутствие Всевышнего. Нет, я их не видела, нет, я его не чувствовала.

Потом все поздравляли монахинь словами: «Како те есть имя, сестро?», и я тоже поздравляла, и Феоклита отвечала кокетливо:

— Недостойная монахиня Евдокия!

Кажется, новое имя пришлось ей по душе. Новопостриженным монахиням теперь три дня придется днествовать и ночествовать в храме, кому-то надо будет находиться с ними, чтобы выводить в туалет — так принято, чтобы избежать искушений.

Закат сиял слоями красок: синих, желтых, красных, бурых. Ослепительных там, где село солнце, скупых и потрескавшихся там, куда уже подбиралась ночь. После ужина я вышла взглянуть на небо еще раз и, не заметив, прошла десять шагов до храма. Заглянула в освещенное окно. Мать Евдокия сидела на своем месте и читала Псалтирь. Лицо ее было почти равнодушным.

День ЛS

«Что ты делаешь в монастыре?)»

«Живу»

«Послушницей?»

«Нет, насельницей»

«А в чем разница?»

«Послушница готовится к постригу в инокини, а это первая ступень к монашеству, еще у послушницы ряса есть. Послушания серьезнее, ответственность выше. Уже так запросто из монастыря не свалишь. А насельница живет и трудится вместе с сестрами, но в монахини не собирается и остается свободным мирским человеком. По-другому это называется паломничеством, но паломницы, как правило, приезжают в обитель не очень надолго: максимум на неделю. В принципе, все живущие здесь — это насельницы: и монахини, и паломницы. Старше всех матушка игуменья, она всем монастырем распоряжается, благословляет на проживание и т.д.»

«А на что живут насельницы? Им платят з/п?»

«Их кормят и дают ночлег. Этого достаточно для счастья))»

«И что приходится делать?»

«Разное. В основном, черновую работу, которую не испортишь: посуду мыть, полы, окна. Гладить белье. Чистить овощи. Помогать с уборкой в храме. Сейчас огород начался. Послушания распределяет благочинная, она такой зам.матушки по воспитательной работе))»

«Ясно. Думаешь, это именно то, что тебе надо?»

«Думаешь, ты первый человек, кто об этом спросил?»

«Какая разница, мне же нужен ответ)»

«Я пишу ежедневные подробные отчеты, можешь почитать на моей странице — довольно занимательно»

«Ой, у меня нет времени читать соцсети, напиши вкратце»

«о_О»

«Эксплуатируют тебя? Устаешь?»

«Нет, работаю даже не в полную силу. Но устаю, конечно. Минус 10 кило»

«Голодаешь?!»

«Нет, просто похудела. Кормят вкусно и обильно))»

«Небось спишь на бревне, прикрывшись тулупом?»

«о_О»

«Верясова, ты с дубу рухнула??? Какой монастырь?? Ты должна жить!!!»

«Вроде и не собираюсь умирать пока что...»

«Уйти в монастырь — значит, заживо себя похоронить!!!»

«А я думала, это значит — жить для высшего блага. Это же счастье: посвятить жизнь Богу»

«Это мертвому-то??»

«о_О»

«И чего тебя туда понесло?»

«Душу тоже надо лечить, когда она болеет. Я хоть в себя пришла»

«Ой, да ладно. Пошла бы с нами в городской квест играть — отлично развеялась. А так только время зря теряешь»

«о_О»

«А там есть монашки-лесбиянки?»

«о_О»

«Приезжай лучше в гости. Напьемся хорошенько — сразу станет легче;)»

«От бухла некоторые вешаются, между прочим»

«Потому что пьют в одну глотку, но мы-то вдвоем!)»

«Ой, всё!»

Я сегодня сидела на поваленном дереве над рекой, а вода звенела и уносила зазевавшихся водомерок вдаль, и, очнувшись, они бежали к берегу на прямых проворных ногах. Сухая трава за спиной шуршала от ветра, как от чьего-то тела, но все кругом пахло светом, и потому было нестрашно. И по грязи на стволах было заметно, как опала вода. И дерево росло из глубокой воды и зеленело на концах веток. А над полем стояло грозовое небо, из его разодранной груди било солнце. И ничего не происходило на всем белом свете.

А потом я стояла под водонапорной башней и смотрела на аистов, высоко торчащих из гнезда. Один расправлял крылья и встряхивал ими, другой был прям и недвижим. По другую сторону дороги с лаем рвались с цепей собаки. Старуха колола дрова возле аккуратного дома, сделанного из бруса и ярко-синей краски. От шума пробуждались яблони в саду. Пахло баннным дымком. И ничего не происходило на всем белом свете.

День парил над моей головой, он был стар и нов, он помнил, что было, но знал, что будет. Он перетекал из прошлого в будущее незаметно, как река. И ничего не происходило на всем белом свете.

День ЛИ

Кто-то из святых отцов говорил, что надо молиться за своих врагов, ибо нельзя не полюбить человека, за которого молишься. Мой случай не из таких, и я понимаю, от чего предостерегал меня батюшка месяц назад, но не могу оставить мысль: а вдруг? Вдруг любимый человек обратится к вере, перестанет себя губить, спасет душу? И молюсь за него ежедневно, прикладываясь лбом к лакированной иконе его святого и зачитывая имя в помяннике.

Помянники — особая статья в храме. На каждой службе мать Елена раздает насельницам монастыря разноцветные книжки с разделами за здоровье и за упокой. Это помянники наших благодетелей: тех, кто жертвует монастырю на повседневные нужды или на необходимый ремонт, тех, кто дает деньги на новое строительство. Сначала надо прочитать молитву, а потом имена.

Тут же лежат два пластиковых фотоальбома — заздравный и заупокойный, в кармашки вместо снимков вставляются записки от прихожан и вынимаются, когда истекает заказанный срок. Заупокойный мне нравится больше — одна из страниц в нем писана красивыми печатными буквами с соблюдением дореволюционной орфографии: *і*, *ять* и *еры* стоят на нужных местах. Сами же имена в группах по четыре выстроены в шахматном порядке. Видно, что в авторской голове сияла мысль, но узнать ее не дано никому, кроме Того, к Кому обращена записка.

Вообще общедоступной логики в помянниках мало: кто-то пишет только на одной стороне листа, кто-то старательно теснит имена вокруг креста, фоном пропечатанного на каждой странице. Кто-то вычеркивает имена умерших из красной части, кто-то рисует рядом минус или ставит не всегда заметную помету «ум.», сбивая чтеца с толку.

На литургии мать Наталия раздает особую стопку книжиц. Они старые, потрепанные, и записи в них не всегда грамотны. В них много безымянных младенцев и покинувших землю отроков, в них есть убиенные воины и священники. В них буквы перевернуты зеркально, а почерк — крупный, неумелый — выводит: «Даря», «Пилип», «Хвѣдор», «Говрюшка»...

Я смотрю на последнее имя и вижу, как старческое горе сочтется из него.

Вижу мальчика с темными узкими глазами. Босого, в довоенных шерстяных трусиках. Макушка будто облеплена паутиной — так выгорели на солнце волосы. В полдень мальчик ныряет в реку с высокой ветки, а девочка, округлив рот, следит за ним. Он выныривает, отфыркиваясь, и она выдыхает с облегчением и восторгом.

Или такой же мальчик скачет по летней пыли с палкой в руке — он преследует фашистов и те, ошалев, вместе с курицами и гусями удирают от него вдоль улицы, а усталая женщина глядит на них из-под руки. Что-то она предчувствует, а узнает и того больше — куда больше темноглазого мальчика.

В местах боев или братских захоронений, где мне так часто приходилось бывать, я неизбежно чувствовала потребность прочитать все имена, выбитые на памятниках: сотню или тысячу. То была не причуда, не каприз, а осознание необходимости этого чтения. Что-то толкало в грудь и заставляло читать. Только теперь стало ясно — что. Наверное, где-то внутри незаметно текла молитва за всех убиенных.

— Прочитала? — оглядывается на меня Наталия.

— А что это за помянники? Почему они отдельно?

— Это наших бабулек деревенских, которые помогали монастырю в разное время. Кого-то и в живых уже нет...

— Тут так странно имя записано.

— Ну-ка... — мать Наталия тянется за помянником. — Это тети Клавы, она еще живая. Правда, почти не ходит. Ну, может, на причастие придет.

— Покажете?

Невыносимо хочется знать, кто же такой Говрюшка.

В воскресенье тетя Клава приходит в храм. Она сгорблена и старчески медлительна. Сама бы не добралась, но из города на выходные приехала дочь, она и привела.

— Только осторожнее с ней, нежнее! — напутствует меня Наталия. — А то накинешься на старуху, дескать, выкладывай, кто такой и откуда знакомы, испугаешь...

После причастия беру тетю Клаву под локоть и веду к лавке во втором приделе. Она благодарно кивает.

— Тетя Клава, мы на службах читаем ваш помянник. Скажите, а кто такой Говрюшка?

Тетя Клава улыбается и начинает рассказ:

— Ой, милая!.. Я ведь старая такая, ничего не слышу...

Я понимаю, что разговор будет непростым, и почти кричу ей в ухо:

— Мы на службах читаем ваш помянник! Там записан Говрюшка! Интересно, это кто?!

Тетя Клава с любопытством глядит на меня.

— Знаешь, сколько мне лет? Девяносто три года уже. Столько лет живу на земле. Вот так... Не слышу, что говоришь.

И я в третий раз кричу те же слова, прихожане оборачиваются, кажется, они тоже заинтересовались неизвестным доселе Говрюшкой.

— Говрюшка? — переспрашивает тетя Клава.

Я радостно киваю.

— Так это ж Райкин муж. Восемьдесят два ему уже. И ей восемьдесят два. А кому еще быть, один у нас Гавриил.

Успокоенная, ухожу на свое место. Наверное, скучно быть Райкиным мужем, но хорошо дожить до таких лет.

— Выяснила? — спрашивает Наталия.

Я заговорщицки шепчу:

— Это Райкин муж. Ему восемьдесят два.

— Он за здравие записан?

— За упокой... Не тот, получается?

Я оглядываюсь на тетю Клаву и понимаю, что еще одну беседу ни она, ни я не одолеем. У нее в лице ангел, и нельзя его тревожить.

Наталия смотрит сострадательно:

— Ну, может, он в восемьдесят два умер? И в помянник его записали так, как звали дома...

— Не хочу, чтобы он был старым. Пусть будет мальчиком. Так лучше.

«Говрюшка...» — думаю я и снова слышу топот босых ног, гоготание гусей и плеск воды, и счастливый визг девочки, которая так и не научилась писать буквы в правильную сторону.

День МА

— «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою, от языка непреподобна, от человека неправедна и лъстива избави мя». Павла, а что такое «пря»?

Павла всматривается в текст, она внутренним голосом понимает написанное, но перевести на знакомый язык неспособна.

— Спроси у Новеллы.

— Новелла, что такое «пря»? Вот тут: «разсуди прю мою»...

— Предъява, — бойко отвечает Новелла. — Вон, спроси у Наталии.

— Мать Наталия, а что такое «пря»?

— Спор.

Наталии нравится, что я называю ее через «мать» и на «вы», за это она относится ко мне с симпатией. Ей за пятьдесят и она мало напоминает смиренную монахиню, больше — моих шкодливых норильских теток, что росли со стаканом в руке и с собственными детьми в подоле. Как и они, Наталия всегда начеку и готова дать отпор. Новелла младше ее на двадцать лет, но они похожи, как Никаноровна и Христофоровна из фильма про непростую кубанскую любовь двух колхозных председателей. Я зову их «двое из ларца».

В храме они сидят рядом, смешно невясерьез ругаются и толкаются, и я с нетерпением жду драки — мне за их спинами виднее детали.

В момент затишья в службе иду к Чудотворной. Спустя неделю я снова обрела допуск к святыням и поняла, отчего так затихла душа — ей не хватало приложиться к иконам и мощам. Обидная женская особенность помогает острее понять, как трудно целую неделю жить без благодати — как в душевной комнате с нематыми окнами. Зато теперь выхватываю всякую возможность вдохнуть свежего воздуха.

Сегодня в храме освящали и раздавали вербные веточки. Праздничный желто-зеленый архимандрит совершал помазание, двое из ларца контролировали процесс раздачи. Сестрам вручались красивые букеты с вкраплением мелких цветных гвоздик, прихожанам — простые связки веток, из которых уже пробивались листики, а почки с верб осыпались неделю назад.

Монахини подставляли лбы под кисть с елеем, принимали у Новеллы цветы, и вдруг преображались в обычных радостных женщин, уткнувших носы в бутоны.

Мне достались желтые гвоздички, какие и хотела.

— Грехи написала? — пристально взглянула на меня Наталия. — Листок дать?

— Не написала, давайте.

Она мне протягивает еще и шпаргалку — подробное толкование грехов. Каждый раз, открывая брошюру перед исповедью, я чувствую себя неисправимой грешницей: мелким почерком исписываю лист, а на исповеди стою вечность.

Перед началом все троекратно обнимаются, целуют друг друга в плечи и просят прощения.

— Ну, Дашулька, прости меня что ли... — говорит Новелла, фыркая от несурзности происходящего, и мы троекратно обнимаемся и целуем друг друга в плечи, и я мямлю что-то вроде «Бог простит», поскольку никак не расслышу и не выучу полного сценария прощальной традиции.

Но, конечно, это прогресс — в прошлый раз мы скупно перемигнулись, и все было ясно без слов.

Сегодня сестры сидели на лавках, перенесенных из первого придела во второй, где всегда проходит исповедь, с цветами, взволнованные и напряженные, как на январской проверочной контрольной.

На выходе рвали бумажки и бросали в мусор. Я всегда иду одной из последних и успеваю без дополнительной подготовки за время ожидания вспомнить и записать все грехи. А может, и не все. Но я стараюсь.

«Суди ми, Боже, и разсуди прю мою, от языка неправоподобна, от человека неправедна и лъстива избави мя».

Сама я избавиться от него не могу.

День МД

Наконец-то приехала Лотта. Она по-оленьи осторожничает, входя в храм: вид у нее замкнутый. Ей боязно что-то сделать не так, она старается лишний раз не шевелиться, чтобы не привлечь к себе внимания, и жметя ко мне.

Я вдруг осознаю, что поначалу вела себя точно так же скованно и что за время в монастыре здорово вникла в богослужебный процесс: мне с первых звуков ясно, когда начнутся поклоны, и на слух могу определить, какой именно текст сейчас читается от клироса, благо, вариантов немного — Часы или Повечерия.

Сейчас в храме почти некому читать — лучшие силы брошены на подготовку к празднику. Новелла с Наталией всю ночь делали тесто для куличей, а потом весь день пекли их в просфорне. Мать Елена с мать Александрой на кухне расцвечивали яйца пищевыми красителями и украшали пленочными картинками с голыми ангелами, русскими тройками и абстрактными картинками, среди которых опознавался кусок Климта.

— Не протухнут до воскресенья?

— Они же в холодильнике будут. Вареные яйца вообще, бывает, годами не портятся: один старец из Оптиной разговлялся прошлогодними яйцами, и они были не тухлыми. Это, конечно, чудо. А он думал, что так и надо, что у всех так.

Вчера я в промышленных масштабах отделяла желтки от белков, а сегодня помогала Евдокии с месивом для пасх.

— А в чем разница между куличами и пасхами? — пыталась вечером окружающих, когда мы приступили к раскладыванию искусительной бело-воздушной массы по пластиковым формам. Не сообразив, облизнула запачканный палец.

— Ой!

— Так! — вскинулась Евдокия.

— Все, на исповедь? — ужаснулась я.

— Скажи, сахара хватает? Съедобно хоть? А по маслу нормально?

Никто не пробовал скоромного, все делается на глаз.

— Изумительно! — отвечала я, опасливо косясь на полную еще кастрюлю. — Так в чем разница?

— Куличи делают из теста, пасхи из творога и сметаны с маслом. Еще изюм и орехи там, — пояснила мать Евдокия.

— Это понятно, я же сама их делаю. А в религиозном плане: что они означают и почему разные?

— Может, спросишь у Новеллы?

— Понятия не имею! — Новелла внесла свое сообщение в келарскую столь уверенно и четко, будто навеки проясняла что-то в моей голове. — Еще вопросы есть?

— Есть. Что такое иссоп?

— ?

— В Псалтири: «оботри меня иссопом и очищуся»...

— Окропи меня иссопом, балда! Это растение такое, его вместо кропила использовали.

— Это теперь крапива? — простодушно догадываюсь я, а Новелла отвечает:

— Это все еще иссоп, спроси у Наталии, она знаток и тебе его нарисует.

— А в каком веке переводили Псалтирь?

— Зачем тебе это знать в девять вечера, крошка моя?

— Там по тексту дальше: «Омоеши меня и паче снега убелюся» — объясняю я, но Новеллу ответ не удовлетворяет, она начинает раздражаться.

— И?

— Значит, снег уже был! Важно выяснить — когда!

Разговор прирожденного лингвиста с невыспавшимся технологом производства

до добра не доведет. Но все обходится как нельзя лучше, Новелла хохочет и говорит, что коммунальщики не в курсе, а потом сообщает, что ей надо уйти, чтобы надписать открытку другу в космос, а то до Пасхи не успеет прийти.

— Открытку!.. — мечтательно тяну я забытое слово, а потом спохватываюсь, — в космос?

— Да, монастырь отправляет по праздникам тонну открыток. А их же еще надписать надо... Представляешь?

— Неа. В космос?!

Новелла откровенно издевается:

— Отправлю с почтовым голубем. А ты мне будешь слать открытки, когда уедешь? Не забудь, мой профессиональный праздник — день продовольствия. Шестнадцатого октября. Хотя все равно забудешь.

— Ну что ты! Это ведь важная дата, легко запомнить! — радуюсь я. — Шестнадцатого октября чуть Москву немцам не сдали, уже заминировали центр, и толпень такая по шоссе Энтузиастов хлынула. — Руками я изображаю охват толпени. — Но потом все кончилось неплохо. Ну, как могло неплохо кончиться в сорок первом году.

— Разминировали?

— Разминировали.

— Фео... то есть Евдокия, ты тоже сейчас все это слышала или у меня галлюцинации начались и пора спать? — Новелла жмурит глаза, зевает и уходит.

Подобным образом общаются все — наверное, между людьми пробегает импульс с информацией, поскольку объяснить кому-то что-то сейчас нереально, мозги затуманены и выдают бред, но понимание все равно случается. Удивительно.

А Псалтирь переводили в девятом веке, по свидетельству Нестора Летописца, чьи мощи есть у нас в храме. Вообще у нас хранятся частицы едва ли не каждой святыни. Разве что от Самого кусочка не отщипнешь, и Сын Его воскрес, в чем нам предстоит убедиться на днях, и тела не оставил. Но они и без того поблизости.

Страстной четверг (день MS)

После вчерашних исповеди и соборования душа налилась здоровьем и запела чистотой, как вымытый накормленный младенец. Засохшие корочки отвалились, темные пятна посветлели. На вечер и ночь внутри воцарилась изначальная тишина, которую оживило сегодняшнее утреннее причастие: так в пустом доме появляются жилые звуки и запахи, так волнуются птицы над гнездами, а глиняный сосуд обретает неизвестное ему содержимое.

— Лотта, я похожа на воздушный шар, из которого выгнали углекислый газ и заменили на гелий. И теперь я не волочусь по полу, а тычусь в потолок. Меня тянут вниз, а я — пык! — назад! А если выбраться на улицу, то можно улететь прямо в небо.

Мы идем вдоль реки, в которую мелко-мелко ложится дождь. Круги от его крапин не успевают расширяться, их вытягивает течение, и заслоняют другие круги. Вдоль берега проклюнулась крапива, она еще зеленый малыш и не ожигает кожу, когда я провожу по ее голове ладонью. Потом она вымахает и станет дряблой, по пояс увешанной семенами старухой неприятного цвета.

— Лотта, смотрите, какая хорошенькая крапивка! Кроха совсем. Давайте возьмем на поруки и вырастим из нее пион?

Лотта примеряет к уху бронзовую березовую сережку, что лежит в траве.

— Идет мне?

— Очень!

— А мы не опоздаем на службу? У вас часы есть?

— Неа, мы, наверное, колокол услышим, если будем опаздывать.

— Я после обеда мыла окна и думала: вот оно — это место, где ни одно твоё дело не напрасно, где проживаешь день не зря. Это такое счастье — не терять бездарно ни минуты.

— А я сегодня вспоминала слова матушки в первые дни моего приезда. Она сказала: тебе надо уgomониться. Кажется, у меня это получилось... смотрите, как тут можно!

Мы вышли на ровное место, и я подбираю подол юбки до бедер и вприпрыжку бегу вперед. Лотта смеется и делает то же самое. На фоне серого дня и темной земли наши белые зимние ноги сияют. Пока я лечу в прыжке, кажется, что земля никогда не коснется подошв, и я замираю от восторга.

Вдалеке на поле пасется аист. С руками за спиной он длинно шагает вывернутыми назад ногами. Клювом цепляет с земли еду и глотает, конвульсивно задирая голову.

Не таясь, подходим ближе, и аист замечает нас. Без суеты он отрывается от земли и на бреющем полете отступает к лесу, не пытаясь шевельнуть чернопалыми крыльями. Прямо перед строем деревьев резко набирает высоту, делает поворот и пропадает за елью.

— Как в кино, — говорит Лотта.

Вернувшись, расходимся по кельям и в храм идем поодиночке. После дождя остались лужи, и певчий кот Моня, обступив одну лапами, склонил к ней морду. Он не пьет и не охотится за подводным жителем. Он изучает свое отражение и даже любит: вид у него довольный.

— Моня, ты Нарцисс! — восклицаю я. — Имей в виду, он плохо кончил!

Моня поднимает на меня глубокие казахские глаза и тяжело вздыхает.

Порой мне кажется, что люди, которые при жизни не грешили и помогали ближним, но не заслужили полноценный рай, становятся монастырскими котами. Вот всеобщий любимец Моня наверняка был музыкальным меценатом, вывел на сцену Шаляпина, помог другим певцам, но был охоч до юных прелестниц и теперь кастрированным котом коротает век — принудительно учится сдержанности. Печальная участь.

«Да, — кивает Моня. — Да...»

Еще сегодня Николая и Юлия украшали куличи, очень красиво и много получилось. На вечерней службе читали отрывки из Евангелий, служба была долгой и трудной, а потом все бегали с горящими свечками, пытаясь донести огонь до келейных лампад.

А завтра!.. а послезавтра!..

Страстная пятница (день МЗ)

Не знаю, чем можно о ней написать, какими выдохами? Слова ненужные, немые — не удержат тяжести, подломятся под легкостью того, что происходило в храме и вне его.

Нет, вчера-сегодня все ругались. Будто за невидимые нитки дергал враг, заставляя говорить грубые слова или принимать за них настойчивые разумные просьбы. Человек вспыхивал порохом и не унимался, пока не прогорал. Было страшно задеть эту тянущую черную воронку, и я ходила окольными путями, стараясь ни с кем не разговаривать, чтобы не растряссти внутреннюю благость.

С утра и до выноса Плащаницы никто не ел и не пил. Как перед причастием, только полторачасовая служба с выносом началась в два часа пополудни. А до той поры я помогала мать Николаи украсить храм цветами. Мне досталось послушание мечты: работа в храме и — искусство. Я собрала все вазы и отобрала увядшие цветы. Потом сдирала специальной штукой-зажимом листья и шипы с длинноногих белых роз, попутно глубоко, до крови загоняя шипы в ладони и пальцы. Я громко завывала, мать Юлия, что сооружала невдалеке белогвоздичный веночек для Плащаницы, оглядывалась в испуге. Мать Николая прибежала и убежала с вазами и ветками. Ей надо было то сделать укол очередному подшефному коту, то дать ему таблетку.

На рабочем подхвате я была до тех пор, пока не выяснилось, что не успеваем к службе. Сначала мать Николая поручила мне скопировать букет для другой стороны гробницы (это и была важная церковная штука, стоявшая на могиле генеральши Поздняковой) с уже сделанного ею, потом еще один и еще. А после дала сообразить что-нибудь из остатков цветов для иконы в притворе, и из рук моих внезапно вышло такое чудо, что решили поставить его к Калужской иконе Богородицы, перед главным иконостасом и на самых глазах у матушки. Это было приятно, поскольку с детства мой вкус в составлении чего бы то ни было отличался дикой спецификой, и результат нравился только мне самой.

— Я однажды сама ездила за цветами, матушка не смогла. Успение Богородицы было. Белых роз не нашлось, я купила сиреневые, и от испуга всего одну коробку! Еду назад и думаю: что же я наделала, мне же не хватит этих роз! А мне их — представляешь? — хватило. — Мать Николая задумчиво улыбается и для пышности тербит розы за гробницей. — Вот такое чудо...

Пустота чудная и нетелесная разливается внутри, постепенно заполняя все тело, и душу более не теснит желудок, и похоти всех видов исчезли вместе с усталостью. Как будто организм, готовясь к голоду, очистил голову для мыслей о еде, но еды не хотелось, и оказалось, что там уже живет Бог. Только спина болела от стояния — сидеть сегодня почти не позволялось.

Меня пробрала дрожь при мысли о чудовищном страхе, который испытали люди, не знавшие, что Сын Божий воскреснет. Не верившие до конца, не посмевшие уверовать.

На «Плаче Богородицы» первой захлюпала я. Потом Лотта. Новелла оглянулась и протянула нам бумажные салфетки. Остальные держались с сухими глазами, а я боялась зареветь в голос. «Сыне мой и Боже... сладкое мое чадо и любимое».

Лотта сказала потом:

— Дарья, как жалок Бродский...

Я ответила с сочувствием утраты:

— И Ахматова...

Может быть, от голода ругались люди: на обед была похлебка, от которой я отказалась, решив устроить режим и пережить день на куске хлеба и чае с сахаром.

А потом мы в келье вслух читали Апокалипсис, до которого прежде у меня не доходили руки. Я читала, Лотта комментировала и тихонько засыпала. Колыбельная, да.

Вечером на службе уже не рыдали, но выйдя на Крестный ход с фонариками вокруг храма (младшие, по странной традиции, впереди, матушка позади всех сестер), обе расслышали что-то неземное, запахом разлитое в воздухе, только это было ощутимо всем телом, как баюканье в деревянной колыбели. Нежный звон певчих схлестывался с тихим звоном колоколов, и они обвивали друг друга и тонули друг в друге. Мы шли навстречу деревьям с грациными гнездами, и видно было удивленным глазам, что летят птицы, как в немом кино, молчащей толпой, с ветки на ветку. За

забором, рыча и плеща гравийкой из-под колес, промчалась машина, и вдруг загрохотали грачи, и закричал колокол, и куда-то пропала прекрасная грусть.

Все, конечно, вернулось потом. Слава Богу.

А матушке наши цветы-букеты пришлись по душе — это мне Николая сообщила. Тоже хорошо.

Великая суббота

Утром благочинная водила батюшку в просфорню и холодильную камеру — он кропил святой водой куличи и пасхи. Я хвостиком увязалась за ними. Мать Елена посмеивалась.

— Ничего же интересного, — сказала она. — Ты лучше потом посмотри, как мирянам освящать будут — там иногда такие куличи встретишь! Загляденье!

Но попасть в храм непросто: суета поглотила предвкушение праздника, все крутятся, как заведенные, и всякому находится дело. Забот не впрокорот: надо вымыть и вычистить самые грязные уголки нашего общего дома, украсить трапезную, заменить скатерти на столах и расставить праздничную посуду с логотипом монастыря. Конечно, ожидаются гости: друзья и благодетели, для которых накрывают отдельный — иноческий — стол. Иноки сдвигаются на паломнический, паломники на гостевой. Добавляются стулья, за двенадцатиместным столом должны усесться пятнадцать человек.

Кто-то кричит из кухни:

— Мать Стефанида звонила. Сейчас будет Благодатный огонь, пойдете смотреть? Я никогда не видела, как он сходит.

Бросаем дела и толпой отправляемся в игуменский корпус — только там есть телевизор. Чинно рассаживаемся по диванам и стульям, шерстистая кошка Никс мгновенно залезает на колени к мать Елене и мурчит, свернувшись клубком. Впервые за день можно передохнуть без опаски, что кто-нибудь тебя поднимет и опять заставит мыть-мести-трясти. Я наслаждаюсь и на схождение Огня смотрю без особого интереса.

На экране ряд арок, как у Колизея, обступил игрушечный серый кубик с маковкой-куполом. Пространство между ними заполнено какой-то крупой. Камера наезжает, крупа становится людьми, а серый кубик вырастает на глазах. Это Храм Гроба Господня. Диктор грозит последними днями в истории человечества, голос его репортерски напряжен, но двери открываются, и на руках белоснежного священника в мир wpłyвает Благодатный огонь.

— Стефанида! — командует матушка, и та от спички зажигает пучок свечей.

— Кто будет умываться? — радостно спрашивает она и глядит мне в глаза.

Я не понимаю, что происходит, пожимаю плечами, и тогда она подносит свечи мне к подбородку и несколько раз обводит ими лицо.

— Ну? Не обжигает?

Она передает свечи дальше, и все повторяют эти движения.

— Вроде нет...

Смысл происходящего мне объяснили на кухне мать Наталия и паломница Юлия.

— Как только огонь зажегся в Храме, он не обжигает. Можно им умываться.

«Что ж он, прямо через экран на наши свечи перескочил?» — пронеслось у меня в голове.

— Меня поражает, — сказала Юлия, — что все хотят доказательств существования Бога, требуют чуда, чтобы поверить. Вот вам — самое что ни на есть! Уже тысячу лет сходит с неба огонь — разве не чудо? И все равно сомневаются...

Застилаем столы, расставляем посуду. На каждую тарелку с трудом умещаются крашеное яйцо, куски пасхи и кулича, ломтик сыра, масло и конфета. Это на разговение. После праздничной службы все придут сюда.

Пасха под моим ножом крошится, кулич режу неровно, и Новелла почти рычит: у нее масса своих дел, а приходится заниматься моими. Я смотрю жалобным взглядом, я же нечаянно...

Перед вечерней службой наконец расходимся по кельям. Для праздника мы с Лоттой запаслись нарядами: у нее платье, у меня новая ярко-зеленая юбка. Все выстирано и выглажено. Мы, довольные и торжественные, идем в храм и усаживаемся под иконой Кирилла и Мефодия. После рабочих темных юбок с заплатами в этой яркой я кажусь себе невероятной красавицей.

— Ты чего это в зеленом? — удивляется Павла. — Пасха же, а не Троица! Красное надо.

Становится неловко, как от дырки на носке. Надо же так оплошать! Вплоть до самой исповеди я пытаюсь раствориться в пространстве. Сестры по очереди идут к архимандриту, мы с Лоттой сидим на приступочке у свечного ящика. Обиженно кошусь на ее красный платок... Рядом встает прихожанка с такими пухлыми и тугими икрами, что, кажется, ткни их иголкой — лопнут. Еще нет девяти, но люди подтягиваются.

— Даша, считаешь «Апостол»? — спрашивает матушка, когда я, получив отпущение грехов, рву их список на мелкие клочки.

Я воодушевленно киваю и тут же пугаюсь:

— Я плохо по-церковнославянски!..

— Ничего, там все понятно, — улыбается она.

На кафедре-аналои кладут большую дореволюционную книгу с ятями и показывают, откуда начинать. Это почти русский язык, но некоторые слова вызывают оторопь. Текст новый, от волнения в голове шумит, я читаю, не понимая сути, тараща глаза и стараясь не напутать с ударением. Невыброшенные клочки греховной шпаргалки потеют в кулаке. Под мой голос архимандрит исповедует женщину с пухлыми икрами, потом еще кого-то. Наконец сестры во главе с матушкой удаляются, а ко мне подходит Наталия и приказывает:

— Ступай отдохни! Прихожане собираются, сейчас кто-нибудь тебя подменит.

Пасха

Я подскочила на кровати, только услышав топот на лестнице. Часы показывали без пятнадцати полночь. Девочки ушли, даже не постучав ко мне, а я чуть не проспала праздник, которого так долго ждала.

В храм до отказа набились люди, всюду спали дети: на руках у родителей, на пуховиках, брошенных на пол, на скамейках для мирян. Монашеские скамейки облюбовали посторонние бабульки, их командным голосом выдворяла Наталия. Девочки охраняли мое место с заботой старших сестер. У Юли через плечо висела небольшая сумка.

— Зачем это? — спросила я.

— Нууу... — замялась та.

Храм гудел восковым своим воздухом, голоса отскакивали от старинных стен, и нечто вневременное плескалось снаружи — темнота, из которой тысячелетиями люди текли на свет.

До службы оставалось время, и пока прихожане исповедовались, Новелла повернулась ко мне:

— Дашулькин, сбегаешь на кухню? Я воду поставила на огонь, надо проверить, чтобы не выкипела. Если что — доливай смело.

Несмотря на огромное количество народа и духоту, от недосыпа я продрогла. Надо было захватить теплую кофту. На кухне все оказалось в порядке, и я помчалась

на свой чердачный этаж. Быстрее, быстрее, чтобы служба не началась без меня! Выскочила на площадку и задохнулась от беспричинного ужаса. Стало невозможно пошевелиться или громко вдохнуть. Вокруг царил привычный быт: сушилки, гладильная доска, кровати для паломников — и было что-то еще. Оно посмело появиться здесь, когда все ушли в храм, пока Христос еще мертв и жилое пространство пусто. Оно кралось на мягких лапах, оно было все ближе, и, перебарывая ужас, я ринулась в обратную сторону. Выбежала на улицу, захлопнула дверь, подперла ее спиной, разрывая связь со страхом, и только тогда снова смогла нормально дышать.

К храму шла очень быстро. Бог с ней, с кофтой.

— В порядке? — спросила Новелла.

— Ага, — ответила я.

Лотте и Юле шепотом рассказала о том, что случилось.

— Вот потому и сумка, — сказала Юля.

Страх окончательно прошел, когда погас свет и началась служба. Ничего от нее не осталось в голове, кроме сонного удивления, кроме радостных, похожих на джаз, песнопений «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...» и дальнейших, почти народных «И нам даровав живот вечный...» — от последних хотелось пуститься в пляс, и я тихонько притоптывала ногой.

Был Крестный ход, было причастие, было разговение в четыре часа утра и непривычный допоздна сон. Были церковные и мирские гости, и праздничные трапезы, и особенно ласковые коты. Все слилось в единое чувство, плещущее за край вместе со словами: «Воистину воскрес!».

Был крутой подъем вверх по шербатым и пыльным кирпичным ступеням колокольни. И зеленый простор с квадратами вспаханной земли, и небо над ним такого синего цвета, что хотелось им умыться из горсти. И были колокола, которые мы неумело дергали за связанные воедино языки, а в самый большой я напоследок засунула голову и слушала его медленно темнеющий голос.

Были многократное кропление святой водой и помазание, после которого батюшка сказал с улыбкой:

— Вот видишь: встретились! Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

И была внутри радость, которую нельзя разделить ни с кем и высказать невозможно: тогда я ушла к реке, ничком легла в траву и обняла землю в благодарность за все. И она ответила глубоким вздохом.

День последний

Мы шли вдоль реки, мне хотелось отыскать место, где растет черемша. В том, что она здесь есть, я не сомневалась. По стволу поваленного дерева перебралась на другой берег и вышла из кустистой низины на поле, прошитое двумя колеями трактора. Рядом, в той же грязи, бежали следы собаки. Справа редколесье, слева овраг. Еще месяц, и зарастут эти места травой в человеческий рост, запрудится река, позеленеет — запросто не пройдешь.

А сейчас брести, брести...

Отсюда пути ведут далеко: вперед, где за крайней полоской леса темным пятном легло на землю Святое озеро, а по левую руку от него качается летом огромная поляна цветов: красных, синих, желтых, пахнущих медом и молоком. Или влево, по лесной тропинке, где скоро зацветет земляника, влево, где бьет из первобытной темноты родник с самой вкусной на свете водой, а на пригорке скребут небо стены разоренного храма, и зарастает его нутро крапивой, что жжется сквозь плотную юбку.

— Девочки, а что справа? — спрашиваю я, когда возвращаюсь на свой берег.

— Кто-то говорил, что тут лагеря кругом, — отвечает Юля. — Справа, наверное, тоже.

— А скоро обед, — невзначай роняет Лотта.

Обеды опять скромные — и хочется отъестся до возвращения в Москву.

Бредем в монастырь по просохшей земле, нас греет солнце, и так спокойно на душе, будто спасся от недуга, а теперь уже никогда не случится плохого, и горе обойдет стороной, и сила не покинет. И Лотта начинает петь что-то русское и протяжное, похожее на пенье птиц и шорканье косы, пахнущее горячим летним днем.

— Кра-а-аса ли моя, кра-а-асота до края...

Краса ли моя де-е-е-евичья...

Сне-е-е-есу ли свою кра-а-а-асоту да во

Во травушку-мура-а-а-авушку...

На-а-ашли мою кра-а-а-асоту да на

Нашли-и мою де-е-е-евичью...

Что-о-о это за кра-а-асота да-а не

Не к ме-есту поло-о-ожена...

Голос ее опадает в траву, а после взывается кверху, вбирая небо и покрывая землю праздничным шелковым платком — таким же бесконечным, как поле, по которому идем, как река, что всегда утекает прочь.

Эпилог

«Ты уже в Москве?»

Ербол Жумагул

Человек

Жума намаз

«Салам, молекула!»
«Молекула, салам!»
Одни читают вечность по слогам,
вторыми рая скуплены гектары.
А третьи — спекулянты и ханжи —
летят, галдя, над пропастью во лжи,
под перебор расстроенной гитары.

В мечети — тьма народу, но внутри
народа — чуть мечети. Посмотри
вооруженным: выводы простые.
Настала рынка спорая пора,
затем и голубые купола
сменили на ура на золотые.

И справа — брат, и слева — тоже брат,
и каждый мнит, что следует до врат,
о кругобедрых гуриях тоскует.
«Брат, Иншалла, все будет Машалла!» —
летает слов по залу мошкара,
пока имам о выборах толкует.

«Аллах акбар!» — «Воистину акбар!»
Пусть жизнь моя рассеется, как пар,
как эти облака над куполами.
Пост модерниста — правда натошак,
когда лица не выражен общак
и ты не с подтецами в пополаме.

Живу, не о прощении моля,
но радуясь, что музыка моя
полна надежд проникновенным светом.
Молчу о главном, на бордюр привстав,
там, где семейство придорожных трав
наперебой о чем-то спорит с ветром.

Ербол Жумагул (Ербол Жумагулов) — поэт, режиссер. Родился в 1981 году в Алматы. Окончил Казахскую академию спорта и туризма. Автор книг «Ерболдинская осень» (М., 2007) и «Трюк драматурка» (Алматы, 2017). Лауреат конкурса «Казахстанская современная литература» (2000). Живет в Алматы.

Донт уорри

Выдалось гиблое время,
режет глаза ослепительным дымом побед.
В преданность главному веря
логос слагаю и голос, глаголом распет.

Было, решил — отболело:
сшил себе рот и молчанья сорил словарём.
Разуму данное тело
перегорало, пеклось несказанным огнём.

Бесами, бесами мучен
был: отшептали депешу шаманы всерьёз.
Гибельным тучам летучим
лишь оставалось обрушивать грозы угроз.

Ангелы, ангелы спели:
звуков созвездья и слуха восторженный нерв.
Песнями зыбкими с теми
ум удивлённый стрелой устремился наверх.

Донт, я пропел себе, уорри,
выпало солнце на горькую будней траву.
Хмари ли, хмури ли, хвори —
не поколеблют душистой души наяву!

Радужен отблеск мгновений,
претерпевает момент остановиться нужду.
В долгих степях размышлений
только об этом костры вдохновения жгу.

Гиблое выдалось время —
воздух дыханьем последних надежд врачевать.
Звякает пыльное стремя,
ветер торопит за вечной весной кочевать.

Возвращение

Языкант — то ли певчий акын, то ли Кант от Слова,
прислонился, косячник; вернулся на сцену снова.

Физкультурный привет углам, потолкам, подмосткам,
где бывал я когда-то задумавшимся подростком!

Да, упрямым подростком бывал я в пространстве этом,
замороженном страхом, смелостью перегретом.

И вернулся допеть. Быть-не быть, а судьба — игра нам.
Физкультурный привет, я допелся вернуть о главном!

Так волнуйся же свет неживой воспалённой лампы,
красный волк вдохновенья вздымает над речью лапы!

Красный волк вздымает лапы над речью-дичью,
распугав гамливых сомнений ватагу птичью!

Как укор пространству, звенящему безъязыко,
над пустыми парит рядами моя музыка.

Ускользает пустыми музыка над рядами
саундтреком драме о датском одном адаме.

Дивно смолвил актёр, как ещё не смогли другие,
втиснув космос идеи в короб драматургии.

Неспроста под утро частенько твердит отец мой,
как полезен Шекспир во время чумы окрестной.

Человек

человек-правдорез, человек-ледокол,
кока-колу и колокол, как приколот,
клею меж, потроша лошадиную дичь,
и глаголом искрю о глагол.

сотворён со времён буксовать, рисковать
(то ли сесть за изо, то ли пику сковать)
и бороться со тьмою алтайских пещер,
чтобы было зачем рисовать.

жизнелюбы мои оттого чертежи,
что надежду и веру пою не по лжи.
если падал, то голос шептал в голове:
«на созвездья глазеть полежи».

не затем я собой человек-человек,
чтобы пить кока-колу и жрать чебурек,
а затем, чтобы горы моих галерей
отыскал человек-имярек.

через тысячу лет, через тысячу ли,
перепачкав усталые кеды в пыли.
сделать селфи на фоне охотных рядов,
отвечая: «пошли» на «пошли».

долевая юдоль — выживать, выжимать,
стрелы злости из мяса души вынимать,
зная: небо присмотрит, как мудрый отец,
а земля приголубит, как мать.

Булат Ханов

Непостоянные величины

Роман

Высокоградусное доверие

Роман выдвинулся в центр города. Хотелось выломиться из привычного маршрута от школы до дома на Красной Позии, иначе рискуешь прикипеть ко всему заурядному. Сам не заметишь, как полюбишь сериалы на СТС и обзаведешься фразами вроде «А голову ты не забыл?» и «Расскажи всем, вместе посмеемся».

На Баумана Романа атаковали промоутеры. В руках очутились флаер на рулетик с баклажаном и листовка кафе «У часов». Чтобы избежать назойливых воспоминаний, Роман свернул на соседнюю улицу. Внимание привлек паб «Дублин» с выставленными в витрине бразильским флагом и футбольными майками.

Несмотря на воскресный вечер, паб встретил провинциальной вялостью. В первом зале бородатый бургер потягивал темное пиво у барной стойки. Два податых студента с опустевшими кружками подсчитывали, какую часть мелочи оставить гарсону на чай. В углу устроился аномальный персонаж приблизительно того же возраста, что и Роман. Он был одет в рубиновую рубашку и брюки с подтяжками. Перед ним высилась бутылка виски «Тичерз», из которой чудаки подливали скотч в бокал с толстым дном. Рядом стояла початая банка эля «Килкенни». Картофель фри был на тарелке.

Если посетитель упражнялся в эксцентрике, то получалось удачно.

Во второй зал Роман не пошел, по примеру бургера занял место у барной стойки и заказал полпорции «Гиннеса».

На третьем глотке Роман почувствовал, как его плеча коснулась рука. Тип в рубиновой рубашке, высокий и нескладный, без малейших признаков опьянения на лице, виновато улыбался.

— Кажется, я переоценил свои способности. Вы не можете мне?

Роман вопросительно глянул на чудака.

— День добрый. Помогу в чем?

— Как же в чем — в сохранении достоинства!

— Не понял.

Собеседник изобразил нетерпение.

— Все просто! Думаю, вы детскую порцию «Гиннеса» не из религиозных соображений заказали, а из финансовых. Мне же свое не выпить. Что мне теперь,

ударить лицом в грязь и унести бутылку в кармане? Я потом месяц от зеркал буду отворачиваться со стыда.

Роман не врубался. Не допил — оставил. Пожалел — притворился, что внезапно вызвали по делу, и забрал с собой. В чем, собственно, проблема?

— Перемещайтесь ко мне, я угощаю!

Незнакомец подкупал наивной манерой разговора и множеством лишних движений. Он всплескивал руками, подносил их к лицу, касался воротника, морщил лоб и совершенно не старался произвести впечатление нормального, добропорядочного гражданина. Будь что будет.

Едва Роман подсел, незнакомец потребовал у бармена второй бокал и заверил в чистоплотности намерений:

— Я не заднеприводный, можете не волноваться. Никаких манипуляций.

Официантка доставила драники с грибами. Чудак разлил виски и трепетно, точно кубок, взял бокал и втянул носом аромат.

— Будем считать, что меня зовут Азат. Вас как величать?

— Леопольдом Викентьевичем, — нашелся Роман.

Самонареченный Азат скривился.

— Не надо жеманничать, пожалуйста. Вам бы понравилось, если бы я выдал себя за Людвигу Эрнестовича?

— Роман я.

— Давай на ты, Роман. Короче, за знакомство, мой римский друг. За знаковое знакомство!

Азат предпочел закуске долгий глоток пива. Роман осторожно отхлебнул «Гиннесс» вслед за виски и медленно досчитал про себя до пяти, опасаясь, что отключится от такого коктейля прямо здесь. На череп словно легонько надавили изнутри — и отпустили.

— В шотландских барах виски запивают элем, — заметил Азат. — У меня, правда, «Килкенни», пиво ирландское, ну да ладно. Главное, что не английское. Ты был в Шотландии?

— Нет.

— И я. А хотел бы алкотур, как Иэн Бэнкс.

Азат не заботился, понимают его или нет. Он осыпал Романа ворохом автобиографических сведений сомнительной достоверности. Поклонник алкотуров писал прозу, но слово «писатель» не жаловал — исключительно по фонетическим причинам. На «мастера» Азат тоже не замахивался. Его крамольную антиутопическую повесть о вымышленном северном городке опубликовали в казанском журнале, за что мракобесное руководство этого издания уволило редактора, по чьей воле был напечатан текст. Через полгода московский фонд поддержки молодых авторов за ту же повесть присудил горе-литератору стипендию на путешествие в Норильск, послуживший прототипом северного городка.

— Какая история, а? Талантливого диссидента проклинает малая родина, а он добивается в итоге награды за самоотверженный труд. Со стороны выглядит так. Однако, — произнес Азат, поднимая указательный палец, — все было мелко, банально и некрасиво. Мне в этой ситуации не себя жаль, а редактора. Она-то работы лишилась. Виноват перед ней.

Азат утверждал, что его рекорд — бутылка виски за вечер. Это без пива. Если с пивом, то полбутылки и три «Крушовице» по ноль-пять. А напиться до чертиков дешевле всего, перемешав в эмалированной кружке теплую водку с кубанским каберне в пропорции пятьдесят на пятьдесят.

Под воздействием градусов Роман обмолвился, что приехал из Москвы. Далее последовала легенда о казанском дедушке и твердом намерении писать научную работу о поэте Перцове, друге Пушкина. Азат обозвал москвича романтиком и

признался, что в столице ему больше всего по душе район в округе станции метро «Спортивная» с домами в стиле конструктивизма.

— Я часто там гулял, — сказал Роман. — Мне и набережная нравится.

— Правда? — обрадовался Азат. — На Погодинской еще дом голубой с наличниками и посольство экзотическое! Как уж его...

— Иракское.

Литератор заговорил о грандиозных конструктивистских проектах, о мученической фигуре Ивана Леонидова, а Роман ошарашенно уставился на бутылку, даже не сияясь изобразить интерес к рассказу. В памяти всплыли затуманенные образы. Кира грозит, что заставит его скучать. Не сожалеть, а именно скучать. Роман без пояснений выдирает из рук опешившего промоутера стопку листовок и опускает их в ближайшую урну...

— ...Ле Корбюзье, сам Ле Корбюзье восхищался, представляешь? — продолжал Азат.

Роман жестом остановил его и залпом опрокинул бокал.

— Слушай, — сказал он, кривясь от большой дозы виски. — Слушай, пожалуйста.

Он рассказал почти все, прерываясь на глоток-другой. Умолчал только о сверхъестественном избавителе, который спустился из ниоткуда и дружески положил руку на плечо.

— Мощно, — нашелся многословный до того литератор.

Они выпили за самую драматическую профессию в мире — за учителей.

Алкоголь пробуждал тягу к длинным и вычурным речам.

По словам Азата, ежедневная норма О'Генри составляла два литра виски. Знаменитый американец на доходы от творчества снимал просторные апартаменты в нью-йоркских гостиницах и заказывал костюмы у лучших портных. И это в меркантильном обществе, поклонявшемся доллару. Сегодня же автор может лишь мечтать о подобных гонорарах.

Азат утверждал, что искусство нуждается в бескомпромиссном и бесстрастном изображении современной школы. Гай Германика преднамеренно сгущает краски, «Физруку» место на свалке, а Алексей Иванов при всем обаянии порой неубедителен в деталях. У него получается, что Служкин, преподавая экономическую географию в девятом классе, имеет ставку всего три часа в неделю и живет на эти деньги. Ясно, что художественная правда не равняется правде жизни, но не до такой же степени.

Литератор оборвал себя на полуслове. Машинально поправив съехавшую с плеча лямку подтяжек, он выразил желание подкрепиться:

— Знаю тут столовую одну, — заговорщицким тоном сообщил Азат, словно речь шла по меньшей мере о тайном сообществе. — Настоятельно предлагаю переместиться. Я угощаю.

Отяжелевший Роман не возражал. Азат расплатился за себя и за нового московского друга. На улице обнаружилось, что литератор даже не пошатывается от выпитого.

Ветер, как назло, дул в лицо. Несмотря на никудышную погоду, промоутеры на Баумана бойко сновали между прохожими и тыкали под нос яркие листовки. Промоутеры, сочетавшие в себе достоинства киников и стоиков, мужественно сохраняли беспечность посреди кутерьмы и не реагировали на оскорбления. Из невидимого репродуктора лился женский голос, преисполненный ласки и заботы: «По словам психологов, именно сегодня человечеству нельзя отказывать себе в удовольствиях, поэтому специально для вас...»

— Ненавижу, — проскрежетал Азат. — Удовольствий ей не хватает. Именно сегодня. Чума стучится в двери, а они мартини с маффинами жрут. Салтыкова-Щедрина на вас нет.

На пути образовался краснорожий пьяница в тулупе.

— Пацаны, выручайте, мелочь нужна!

— Студенты мы голодные, — проворчал Азат, ускоряя и без того не медленный шаг.

— С тобой все в порядке? — осторожно поинтересовался Роман, догоняя спутника.

— Приношу извинения, — сказал Азат. — Нервы расшатаны. Это ведь центральная улица, лицо города. Попробуй пройти ее от начала до конца. С пульсометром. Посчитай, сколько раз пульс вырвется за пределы нормы.

— Для чего?

— Для того чтобы определить, какое оно — это лицо города. Посчитай, сколько раз к тебе обратятся. Промоутеры, дистрибьюторы, алкоголики, бабки с протянутыми дланями...

— Это нервирует, — согласился Роман.

— Это пожирает! — воскликнул Азат. — Самое гнусное не в том, что мелочью просят выручить. А в том, что лица у них не добрые. Не одухотворенные. Злые, грубые, лукавые, наглые, самодовольные, остервенелые, но не добрые. Центральная улица, напоминаю.

Роман присмотрелся к прохожим. Суждение Азата не сильно расходилось с истиной. К ряду эпитетов стоило отнести «пустые» и «унылые».

Спутники приблизились к заведению с простым названием «Добрая столовая». Пока поднимались на второй этаж, Азат поделился историей, как у него с друзьями зародилось альтернативное наименование — «Злая пекарня». Роман охарактеризовал переделку как остроумную.

Многочисленные едоки поглощали борщ, тефтели с картофельным пюре и запивали компотом. Компания боевых старушек оккупировала стол в середине зала. Бабки молча и с невероятной скоростью выделяли пальцами замысловатые жесты, подчас перебивая друг дружку и даже корча потешные рожицы. В стане глухонемых разгорались страстные баталии.

Азат, втиснувшись в очередь, взял овощной суп, макароны со стручковой фасолью и виноградный сок. Роман автоматически заказал то же самое. Цены поражали: на сотню рублей можно было объесться солидными порциями первого и второго и в придачу разжиться компотом со сладкой булочкой. То, что булочки здесь пекли первосортные, подтверждал запах: в столовой пахло не кислыми шами, а любовно приготовленной выпечкой.

Когда Азат и Роман достигли кассы, из-за их спин вынырнул курносый малец с темным лицом и хлопнул свой поднос с пшенкой перед кассиршей, чтобы расплатиться быстрее.

— Эй, парниша, — пробормотал Азат.

— Какой я тебе парниша, — огрызнулся малец с характерным южным акцентом.

— Ты стоял после нас, — сказал Азат.

— Иди ты.

Дерзкие карие глазки не моргали. Из-под лыжной шапки, нахлобученной на голову, торчали черные волосы.

Азат, смешавшись, отступил. Дождавшись очереди, он протянул кассирше деньги, засунул скомканный чек в карман и последовал к свободному столику нервической походкой. Руки с подносом дрожали.

Добредя до углового стола, Роман неспешно выгрузил тарелки рядом со спутником и произнес как бы невзначай:

— Соль забыл.

Роман направился к курносому, в одиночестве уплетавшему кашу. Лицо детское, пусть и намечается чернота под носом. Класс восьмой.

— Ты бы извинился перед моим другом, — сказал Роман, у которого начинала болеть голова от выпитого.

Наглец бросил взгляд исподлобья и промолчал, продолжая жевать. Ложку он держал основательно, всей пятерней.

— Ты глухой?

— Чего пристал? — отозвался малец без тени боязни. — Иди давай.

Роман скрутил парнишке ухо и выдернул из-за стола. Стул упал. Столовую огласил визг, как будто кому-то по меньшей мере вырвали ноготь. Какой стыд. Роман протащил упиравшегося наглеца до двери, как нашкодившего ученика, и толкнул ее свободной рукой. На лестнице шкет начал ругаться на родном языке, брызжа слюной, и поскользнулся на ступеньке. Если бы не твердые пальцы, вцепившиеся в его ухо, курносый полетел бы головой вниз.

На улице Роман отпустил мальчика и похлопал его по щекам, чтобы привести в чувство. Шкет с ненавистью уставился на обидчика.

— Слушаешь?

Сопение в ответ.

— Короче. — Роман схватил парнишку за воротник. — Еще раз протолкнешься без очереди, нагрубишь кому-нибудь или обидишь кого-то, жди проблем. Я за тобой приду. Может, через день, а может, через месяц. Или позже. Но я за тобой приду.

Роман швырнул любителя пшенки в снег и вернулся за стол к Азату. Внутри все kloкотало. Пульс определенно выбился за пределы положенных шестидесяти—восьмидесяти ударов в минуту.

— Суп остыл, — констатировал Роман, попробовав.

— Не жестко ты с ним? — спросил Азат.

— Я знаю, кем они вырастают, если в детстве потакать их распушенности. Пусть приучается к тому, что не все дозволено.

— И все же...

— Он неправ, — отрезал Роман.

Азат нацепил на вилку макаронину и сосредоточенно разжевал.

— Он, наверное, братьев сейчас позовет.

— Он — неправ. Забудем о нем.

Всем видом Азат показывал, что не прочь свалить из столовой. И поскорей. Роман, с завистью поглядывая на бойких бабок, с подчеркнутой независимостью перетиравших на пальцах старушечьи дела, расправился с ужином и поддался уговорам литератора посетить чудесный парк «Чёрное озеро» с многовековой историей. Всю дорогу Азат оборачивался, точно выискивая глазами разъяренных братьев, одержимых местью.

По пути литератор познакомил Романа с потертым годами конструктивистским домом в форме буквы П. Расположился дом на улице Дзержинского. Как выяснилось, казанцы десятилетиями пугали друг друга чекистскими застенками в округе «Чёрного озера». По слухам, в тайных подвалах спятившие от крови и кокаина палачи расстреляли тысячи людей.

Перед спутниками простерлось футбольное поле в сугробах. Трибунами служили длинные скамейки, выстроенные в несколько рядов. Смахнув снег с краешка ближайшей скамейки, Азат присел. Роман примостился рядом и начертил указательным пальцем на снегу букву К. Вскоре под ней, невидимой строкой ниже, образовалась буква Р с кривой палочкой. Контрольная работа, например. Каста роботов или кровавый рассвет.

— Я ведь жутко проблемный человек, — признался Азат. — У меня сердце изношенное, как у старика. Аритмия, нарушение проводимости. Блокады, экстрасистолы и другие радости. Жизни лет на десять отмерено. Казалось бы, стимул собраться, посвятить себя самому важному. А мешает целый ворох психологических прелестей. Агорафобия та же.

— Боязнь открытого пространства? — уточнил Роман.

Азат кивнул.

— У меня девушка — психолог. Дипломированный. Мы практикуем аутотренинг. Она советует дозированно появляться в людных местах.

— Терпеливая она у тебя, — сказал Роман.

— Любовь долготерпит. — Азат усмехнулся. — Только не помогает этот аутотренинг. Клянусь, не помогает. Психологический метод — это значит докопаться до дна своих переживаний. Разобрать на винтики механизм, который запускает тревогу.

— Перевести подсознательное в сознательное, — подсказал Роман.

— Точно. И что же ты думаешь? Осмыслить переживания не значит сделать их менее глубокими. А от прозака и прочих лекарств у меня разум мутнеет. Я вообще писать не могу под таблетками.

— Что угодно, лишь бы не таблетки, — сказал Роман. — С прозаком ты рискуешь потерять воображение — твое единственное преимущество. Единственное преимущество в мире недобрых лиц.

Азат слепил снежок и без замаха швырнул его на футбольное поле.

— Мне говорят, что это пройдет, это надо пережить, — сказал он. — Как будто потерпишь чуток — и невзгоды исчезнут. Любой дурак в курсе, что не исчезнут. Тогда что надо пережить-то? Жизнь?

Роман аккуратно положил руку на плечо Азату, опасаясь, как бы жест ни был истолкован превратно.

— Наверное, я скажу банальность. Может, тебе сосредоточиться на том, в чем успеваешь лучше всего? Будь то творчество или что-то иное. Вероятно, в таком случае ты не будешь столь беззащитным перед страхами. И не надо отдавать себя на растерзание людным местам.

— Считаешь?

— Исхожу из собственного опыта, — сказал Роман, убирая руку. — Я кидался в крайности. То бросал вызов страхам, то прекращал борьбу и полагал, что наиболее верное решение — притвориться мертвым.

— Притвориться мертвым?

— Интересоваться тем, чем интересуются остальные, — пояснил Роман. — Смотреть видеоролики с высоким рейтингом. Читать бестселлеры. Впитывать новые слова из интернет-жаргона. В общем, не привлекать внимание.

— Получалось? — спросил Азат.

— Нет. И тогда я снова давал бой страхам. Я воображал, будто учусь плавать, хотя только бултыхался в воде.

Азат протянул Роману руку, и тот ее пожал.

— По правде говоря, я по-прежнему бултыхаюсь, — сказал Роман. — Может быть, более осмысленно. Без паники и с улыбкой.

В падающем самолете

Хапаева из 11 «А», отстав от своего класса на перемене, преподнесла Роману душевспасительную брошюру с картинками. Как Библия для детей, только адаптированная под учение Свидетелей Иеговы. По словам Хапаевой, в брошюрке содержались ответы на все философские вопросы и драгоценные мысли, выстраданные древними мудрецами.

— Будет хорошо, если вы выскажете собственное мнение, — произнесла Хапаева.

— Не уверен, что тебе оно понравится.

— Попробуйте. Только никому не показывайте.

Впоследствии Роман не раз пожалел, что согласился. Что дерзнул открыто противостоять фанатизму. Что дерзнул дерзнуть.

Хапаева заявила после уроков, когда школа стремительно опустела. Прежде чем поинтересоваться, впечатлился ли педагог выстраданными мыслями, ученица притворилась за собой дверь.

Роман постарался быть деликатным. Начал с того, что существует множество точек зрения на мир и религия лишь одна из них. Сказал, что у любого подхода есть пробелы и ограничения: у научного, у философского и у религиозного, само собой. Хоть ученые и мыслители выказывают порой нетерпимость, с верующими и уж тем паче со священнослужителями в бесцеремонности им не сравниться. Мягко отведя в сторону вопросы о личных воззрениях, Роман продемонстрировал Хапаевой фрагменты из брошюры, где нелогичность и категоричность религиозных суждений проявлялись во всей наготе. Какие бы противоречия ни таились в Новом Завете, в нем не ощущалось и тени той натянутости и изворотливости, что выпирали из брошюрки от Свидетелей.

Роман никогда бы раньше не подумал, что будет приводить в пример Новый Завет.

— В падающем самолете атеистов нет, — сказала Хапаева.

— И что это доказывает?

— Что обреченные чувствуют приближение Бога.

— А по-моему, что человеку свойственно надеяться даже в безвыходных ситуациях.

Контрдоводов у ученицы не нашлось.

— Вам надо составить более полную картину о вере, — сказала она. — Приглашаю вас посетить наше собрание. По воскресеньям мы разбираем Библию. Каждый имеет право выступить. Вы тоже можете высказать мнение, какой смысл заложен в тех или иных строках.

— Благодарю покорно, но нет.

Хапаева вроде как восприняла отказ с пониманием и откланялась.

А на «Мастере и Маргарите» спровоцировала Романа на религиозный диспут. При всем классе.

Все началось с невинного учительского разъяснения тонкостей советской литературы и значимости богоборческих мотивов в период ее становления. Это соприкасалось с тематикой дипломной работы Романа, поэтому он из ностальгических побуждений поделился некоторыми накопленными за годы студенчества сведениями с 11 «А».

Хапаева расценила это как симпатию к Берлиозу и атеистам и поведала много лет гуляющую по социальным сетям притчу о Боге и парикмахере. Притча повествовала о парикмахере, который разуверился во Всевышнем и задался вопросом, почему на свете столько болезней и несчастий и куда Он смотрит. В ответ смущенный клиент молвил, что разочаровался в парикмахерах, потому что кругом полно нестриженных и нечесаных.

Роман разразился тирадой. Парикмахер, в отличие от Бога, не плодил тех существ, чья прическа не соответствует приличиям, и с ними никаким боком не связан, поэтому не ответствен за них. Творца же, говоря по справедливости, давно пора судить за бездарное шефство над авантюрным проектом, потому что ситуация вышла из-под контроля уже тысячелетия назад, а Его уполномоченные представители, начиная от Ноя и других допотопных патриархов и заканчивая Мухаммедом, только дали повод приумножить лицемерие на планете.

После уроков Романа пригласил к себе Марат Тулпарович.

— На вас поступила жалоба, что вы пропагандировали атеизм на уроке, — сказал директор. — Это правда?

Дело пахло жареным. Приближался второй штраф.

— Клевета! — заявил Роман. — Мы разбирали «Мастера и Маргариту». Там есть персонажи-атеисты.

— Берлиоза имеете в виду?

Роман аж подскочил, будто Марат Тулпарович предложил ему помощь в борьбе с мракобесием.

— Именно. Помните их диалог с Бездомным в начале? Мы анализировали эпизод. Я растолковал, что это рядовая ситуация для советской литературы. Хапаева заподозрила во мне атеиста и стала горячо возражать. Она затеяла спор.

Роман почувствовал, что его тон смахивает на интонацию объяснительной записки.

— Впредь держите себя в руках, — посоветовал директор. — И будьте осторожны с антирелигиозными высказываниями. У нас все-таки не СССР.

— Конечно, не СССР. Хапаева, вон, брошюры в школе распространяет. Раньше бы ей не позволили.

— Что? — воскликнул Марат Тулпарович. — Опять? Я с этим разберусь. Вы свободны, Роман Павлович.

Роман чуть ли не вприпрыжку мчался к кабинету.

Калуга

Ближе к весенним каникулам на Романа свалилась очередная обязаловка. Директор на совещании поручил учителям обход микрорайона. Полагалось стучать в двери, вежливо представляться и спрашивать, нет ли в семье детей до восемнадцати лет. Все дети подлежали учету: требовалось записать их полное имя, адрес, дату рождения, номер школы или детского сада и национальность. Марат Тулпарович напомнил, что по Конституции каждый обязан получить основное общее образование. Если на территории, подведомственной кому-нибудь из педагогов, в будущем обнаруживался ребенок восьми лет или старше, не прикрепленный ни к какой школе, то виноватым оказывался именно педагог.

— Марат Тулпарович, почему РОНО это на учителей вешает? — выразила недовольство Лилия Ринатовна. — Эффективнее и проще прийти в поликлинику и запросить данные у них. Или у милиции.

— Вы который год это твердите, Лилия Ринатовна. РОНО доверяет эту задачу вам, и справляться с ней должны вы.

Роману для обхода достались две улицы в частном секторе, Кривая и Кривой Овраг, а также три высотки в другой стороне, на Заслонова и на Вишневого. Само собой, увлекательный квест по поиску детей государством не оплачивался.

Роман запланировал рейд на воскресенье. Интернет-карты уверяли, что по Кривому Оврагу располагалось лишь одно строение, поэтому акцент смещался на Кривую. Мимоходом Роман пробежался глазами по названиям остальных улиц рядом с ней: Центральная, Ракетная, Сборная, Тихая, Рабочей молодежи, Кузнечная, Долинная, Закамская, Вятский Овраг. Гроздь диковинных имен, окруженных сказочным ореолом. Мнилось, что на Рабочей молодежи живут трудяги рубанка и токарного станка, щеголяющие в штанах с подтяжками и смолящие папиросы, а на Тихой никогда не поют колыбельных и не включают радио. На Ракетную периодически наведываются космонавты, на Сборную — олимпийцы. Кузнечную оглашает зычный звон молота, а в Долинной на сочных лугах пасутся стада буренок с тучными боками. Когда напор наивной фантазии схлынул, Романа осенило: это же Калуга, а не сказочное королевство. Та самая Калуга, о которой в августе рассказывал Максим Максимыч. Топь, болото, по Далю. Район для тех, кто закален духом и не боится погодных причуд.

Наибольшую часть строений на Калуге составляли немолодые домики, кирпичные или деревянные, чаще всего с огородом. Роман стучал в калитку и ждал ответа. Отворяли неохотно, а заводили разговор и того неохотнее. Роман чувствовал себя инородным телом на земле с древними обычаями, чужаком с интеллигентной сверх меры речью и неуверенными жестами. За полтора часа ему удалось записать только четверых детей.

Попадались и богатые дома вроде просторного двухэтажного особняка, увенчанного алой черепичной крышей с мансардными окнами. Особняк окружал забор из желтого кирпича. На кованом заборе, по обе стороны массивных ворот, восседали вычурные горгульи, стерегущие вход. Буржуины с черепичной крышей также не отреагировали — ни на звонок, ни на стук.

Путь на Кривой Овраг пролегал по склону. Потемневший и набухший снег проседал под подошвами, и разок Роман едва не покатился кубарем по горе крутой, как герой известного стихотворения. Спас инстинкт: корпус откинулся назад, ноги же на слегка согнутых коленях будто срослись с землей. Дальнейший спуск был преодолен в черепашьем темпе. Овражный желоб встретил талой водой по щиколотку. Пробираясь к одинокому домику, Роман едва не распорол голень об арматуру, коварно растущую из лужи. Арматура тут же была окрещена подлым подснежником. А дверь никто не открыл, как ни барабанил Роман, поднявшись на крыльцо.

Дорога наверх предстояла по тому же склону.

Калуга, настоящая Калуга.

Отобедав маковым бубликом и оттерев салфеткой грязь с кроссовок, Роман двинулся на высотки. Им овладело твердое намерение не задерживаться перед каждой квартирой больше тридцати секунд, если там не отвечают. Подъездов и этажей много, учитель — один.

Дошагав до первого домофона, Роман набрал номер случайной квартиры и пробасил: «Почта!»

Режим нон-стоп активирован. Пора.

Примерно на сороковой квартире Роман начал составлять классификации дверных звонков. Они делились на рабочие и сломанные, нервные и бодрящие, затяжные и короткие, голосистые и охрипшие. Хозяева делились на добрых, хамских и никаких. Добрые отворяли, вежливо выслушивали и выкладывали сведения о детях, если таковые имелись. Хамские всем видом показывали, что делают одолжение, идя в контакт, говорили отрывисто и грубо. Никакие смотрели в глазок почти не дыша и на цыпочках отступали от двери.

Целая галерея социальных типов промелькнула перед глазами Романа.

Испещренный наколками уркач в тельняшке сверкнул золотыми зубами и осклабился.

— Танюш, сюда иди, — крикнул он не оборачиваясь. — Быстрей, тут господин ждет. Есть у нас дети?

Прибежала раскрасневшаяся Танюша с мокрым дуршлагом и заявила, что нет.

Усатый мужичок с упертыми в бока руками известил, что детей до восемнадцати нет, в то время как из-за его спины высовывалась испуганная девочка с рыжей косой.

Перед носом пролетел попугай, выпущенный рассеянной хозяйкой.

— Меня Гульсина зовут, а попугая — Вениамином. Вас как? Да, Роман Павлович, у меня две дочери. Записывайте. Веня, прочь! Извините.

Мама из дружной семьи Рожковых с гордостью представила сына Добрыню Никитича, разъезжающего по дому на трехколесном велосипеде.

— Имя настоящее, уверяю. Не шутка. Он у нас богатырем растет!

Шпана, хихикая, промчалась по лестнице с кальяном, на ходу вырывая его друг у друга. Хулиганье материлось — не виртуозно, зато азартно.

Из квартиры безмолвного наркомана с обесцвеченным, почти омертвевшим

взором донесся резкий химический запах — то ли жженная резина, то ли очередная соль для ванн. Укуренный шатался, держась за дверной косяк.

Накрашенная грудастая девушка в коротком белом свитере и юбке в шахматную клетку сразу принялась кокетничать.

— Детьми я пока не обзавелась, нахожусь в поиске достойного папы. А вы в школе преподаете? Что ведете? Вы такой молодой и красивый. Жаль, у меня по русскому была злая и вредная училка. Обижала нас.

В финале миссии, достигнув последнего этажа, где запыленная лампочка источала тусклый свет, Роман почувствовал себя привидением. Продолжая громко стучать в обитую дерматином дверь, он отмечал в квартире несомненные признаки жизни: пахло жареной картошкой, звенела посуда, звучал голос ведущего теленовостей. Хозяева словно растворились в быту. А может, Роман переместился в иное измерение и мог привлечь внимание только других призраков, таких же неприкаянных, как и он.

Наверное, это и есть одиночество.

Роман трижды прокатился в пустом лифте, прижавшись лбом к стене, пока на первом этаже в кабину не завалилась косолапая бабка с клюкой.

Усталость настолько впилась в Романа, что он отправился домой неправильным путем и очнулся уже в круглосуточной забегаловке-стекляшке с банкой пива и капустным пирожком в руках. Жужжал телевизор: семья из ситкома ссорилась из-за того, чья очередь мыть раковину. Роман обхватил голову руками.

— Вам плохо? — спросила девушка за кассой.

— Пожалуй, с меня хватит на сегодня, — сказал Роман.

Он запихал невкусный пирожок в рот и оставил пиво на столе.

Логические рамки

Только бы день простоять да ночь отоспаться.

Этот нехитрый девиз Роман возвел в принцип в финале третьей четверти, в канун равноденствия. Погребенный под контрольными, административными, проверочными и прочими печальями, Роман размышлял о семичасовом сне как о недостижимом блаженстве. Внутренний бунт против христианских писаний и непреложных догм вспоминался с грустной иронией. Неужели было время, когда его интересовало что-то кроме тетрадей и оценок?

Верным признаком измотанности стало искаженное прочтение вывесок и объявлений. Внимание рассеивалось, и «торты» в глазах Романа изменялись на «трупы». Место кондуктора оборачивалось мстостью кондуктора, а в шаурмечную требовался не мучник, а мученик. Роман начинал беспокоиться за собственное психическое здоровье. Школьники, сами того не ведая, увеличивали тревогу своего учителя, творя ужасные вещи с языком. В работах учеников взращивались такие чудовища, как «натюрморт» и «дедство». «В благородном прорыве» дети совершали хлесткие оговорки. «Словарь устаревших слов» с легкой руки Сумароковой из 6 «А» превратился в «Словарь устранных слов».

Такой жемчужине позавидовал бы Оруэлл.

Обычно по пятницам Роман сразу после совещания возвращался домой, испытывая облегчение или досаду — в зависимости от того, навязал директор дополнительные заботы или нет. Накануне выставления четвертных оценок правило было нарушено. Роман решил, что добьет пачку тетрадей с сочинениями по Куприну в школе, лишь бы не тащить с собой эту обузу, грозящую смять последний редут здравого смысла в голове.

Лучшие сочинения Роман приберег на конец проверки. И как раз до них он не добрался. В дверь кабинета постучали, и Марат Тулпарович ступил через порог.

— Роман Павлович, требуется ваша помощь.

Роман опустил ручку на парту, обреченно ожидая продолжения.

— Как вы знаете, сегодня праздник — годовщина воссоединения Крыма с Россией, — заложил вираж директор.

— Конечно, я помню, — сказал Роман. — Эпохальное событие.

Он впервые слышал о таком празднике.

— Мы отправляемся на торжественный митинг, — сказал Марат Тулпарович. — Вижу, вы уже завершаете работу? Это чудесно. Мы приглашаем вас примкнуть к нашей дружной компании.

Роман покорно примкнул. Дружную компанию составляли директор, Рузана Гаязовна, Элина Фаритовна, Вадим и географ Вера Семеновна. Максим Максимович праздновать наотрез отказался. Свидетелем их с Маратом Тулпаровичем небольшой перепалки Роман стал в фойе.

— Дело не в патриотизме и в Путине, вы поймите, — утверждал англичанин. — Мне нет дела до Путина и до оппозиции, как и им нет дела до меня. Родину я люблю. Если надо будет, пойду на войну за нее.

— Разговоры — это одно...

— Пойду без разговоров, — перебил директора Максим Максимыч. — А митинг — это пустозвонство. Вы, Марат Тулпарыч, это прекрасно понимаете. Я мог бы притвориться, что забираю дочь из гимназии или мне надо к врачу. Мог бы сказать, что по уставу митинговать не обязан. Но я выскажусь прямо: я не хочу туда.

— Что ж, ценю вашу честность, — сухо произнес Марат Тулпарович. — Только она отрывает вас от коллектива. Вы будто считаете, что честнее нас. Это неправильно.

Как человек, убежденный, что последний ход будет за ним, директор великодушным тоном пожелал Максиму Максимычу удачного пути домой.

Ради митинга перекрыли движение через громадную площадь. Она упиралась в тарелку цирка и Центральный стадион с одной стороны и в холм — с другой. На холме возвышались окруженные крепостными стенами легендарный белокаменный Кремль и знаменитая мечеть Кул Шариф с голубыми минаретами и куполом. Достопримечательности для туристов из разряда первостепенных. Будучи в Москве, Роман не предполагал, что познакомится с ними столь странным способом и так поздно.

Маленький отряд под предводительством директора пробирался сквозь толпу. Не считая выдернутых со всего города бюджетников, на площади хватало люда. Группа бравых молодых активистов несла на хоругвях Христа. Невдалеке в чьих-то твердых руках развевался по ветру красный флаг «КПРФ» с серпом и молотом. В импровизированном круге отплясывала под музыку команда девушек в татарских национальных костюмах. Вездесущие торгаши расхваливали свои пирожки и рекомендовали вооружиться биноклями по выгодной цене. От потока нелепостей у Романа кружилась голова.

Реальность со всей прямоотой намеревалась обезумить его.

Марат Тулпарович остановился рядом с низенькой дамой в пальто и шляпке. Дама стояла наготове с блокнотом и ручкой. Роман на секунду подумал, что они обменяются кодовыми словами. Крым наш или что-то в том же роде.

— Добрый день, Наиля Гилязовна! — сказал директор.

— И вам того же, Марат Тулпарович! Приехали, значит.

— А то. Целых восемь человек от нашей школы. — Директор обвел рукой своих подопечных.

Наиля Гилязовна, зорко всмотревшись в шестерку прибывших, черкнула отметку в блокнот.

— Восемь так восемь, — сказала она. — Вы вовремя, скоро самое основное. Продвигайтесь к сцене.

Роман держался вместе с остальными, убеждая себя, что действительность не

укладывается в логические рамки и это нормально. Примерно о том же, только другими словами, вещал со сцены некий мусульманский духовный лидер в тюбетейке и в расписном кафтане почти до пят. Он авторитетно утверждал, что крымчане сделали выбор сердцем, а это главное в жизни — примирить веление сердца с божественными законами.

Роман вздрогнул и обернулся, почувствовав прикосновение к плечу. Позади улыбался Самарцев.

— Тоже не устоял перед праздником? — сказал он вместо приветствия.

— Я не из равнодушных, — ответил Роман.

Пожав друг другу руки, они чуть отступили в сторону.

— Максимыч не с вами?

Роман вкратце изложил ему историю, приключившуюся в фойе.

— Опять ежом прикидывается, — заключил Михаил Михайлович.

Их прервал гул аплодисментов, сопровождавший выход к микрофону невысокого дядьки с добрым татарским лицом. Где-то Роман уже видел его: тот же прищур, та же улыбка.

— Кто это? — спросил он у Самарцева.

— Ну даешь, любезный! — воскликнул Михаил Михайлович. — Это же Президент Татарстана.

Портрет Президента висел в кабинете ОБЖ, где по пятницам собирался педсовет.

— Я в Москве восемнадцать лет не был, а Собянина в лицо узнаю, — сказал Самарцев.

— Это не столичные замашки, — сказал Роман. — Если вас утешит, я и Собянина смутно представляю.

Самарцев промолчал, лишь пошевелил усами. Через некоторое время он вздохнул и произнес, не отрывая взгляда от сцены:

— Максимыч, значит, диссидентствует потихоньку. Эх, хороший мужик. Трудно ему.

Письмо № 5

От кого: Абулиева Абдерита Агномовича, город Автаркия, улица Адовых Андрогинов, дом 91, квартира 1, 674328.

Кому: Компульсивной Катаlepsии Дистимиевне, город Эхолалия, улица Бреда Преследования, дом 27, квартира 8, 352821.

Каникулы, в школе тишина. Светает раньше, и небо синее. Мне радостно, когда надрыдают глотки беспардонные воробьи. Казалось бы, вот незавидная доля: от котяры усатого спасся, крошку склевал — и день уже удачный. А все равно чирикают. Потому что весна. И точка.

Хватаю подробности отовсюду, словно истосковался по жизни. Как с орбиты вернулся, хотя всего-то оторвался от тетрадей и учебников. Может быть, тебе смешно, но в финале Самой Длинной Четверти посреди ночи я вскакивал от кошмара. Снилось, будто не заполнил графу с домашним заданием в электронном журнале, за что директор оштрафовал меня на мартовскую зарплату и отчитал на совещании.

Я всерьез опасаюсь за свой рассудок. Словарь психиатрических расстройств изучен мной вдоль и поперек. Нашел у себя ряд признаков, согласно которым мне пора в дом умалишенных на ПМЖ. Наверное, окружающие не замечают моих отклонений, поскольку сами и подавно спятили. Причем как дети, так и взрослые. Девииции — это норма, а норма — это девиации. За нарушение прав сумасшедших — расстрел на месте.

Если честно, без иронии, то есть совсем честно, есть подозрение, что у меня

маниакально-депрессивный синдром. Апатия, или как там это называется, сменилась необъяснимым задором. Я отлично высыпаюсь за пять часов, перепархиваю через лужи и почти не ем. В эту самую секунду, набрасывая вдохновенные строки, я едва сдерживаюсь, чтобы не станцевать рок-н-ролл на парте, пока никто не видит. Письмо тоже стряпаю не от скуки, а от избытка внутренних резервов.

Это непорядок, потому что по календарю самое время для хандры. Это ведь март, а он знает толк в депрессиях. Как и ноябрь. Помнишь, мы каждому месяцу придумывали соответствующего персонажа. Ноябрь и март — это длинные сутулые господа в темных пальто и шляпах, в черных перчатках и ботинках, побрызганных водоотталкивающим спреем. Воротники их приподняты, лица мрачны, взгляд неуловим. К иронии и к сентиментальности они нечувствительны.

С ноябрем я ладить не научился, зато с мартом мы помирились. Почти. То есть я мирюсь с ним. Он уступит апрелю, а там снова накатит тоскливая тоска. Таков мой клинический прогноз.

Не рискну перечитывать. Во-первых, много глупостей написал. Во-вторых, снова отыщу у себя вагон дурных симптомов, жить с которыми решительно невозможно.

В ожидании разрывов

Коренной москвич — это совсем не то же самое, что коренной вашингтонец, коренной лондонец или парижанин. Там разрыв между центром и периферией не столь велик, насколько понимал Роман. Его никогда не распирала гордость от осознания факта, что в глазах некоторых он обладает исключительным статусом. Москвич и москвич, коренной и коренной. Черт с ним.

Лишь в раннем детстве да в младших классах Роман испытывал восторг, когда имя его улицы звучало в названии известнейшей телепередачи. «Голубой огонек на Шаболовке». В такие секунды у маленького Романа резко поднимался дух и он чувствовал чуть ли не личную ответственность за новогоднее настроение целой России.

Детсад и школа отложились в памяти избирательно, вспышками. Мама Романа научила его читать в четыре года, а уже через месяц он без чьей-либо помощи одолел «Фантазеров» Носова. В четырнадцать Роман с родителями отправился в Геленджик, где папа научил сына плавать по-лягушачьи. Полноценный брасс Роман так и не освоил, боясь полностью опускать голову под воду в момент, когда руки вытягивались вперед.

Между этими событиями уместилось еще одно, не менее значимое. Когда Роман заканчивал пятый класс, двоюродный брат Слава насмерть бросился в лестничный пролет с четвертого этажа. Брат учился в техникуме, играл в рок-группе и любил лазить по заброшенным зданиям, будь то старинные особняки, склады или заводы. Тетя Лида, шепчась с мамой Романа, призналась, что Слава принимал какие-то галлюциногенные вещества и ежедневно пил анальгин.

Роман редко общался со Славой и по мере возможности не появлялся у них с тетей дома. После развода тетя Лида сделалась набожной и стала развешивать в доме распятия и иконы. Они подстерегали повсюду, кроме Славиной комнаты и ванной. Под осуждающе-серьезными взорами Христа, Богородицы и многочисленных святых Роман ощущал себя тревожно. Мелкие проступки в его воображении представляли непростительными грехами. Вдобавок тетя Лида не проветривала квартиру и покупала маловаттные лампочки. Тусклый свет вкупе с затхлым запахом усиливал гнетущее впечатление.

На поминках по Славе Роман прокрался в его комнату и неожиданно для себя

стащил с полки губную гармошку. В игре на ней двоюродный брат преуспел меньше, чем в игре на гитаре.

Через несколько месяцев обнаружилось, что иконы проникли в Славину комнату и в ванную.

В университете Роман, приобретший привычку анализировать все, пришел к выводу, что именно в школьные годы сложилось его отношение к фундаментальным вещам. В старших классах исчез всякий интерес к политике. Отныне политика представлялась огороженным флажками пространством, где резвились шуты и балаганные деды, каждый в своем амплуа.

Другое важное открытие заключалось в том, что в школьные годы Роман разубедился в способности религии и науки постичь истину. Что касалось первоначала, и христианство, и естественные дисциплины упирались в тупик. Религия рассказывала, откуда взялся мир, но умалчивала, откуда взялся Бог. Наука продвинулась далеко в объяснениях, из чего состоит космос и как его части функционируют, но не отвечала на вопрос, откуда космос возник. Первопричина оставалась овечьей туманом. Логика и здравый смысл утверждали, что загвоздка в принципиальной невозможности сотворить что-то из ничего.

Со школьными приятелями Роман виделся раз в год, обычно в июле, после сессии. Они играли в пул, а затем пили пиво в «Камчатке».

В университете компания подобралась сплоченной. Солировал белорус Егор Климович, который без устали повторял, что по правилам его нужно величать Ягором. Он обладал легким акцентом. Роман подозревал, что акцент наигранный и пользуется им Климович для некоего обаяния.

Гриша Тыквин, который, судя по фотографиям, обзавелся усами еще в выпускном классе, помнил наизусть около сотни эпиграмм и донимал всех своими свежими научными изысканиями. В целом терпимый и открытый, Гриша ненавидел голубых и девушек с сигаретой.

— В Иран тебе пора, Тыквин, — говорил Егор.

— Еще лучше — в Ирак, — добавлял Юра.

Юра Седов сочинял электронную музыку и выступал за факультетскую команду КВН. Он жил без родителей в однокомнатной квартире в Черемушках. Время от времени к нему заселялись пассии на срок от двух недель до полугода, и Юра непременно приводил в компанию новую подружку. Роман, Егор и Гриша делали вид, что рады за друга, и поздравляли очередную Катю, Таню, Лену с удачным выбором.

Курсовые и диплом Роман писал по поэтике соцреализма, несмотря на то что прекрасное советское далёко никогда не влекло Романа, как не влек своей гармонией и стройностью «единственно правильный метод». По большому счету, Советский Союз представлялся как историческое прошлое, значительное как по протяженности, так и по степени влияния на культурный код страны. Что-то из этого прошлого вызывало гордость, а что-то — сожаление; ни первое, ни второе не следовало игнорировать и предавать забвению. Слово «совок» резало слух Романа, но он не променял бы свое время ни на брежневское, ни на хрущевское, ни на какое другое.

Причиной же выбора тематики для курсовых послужила личность научного руководителя. Алексей Семёнович придерживался независимых политических и эстетических суждений, никогда никого не поносил и не растекался мыслью по древу.

Еженедельные встречи с Алексеем Семёновичем наполняли желанием трудиться на благо отечественной филологии. От преподавателя веяло методичностью, притом что педантизмом, в дурном смысле этого слова, профессор не страдал. Всегда безукоризненно одетый и выбритый, он обладал тонким юмором и следил за свежими течениями в гуманитаристике, несмотря на предпенсионный возраст и недоверие к очередным зубодробительным терминам или революционным методам, якобы от-

крытым в гуманитаристике. Спокойствие и уверенность профессора словно упорядочивали мир. Мир Романа уж точно.

Что такое тревога, Роман уяснил в девятнадцать, когда ЕГЭ и прочие школьные прелести давно миновали. В однушке напротив поселился новый сосед. Он сменил шумную таджикскую ватагу, снимавшую квартиру целый год и перед отъездом угостившую Романа целым пакетом пирожков с зеленым луком и яйцом. Новый жилец, сухопарый тип с обтянутым желтой кожей черепом, регулярно курил в майке и трико у лифта и стряхивал пепел в баночку из-под шпрот. От типа несло табаком и рыбой. Сталкиваясь с ним, Роман отводил взгляд и прошмыгивал мимо по лестнице.

Однажды в спину ему донеслось:

— Эй, а поздороваться?

Роман обернулся и сконфуженно вымолвил:

— Здравствуйте.

— Салют. Помоги подняться, ноги затекли.

Роман сделал робкий шаг и протянул руку, чтобы сосед встал.

— Спасибо. Меня Саня зовут.

— Р-роман. Рома.

— Заходи, если что, не стесняйся. Я тут живу.

С колотившимся сердцем Роман рванул вниз по ступеням, ругая себя за торопливость и нервозность. За короткий диалог он успел отметить две вещи. Во-первых, Саня — зэк. Всамделишный, с короткими волосами, с хрипотцой в голосе, с наколкой Богородицы на плече. Во-вторых, у соседа липкие ладони и крючковатые пальцы. Ощущение при пожатии — как клешней цепляет.

Через день, отправляясь с папой за стройматериалами для балкона, Роман снова наткнулся на дымящего Саню. Жилец бодро поприветствовал соседей, на что папа бросил через плечо усеченное «здрасьте» и устремился к лестнице. Романа озадачила отцовская поспешность. Успешный инженер-приборостроитель, крепкий мужик, берущий первые места по лыжам и армрестлингу на заводских соревнованиях — и проскакивает мимо доходяги. Казалось, хрупкое плечо Сани можно было запросто обхватить двумя пальцами — большим и указательным.

И тем не менее папа поспешил.

Каждую неделю Роман два-три раза сталкивался с соседом и пожимал ему клешню, по-прежнему холодную и липкую. Судя по всему, Саня нигде не работал. Оставалось загадкой, где он берет деньги — на съемную квартиру, на еду, на табак, наконец. Саня упорно приглашал в гости, студент вежливо отнекивался.

Однажды Роман вернулся с занятий в полдень. Преподаватель по философии заболел и отпустил с лекции весь поток. Сосед как раз докуривал сигарету, когда Роман вышел из лифта.

— О, друган! Здорово! Давай чай пить.

Расслабленный Роман не сразу нашелся.

— У меня уроки, — вяло возразил он.

— Так у тебя целый день впереди. Давай, только на чашку. У меня и халва есть.

Роман притворился, будто халва стала решающим аргументом.

Саня провел гостя на кухню и усадил за стол с потертой клеенкой. Пока закипал чайник, Саня нарезал хлеба с полукопченой колбасой и наполнил халвой вазочку. Впечатление от чистой кухни портили лишь синее ведро, полное мусора, да стойкий рыбный запах, как в захудалом магазинчике разливного пива.

Саня демонстрировал образцовое воспитание, давая фору многим студентам-гуманитариям, не говоря уж о хамах в метро. Бывший зэк не сыпал феней, не матерился, избегал грубости за километр, не лез с неуместными вопросами. Единственное, в чем его можно было упрекнуть, так это в фамильярности. Он наделил гостя обращением «Ромашка», пояснив, что так звали друга из далекого детства.

— Ромашка, ты бывал в Сибири?

— Нет.

— А я бывал. В Новосибе, в Иркутске. Хорошие места. Если хочешь узнать Россию, обязательно поезжай туда. Еще в Читуту. В Читутаго, как говорили лет десять назад.

Саня поинтересовался, где студент учится.

— Учеба — это полезное занятие. Важно только не ошибиться с выбором: чему учиться, где и как. Я вот ошибся.

Роман украдкой посматривал на наколки. Кроме мастерски выведенной на плече Богородицы, присутствовали еще и перстни на обеих руках и скопление точек над правым большим пальцем. Вероятно, майка и трико скрывали и остальные татуировки.

— Главное — не относиться ни к кому свысока, — посоветовал Саня. — Допустим, человек не похож на тебя. Подозрительный. Не думай о нем заведомо плохо. Бог ведь заносчивых не любит.

Прошел не один месяц, прежде чем Роман понял, что так сосед прощупывал почву.

В следующий раз Роман посетил соседа после экзамена по зарубежному романтизму, сданному на отлично. Саня расспросил, какой попался билет, и радостный студент рассказал ему о «Чайльд-Гарольде» и мистических новеллах По. Саня уточнял и уточнял, пока не вынес вердикт.

— Это все ничто по сравнению с Библией.

— Разные книги по-своему важны, — сказал Роман. — Байрон и Эдгар По сильно повлияли на литературу и много дали читателям. Безусловно, я никоим образом не умаляю достоинств Библии.

— Не знаю, правда ли Гарольд такой смелый и отважный, — сказал Саня, — но твой Эдгар — это точно мутный фраер. Шугается призраков и мертвецов, упивается прямо своей больной фантазией. Не мертвые страшны, а живые. Посадить бы твоего Эдгара в хату или в карцер.

Чтобы реабилитировать американского классика, расплатившегося жизнью за «больную фантазию», Роман пересказал новеллу «Колодец и маятник».

— Все равно дрянь, Ромашка, — заявил сосед. — Потому что выдуманное, ненастоящее. Чему такие книжки научат? Я общался с теми, кто мотал срок пять лет и каждый день читал Евангелие. Хотя бы по стиху. И такие арестанты сохранили честь и достоинство. Теперь представь, что Евангелие им заменили бы Эдгаром По. Да они бы сломались через неделю.

Романа задела столь вульгарная трактовка назначения литературы. Он постарался аккуратно объяснить, что наставлять — это не единственная и не главная задача художественного слова. Самое прекрасное в литературе — ее разнообразие и многогранность.

— Да что ты непонятливый такой! — вскричал Саня, ударяя по столу. — И эта книжка у него прекрасная, и так. Надо жизнь прожить, чтобы определить, что хорошо, а что нет. Что помогло, а что навредило. Думаешь, ты знаешь цену вещам? Будь уверен, не знаешь!

Роман промолчал. Все равно получилось бы, что оправдывается. Раздраженный Саня уговорил гостя выпить по второй кружке чая, а затем и по третьей. Чтобы не нагнетать обстановку, студент поддался просьбам. За неполный час он ослабел, точно потерял много крови. Лучше заваленный экзамен, чем вот такое.

В тот же вечер раскисший Роман собрался и разработал три правила. Первое: глядеть в глазок перед тем, как выйти из квартиры. Второе: при возвращении домой доезжать на лифте до седьмого и прислушиваться к звукам на лестничной площадке

этажом ниже. Если Санёк там, то переждать. Третье: при непредусмотренных встречах быть кратким и твердым и отклонять любые предложения насчет чая.

Роман тревожился по поводу своей незащищенности и не делился переживаниями ни с родителями, ни с друзьями. Почти все лето он изводил себя мыслями, что коротко стриженный сосед постучится к ним в дверь под предлогом, что кончилась соль. Чтобы не свихнуться, студент загрузил голову, занявшись удаленным копирайтингом, причем по весьма низким расценкам. Свободное от работы время Роман заполнял книгами и фильмами, внутренне мотивируя добровольную изоляцию тем, что и раньше предпочитал шатанию по улицам саморазвитие.

Между тем правила, доведенные до уровня рефлексов, работали. К середине сентября паранойя сантиметр за сантиметром отступила. В один из дней студент привычно вылез из лифта на седьмом и по лестнице спустился на шестой. В этот момент соседская дверь отворилась и Саня с пачкой сигарет и зажигалкой, узрев филолога, широко улыбнулся. Не хищно, вполне себе дружелюбно.

— Ромашка! Как дела твои?

— Нормально, — нетвердо произнес Роман.

— А чего это ты сверху идешь? На вертолете, что ли, прилетел?

План рушился к чертям.

— К соседям поднимался. Относил кое-что.

— Сколько ж мы не виделись! — Сосед излучал радость. — Три месяца, почитай. Давай чай пить.

— Нет, я занят.

Роман напрасно тщился придать голосу беззаботные нотки.

— Злишься, что ли, на меня?

— Нет, что вы.

— Молоток. Не надо. Если злобой душу отягощать, в ней для Бога места не остается. Кто злобен, тот одинок.

Сосед протянул руку со словами:

— Ты на Санька не серчай. Нервы у меня шалют. Болтаю иногда лишнее. Некрасиво в тот раз получилось. Виноват.

Роман нехотя пожал липкую костлявую ладонь. Он одновременно верил и не верил в раскаяние бывшего зэка.

Показное добродушие соседа, демонстрируемое на протяжении ряда месяцев, усыпило бдительность. В ноябре нарядившийся в белую рубашку и брюки Саня позвал Романа на именины.

— Ты меня огорчишь, если не примешь скромное предложение, — сказал сосед. — Я приготовил борщ и картошку по-французски.

Поначалу Саня шутил и вел себя как радушный хозяин.

— Продавщице в овощном говорю: «Давайте вы мне дома картошку пожарите». Сам голос сиплый сделал и лицо грозное. Изобразил, в общем, суровые намерения. Она до того испугалась, что свеклу забыла взвесить.

Виновник торжества разлил по граненым стаканам грузинское вино и произнес тост за честь и достоинство.

На втором тосте сосед поинтересовался, какую книгу читает Роман сейчас. Студент ответил, что «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» и вкратце обрисовал сюжет.

— И этот баланду разводит, — заключил бывший зэк. — Ты только не сердись, будто Саня опять цепляется. Я ведь дело говорю. По книжкам ты жизни не научишься.

— Я читаю не для того, чтобы научиться жизни.

Роман пожалел, что вместо Стивенсона не назвал Олдингтона, Хемингуэя или Ремарка.

— А для чего?

— Для расширения кругозора, для удовольствия.

Сосед хмыкнул.

— Тогда жизни откуда учишься?

— Методом проб и ошибок, — сказал Роман, заставляя себя улыбнуться.

— И все? Родители чему учат? С друзьями о чем общаетесь?

Роман сидел как на иголках с ополовиненным стаканом вина.

— Воды в рот набрал? — произнес Саня с ожесточением. — Думаешь, я тебя грузжу? Если бы собирался, давно бы загрузил. Так о чем с друзьями общаетесь?

Роман оторопел и мечтал лишь о том, чтобы поскорей сбежать отсюда.

— Что мне ответить? — выдавил он.

— Я за тебя голову ломать должен? — вспыхнул сосед. — Значит, я отвечу, а ты кивнешь благодарненько. Так выходит?

— Я не это имел в виду...

— А что ты имел? Думаешь, как бы побыстрее от меня отвязаться. Навидались таких, хватит. Когда такие, как ты, заваливаются в хату, сразу на шконку прыгают. Дескать, я сам по себе, с вами мне запахло общаться.

Роман опустил взгляд в стол.

— Глазки подними! Я перед тобой. Не надо меня бояться. Я тебя не бил, не оскорблял. Бочку не катил. А ты вот меня презираешь. Зло копишь на человека. Не по понятиям это.

Последние слова Саня растянул. Ожесточенность пропала, сохранилась лишь легкая укоризна.

— О чем бы мы ни спорили, каждый остается при своем мнении, — сказал студент. — Опыт у всех разный, и правда тоже разная.

Роман с отвращением к себе отметил, как тих его голос. Чуть убавить, и понадобится микрофон.

— Вот как? Разная правда, значит? Что ж, поживем — увидим. Обязательно увидим.

Три дня Роман не мог сосредоточить внимание на простейших вещах. Тарелки разбивались, сахар рассыпался, строки в конспектах лекций напознали друг на друга. Немного погодя наступило осознание, что бывший зэк разыграл спектакль. И распаханность вначале, и вспышка гнева, и неожиданное успокоение в конце — все было срежиссировано. Повод для встречи сосед избрал удачный, когда и отказать неловко. Именины все-таки.

«Я не это имел в виду», «Я не презираю», «Каждый остается при своем мнении», «Правда у всех разная». Сплошные оправдания и избитые выражения. Да уж, достойная реакция.

Два в неделю физкультурных занятия в университете Роман дополнил домашними тренировками с папиными гантелями. Студент купил гейнер и разработал индивидуальную программу. Мышцы увеличились, но уверенности не прибавилось. Худосочного Саню Роман зашиб бы и без гейнеров и гантелей, если б только осмелился.

Это как ситуация со слоном и дрессировщиком. Физическая сила определяла малое.

В поисках сведений о тюрьме и блатных Роман прочитал «Очерки преступного мира» Шаламова и накопил множество информации на сайтах с воровской тематикой. По словам классика, блатные не люди, а расчеловеченные сущности, способные на безграничную подлость, и представления о морали у них извращены и обезображены. В Интернете предупреждали ни в коем случае не принимать правила, навязанные вором. Писали, что в разговоре с ним главная роль отводится битве взглядов и интонаций. Бить вора нельзя, как и нельзя ему грубить.

Как ни крути, Роман повсюду оказывался в проигрыше. Требовалось быть тактичным и одновременно гнуть свою линию; держаться независимо, но не допускать и намека на дерзость.

Встретив Романа в следующий раз на лестнице, Саня потушил окурок и бросил раздраженно:

— Что ты меня боишься-то? Я тебе добра желаю.

В эту секунду Роман мечтал, чтобы урку заточили в тюрьму или чтобы он умер от рака горла или легких.

Плечо с Богородицей привиделось в кошмаре. Роман не мог взять в толк, как вера в Бога сочетается с бандитским образом жизни, и для ответа обратился к Новому Завету. И ужаснулся. Мир, изображенный в Священном Писании, выстраивался в пирамиду с беспринципным чудовищем на вершине. Если Бог и нуждался в чем-то, то в покорности и раболепии, первым делом карая не насильников и воров, а тех, кто колебался или отрекался. Сын Божий, посланный Отцом на верную погибель, бесцеремонно вторгнулся в жизнь простого люда, дышащего так, как ему позволяли прокураторы и императоры, и огульно обвинял его в бесчестии. В речи Иисуса проскальзывала нетерпимость, свойственная и Сане. «Почему вы не понимаете речи Моей?» — утверждал Христос и объявлял слушающих детьми дьявола.

Больше всего Роману не давали покоя две детали. Во-первых, Иисус заставлял своих последователей отказаться от семьи, говоря: «Враги человеку — домашние его». Блатные, строго исполнявшие воровской закон, также покидали родителей и не обременяли себя женой и детьми. Во-вторых, Иисус, будучи сыном плотника, нигде не работал, уводил за собой рыбаков и кормился подающими, за счет трудяг, которых сам же и обличал. Блатные тоже не работали и с пренебрежением относились к мужикам-пролетариям, заведомо считая их существами второго сорта. Бесспорно, нельзя не учесть, что Христос проявил невероятное мужество и пожертвовал собой ради этих трудяг. Но их жизнь не улучшилась от этой жертвы. И мир, основанный на подчинении и господстве, не преобразился.

И Христос, и воры целенаправленно ставили себя в положение притесняемых и оттого проникались чувством превосходства над притеснителями.

И никто из православного духовенства не брал на себя ответственность публично порицать блатных за христианские наколки, будто священники не находили ничего предосудительного в том, что их символику заимствуют воры и насильники.

Папа Романа любил шахматы, болел за «Локомотив» и снимал на пленочный фотоаппарат. Мама вырезала из газет статейки с кулинарными рецептами и со средствами от артрита. Все эти увлечения смахивали на мещанские радости, однако Роман горячо возразил бы против такого толкования. Родители приносили пользу людям. Папа разрабатывал оптическую электронику, а мама контролировала свежесть продуктов в сети супермаркетов. Обоих высоко ценили на службе за их порядочность и профессионализм. Не каждому нести свет и ворочать горы.

Роман вообразил, как к нему в квартиру вторгается с нравоучениями пророк и возводит напраслину на его семью: обвиняет в сделке с дьяволом, упрекает в нечестивости, вносит раздор между домашними. И при этом якобы учит любви и милосердию.

Студент учел ошибки предыдущих летних каникул и через год сбежал в Санкт-Петербург на целый июль, сняв койку в хостеле на Восстания. Днем Роман работал над копирайтерскими заказами, а вечерами блуждал по питерским улицам, не следя за указателями и табличками. Улицы производили впечатление уютных.

По возвращении Москва и в особенности Шаболовка предстали иными, словно перерожденными. Роман с почтением заглядывался на неприметные дома и вывески и припоминал названия, от которых отвык. Сердце замирало при виде родной улицы, зеленой и тихой, точно предназначенной для безмятежного существования.

Если бы не темный сосед с плотоядными повадками, то можно было бы сказать, что Роман доволен тем, как у него складывается. Чтобы преодолеть волнение, он увеличил вес на гантелях, подписался на ряд научно-популярных блогов и стал

активнее перемещаться по городу. Больше всего влекли Коломенский парк и Лосиный остров.

А затем приключилась Кира, и тогда стало не до парков, блогов, гантелей и Сани.

Роман влюблялся и прежде. Если не считать мимолетных школьных глупостей, то единожды. В девушку с редким именем Берта, веснушчатую блондинку с потоковых лекций. Проведя достойное для дилетанта интернет-расследование, Роман определил, что она из Владивостока и что у нее не самая выразительная фамилия «Селедцова». Судя по репостам, Берта ценила Шенберга, Кейджа, французское кино и дизайнерскую одежду от малоизвестных брендов. Как застенчивый гуманитарий, Роман предпочел обозначить интерес к загадочной Берте через послание в интернете.

Нордическая красавица уверяла, что Еврипид не прижился бы на филфаке ни как студент, ни как преподаватель, что московское метро перемалывает человеческие души в песок и что в Москве больше разных звуков, чем во Владивостоке.

На их единственное свидание Роман явился один и в тот вечер поклялся впредь и шагу не ступить на фестивали короткометражек. Москвич грешным делом заподозрил, что провинциалка с высокими запросами держит его в уме в качестве запасного варианта, и три месяца ходил нервный и не общался с Бертой. А в мае она сказала, что отчисляется, потому что город слишком шумный и кипучий. Роман помог ей довести багаж до вокзала. Там, на перроне, в первый и в последний раз по лицу девушки скользнула теплота. На прощание Берта поцеловала Романа в лоб.

Их истории недоставало совместно прожитых мгновений, чтобы достичь драматического накала.

Возвращаясь летом из Санкт-Петербурга Роман невольно подслушал в «Сапсане» обрывок диалога между парнем и девушкой.

— Ты знаешь мощность твоей батарейки в амперах? — спросил парень, кивком указывая на телефон в руках девушки.

Романа осенило, до какой степени эта фраза удобна для знакомства. Если девушка подхватит диалог и избежит пошлых ассоциаций, то это, считай, твой человек. Если не сообразит, что к чему, то и связываться с такой незачем. Да он просто Пушкин от пикапа!

Роман проверил свою теорию через месяц, когда распечатывал в Первом гуманитарном корпусе список литературы по педагогике. Перед филологом в очереди стояла рыжеволосая студентка с кипой документов, чтобы снять копии. В первый момент Роман открыл для себя, до чего мил ее салатовый портфель, а через секунду уже любовался длинными медными прядями. Девушка, ничего не замечая, листала на смартфоне ленту новостей «ВКонтакте».

Неожиданно для себя Роман решился:

— Ты знаешь мощность твоей батарейки в амперах?

Студентка повернулась в недоумении.

— Я имею в виду батарейку смартфона, — пробормотал Роман.

Черт, как будто оправдался. Незачет.

— А! — Девушка подобрела. — Я культуролог. Не знаю. А сколько?

Роман пожал плечами.

— Я филолог. С амперами перестал дружить со школы.

Студентка улыбнулась.

— Вот как. Все равно надо быть всесторонне развитым, — сказала она трогательно и чуть наивно.

— Как Леонардо да Винчи, — согласился Роман. — Ты новенькая?

— Как догадался?

Роман посмотрел по сторонам и сообщил приглушенным тоном, будто раскрывал тайну:

— Здесь не принято называть факультет.

— Правда?

— Нет, конечно. Я пошутил. А насчет новенькой угадал.

Роман и не подозревал, что слова способны литься столь легко. В тот же вечер он с Кирой гулял по университетскому городку, делился мифом о семи сталинских высотках и рассказывал о студенческих поверьях.

— Какой в твоём представлении должна быть идеальная девушка? — спросила Кира.

— Если учесть, что идеальных девушек не бывает, то...

— Не занудствуй. Какой?

— Что ж. Не набитой стереотипами, умной, привлекательной, честной. Доброй, само собой. В меру тронутой. И чтобы грамотно писала. Теперь твои критерии идеального парня.

— Умный, привлекательный, верный, честный. Добрый и умеет грамотно писать. Хотя я и сдала русский всего на восемьдесят четыре.

— Совсем неплохо.

— В общем, чтобы можно было с ним поговорить и переспать. И чтобы можно было заснуть у него на плече.

Кира сказала об этом так естественно, словно сдружилась с Романом давным-давно.

На второй день Роман не нашел в гардеробе рубашки свежее, чем красная. Перед встречей он выпил три эспрессо из кофейного автомата. Они с Кирой катались на лодке в Царицыно, и разговор зашел сначала о детстве, а затем о бывших. Кире в январе исполнилось семнадцать, она родилась в Йошкар-Оле и окончила гимназию «Синяя птица». Она потеряла девственность с другом одноклассника и сейчас уверяла, что ничего к нему не испытывает. Историю же о Берте Роман завершил признанием, что до сих пор девственник.

— Девственник! Ха-ха!

Смех Кире был звонким и чистым и тем не менее коробил.

— И что в этом необычного?

— Девственник! В двадцать один!

— Вообще-то Бернард Шоу лишь в тридцать шесть это дело попробовал. А Кант и вовсе никогда не занимался сексом.

— Ты специально про них вычитывал?

— Ничего я не вычитывал. Может, я асексуал или придерживаюсь религиозных традиций.

— Ой, я не могу!

— Кира, ну перестань. Ладно бы я всегда хотел, а мне бы никто не давал. Все наоборот.

— То есть тебе давали, а ты не хотел? Ха-ха-ха!

— Кира.

— Как это мило!

В метро Кира заснула, положив голову на плечо Роману.

На третий день они снова гуляли по студенческому городку и радовались, заметив в зарослях белку. Когда они присели на скамейку, Роман вытащил из портфеля два банана и протянул один Кире. В ее улыбке промелькнула хитринка.

— Сюрприз, значит. У меня тоже.

И вынула два огурца.

К финалу незатейливой трапезы поднялся ветер. Кира моментально озябла в блузке и в красной юбке и прижалась к Роману. Он обнял ее. В момент, когда его губы прикоснулись к ее щеке, на асфальт сорвались дождевые капли.

— Только не дождь! — взмолилась Кира.

За первыми каплями последовало затишье.

— Ты хоть целовался когда-нибудь? — спросила Кира.

— Разумеется. На утреннике, на выпускном, на студенческой вечеринке.

Насчет вечеринки Роман приврал.

— Тогда давай.

Затяжной поцелуй прервался из-за второй серии редких капель. Кира с досадой смахнула одну из них с колена.

— Опя-я-ять, — протянула она.

Вняв ее совету, дождь замолк.

Через секунду разразился ливень, как в день потопа.

— А-а-а! Бежим! — закричала Кира и вскочила со скамейки.

Роман устремился за ней, на ходу бросая в урну банановую кожуру и надевая рюкзак. До метро они неслись как заведенные, тормозя лишь на светофорах. На перроне Роману открылось, что насквозь промокли не только кеды и одежда, но и купюры в кошельке. Кире повезло не больше. Ее голову с роскошными рыжими прядями точно окатили ведром воды.

— Я страшная! — утверждала Кира.

— Ничуть.

— Страшная, говорю!

После очередного поцелуя Кира, заглянув в глаза Роману, произнесла:

— Только обещай: никаких совместных селфи. И никаких полетов в Турцию, Грецию и Египет. Это так убого.

В разгар ночной переписки Кира сказала: «Нам надо скорей начать трахаться. Я постоянно отгоняю сомнения, что у тебя не получится». Вдогонку она отправила другое сообщение: «Что у нас не получится».

На следующее утро Роман созвонился с Юрой Седовым, счастливым обладателем однушки в Черёмушках, и охарактеризовал свое положение. Все срослось: неделю назад Юра расстался с очередной пассией, он не собирался на пары, а у Киры был библиотечный день. Роман заехал за ней в общагу и повез ее по оранжевой ветке к Седову, по пути обрисовывая план. Кира воспротивилась.

— Твой Юра совсем меня не знает.

— Это не проблема. Он славный парень и понимает ситуацию.

— Он подумает, что я шлюха.

— Ничего он не подумает. Во-первых, ни внешностью, ни манерами ты на шлюху не похожа. Во-вторых, Юра в курсе, что я с развратными барышнями не связываюсь.

— Правда?

— На сто процентов.

Через секунду Кира снова возроптала.

— Вдруг у нас не выйдет?

— С чего бы?

— Смотри. У меня опыт — раз и обчелся. Про тебя я вообще молчу.

— Мы справимся.

— Не справимся мы.

Роман сжал кулаки.

— Ты отличный мотиватор, — сказал он. — Умеешь снять напряжение.

— Что ты сразу злишься? Я же волнуюсь.

Юра предстал перед гостями в полосатых шортах и в синей футболке с рисунком клоуна, пожирающего юный месяц со звездного неба. Пока кипятился чайник, Седов познакомился с Кирой, рассказал о происхождении названия «Черёмушки» и вкратце выразил свое отношение к ЕГЭ.

— Систему нужно сносить, — заключил Юра.

За чаем он принялся философствовать.

— Гуманитарии отличаются от обычных людей. Филологов это особенно каса-

ется. Особенно парней. У всех у нас экзистенциальный кризис. Мы осознаем, как устроен дискурс. Это осознание наводит тоску, так как противостоять дискурсу мы не умеем. Прибавь к этому саморытье, самокопание, когнитивный диссонанс, выпадение из парадигмы. И я, и Рома — все мы заложники дискурса.

Вскоре Юра притворился, что у него возникли срочные дела, и попросил Романа закрыть за ним. Уже на пороге Седов шепотом сообщил:

— Я на тумбочку рядом с холодильником пиво поставил. Если пропадет, шуметь не стану. Успешной тебе инициации.

После ухода друга Роман озадаченно опустился на диван. Слова иссякли. Кира села ему на колени и обвила руками его шею.

Они и вообразить не могли, как просто все сложится. Лишь однажды Кира перевела дыхание и уточнила:

— Ты это... Не кончил?

— Вроде нет, — пошутил Роман.

— В смысле? — Кира отпрянула. — Как это «вроде нет»?

— Не кончил. Точно.

— Не пугай меня.

— Все равно презерватив.

— Ну и что.

Когда они оделись и постелили на диван слезшее на пол покрывало, Роман принес бутылку имбирного эля, избавился от пробки и протянул Кире.

— Первый глоток твой.

Она отпила и всмотрелась в Романа.

— Так, замри. Не шевелись. Вот так. Кажется, ты не изменился.

Утомленный Роман присел рядом с Кирой и аккуратно взял бутылку из ее рук. Девушка прильнула к нему.

— Рома. Ты мне дорог.

— Ты бесценна.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

Глубокой ночью Кира отправила СМС: «Ты все сделал как надо. Спасибо тебе».

В голове Романа вертелся вопрос: неужели все это счастье — для него?

Маркова — звучная фамилия. Кира обладала удивительно проницательными глазами, здраво рассуждала о различиях между Хаксли и Оруэллом и мечтала стать археологом. Она не любила цветов и была из тех убежденных веганов, которые не едят яиц, не пьют молока и пристально изучают состав печенья или шампуня перед покупкой. Поначалу Роман беспокоился, что Кира начнет проповедовать свои убеждения, но ошибся. Они условились, что, будучи вдвоем в кафе и столовых, берут исключительно растительные блюда и не касаются неудобной темы в разговорах. Роман угощал Киру латте с соевым молоком и банановым мороженым.

Умная, привлекательная, честная. Хорошая, само собой. В меру тронутая. И пишет грамотно. Пусть порой и пропускает запятые.

Кира носила бабушкин крестик и симпатизировала буддизму, хотя ее неумная натура не сочеталась ни с христианской строгостью, ни с буддийской бесстрастностью.

Кира призналась, что ее с детства мучает странный вопрос.

— Помнишь, однажды Карлсон внезапно исчезает?

— Припоминаю.

— Когда он возвращается, то с упоением рассказывает Малышу, какое чудесное лето провел у бабушки. Как считаешь, нафантазировал это Карлсон или у него правда есть бабушка?

Роман хмыкнул.

— Эта загадка мне не по зубам.

— Иногда я думаю, что он фантазирует. Иногда, что говорит правду. В детстве я всерьез не интересовалась, откуда берутся дети и есть ли Бог. Ответы пришли сами и не то чтобы сильно на меня повлияли. Бабушка Карлсона привлекала и привлекает меня куда больше.

Роман пожалел, что он такой сухарь по сравнению с Кирой.

— Что-то подсказывает мне, что за бурное воображение нужно дорого платить, — произнес он. — Дороже даже, чем за счастье и за любовь. Я хочу, чтобы ты сохранила чистый взгляд на вещи и избежала всякой дряни.

Впервые за время их знакомства Кира прослезилась, и Роман неловко обнял ее.

— У меня нет пропеллера, и я не живу на крыше. Но я готов сойти за твоего друга, — произнес, преодолевая смущение, Роман. — Что скажешь?

Кира залила его плечо слезами.

Поражало, как уживаются в ней сентиментальность и резкость, простодушие и искусственность. Она с обожанием отзывалась о родителях: о чуткой маме, преподававшей историю в гимназии, и о папе-программисте, замкнутом интеллектуале, который из-за занятости мог неделями не интересоваться, как у дочери дела, а затем без предупреждения отвести ее в кино и устроить праздничный ужин. Они регулярно бранились по пустякам вроде неверно истолкованной интонации или десятиминутного опоздания, и Роман удивлялся, как быстро он втягивается в спор и как долго остывает.

Примирялись они шумно и делали философские выводы.

— Как это сложно — быть бабой, — изрекала Кира.

— Как это сложно — быть, — выводил Роман.

Кира регулярно жаловалась — на педантичных преподавателей, на спешку в метро, на косые взгляды незнакомцев, на цены в «Милавице». У Кире постоянно болел живот, и Роман гладил его, отвлекая внимание девушки историями из жизни писателей и поэтов.

— Правда, что Некрасов любил карты?

— Истинно так. Даже свою жену, Авдотью, он выиграл у Ивана Панаева, вместе с которым руководил «Современником».

— Врешь.

— Ни капли.

— Как низко! Все вы на такое способны!

— Ну-ну, Кира. Во-первых, не все. А во-вторых, про Панаева я сочинил.

— Вот, значит, как!

Роман находил, что прием отвлечения заметно действеннее, чем многословные утешения. Кира забывала о боли и переживаниях, погружаясь в диалог. Единственный минус метода состоял в том, что с каждым разом количество историй о литераторах сокращалось.

При малейшем недомогании Кира подозревала, что к ней подкралась смертельная болезнь.

— У меня злокачественная опухоль, — говорила она. — Это рак.

Поначалу Роман списывал это на специфический юмор, но смущала более чем серьезная интонация.

— Рак чего? — полюбопытствовал Роман, когда до него дошло, что Кира не шутит.

— Рак всего.

— Разве так бывает?

— Бывает.

— Да ты просто ипохондрик.

— Кто-кто?

— Ипохондрик. Человек, которому мнится, будто его одолевают жуткие недуги. То рак, то сердечная недостаточность, то психические расстройства.

— Никакой я не ипохондрик! Ты недооцениваешь угрозы!

— Любой ипохондрик утверждает то же самое.

Они вновь спорили до хрипоты и вновь горячо раскаивались. Роман накопал Кире полный пакет еды, чтобы она готовила в общежитии: рис, гречку, фунчозу, консервированную фасоль. В конце концов, при всех стычках и взаимных уколах Кира продолжала держаться вне всякого формата и не помещалась в скучную обыденность.

Роман время от времени писал Кире послания на тетрадных листах и передавал при встрече. Послания должны были соответствовать двум критериям: а) искренность; б) отсутствие слов «любить», «красивая», «хорошая», «умная», «девушка» и производных от них. Никаких прямых высказываний. В ответ благодарная Кира приоткрывала блокнот со своими стихами.

В октябре она остудила эпистолярный пыл Романа, заявив, будто у него дурацкий почерк.

— Буквы ровные и не сливаются, — оправдался Роман. — Главное, что понятно и легко читается.

— Дурацкий.

Через день Кира поделилась очередным четверостишием.

Кричи, не кричи,
Дыши, не дыши —
Все одно,
Как «жи-ши».

— Странное сочинение, — вынес вердикт Роман.

— В смысле?

— Я не знаю, как его определить. Не графомания, но не впечатляет.

— Не впечатляет, значит?

— Кира, я тебя не критикую. Это стихотворение туманное и обманчиво многослойное. Как будто автор старается показаться загадочным.

— Кому, интересно, он «старается показаться»? Не подумал, что я никому, кроме тебя, текст не открывала?

Кира захлопнула блокнот и спрятала в портфель.

Иногда она выражала сожаление, что они не живут вместе.

— Иначе любую ссору мы гасили бы сексом, — объясняла Кира, как бывалая семейная женщина.

Раз в два месяца Роман увозил Киру к Юре Седову, который на время выпускного курса вдруг решил посвятить себя учебе и перестал приглашать девушек домой. В ноябре Роман впервые привел Киру к себе. С этим шагом он затягивал не из-за родителей, которых уже на второй день, отмеченный катанием на лодке под луной, порадовал известием, что взаимно влюбился. Железный родительский график гарантировал, что с восьми до пяти они с Кирой могли вытворять дома что угодно.

Удерживал страх перед Саней.

В октябре они столкнулись после долгого перерыва. Роман, не поздоровавшись, заторопился вниз по лестнице. Урка прогнусавил вслед:

— Даже руки не подашь? Смотри, гордым быть плохо. Жизнь накажет.

Кира оставалась в неведении насчет Сани и не понимала, почему Роман не зовет ее к себе. На это филолог отвечал, что рабочее расписание позволяет отцу возвращаться в самый неожиданный момент. Кира вынужденно соглашалась с доводом и добавляла, что пока стесняется знакомиться с мамой и папой Романа.

— Знакомство с родителями — это почти свадьба, — говорила она. — Это настолько ответственно, ты не представляешь.

Отношение к сексу различало их. Кира хотела его так же сильно, как и боялась забеременеть. Она распознавала фаллические символы в Главном здании МГУ, в высотках «Москвы-Сити», в Шуховской телебашне. Вместе с тем Кира нервно высчитывала дни до месячных и впадала в панику при малейшей задержке. Вздурженный Роман покупал ей тест, чтобы успокоить и ее, и себя. Сам он подозревал, что и вправду асексуален. Если раньше секс в списке интересов занимал место где-то между парусным спортом и болгарским кинематографом, то теперь переместился на двадцатые-тридцатые позиции, превратившись в обязанность. От Романа требовалось время от времени заводить Киру и доставлять ей удовольствие, при этом контролируя каждый свой импульс и каждое движение, чтобы не наделать глупостей. Наградой было удовлетворение от факта, что Роман принес радость самому близкому человеку.

В первый же раз, когда Роман рискнул пригласить Киру на Шаболовку, порвался презерватив. Сверхпрочный, согласно информации на упаковке. Роман никогда прежде не видел Киру в таком бешенстве.

— Ты что творишь? — кричала она. — Совсем отмороженный?

— Я, что ли, на рынок такое дерьмо выпускал? — огрызнулся Роман.

— А ты, значит, ни при чем? Типа все из-за куска резинки?

— Когда я это говорил?

— Сейчас! Будь наконец мужиком, возьми ответственность на себя!

Убивало, что за полчаса до перепалки Кира искренне восхищалась, какая у них уютная квартира и какой славный у Романа книжный шкаф.

— Первый блин комом, — съязвила Кира уже на улице. — Будем рассказывать нашему ребенку, что он появился случайно.

— Подожди.

— Что наш папа облажался.

— Кира! Послушай меня, ладно? Давай купим тебе таблетку для контрацепции.

— Сам пей свои таблетки!

Все-таки удалось уговорить Киру при условии, что Роман возьмет самое безопасное из средств. Через два дня Кира уехала в Марий Эл на выходные и привезла Роману черничное варенье и соленые грузди. Через неделю у нее начались месячные.

— Наверное, я была невыносима в тот момент. — Кира вспоминала историю с презервативом. — Ты накосячил, но я тоже хороша. Как с цепи сорвалась. Прости меня, пожалуйста.

Ближе к зиме ее ипохондрия разрослась. Обнаружилось, что ему все труднее избегать конфликтов, рождавшихся из мелочей, и изобретать средства, чтобы отвлечь Киру от переживаний. Она укоряла Романа в невнимательности, он винил Киру в том же.

— Не надо все усложнять, — говорила она.

— Не надо все упрощать.

Кира беспрестанно атаковала жалобами и подколами. В отместку Роман однажды отослал ей короткое сообщение, будто проведет вечер с Бертой, прилетевшей из Владивостока на фестиваль. Кира три с половиной часа пыталась связаться с Романом, который исчез со всех радаров, нарочно выключив телефон. Дозвонившись, она рыдала.

— Почему ты меня убиваешь? — надрылась она. — Почему?

Романа трясло от мысли, до какой степени они инфантильны и с каким азартом они разрушают все самое теплое и доброе, что образовалось между ними. Они точно негласно условились, будто сблизились настолько, что имеют право причинять друг другу боль — буднично, ненароком, как бы между строк. Колкость и грубость пробуждались в Кире, когда она чувствовала малейшее посягательство на свое «я». В иное время, будучи светлой натурой, она угощала выпечкой бомжей и бездомных собак, чутко реагировала на несправедливость и восторгалась мелочами.

Перемирие установилось под конец декабря. На исходе зачетной сессии Роман свалился с ангиной. Кира, побросав дела, приехала к нему и поила с ложечки имбирным чаем с лимоном.

Из-за жара больной наблюдал комнату словно из целлофанового пакета. Всякое движение давалось с трудом, отчего мнилось, что любое действие, совершенное Кирой, тоже включает в себе титанические усилия. Когда она перебирала пальцами его волосы, Роман поражался ее стойкости

Роман приподнялся.

— Если я внезапно завершусь, — произнес он, — то умоляю об одном. Не создавай посмертный ролик.

— Ты чего, Рома?

— Я видел, какими они бывают. Они все одинаковые. В коллаж собираются фото с улыбками. На видеоряд накладывается сопливая музыка. Еще на экране всплывают омерзительные банальности. О том, каким прекрасным был покойник при жизни и как его теперь не хватает.

Роман зашелся в приступе кашля и опустил голову на подушку.

— Никаких роликов, слышишь меня? Иначе превращусь в призрака. Как Акакий Акакиевич. И буду мстить.

— Слышу-слышу, — заверила Кира. — А о моей судьбе никто не узнает.

— Почему?

— Когда врач объявит, что у меня рак, я возьму билет и улечу на Алтай. В горы. Там меня никто не найдет. Там я сольюсь со стихией. Это и есть настоящая свобода.

Роман промолчал. Поступить нелинейно и объявить добровольную изоляцию против всех приличий — это в стиле Киры. Правда, у нее вряд ли хватит духа. Это ведь не просто красивая идея о единстве с природой и срастании с ландшафтом, а отречение от всего — от надежд, от привычек, от себя. Впрочем, Кира — ипохондрик, и придется ей караулить роковые вести от доктора годиков шестьдесят, а то и семьдесят.

Новый год они встречали порознь. Роман в Черёмушках — с Юрой, с Климовичем и Гришей Тыквиным, а Кира — в Йошкар-Оле. Созвонившись после курантов, они проболтали целый час.

— Хотя мы и цапаемся, я не представляю жизни без тебя, — сказала Кира.

— Нормальная пара на нашем месте тысячу раз бы разбежалась, — предположил Роман. — Нашим перепалкам должны завидовать враги. Если честно, то факт, что мы до сих пор не стрелялись на дуэли, есть чистой воды недоразумение.

— Вызываю тебя на дуэль! Дуэль на подушках!

— Вызов принят!

Роман всматривался в дно опустевшего фужера и не мог сообразить, как эта любовь устроена. С каждой ссорой только прочнее. Или это иллюзия?

Кира закрыла сессию на пятерки. Первую половину ее дня рождения они провели у Романа, который продержался почти час, чем вызвал безграничное уважение Киры. Затем они направились в караоке-бар, где именинница с бокалом «Жигулёвского» в руках под всеобщее одобрение исполнила «18 мне уже». Даже опьянев, Кира не выглядела легкомысленной, как ни старалась.

А в феврале Роман лишился и ее, и иллюзий насчет любви, и чувства собственного достоинства.

Кира приехала ранним морозным утром и сразу утянула Романа на кровать. Доведя Киру до оргазма, он облегченно вытер лоб и откинулся на спинку дивана.

— Я уже второй раз с тобой такой кайф ловлю, — сказала Кира.

— И это здорово.

— Ты хоть капельку удовольствия получил?

— Я испытываю удовольствие, когда тебе радостно.

— И все?

— Этого мало?

— Значит, я бревно.

— Ты не бревно, Кира. Скорее это не мой вид спорта.

Кира обняла Романа, прижавшись к нему обнаженной грудью.

— Фригидный ты мой, — ласково сказала она.

Роман накормил Киру чечевичным супом, а затем они устроили бой на подушках. Им предстояла совместная дорога до университета, и Роман предвкушал, как в подземке они будут наслаждаться музыкой в его наушниках. Специально ради этого он вечером загрузил на плеер свои и Кирины любимые композиции.

Планы нарушил Саня, который на короточках смолил папиросу на лестничной площадке. Завидев вора, Роман внутренне обругал себя за расслабленность и неосторожность. Как будто глазок для красоты установили. Трясущиеся пальцы не сумели вставить ключ в замочную скважину ни с первого, ни со второго раза.

— Братан, помочь? — Саня отряхнул пепел в консервную банку и встал, разминая худые плечи.

— Благодарю, не стоит, — бросил Роман через плечо. — Здравствуйте.

Он наконец-то совладал с замком.

— Чего руки не подал? Не обернулся даже. Опять брезгуешь?

— Да не брезгую. Дверь закрывал.

Роман, содрогаясь, протянул руку.

— Другое дело. Мне-то показалось, что ты Саню презираешь.

— Что вы. Совсем нет.

— Это девка твоя? Как тебя зовут, милая?

Сосед направил на Киру безобразную ухмылку. Девушка сделала шаг за спину Романа.

— Василиса ее имя, — резко сказал Роман. — Мы торопимся, извините.

— Куда?

— На занятия.

— На какие?

Разговор затягивался. Роман замер, перебирая в голове нужные фразы.

— Василиса. Василисушка. Послушай меня, — включил Саня наставнический тон. — Ромашка рассказывал тебе, как мы раньше общались?

Кира мотнула головой.

— Неплохо общались. Он заходил ко мне на чай. За базаром не всегда следил, но пацан был смысленный. А затем Ромашка возомнил, что он выше меня. Что умней, порядочней. Руки не подаст, не то что чая вместе выпить. Гнили набрался, гордости. Чисто министр. А ведь ни хуя в жизни не видел. Так, Ромашка?

— Нам надо спешить, — сказал Роман.

— Мы не закончили! — рявкнул Саня. — Считаешь, я из тех, кто утирается, когда в них плюют? Что со мной можно по-всякому?

— Я так не считаю.

Голос Романа дрожал.

— Что я захочу, то и сделаю с тобой, — сказал Саня. — Захочу, тебя раком поставлю. Захочу, Василису твою.

Роман смолчал.

Саня снова обратился к Кире:

— Чувствуешь, как он боится? Разве будет бояться тот, на ком нет вины? Подумай над этим, девочка.

— Хорошо, — сказала Кира.

— Хорошо, если хорошо. Решай сама, нужен ли тебе чухан, который не умеет тебя защитить? Который заврался? Который ни себя не уважает, ни остальных? Я не заставляю тебя действовать. Подумай над моими словами.

— Хорошо.

— Отлично! Меня Саня зовут, кстати. Запомни.

Заячьим чутьем Роман догадался: сейчас можно, сейчас отпускают. Крепко держа Киру за запястье, он нетвердыми шагами двинулся по ступеням, касаясь ладонью шершавой стены. Сердце трепыхалось на ниточке.

— С тобой еще поговорим, Ромашка, — пообещал Саня напоследок.

На первом этаже Кира тихо сказала:

— Отпусти руку, пожалуйста. Мне больно.

Роман сбивчиво поведал Кире о Сане и поделился вычитанными сведениями о воровском мире, рисуя преступное сообщество подлым, жестоким и могущественным.

— Надо было настучать ему по морде, — сказала Кира.

— Это не подъездная гопота с пивом, — сказал Роман. — У блатных вопросы решаются через слова, через интонацию, через жесты. Бить вора запрещено. Говорю тебе, это хитрая система. Ее правила нельзя нарушать. И подчиняться этим правилам тоже опасно. Порочный круг.

— Ты усложняешь, — сказала Кира.

— Ты упрощаешь.

— Ты свободный человек. Ты сам определяешь, каким правилам следовать. Это твой выбор.

Роман понял, что между ними все кончено. Очевидно, что он упал в глазах своих и Киры, хоть она не осуждала его. Крепкий мужик, будь он вместо Романа, первым делом велел бы девушке (жене, сестре, дочери, знакомой) ждать его внизу, чтобы не впутывать. Крепкий мужик, приняв вызов, не позволил бы никому так о себе отзываться.

Роман и Кира имитировали доверительные отношения еще около месяца. В памяти запечатлелись отдельные образы: Роман отбирает у случайного промоутера набор листовок, Кира с размаху бьет ладонью тугодумный кофейный автомат в университетском холле. Если Роман угощал Киру бананом, то банан, по ее мнению, оказывался недозрелым или перезрелым. Если покупал Кире кофе, то не угадывал с сахаром.

Оба сознавали, что глубоко неправильно продлевать совместные мучения. После очередной перебранки, вспыхнувшей в университетском городке, Роман взял на себя ответственность и объявил о расставании, признав, что он не из тех, кто гарантирует уверенность и защиту Кире.

— Это конец? — глухо переспросила она.

— Конец.

— Точно?

— Тебе нужен тот, на чьем плече ты будешь не только сладко засыпать, но и просыпаться. В безопасности и в спокойствии, — закончил Роман неуклюжим каламбуром.

— Тупая шутка.

— Согласен.

Ему хотелось изрезать себя.

Вечером, через неделю, Кира позвонила и раздраженно произнесла:

— Раз ты решил, что мы сами по себе, тогда отныне у нас все свободно. Ты понимаешь, о чем я. Разные парни говорят, что я милая. Сегодня мы с девочками идем в клуб до утра, и я собираюсь выпить.

Роман разозлился:

— Мне-то чего докладывать? Я тебе индульгенцию должен выдать? Благословение? Так получай! Веселись, дочь моя, открывай врата!

На следующий день Роман, раскаиваясь, отослал Кире сообщение, где сожалел

о своей грубости. Девушка в ответ написала, что в клубе не пила ни грамма и ни с кем не знакоилась.

Поведав друзьям о разрыве с Кирой, Роман и словом не обмолвился ни о Сане, ни о своем позоре.

— Вы почти полгода вместе были. Для первых серьезных отношений это приличный срок. Даже более чем. Считай, сколько тонкостей надо просечь, сколько навыков на ходу освоить. С первого раза никто не справляется, — говорил Юра Седов.

— Она ведь не курила. И тоже гуманитарий. Свой человек, — выражал сожаление Гриша Тыквин.

— Какой запой, Рома? Алкоголь тебе не товарищ. Сердце надорвал, хоть печень сохрани. Лучше найди себе увлечение. Начни изучать французский. Или в бассейн запишись. Прикинь, годика через два пересечетесь с Кирой в Севастополе. Да она глаза округлит, когда увидит, как ты рассекаешь черноморские волны в стиле баттерфляй. А еще советую побродить по городу, послоняться, развеять думы. Человеку свойственно ошиваться. Глядишь, путеводитель новый выпустишь. Тематический. Я не психотерапевт, но должно сработать, — рассуждал Егор Климович.

И Роман слонялся. Нырлял в проходные дворы Покровки, блуждал по конструктивистским кварталам в районе станции «Спортивная», искал модернистские здания на Пречистенке, исследовал сады — Александровский, Нескучный, Михайловский...

По ряду признаков Кира и Берта кардинально различались. Кира стремилась к стихии, Берта опасалась покидать пространство культуры. Бурную Киру раздражал покой, инертная Берта отдалялась от шума. Блондинка и рыжая. Тем не менее их объединяло важное сходство: они выпадали из парадигмы, как сказал бы Юра. И Кира, и Берта не гнались за деньгами и не выискивали того самого самца, который одарит их кучей вещей, полезных и бесполезных, и доверит им исключительную роль Матери Его Детей.

Роман понял, что давно искал чуть тронутых девушек, и не мог определить, виновато в том утонченное гуманитарное образование или причина во врожденном пороке.

Факт обитания с Саней на одном этаже, в одном доме, в одном городе продолжал изводить. Любой хам или мерзавец ассоциировался с блатным соседом. Однажды, возвращаясь с пар, Роман в вагоне метро наблюдал перепалку между двумя отмороженками и бабкой с внуком. Хулиганы, выпучив зенки, орали на старуху и сыпали матом. Бабка, прижав к себе испуганного ребенка в красной шапке, смачно давала словесной сдачи. Романа поразила реакция мужиков в вагоне. Никто из них не вступался за старуху с внуком, даже не опускал виновато глаза в пол. Мужики, крепкие и кадыкастые, притворялись, будто ничего не происходило.

Роман подумал, что они годами закаляли привычку быть ни при чем. Это вопрос не лицемерия, а выживания. Нельзя осуждать тех, с молчаливого согласия которых творится будничное зло.

Правило не общаться Роман и Кира многократно нарушали. Он с иронией интересовался «ВКонтакте», не собралась ли Кира снова в клуб, чтобы от души повеселиться с парнями, которые считают ее милой. Она сообщала, что ей не до клубов, так как она устроилась на работу официанткой в ночную смену, и с притворным сочувствием осведомлялась, не обижает ли Романа нехороший сосед.

Кира бралась за старое.

«У меня рак».

«Рак чего?»

«Я серьезно. Сейчас сдаю анализы. Прогнозы неутешительные. Врачи толком не объясняют».

«Рак чего у тебя?»

«Неужели тебе насрать?»

«Я этого не говорил».

«Если тебе насрать, неужели тяжело поддержать меня хотя бы для приличия? Или это тебе незнакомо — приличие?»

«Кира, понимаю, как тебе трудно сейчас. Я тоже весь на нервах, засыпаю под утро. Будет лучше, если мы перестанем искать помощи друг у друга и обманывать себя, будто все можно наладить. Нам надо преодолеть эту чертову зависимость».

«Думаешь, я ипохондрик, да?»

«Я этого не говорил».

«Говорил! Думаешь, что девочка херней страдает. Типа ей нечем привлечь внимание, вот она и прикидывается».

В апреле Роману приснилось, как он очутился дома у незнакомой девушки. Она пела кантри под гитару, и они болтали обо всем на свете. Без пререканий и недомолвок. Девушка, непосредственная и искренняя, не кокетничала и не поправляла разметанные по плечам волосы. Она словно не догадывалась, как она изящна и красива. Посередине беседы Роман вспомнил, что должен распечатать важный материал и направился искать копировальный центр. Неизвестный район с однообразными высотками и широкими автотрассами смутил Романа, и он заблудился, забыв до кучи адрес обаятельной незнакомки.

Наутро Роман, разочарованный сновидением, открыл свежее сообщение Киры:

«Зря ты не поверил. Я правда больна. Это лейкоз. У меня критический уровень тромбоцитов, за месяц я потеряла шесть килограммов. Я ем раз в сутки и задавлена усталостью. Если бы у меня было хоть немножко сил, я бы возмущалась тобой. Я бы ненавидела тебя.

Я была готова следовать за тобой, пусть ты и проявил слабость и повел себя робко (назовем это так) на моих глазах. Ты отвернулся от моей поддержки. И лишил меня своей. В момент, когда я не могла без нее.

Я истощена. Есть только один выход. Тот самый».

К сообщению крепились два файла: композиция Джона Денвера «Leaving On a Jet Plane» и фотография — распечатанный электронный билет на самолет. Рейс «Москва — Горно-Алтайск» на 20 апреля.

То есть Кира улетела вчера.

Ее телефон не ответил. Однорूपницы доложили, что Кира не посещает лекции неделю. Соседки по общежитию сказали, что она съехала с чемоданом, и велели больше их не беспокоить. Знакомый Романа с мехмата, дока в графических приложениях, подтвердил, что фотография не обработана в «Фотошопе». Вечером Кира мелькнула в онлайн и, проигнорировав десяток писем от Романа, удалила свою страницу.

То есть Кира улетела вчера. По-настоящему.

В те дни Роман выпивал по полбутылки самого дешевого виски и бредил идеями. Он то намеревался ехать в Йошкар-Олу к родителям Киры, не зная их имен и адреса, то намеревался рвануть за ней на Алтай и изучал карту, то планировал нанять частного детектива. Само собой, от каждого сценария за версту несло беспросветной авантюрой.

Вероятно, Кира наметила Горно-Алтайск как перевалочный пункт и могла запросто купить в нем билет на междугородний автобус в любом направлении, не предъявляя паспорта. И вообще, откуда у нее столько денег? Чаевые с ночных смен? На авиарейс она, положим, накопила. Где спать? Чем питаться? А горное оборудование? На середине рассуждений пьяный Роман подавлял себя на мысли, что придерживается логики начинающего туриста, который стремится обезопасить любой шаг. Какой логикой руководствовалась Кира, Роман терялся в догадках.

Выпивка не заглушала саднящее чувство вины, и Роман изнывал от бессилия. Не смея поделиться с кем-нибудь своей историей, в которой выставил себя образцовым подонком, он вдобавок не решался оповестить горно-алтайскую полицию и обзвонить местные хостелы и гостиницы. Единственное, на что Роман сподобился, — это обращение в Интернет-приемную губернатора Алтайского края. Роман, снабдив письмо губернатору фотографией авиабилета, писал, что девушка, больная раком крови, не предупредила родителей и руководство МГУ о вылете и ей срочно нужна квалифицированная медпомощь.

На следующий день, возвращаясь из университета, Роман обнаружил в почтовом ящике конверт с посланием от Киры. Она отправила его аккурат перед вылетом.

«Извини, что не позволила довести до аэропорта багаж и не поцеловала в лоб на прощание.

У меня не лейкоз. Максимум тромбоцитопения. Гематолог посмотрел результаты обследования и велел мне больше отдыхать и регулярно питаться.

Скучаю по тем временам, когда ты приносил мне фасоль и корейскую морковку. Это вдохновляло.

Деньги у меня есть, хоть и не королевские. Я здесь не навсегда. Полазаю по горам и по полям, погощу у друзей по переписке и двину в Йо. Может, автостопом.

Забрала с собой твои письма. Почерк у тебя хороший. Я хотела тебя позлить, когда обозвала его дурацким. Наверное, зря ты рубанул сплеча. Думаю, мы бы пробились сквозь грязь и дым, что встали между нами. Кроме всего прочего, мы были друзьями.

Не волнуйся и не ищи меня. Я пытаюсь жить, и ты пытайся.

Желаю тебе счастья.

К.»

Трясущимися руками Роман отвинтил крышку «Паспорт Скотч» и отхлебнул из горла, проливая виски на рубашку. Голову будто стиснули здоровенными стальными щипцами.

Извини.

Не лейкоз.

Скучаю.

Не навсегда.

Зря.

Не ищи.

Счастья.

Шок не отступил до утра. Роман механически выключил будильник, механически вскипятит чайник и забросил в бокал два пакетика — с чабрецом и с малиной. Механически переоделся, обулся, отворил дверь.

— Здорово, Ромашка! — обрадовался Саня.

Он сразу же потушил окурок.

Роман сообразил, что не посмотрел в глазок перед выходом.

— Как жизнь молодая? Как Василиса?

Роман ошалело глядел на вора.

— Кинула тебя, что ль?

Роман молчал.

— Угадал. Значит, не любила тебя. Если б любила, то не бросила бы. Будь ты петушилой, и то бы не бросила.

Этажом выше, дрогнув, затормозил лифт. Двери со скрежетом разомкнулись. Последовал миг затишья, сменившийся твердыми шагами.

— Кто тебе поможет, Ромашка? — спросил Саня почти ласково. — Отец? Мать?

Мать — это да. Это самый близкий человек в мире. Мать прощает. Кошек душить начнешь — простит. Людей резать — тоже. Обманешь ее — она поплачет и снова простит. Ближе матери никого нет.

Наверху раздались глухие удары в дверь. Наверное, обивка смягчила.

— Почему, думаешь, я тебя не наказываю? — продолжал Саня. — Ты передо мной уже столько раз провинился, а я тебя постоянно прощаю. Потому что я тебя люблю.

Серия настойчивых глухих ударов.

— Эх, люблю я тебя! Дури в тебе много, но сердце у тебя светлое, Ромашка. Этим ты мне и нравишься. Хлюзда, зато со светлым сердцем. Я ведь не просто так здесь. Я ведь помочь тебе должен. Жизнь тебя переломает, если Саня не вмешается. Если Саня не растолкует, что к чему...

Роман, как загипнотизированный, смотрел на соседа. Истрескавшиеся тонкие губы бывшего ээка сжимались и разжимались, мелькали неровные желтые зубы.

Наверху вновь слышались шаги. Звук приближался, и вскоре на шестом этаже очутился высокий молодежавый брюнет. Искорки в глазах и распахнутая улыбка придавали его лицу ребяческое выражение. Брюнет был одет в серый кардиган, застегнутый на все пуговицы, в узкие голубые джинсы и обут в практичные кеды. Незнакомец остановился.

— Мир вам! — сказал он задорным голосом, пряча руки в карманах.

— Ты кто? — поинтересовался Саня.

— Можно сказать, никто, — бойко отрекомендовался брюнет. — Меня тут ваш разговор привлек.

— Еще раз: ты кто? — повторил раздраженно сосед.

— Ростислав я.

Ростислав бодро вскинул вверх согнутую руку с зажатым кулаком.

— Откуда такой красивый, Ростислав?

Саня не впечатлился приветствием и продолжал, сидя на корточках, сверлить глазами незваного гостя.

— Да какая разница? — добродушно произнес брюнет, будто речь шла о чем-то несущественном. — Вы пацана учите, так? Воспитание подрастающего поколения — достойное занятие. Мне, например, в детстве объяснили, что нужно быть внимательным и не доверять чужим дядям.

С этими словами Ростислав подмигнул Роману. Тот задержал на брюнете бессмысленный взгляд. Росток, ростовщик, Ростов, Ростислав. Отрасль, подростковый, на вырост.

— До тебя не доходит? — голос Сани выражал крайнее нетерпение. — Думаешь, нарисовался тут набушмаченный фраер, затрещал и...

Ударом с носка в подбородок Ростислав застал блатного врасплох. Голова Сани отдернулась, и он затылком врезался в стену.

Роман подумал, что это дикая ошибка. Вора бить нельзя.

— Учиться надо всегда и везде, — сказал Ростислав Сане. — Нужно быть внимательным, я же говорил только что.

Завалившийся набок Саня прохрипел. Опершись, он попытался подняться и опрокинул консервную банку с окурками. Ростислав с короткого размаху опустил ногу соседу на поясницу. Как кирпич уронил. Раздался резкий сдавленный выдох. Саня словно переломился и уткнулся щекой в пол.

— Опять ты невнимательный, — укоризненно сказал Ростислав. — Рассеянный. Самоуверенный.

— Я тебя выебу, — проскрежетал Саня.

— Давай без грубостей.

Ростислав подошвой прижал его голову к полу и обратился к Роману:

— Это чудо здесь живет?

Роман будто очнулся.

— Да, — вымолвил он и указал пальцем на соседскую дверь.

Ростислав кивнул и сказал Сане:

— Достань ключ из кармана. Быстрей. Сейчас я уберу ногу, а ты медленно встанешь и отопрешь замок. Затем мы мило побеседуем. Наедине.

Саня в испачканной пеплом тельняшке, кривясь, в точности выполнил указания Ростислава. Когда они скрылись в квартире блатного, Роман пожалел, что легко отпустил брюнета в волчье логово. Даже раненый, Саня способен на что угодно. Исподтишка ножом пырнет или выкинет что-нибудь не менее подлое.

Надо постучаться.

Или не надо?

Обошлось. Улыбчивый, как и прежде, Ростислав скоро перешагнул порог. Дверь за ним вмиг захлопнулась.

— Не волнуйся насчет него. На днях он выметается из вашего дома, — сказал брюнет. — С концами.

— Правда?

— Если соврал, то его выметут оттуда вместе с рыбьими скелетами.

— Как вам удалось?

Роману следовало кланяться в ноги незнакомцу в сером кардигане, а он гордил чужь.

— Окурки он, например, убрать не согласился, — Ростислав посмотрел на пол. — Не уважает, гад, чужой труд.

— У меня совок есть с щеткой, — пробормотал Роман.

— Давай лучше прогуляемся. Если не торопишься, конечно.

В глазах Ростислава мелькнули искорки. Роман спохватился. Так-то он собирался в библиотеку, а затем на консультацию с многомудрым Алексеем Семёновичем, обещавшим студенту свежую монографию по творчеству пролеткультовцев. В то же время пренебречь прогулкой с замечательным человеком Роман не мог никак.

Они направились по Шаболовке к метро.

— Вот урод, — сказал Ростислав, услышав историю взаимоотношений Романа и Сани. — Слабо я его отделал.

— Он честно съедет? — уточнил Роман.

В рассказе он умолчал о Кире.

— У него выбора нет, — заверил Ростислав. — Ситуацию я ему обрисовал. Перед носом удостоверением потряс. Для убедительности.

— Спасибо вам! — сказал Роман. — Если бы не вы...

Ненадежный голос задрожал. Ростислав сбавил ход.

— Люди делятся на две категории, — сказал он.

— Первая делит людей на категории, вторая не делит, — вспомнил Роман известную шутку.

— Верно, — сказал Ростислав. — Я как раз из первой. Параметры деления у всех разные. Сильные и слабые, умные и тупые, интересные и скучные, материалисты и идеалисты, патриоты и либералы, вегетарианцы и мясоеды, иосифляне и нестяжатели...

— Воры и фраеры, — подсказал Роман.

— Кто во что горазд. Для себя я определился, что бывают люди добрые и недобрые. А этот Саня — мразь полнейшая.

— Он поступал по своему закону. — Роман вздохнул.

Ростислав остановился и, повернувшись к студенту, положил руку ему на плечо.

— Он выродок. Он неправ, и это не обсуждается. Ты не виноват, что он свалился тебе на голову. Тебе элементарно не повезло, Роман. Кто угодно на твоём месте посыпался бы под давлением опытного жулика.

— Я изначально поставил себя неправильно.

— Был вежливым и любезным?

— Что-то вроде того.

— Тебя так воспитали. Скажи «Здравствуйте!», скажи «Спасибо!» — все это тебе привили в детстве. Так?

— Так.

— Ты не привык, что твоими хорошими манерами злоупотребляют. А Саня этим воспользовался. Он с малых лет учился запугивать, сбивать с толку, преувеличивать свою значимость в чужих глазах. Естественно, у него богатый опыт в этом черном деле. Зато теперь и ты кое в чем поднаторел.

— Надеюсь.

— Поднаторел! Точно тебе говорю.

— Вы меня спасли.

Ростислав убрал руку с плеча и возобновил медленный шаг.

— Чистое совпадение. Я вообще случайно оказался у вас в подъезде.

— Мне хотелось покончить с собой, — признался Роман. — Или уехать в другой город.

— Советчик из меня фиговый, но я тебе вот что порекомендую. Если в будущем к тебе пристанут подобные типы, помни о двух вещах. Во-первых, ты ничего им не должен, какие бы надежды они на тебя ни возлагали и как бы ласково ни называли. Во-вторых, не замыкайся в себе. Доверяй переживания родителям и друзьям. Много друзей у тебя?

— Трое, — сказал Роман.

— Доверяй им. Такие упыри, как Саня, стремятся тебя изолировать, разрушить привычные связи, оторвать от всего дорогого. Не позволяй им.

У метро он пожал Ростиславу руку и задал вопрос, мучивший с самого начала беседы.

— Вы из спецслужб, да?

Ростислав звонко, по-ребячески рассмеялся, ничуть не стесняясь.

— Да какая разница? — сказал он беззаботно. — Пусть это останется тайной. Может, я из ФСБ. Может, монтер или газовик. Или вышибала. Или путешественник по московским подъездам. В любом случае, я рад знакомству с тобой, Роман. Береги себя и не бойся.

Роман еще долго размышлял над тем, кто такой Ростислав, и в итоге решил, что загадочный брюнет — это Серый Кардиган. Как серый кардинал, только вместо плетения интриг занятый спасением людей.

Через неделю на шестой этаж заселились три студентки. Более чем отличная замена. Роман, больше не встречавший Саню, заметил, что никогда не видел хозяина квартиры напротив. Кто знает, кем он приходился Сане. Родичем, корешем, должником, никем. Да какая разница?

Дипломные трудности напали кстати.

Целые абзацы из научной работы выдирались, переставлялись, сжимались до предложения и расправлялись до страницы. Роман изнывал от собственного несовершенства. Каждая строчка Бахтина сокрушала затаенными глубокими смыслами, давила неповторимым и незаметным изяществом. Есть мастера, есть талантливые трудяги, как Алексей Семёнович, а есть имитаторы умственной деятельности наподобие студента Тихонова, считал Роман. Он представлял, как маются молодые писатели и поэты, оценив подлинный размах гениальности Пушкина и Лермонтова.

Половина фрилансерского заработка тратилась на выпивку. В свободные от сна, копирайтинга и диплома часы Роман совершал затяжные променады с фляжкой и книгой, читая все подряд: «Молот ведьм», «Дао Дэ Цзин», сборник занимательных

математических задач, графические романы, публицистику Оруэлла, труды Юма, Маркузе, Деррида.

Каждую минуту кто-нибудь да расстанется, но единицы кончают с собой или сбегают на Алтай. Кира оказалась как раз из таких. Она превратилась в большой сплошной нарыв, напомиравший о себе. Роман опасался, что она связалась с сектантами, обозначенными как «друзья по переписке». Разумная сторона уверяла: Кира настолько не выносит повиновения, что за километр различит манипуляторов, какими бы хиппарскими и экологическими идеями те ни прикрывались. Иррациональная сторона возражала: она же не в себе, она отчаянно ищет доверия, чем могут воспользоваться психопаты — идейные и не очень. Да и вообще, мудрено ли восемнадцатилетней девушке затеряться на незнакомой земле? Ни разу не мудрено.

Губернатор Алтайского края хранил молчание.

Поиск родителей Киры по «Одноклассникам» и «ВКонтакте» успеха не принес. Искать людей по фамилии Марковы в Йошкар-Оле было сродни тому, чтобы безлунной ночью блуждать по чаще с ароматической свечкой.

Алексей Семёнович расписывал преимущества магистратуры.

— Армия вам, насколько понимаю, из-за плоскостопия не грозит, — говорил научрук. — Тема плодоносная, научный потенциал в вас чувствуется. Магистерское образование котируется выше бакалавриата...

Роман кивал, не отрицая и не соглашаясь. Любой разговор о том, что именовалось дальнейшими перспективами, мыслился как бесполезный и нелепый. Напиваться и поглощать книги — вот лучшая из перспектив.

Незадолго до дипломной защиты позвонил Юра Седов.

— Нет сил спокойно наблюдать за тем, как ты спиваешься, — сказал Юра. — Какой-нибудь Буковски признал бы тебя за своего, но меня смущает твой стиль жизни.

— После выпускного я сбавлю обороты, — сказал Роман. — Буду готовиться ко вступительным в магистратуру.

— Насчет магистратуры и я хотел потолковать.

Седов поведал, что к нему обратились из Главного корпуса МГУ, из отдела профессиональной ориентации и трудоустройства. С заманчивым предложением. Участие в государственной программе.

— Деталей раскрыть не могу, — сказал Юра. — Проект масштабный. Гуманитарный, связан с преподаванием, финансирование на высшем уровне. Чуть ли не Путин курирует. Скину тебе телефон Эдуарда Викторовича. Он из отдела трудоустройства. Я ему говорил о тебе. Ты обязательно позвони.

— Ты участвуешь?

— Проект мобильный, а я пока не очень мобильный, — сказал Юра.

Гуманитарный, мобильный, Путин. Седов не впутал бы друга в сомнительное предприятие. Тем более если Юра отказался, то и Роман сумеет, так что насильно его никуда не завлекут. Он из любопытства набрал номер Эдуарда Викторовича, и интеллигентный мужчина пригласил студента в кафе «Жан-Жак» на Маросейке.

Явившийся раньше положенного времени Эдуард Викторович производил впечатление человека, который тщательно конструирует свой образ. Дорогой светлосиний костюм, белая рубашка и повязанный виндзорским узлом красный галстук в сочетании напоминали триколор. Благодаря славянскому носу картошкой, аккуратно подстриженной густой бороде и зачесанным назад русым волосам Эдуард Викторович смахивал то ли на прихорошенного лесоруба, то ли на канонического хипстера.

К моменту прихода Романа «лесоруб» листал страницы на планшете и допивал кофе. Рядом пустовала другая чашка.

— Я кофеиновый наркоман, — пояснил Эдуард Викторович.

Без раскачки он приступил к сути. При Министерстве образования РФ создана специальная комиссия по глубинному мониторингу. Комиссия направляет выпускни-

ков главных московских и питерских вузов, проживших в Москве и Петербурге не менее двадцати лет, на работу в провинциальные школы. Задачи программы состоят в том, чтобы обозначить проблемные точки преемственности между средним и высшим образованием, чтобы пополнить информацию о реальном положении дел в школе и чтобы из первых уст собрать сведения об учительской профессии. И укрепить связи с провинцией, конечно. В голосе Эдуарда Викторовича звучал энтузиазм.

— Это почти то же самое, что и распределение после вуза в советское время? — уточнил Роман.

Он тоже взял кофе.

— Неуместная аналогия, — сказал Эдуард Викторович. — При распределении вас отправили бы в какое-нибудь село, где вы обязаны были отработать три года. Программа по глубинному мониторингу в корне добровольна. Если вы принимаете участие в проекте, то сами выбираете, в какой населенный пункт едете. Мы предоставляем список школ и список съемных квартир, а вы устраиваетесь и заселяетесь самостоятельно, по вкусу. Вы свободны в предпочтениях.

— Какие населенные пункты вы предлагаете? — Роман изобразил праздное любопытство.

— Что угодно. Есть, например, Петрозаводск. Якутск. Воронеж. Казань. Череповец. Армавир, это Краснодарский край.

— География обширная, — оценил Роман. — А села есть?

— В дальнейшей перспективе. Сами понимаете, дефицит жилья в удаленной местности и прочие накладки. Зато мы находим для вас учеников по скайпу, которых вы вправе брать или не брать. Это дополнительный заработок, который призван покрыть расходы на квартиру.

— Если что, я копирайтингом занимаюсь, — сказал Роман.

— Увы, по условиям договора запрещены любые источники дохода, кроме преподавания, — сказал Эдуард Викторович. — И самостоятельно учеников по репетиторству тоже нельзя искать. Особый пунктик. Считайте это издержками.

— Основательно, — удивился Роман. — Этот проект секретный?

Эдуард Викторович, улыбнувшись, потянулся к планшету. Он отыскал в Интернете страницу МГУ, зашел в ряд разделов и подразделов и с гордостью продемонстрировал на экране страницу с новостью о создании комиссии по глубинному мониторингу.

— Да кто это увидит? — спросил Роман.

— В том и дело, что никто! — сказал Эдуард Викторович. — Информация в свободном доступе, но не афишируется. Не секретная, но и известной назвать затруднительно.

Эдуард Викторович объяснил, что учитель должен каждый месяц составлять детальный отчет. По соглашению надо проработать в провинциальной школе год. Иначе штраф в полмиллиона. Разумеется, дальше при желании молодой специалист имеет право сколько угодно обучать детишек из Якутска и Армавира. За участие в программе выпускник получает сто пятьдесят тысяч рублей: треть — до отъезда, две трети — по окончании учебного года. Плюс путевка в профилакторий.

— Помимо прочего, это еще и отличный вызов. Проверьте себя, — сказал Эдуард Викторович, допивая четвертый кофе.

— Если я вдруг сбегу посреди учебного года? — сказал Роман. — Не в Москву — в другой город. Или за границу.

— Это предусмотрено. Участникам мы вживляем чип и наносим штрих-код. Вас достанут в любой точке земли.

— Так серьезно?

Роман раскрыл глаза. Эдуард Викторович добродушно улыбнулся.

— Шутка. Никуда вы не сбежите. Во-первых, это вам же обойдется дороже. Во-

вторых, мы же не на каторгу вас ссылаем. Отработать год по специальности — это не приговор. Повторюсь, это вызов, который вы себе бросаете. Попутно помогая при этом родной стране.

Эдуард Викторович выдал Роману запечатанный в конверт тест, оценивавший готовность выпускников к учительской профессии, с просьбой выполнить дома и назначил дату следующей встречи.

— Поверьте, проект запустили не просто так, — сказал Эдуард Викторович. — Правительство заинтересовано в реформах, в качественном образовании, в лучшей жизни. В ваших силах выступить рупором десятков тысяч педагогов по всей России. Не каждому выпадает такой шанс.

Тест делился на две части.

В первой части предлагались сорок заданий с вариантами ответов.

«Когда отмечается День учителя?»

«Какой документ определяет совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ?»

«Как зовут героя Дмитрия Нагиева в сериале “Физрук”?»

«Каким видом спорта занимаются герои сериала “Молодежка”?»

Во второй части шли полтора десятка открытых вопросов.

«Какие выражения из школьного сленга вам известны?»

«Каково ваше отношение к аниме? Опишите.»

«Ученик обозвал вас олухом. Ваша реакция?»

«Какой девиз наиболее соответствует духу современной молодежи?»

Роман диву давался. «Олух» — это слишком высокопарно для детишек. Книжный стиль. Им бы что-нибудь проще, с одним из четырех волшебных корней. А главный молодежный девиз: «Забери на стену, чтобы не забыть». Ни отнять, ни прибавить.

Очевидно, на «глубинном мониторинге» кто-то наживался по-крупному. Создание комиссии, разработка проекта, набор и курирование выпускников, составление тестов и прочая, и прочая блаженная околесица в смете расходов. Не исключено, что у них двойные ведомости: по липовым участники программы получают сто пятьдесят тысяч, а по официальным — все четвереста.

Само собой, красивых слов не пожалели. Укрепить связь с провинцией, получить информацию о реальном положении дел. Повелители опять притворялись, будто далеки от народа, будто не ведают, чем дышит чернь и каковы ее нравы. Незнание словно избавляло от ответственности — в противовес Ежи Лецу.

Пилили вдохновенно, с азартом. Не у всех на виду, но и не особо таясь.

Тем не менее Эдуард Викторович врал не во всем. Насчет вызова сказано верно, хотя и пафосно.

Переезд, который нельзя откладывать, иначе сгоришь дотла.

Роман понял, что единственное препятствие — объяснение с родителями, от которых отдалился за годы. Роман продолжал ценить их, испытывал к ним уважение. Ростислав был прав, говоря о доверии, но это целое искусство — быть откровенным с теми, кто ближе всего. Требовалось вновь учиться этому.

Мама наказала не надрываться, вовремя есть, высыпаться и обращаться с любимыми вопросами.

Папа велел регулярно писать, а также помнить, что Роман теперь учитель и это ко многому обязывает.

Эдуард Викторович вручил рекомендательное письмо от ректора МГУ и инструкции. Об участии в проекте никому, кроме родителей, не сообщать. Посылать отчеты по итогам каждого месяца. Докладывать об авральных ситуациях. Достойно представлять Москву.

В августе, непосредственно перед отъездом, Роман завернул в «Фаланстер»,

чтобы погадать по книге. Глаз упал на Слотердайку, на второй том его «Сфер», именовавшийся «Глобусами».

— Назовите, пожалуйста, номер страницы и строчку, — предложил Роман девушке в синем платье, которая рядом присматривалась к новинкам.

— Сто шестьдесят три, четвертая сверху.

Роман раскрыл и зачитал вслух:

«Человек — это животное, ожидающее и переживающее разрывы с теми, кто ему наиболее близок».

Один день Романа Павловича

— Что я сделала-то?

— Забыл!

— А я летом был в Абхазии и видел дачу Сталина!

— У вас не найдется лишнего мела?

— Роман Павлович, у меня в кабинете окно заклинило. Поможете?

— Этот 6 «А» меня с ума сведет. Целый день сдерживаюсь, не кричу на них, а дома срываюсь на своих детей. Разве это правильно?

— Только не тройку, ну пожалуйста! Ну пожалуйста...

— На следующий урок принесу.

— Глагол — это сказуемое.

— Процесс идет, хорошо.

— Шукшин придумал чудиков, потому что так смотрел на реальность.

— Шукшин не примыкал к шестидесятникам, потому что не разделял их убеждений и писал о своем.

— Роман Павлович, а кто такой детственник?

— Роман Павлович, а вы катались на мотоцикле?

— Роман Павлович, а кто самый известный поэт в истории?

— Роман Павлович, а правда, что Путин нанесет ядерный удар по ИГИЛ?

— Роман Павлович, из РОНО задание спустили. Конкурс сочинений о коррупции. Дайте команду лучшим ученикам написать до вечера. Вот требования и электронный адрес, по которому нужно посылать.

— Чего сразу Аксенов! Не посылал я его!

— Учебник? Я потерял. Тетрадь? В учебнике лежала.

— Я такая ленивая. За уроки в девять сажусь.

— У вас не найдется лишнего стула?

— Вводные слова вводят нас в курс дела. Их можно убрать из текста.

— Может, вы нас раньше отпустите? Никогда не отпускали? И что?

— Шукшин — это еще что. Недавно мне один товарищ отчеканил, когда «Грозу» изучали: «Борис работал депутатом». Об истории у них, мягко говоря, искаженные представления.

— Я не смогу остаться на дополнительное занятие. Мне в больницу.

— Я тоже не могу. В больницу. Кровь из вены.

— Это неправильно — тащить тетради для проверки домой. Должна же, в конце концов, быть у нас личная жизнь.

— Я так считаю: после смерти учителя похоронные услуги должно оплачивать государство. Тогда я с полной ответственностью заявлю: в гробу нас видело наше государство.

— Роман Павлович, принесите, пожалуйста, мне в пятницу тетради восьмых классов. Плановый контроль работы педагогов.

Среди всеобщего сумбура

Часы в школьном холле спешили на две минуты. Настенные часы в своем кабинете Роман сверял с Кремлём, поэтому звонок на первый урок русского или литературы раздавался в 7:58. А на первую перемену — в 8:43. И так далее. Роман с иронией воображал, что попирает мелкопоместные школьные порядки во имя большой всероссийской истины, не зависящей ни от царя, ни от придворных.

Впрочем, эта большая истина тоже была относительной, потому что даже кремлёвские часы — это лишь способ приручить необузданное время.

Относительность заключалась и в том, что в школах детям прививали одно, дома — второе, а на улице — третье. Компасы указывали на разные направления и сбивали с толку. Не зная, как поступить верно, ребенок поступал, как и все.

Роман не считал себя исправным компасом и не лез с советами и наставлениями, чтобы не усугублять и без того очевидные противоречия. С одной стороны, быть педагогом значило твердить о послушании и прилежании, учить детей не перечить, соблюдать дисциплину, быть вежливыми. С другой стороны, Роман не терял надежды вырастить порядочных и честных людей, себе-на-уме личностей. Методы не совпадали с задачами, причем это упущение закладывалось в основы педагогики. Сначала подчинение, затем — в идеале — свобода.

Нововведения, призванные улучшить школу, не действовали. Семь-десять лет назад школяр полагал за счастье заглянуть краешком глаза в журнал Марь Ивановны и подсмотреть отметки. С появлением электронных дневников такая радость исчезла: при первом желании ученик мог увидеть на мобильном экране или мониторе не только свои оценки, но и средний балл по какому угодно предмету.

И эта система не опережала предыдущую. Среднячок, имевший к концу четверти текущие 3,88 баллов по литературе, позволял себе расслабиться и пренебречь Шекспиром или Пушкиным, так как даже двойка не портила картину. Роман именoval это оцифровкой сознания: любое действие, за исключением тех, что удовлетворяли первичные потребности, обладало смыслом только при наличии результата, который поддавался измерению и подсчету. Если читать, то ради отметок; если писать, то ради лайков.

Собственно, ЕГЭ строился по аналогичному принципу.

Родители ночами не спали, чтобы дети поступили в вуз. Дети не спали ночами, чтобы порадовать родителей дипломами.

Роман усвоил, что умение избегать паники посреди всеобщего сумбура — едва ли не важнейший навык.

Самым сложным было оставаться спокойным на совещаниях. Заинтересованный Марат Тулпарович, не церемонясь, касался на них любых тем.

— Недавно санузел сменили, а в уборных уже грязно, — констатировал он. — Особенно в женских туалетах. Просьба классным руководителям: научите девочек сливать за собой.

Иногда на педсоветах звучала житейская мудрость:

— Детей можно хоть десять сделать. Главное — их воспитать.

Больше всего нервировали исходящие свыше команды, которые директор по цепочке перекладывал на учителей. Внезапный отчет на пять страниц, поездка на педагогический семинар, кулинарное соревнование среди классов — к этому все привыкли. Однажды Марат Тулпарович сказал, что до конца дня ему требуются пять сочинений на районный конкурс «Я гражданин России», и Роман с Лилией Ринатовной срочно кинулись обзванивать учеников с убедительными речами.

Классным руководителям доставалось больше, чем простым предметникам.

— До понедельника нам предстоит отчитаться об анкетах питания, — передавал

Марат Тулпарович новое послание от своего начальства. — В тесте пятьдесят вопросов — о качестве блюд, об их разнообразии, о ценах. Анкету должен заполнить каждый ученик. Так как за два с половиной дня они не успеют, то обязанность пройти тест лежит на классных руководителях. Итак, задание следующее: открываем сайт...

Когда директор покончил с разъяснением схемы, педагоги возроптали:

— У меня двадцать пять учеников в классе. Получается, я на тысячу двести пятьдесят вопросов в сумме должна ответить?

— У меня Корольков мяса не ест. А в анкете надо выбрать между говядиной, курицей и рыбой.

— Это максимум на три часа работа. Выберет, что угодно, это неважно, — говорил Марат Тулпарович.

В конце апреля Роман перед первым уроком обнаружил, что на четвертый этаж попали через чердак два голубя. Птицы в испуге метались прочь от учеников, которые с гвалтом гонялись за крылатыми безбилетниками. Прикрикнув на школьников, Роман отворил окно. Охваченные паникой голуби не сообразили, что путь наружу свободен, и улетели в дальний конец коридора.

Роман схватил за рукав шустрого Марютина, до того преследовавшего птиц с камерой.

— Зовешь сюда Андрея Константиновича, — приказал Роман.

Андрюха поднялся в фартуке для мастерской и без суеты направил заблудших птиц через окно на улицу.

Всех удивил Гаранкин из 8 «А». В один прекрасный день он принял не менее прекрасное решение, прекратив ходить в школу. Неразговорчивый толстяк изобрел уникальный маршрут. Ранним утром он направлялся в ближайшую «Пятёрочку» за батоном и оставлял в магазинной камере хранения портфель и сменную обувь. Избавившись от ноши, Гаранкин топал до «ИКЕА» и являлся туда аккуратно к открытию, чтобы запить бесплатным кофе остатки батона. Чтобы вернуть бродягу дхармы за парту, Энже Ахатовна нагрязнула к нему домой и задала трепку Гаранкину-старшему.

Воскресным первомайским вечером Роман пролистал Новый Завет, с улыбкой вспоминая негодование, с каким брался за книгу и делал в ней карандашные пометки. Сам того не замечая, Роман погрузился в Псалтирь, которую до того не стал читать вслед за венчавшим новозаветные тексты «Откровением Иоанна Богослова».

Обнаружилась любопытная закономерность: если подразумевать под Богом не старика на небе, а такую абстрактную категорию, как справедливость, то многое встает на свои места. Наказ возлюбить Бога больше самого себя — требование возлюбить справедливость больше собственных интересов и желаний. Требование отречься от себя и от близких — это не что иное, как необходимое условие праведной жизни, потому что именно ради себя и ради близких люди чаще всего совершают преступления и искажают истину.

Давидовское наставление «Покорись Господу и надейся на Него» таило выкристаллизованный посыл «Живи по-честному и надейся на честность других». Понять легко, а попробуй возвести в жизненное правило, если многократно лгал и был оболган другими. Отсюда и культ страдания в христианстве и в иудаизме: способность верить в справедливость после перенесенных мытарств ценится несравненно выше, чем наивная детская убежденность в том, что мир светлый и добрый.

Роман по-прежнему находил нестыковки в христианском учении и не принимал наполнявшей его страсти, но негодование исчезло. Настала пора осмотреться по сторонам и двигаться дальше.

На четверку

После майских праздников Максим Максимыч крепко повздорил с Маратом Тулпаровичем и, объявив тому бойкот, перестал появляться в школе. По слухам, спор вышел то ли из-за премий учителям, то ли из-за поломанного школьного ноутбука, который англичанин отказался чинить за свои деньги, так как ему давно полагался новый компьютер. Утверждали, будто Максим Максимыч намерен перебраться в гимназию.

Он держал оборону две недели. Ученики, сдававшие экзамены по английскому, занимались у него дома и отмалчивались на вопрос, как дела у мятежного учителя.

А на последнем звонке Максим Максимыч, тихо здороваясь со всеми, присоединился к остальным учителям. Как ни пытался он в неброском сером костюме спрятаться за спинами, высокий рост выдавал англичанина. Смущенный любопытными взглядами, Максим Максимыч постоянно опускал голову. Чувствовалось, что до этого ни одна линейка или концерт не доставляли учителю таких мучений.

Роман осмелился навестить англичанина в его кабинете по завершении торжеств. Максим Максимыч мыл окна с чистящим средством, поминутно цепляясь к какому-нибудь особо живучему пятнышку.

— Проиграл я, — сказал англичанин сконфуженно. — Советовал мне Михалыч: «Не переоценивай свои возможности».

— Вы не проиграли, Максим Максимыч, — сказал Роман. — Вы снова поступили так, как поступили бы многие, если бы не боялись.

Максим Максимыч махнул рукой. С мокрой тряпкой этот жест не получился эффективным.

— Все равно до ума не довел.

— Вы не увольняетесь?

— Какой там. Старый я уже, чтобы менять что-то. Даже одну школу на другую. Да и не отпустили бы меня без некрасивой записи в трудовой.

Роман вздохнул.

— Значит, вы вроде как помирились с директором?

— Вроде как. Хорошо еще, что Тулпарыч штрафом ограничился. Обещал не докладывать наверх и на совещании публичной порки не устраивать. На том спасибо.

Обнаружив на стекле очередное стойкое пятнышко, Максим Максимыч тщательно оттер его и посмотрел под углом — не уцелело ли.

— Ты, я слышал, уходишь от нас? — спросил англичанин.

— В Москву возвращаюсь, — сказал Роман.

О своем решении он предупредил всех за две недели.

Ученики не скрывали сожаления.

— Роман Павлович, ну!

— Опять от нас учителя сбегают!

— Кто нам еще правила так объяснит?

— Не оставляйте нас. Вы добрый, хоть и чуточку злой.

В 6 «А», а также в двух восьмых классах Роман провел на заключительных занятиях интеллектуальные викторины с книжными призами. Школьники тоже не отпустили Романа с пустыми руками. Корольков подарил потрепанное издание Джеральда Даррелла, очевидно, дорогое самому Оскару. Залилова угостила набором домашних кексов.

— Роман Павлович, — сказала она, — я хочу, чтобы мой парень был умным, а он книги не читает. Как его заставить?

— Камилла, к кому ты обращаешься за помощью! — Роман улыбнулся. — Я от Аксенова и Хидиятуллина целый год того же добивался.

— Моему парню двадцать лет. Так-то он не тупой.

— Но книг не читает, — сказал Роман. — Отведи его на художественную выставку. Заодно проверишь, как он к тебе относится. Если делает вид, будто живопись ему нравится, то ты для него значишь многое.

— Это идея! Попробую!

Ряженку попробуй, ответил Роман про себя. Нашел, кого наставлять. Теперь любая восьмиклассница и без художественных выставок прекрасно ориентируется в том, что называется жизнью. Уж точно разбирается в предмете лучше, чем среднестатистический выпускник филфака. Благословенна будь, Камилла...

Лилия Ринатовна от известия об уходе Романа огорчилась.

— Впервые жаль, что молодой специалист увольняется, — сказала она. — Искренне желаю вам удачи!

Андрюха пригрозил, что не выпустит Романа из школы, пока тот не отыграет с трудовиком прощальный баскетбольный поединок.

Марат Тулпарович против опасений не стал чинить Роману препятствий и осуждать его выбор.

— Успехов вам, Роман Павлович, — сказал директор. — Было приятно с вами работать. Думаю, вы сумели бы подготовить восьмые классы к экзаменам, но я уважаю ваше решение.

— Тоже был рад с вами работать!

Роман сообразил, как сложно Марату Тулпаровичу. Не меньше, чем капитану корабля в колониальную эпоху. Отчеты регулярные, кадровая текучка. Директор тоже вынужден равняться на цифры.

— Надеюсь, набрали материал для научного труда по казанскому поэту?

Роман не сразу сообразил, что имеется в виду Перцов. Который приятель Пушкина. Мнимая причина переезда в Казань.

— Знаете, Марат Тулпарович, так погрузился в школьные дела, что напрочь забыл про научный труд. Школа выматывает.

— Школа закаляет! — с улыбкой сказал директор.

Максиму Максимычу Роман на прощание подарил «Ольмеку», которую привез из Москвы и так и не открыл.

— Текила? — Англичанин, хмыкнув, повертел бутылку в руках. — Говорят, ее надо пить с лимоном и солью.

— Пейте, как нравится.

— Что ж, спасибо. — Максим Максимыч протянул Роману большую ладонь. — Может, ты и прав, что уходишь. Школа — место для людей с каменной задницей. Ты пока такой не обзавелся. И не обзаводись.

— Спасибо вам, Максим Максимыч. Помните, я по-прежнему считаю, что вы выиграли.

— Довольно сиропа, — сказал англичанин, поморщившись. — Телефон мой и электронка у тебя есть. Будем на связи. Специально в Москву приеду на тебя посмотреть.

— Заметано!

В последний раз покидая школу, Роман заметил, как группа школьников курит за хоккейной коробкой.

— Бросай курить, вставай на лыжи! — крикнул Роман.

Ребята оценили шутку, но реминисценцию не уловили.

— До свидания, Роман Павлович! Удачи!

Калуга, твою дивизию. Нужно стать для калужских своим, утверждал Максим Максимыч. До своего Роман не дорос, а из чужаков выбрался. Пятерку не пятерку, а четверку заслужил.

Отчет № 11

Уважаемый Эдуард Викторович!

Как и сообщалось ранее, я увольняюсь. Директор, коллеги и ученики отнеслись к этому решению с пониманием. С Казанью расстаемся друзьями.

Мой поезд прибывает в Москву 11 июня, в 6:11. В тот же день предоставлю в отдел трудоустройства и профессиональной ориентации подробный итоговый отчет, который в настоящее время готовлю.

Выкладываю ряд тезисов, которые намерен развить и доказать:

1. Педагог незащищен перед произволом детей и их родителей.
2. Низкая заработная плата понижает статус учителя в обществе.
3. Неподъемная отчетная документация формирует у учителей отвращение к своему труду.
4. Школьное образование в текущем виде мешает педагогам и ученикам проявлять их лучшие качества.
5. Школа учит приспособливаться к действительности, а не преобразовать ее.

Я структурирую свои наблюдения и детально отражу их в заключительном отчете.

С уважением, Роман Тихонов.

Письмо № 6

От кого: Тихонова Романа

Кому: Марковой Кире

Здравствуй, Кира!

За год я многому научился и подрастерял воинственности. Христианство видится мне иным. Я с изумлением открыл, что новозаветные тексты обретают другой смысл, если понимать Бога не как деспотичного господина, а как справедливость. Несмотря на то что нет точных критериев, как определять справедливость, она постигается интуитивно. Как утверждал Жак Деррида, справедливость — единственное, что не поддается деконструкции, потому что она делает возможной саму деконструкцию. Проще говоря, справедливость — это то, что нельзя раскритиковать, разоблачить, оболгать, высмеять. Как ни изощрайся.

По христианству, каждый в итоге получает то, чего заслуживает.

Кто не верит в этот тезис, тот не истинный христианин. Даже если человек он порядочный. Согласно библейским текстам, тот, кто не верит в справедливость, не имеет права рассчитывать на нее.

Христианство по-своему наставляет быть добрым и храбрым. Добрым, потому что корыстолюбие, зависть, ярость и тщеславие сужают мир до горстки собственных интересов и отдаляют от подлинного пути — пути следования справедливости. Храбрым, чтобы противостоять лжи и насилию и уличать грешников в их злодеяниях. Доброта без храбрости — мягкотелость. Храбрость без доброты — наглость. Тот, кто храбр и добр, совершает правильные поступки, поскольку его не ослепляет себялюбие.

Это суровый путь.

Прочти ты это, решила бы, что я ударился в сектанты.

Спешу разочаровать. В христианстве по-прежнему есть моменты, смущающие меня. Их три.

Во-первых, примеры доктора Менгеле, генерала Пиночета и множества других крупных злодеев, избегших наказания, убеждают, что не всякого негодяя настигают страдания, равноценные тем, какие он причинил сам. Справедливость торжествует, но не всегда.

Во-вторых, меня отталкивает аналогия с пастором и овцами. В христианстве наставник получает безграничную власть над учеником, обрекая подопечного на бесконечные страдания помимо его воли. В этом плане мне гораздо ближе другие восточные философии. Гаутама призывает учеников освободиться от догм и авторитетов и говорит: «Если встретишь Будду, убей его». В «Дао Дэ Цзин» тоже предлагается емкая формула, подходящая под определение учительского мастерства: «Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать».

Христианский пастырь громогласно указывает. Буддийские и даосские наставники — незаметно направляют. Проработав год в средней школе, я выдвину соображение, что второе сложнее. И действеннее.

Наконец, в-третьих, христианству интересны только люди. Меня до сих пор беспокоит эпизод, где Иисус заключает бесов в стадо свиней и несчастные свиньи сбрасываются с обрыва. Смерть их не оплакивается, не вызывает даже огорчения. Разве есть в этом справедливость?

Землю населяет столько самых разных видов, а мы сгружаем их в одну кучу и именуем ее для удобства животными. Мы привыкли считать, что обладаем разумом и нравственностью, а прочие существа живут примитивной жизнью, основанной на инстинктах. Такое представление дает моральное право не заботиться о судьбах «братьев наших меньших» и использовать их в корыстных целях. И такое представление — допотопный пережиток, потому что оно противоречит научным наблюдениям последних полутора веков. Согласно им, нет четких границ между человеком и остальными обитателями нашей планеты.

И тем не менее идея о сочетании доброты и храбрости — ценный момент в христианстве. Надо возвращать в себе эти качества.

Я подумывал выкинуть Новый Завет. Не из протеста — он мне впредь не нужен. Вместо этого стер в нем карандашные пометки и отнес в церковную лавку при часовне. Они разберутся, а я не волен распоряжаться книгой и ее уничтожать.

Утром я отправил предпоследний отчет куратору. По ходу составления появились опасения, что глупею. Употребил в одном предложении слова «низкий» и «понижает», не придумав равнозначной замены. Кроме того, боюсь, переборщил с серьезной интонацией и масштабными выводами.

Не мог смолчать.

Как заметил Марат Тулпарович, школа закаляет. Я не болел целый год.

Пусть я не попал в татарский театр, не вылепил из детей новых Ньютонов, Пушкиных, Кропоткиных, не разрушил иерархию и не поменял парадигму, кое в чем я преуспел. Я сумел завоевать доверие тех, с кем работал бок о бок и кому преподавал, и ни разу их не подвел, как прежде подвел тебя.

Я и сам учился у своих учеников.

Год назад мне довелось встретить замечательного мудреца, по-настоящему доброго и храброго человека. Он советовал не замыкаться в себе и доверять тем, кто рядом. Если б я понял это чуть раньше, то избежал бы немалых ошибок.

В мае Алтайский заповедник объявлял конкурс для волонтеров. Я вызвался, и меня выбрали. Жду не дожусь шестинедельной смены, которая начнется в июле. Подозреваю, что в природоохранной сфере нарушений побольше, чем в образователь-

ной. Если так, то столкнусь с самыми неприятными открытиями. Я готов. Значимость заповедного труда подковерные игры не умаляют. К тому же в любой области найдутся побитые жизнью энтузиасты, которые скромно и упорно выполняют свой долг, невзирая на препоны, которые им чинят. Несмотря на цинизм, прописанный в трудовом договоре.

В тебе есть что-то от таких подвижников. Непокорство и нетерпимость к фальши. Отличное начало, на мой вкус. Ты в силах многого достичь.

Целый год я заходил на твою удаленную страницу. Как бы я хотел быть убежденным, что ты жива и тебе ничто не угрожает. Теперь мне доступна эта роскошь, пусть я ее и не заслужил.

Когда ты восстановила страницу и выложила свежую фотографию (это ведь средняя полоса, не Сибирь, ты вернулась, к черту все остальное), я едва сдержался, чтобы не послать покаянно-восторженное письмо.

Соберусь это сделать на днях. Какими бы ни были начало и середина, в финале я напишу: «Живи, пожалуйста, только живи. Я тебя отпускаю».

Елена Крюкова

Для Всех-Небес-Любви

Грозная молитва о жизни

Я завернусь в багряный плащ. Сжав рот, на снег полночный выйду.
Народ, безбожник! Сетуй, плачь. Я вымолчу твою обиду.

Я вымолю слепой кусок тебе — у всех небес бездонных.
Там, в черноте, пылает Бог, и сноп лучей — от риз лимонных.

И зраков огонь, белков баgreц — вниз, на пожарища земные...
Отец! Ведь это не конец! Ведь это — счет на ледяные

Века! Одним — не обойтись. Сундук раскрыт. Страдания светят
Алмазами. Бери — на жизнь. С лихвой — на смерть. Кидай — на ветер.

Нас вымочили — пук розог — в воде соленой, в едком чане.
Железный небосвод высок. Его держу: спиной, плечами.

Для Всех-Небес-Любви — стара! Стара для боли и печали.
Свист пуль — с полночи до утра, а мы не ели и не спали.

А мы держали — так вцепясь!.. Так знамени держали — древко!..
...знамена втаптывают в грязь. Подошвой — в бархат, будто девку,
Пинают, будто суку — в бок — щенную — по снегу — сосцами...

Молюсь Тебе, великий Бог, о том, о том, что будет с нами.

Фавор

...под планетою горячей,
Под холодною звездой
Я сижу и горько плачу
Над царицею-рекой.

Гаснет рыба корона
В чёрной толще вечных вод.
Дунет холод с небосклона:
Я умру! И всяк умрёт.

Отрожал живот могучий.
Виснут руки-осетры.
Бьюсь и плачу, как в падучей,
Наверху крутой горы.

Рыба в реках отметала
Золочёную икру.
Я любить и жить устала.
Всяк умрёт! И я умру.

Нет еды: ломоть беззубый.
Нет одежды: есмь — лоскут.

Заколотят кости грубо,
В домовине — унесут.

Слёзы льются по горячей,
Вдоль по дышащей груди.
Я ещё живу и плачу!
Слёзы, вы мои дожди!

Пули — бьёте вы снегами.
Грязь — причастие моё.
Над горой Фавором пламя
Мне с исподу жжёт бельё.

Перед небом раздвигаю
Старых чресел художу.
Я любовь превозмогаю:
Я сама рожу Судьбу.

И, пока здесь бьются люди
В реках боли и огня, —
Осетром в речной полуде,
Головой на зимнем блюде
Тащат Ироду меня.

* * *

— Приидет Царствие Мое.
Приидет Царствие Мое.
Вы долго ждали, бедняки —
Приидет Царствие Мое.

— Царь-Голод высох тьмой доски.
Царь-Холод сжёт мои виски.
Царь-Ветер плачет от тоски.
Приидет Царствие Твое.

— Пропой же мне последний стих,
Пропойца с пламенем седых
Волос, — что плачешь ты, зatih?
До дна ты выпил Бытие?..

— Блаженны нищие духом, ибо их...
Блаженны плачущие, ибо их...
Последний Дух, и вдох, и дых:
Приидет Царствие Твое.

...И так они стояли — так
Стоят на рынке мясники,
А снег в крови, в снегу резак —
Стоят и плачут от тоски.

В снегу — замызганный пятак:
Огонь — на резкой белизне.
Друг против друга — вечно: как
Враги на ледяной Войне.

И весь в слезах стоит Христос.
И я стою — лицо в слезах.
А мир, бедняк, ослеп от слез.
Огонь, огонь — в его глазах.

* * *

Я молюсь лишь об одном:
Чтобы всё не стало сном.
Чтобы, жёстко и жестоко,
Жадно руки мне скрутив,
Жизнь мне вдунула — до срока —
В душу — МИЛОСТИ мотив.
До отмеренного срока:
Я, черна, гола, нища,
Задеру башку высоко,
Сгибну, плача, вереща,
Но спою!.. —
...лимонным соком
Выжатым; казнящим током;
Я, пастуший праща,
Родинка на коже Бога, —

Всё спою, что суждено:
Кану полночью на дно.

И отыщут. И заплачут.
И рубаху разорвут.
И за пазуху запрячут.
И тихонько запоют.
Все слова мои соврут.
Всю слезу мою сольют.

Боже, Зрячий и Незрячий, —
Неужели все умрут?!..

Алексей Иванов

Утоли моя печали

Рассказ

*Памяти директора детского дома
Евгении Григорьевны Иоффе*

— Лёха, ты где?

Алексей Доронин, двенадцатилетний детдомовец, не стал объяснять, где он. Потому что сам не знал точно, где. Он застрял в подвальной решетке. Обычно он, как самый маленький, пролезал сквозь нее довольно легко. Если, конечно, лезть, как лазал всегда.

— Лёха, ты где?

Он был все там же. Сдуру или со страху Лёха просунул голову не в ту ячейку решетки и застрял. Потому что обратно голова не пролезала, а туда — наружу — не пролезала рука.

В эту церковь, возле входа на Новодевичье кладбище, детдомовцы лазали, как к себе домой. Не все, конечно. А те, кто входил «в компанию», как говорила Софья, директриса. Любили полежать на ящиках, покурить, сгонять в картишки. Притырить, если что сбондили на Варшавке-товарной. Но воровали там в основном картошку, которую почти всю продавали тут же, на Альбуминной улице. Денежки — на папиросы и соевые батончики. А что картошки оставалось — пекли в подвале монастыря, в крыле которого жил детский дом.

Лёха обычно пролезал в раздвинутую подвальную решетку, гвоздем открывал висячий замок на двери подвала, и в церковь заходили все остальные.

В этот раз все было как всегда. Почти как всегда. Вовка Жирный, Алька Прокурор, Кокора и он, Лёха. Ну, и еще одна. Светка. Она появилась недавно. Но компанию уже испортила. Об этом говорили все. Кроме Прокурора, конечно. Она болталась с ним рядом. Постоянно. Даже когда играли в карты, она сидела у Прокурора за спиной. Хорошо хоть помалкивала.

Все остановились курнуть под навесом у входа в церковный подвал. Изморось вперемешку с крупными каплями, летевшими с крыши, выбивали чечетку на навесе. С его ржавеньких резных кружавчиков струйки залетали внутрь.

Иванов Алексей Георгиевич родился в Ленинграде. Автор трех романов, нескольких повестей и рассказов. Печатался в журналах «Звезда», «Аврора», «Нева» и др., книги выходили в издательствах «Лениздат», «Советский писатель». Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — роман «Опыт № 1918» (2017, №№ 5—7).

— Давай, Лёха, а то холодно что-то, — сказал Прокурор.

Понятно было всем, что холодно не ему (нам-то не холодно!), а этой Светке. У нее даже губы посинели. Но Лёхе было все равно. Он любил ходить в церковь и гордился, когда ребята говорили: «Давай, Лёха!» Сначала они не верили, что в такую решетку можно пролезть. А после привыкли, но Лёха знал, что они издали смотрят, как он протискивается в узкую ячейку. Конечно, потом Лёха малость подшустрил и раздвинул ломиком кованые стальные петли затейливой церковной решетки. Но издали это было незаметно.

Ежась под холодным дождем, Лёха Доронин (он же Дрон) подбежал к решетке, встал «на четыре», просунул в раздвинутую ячейку руку, примерился и полез в нее головой. Теперь повернуть голову набок, прижаться как следует к руке, — и все, он в подвале.

Лёха ввалился в черноту головой вперед, вскочил, вытащил из кармана гвоздь-отмычку и почти наощупь — темно в подвале! — двинул к двери, за которой слышались голоса ребят. И вдруг — тяжелый-тяжелый вздох. Вздох протяжный, нечеловеческий и, главное, прямо сзади, за спиной. Лёха, боясь повернуться, боком-боком подался назад, к подвальному окну, к решетке. И даже почти схватился за нее, но тут что-то его толкнуло. Дрон оглянулся: под стеной, на ящиках с карбидом, которые детдомовцы изрядно растормошили, приторговывая им, прямо напротив двери, которую он должен был открыть, сидел... Дрон не нашелся, как бы его назвать... В общем, он был похож на здоровенного мужика в шубе мехом наружу. Так иногда пацаны пугали девчонок, надевая вывернутый Софьин старый полушубок. Только этот мужик был втрое выше и здоровее самого здорового из них. И смотрел на Дрона немигающими, а может даже и светящимися глазами. И едва Дрон оглянулся, как он негромко, но страшно проговорил: «Куда же ты, Лёха? Куда бежишь?»

Дрон не стал дожидаться, что будет дальше, а рванул к окну, вскочил на деревянный обрубок, прислоненный к стене, ухватился за решетку и сунулся головой вперед в стальную ячейку. Ее мокрый холод он помнил долго. Сунулся в ячейку и застрял. Застрял позорно, чего с ним не бывало. И уже поняв, что застрял, Дрон все еще пытался втиснуться в решетку глубже, слыша сзади сипатый голос: «Куда бежишь, Лёха? Иди, курнем!» Потом он услышал сзади тяжелые шаги, некто взял его за ноги, проговорил: «Не верти башкой», и голова выдернулась из стального капкана.

— Лёха, ты где? — это, конечно, Прокурор кричит. Мутит воду из-за своей Светки.

— Где-где, в Караганде! — отозвался Дрон привычно, хотя горло перехватило и на шее была изрядная ссадина.

Тот, за спиной, довольно хмыкнул.

Лёха Доронин подошел к двери подвала, стараясь делать вид, что не чувствует дыхания и шагов сзади, достал гвоздь-отмычку и услышал хихиканье.

Но только взявшись за замок, Дрон понял, почему тот хихикал. Замок был другой. Здоровенный. Со сложным механизмом, такой гвоздем не откроешь.

— Прокурор, — крикнул Дрон, прислонившись к двери, — тут замок другой. Мне его не открыть.

Конечно, Дрон хотел, чтобы ребята поняли, что с ним что-то неладно, и спасли! Но они болтали и смеялись со Светкой. А может и еще с какой-то девчонкой (Дрон вслед за Кокорой и Вовкой Жирным именовал их прошмандовками, хотя и не знал, что это такое).

— Ладно, Лёха, — раздалось из-за двери, — выбирайся.

— Не ожидал? — услышал Дрон сзади.

По-честному, не ждал он от пацанов такого. Но не признаваться же этому.

— Почему? — Дрон повернулся к нему и заставил себя поднять голову.

Теперь тот, что сидел на карбидных ящиках, был похож на человека. И даже был не таким уж здоровым, как показался со страху. Правда, одет как-то странно, но в подвале темно, свет из решетчатых окон едва доходил до ящиков, на которые он снова уселся. Уселся правильно. Потому что если бы Дрон надумал дернуть в сторону лестницы или даже люка (был и такой!) в церковь, то мимо него не проскочил бы. А в другую сторону — что бежать, там тупик, заваленный ящиками, и два решетчатых окна. В них сходу не влетишь.

— А зачем тебе влетать, — сказал тот, доставая папиросы «Пушка». — Садись, курнем.

Он чиркнул зажигалкой, и Лёха рассмотрел его поближе. Он показался похожим на фокусника, который недавно выступал на празднике «35 лет Октября». То есть одет он был точно так, но на голове вместо цилиндра, из которого фокусник таскал ленты, фантики от конфет и даже целые конфеты, надета старая, мятая пилотка. Причем не по-нормальному, а поперек головы. И лицо было, как у клоуна. Только у того лицо намазано белым, а у этого будто бы чем-то зеленоватым. И вроде бы даже светилося в темноте.

— Курнем? — повторил он и протянул Лёхе папиросу, щелчком выбив ее из пачки.

Вид знакомой красно-желтой пачки «Пушки» с таинственной надписью «Остерегайтесь подражаний» успокоил Лёху.

— Курнем, — Лёха достал из-под резинки штанов (чтобы не намокали!) чиркалку, две спички и мятую папироску «Север».

— Бери «Пушку», — тот протянул папиросу, которая (чудо!) сама собой раскурилась, но Дрон чиркнул сразу двумя спичками (для верности) и задымил свою. Брать чужие у незнакомых было в их компании «западло».

— Давно куришь? — тот держал папиросу двумя пальцами и разгонял дымок рукой.

Дрон промолчал, чтобы не отвечать на дурацкие вопросы. Но пустил дым кольцами, почти как Вовка Жирный. И получилось здорово, хотя Дрон недавно научился пускать колечки.

— У Жирного лучше получается, — клоун в пилотке тоже пустил толстые кольца.

— Ты откуда знаешь? — удивился Лёха.

Тот тоже промолчал, делал вид, что рассматривает огонек папиросы.

— Давно в домике? — спросил он наконец.

Ребята между собой называли детдом «домиком», но этот откуда знает? А насчет «Ты давно...» и так далее интересовались в основном тетки, приезжавшие поболтать насчет усыновления.

— Что давно, то г...но, — ответил Дрон, как было принято у пацанов.

— Ну-ну, — усмехнулся тот, соскочив с ящиков. — Пошли! — и стал, не оглядываясь, подниматься по лестнице, будто зная, что Дрон пойдет за ним. Лёха заметил, что обшлага брюк у клоуна в пилотке пообтрепались, а каблуки скошены, как бывает у кривоногих.

В церкви было сумрачно, как всегда во время дождя. Сверху, чего раньше не было (а может Дрон заметил это только сейчас?), свисали какие-то провода и паутина. Паутина то гнездилась странными гроздьями, то растягивалась, как вывешенные на просушку рыбачьи сети. Из-за них старые мозаики на стенах были совсем не видны.

Только сверху, под самым куполом, непонятно откуда взявшийся лучик высвечивал едва видного снизу бородастого Бога.

Клоун перехватил взгляд Дрона и засмеялся:

— Чего на небо уставился, ты же в Бога не веруешь?

Дрон никогда не задумывался, верует он в Бога или нет. Честно, он даже не знал, зачем строят церкви. Не затем же, чтобы в них хранить старые станки, которые пацаны потихоньку развинчивали, разбирали и сдавали татарину Яшке на металлолом. Или показывать кино и танцевать, как на сгоревшей в прошлом году даче детского дома в Рождествено. Но здесь, в громадном и гулком храме, черные святые с золотыми кругами вокруг голов смотрели особенно строго.

— Может и верую, твое какое дело?

— Ты спроси у своей Софьи, она же говорила вам, что бога нет!

Это была правда. Софья как-то отловила компанию, когда они выходили из церковного подвала (Софья почему-то называла его «крипт»), и прочитала целую лекцию о Боге. Которого, как следовало из лекции, — нет. А то пацаны ей для понта (чтобы она не пошла искать, что в церкви притырили) заправили, будто ходили рассматривать картинки, нарисованные на стенах.

— Тебе-то какое дело, есть Бог или нет! — они стояли прямо посередине громадного круглого зала церкви. Наверх уплывал купол, а на стенах, которые поддерживали арки с толстыми короткими колоннами, были те самые картинки. Большие, темные, светились только кое-где круги над головами нарисованных людей.

— Мне-то как раз и есть дело! — хмыкнул тот. — Садись, — он показал на два откуда-то взявшихся золоченых кресла. Поменьше и здоровенное.

От вида этих кресел (царские, что ли?) Дрон по-настоящему сдрейфил, струхнул то есть. Откуда здесь кресла, тыщу раз ходили — и ничего. На кресло Дрон садиться не стал, а заскочил на холодную станину станка, который они почти уже разобрали.

Клоун же уселся в кресло, закинул ногу на ногу, и в руках у него вместо «Пушки» оказалась сигара, точно такая же, как у буржуев на плакате к 35-летию Октября. Он жевал сигару, пускал вверх ароматный дым и внимательно рассматривал Дрона.

— Ты хоть знаешь, кто я такой? — клоун почти не затягивался, но пыхтел сигарой с удовольствием.

— Знаю, конечно! — у Дрона отсыревшая папироска прорвалась и потухла, но он все равно держал ее в зубах.

— Ну?!

— Баранки гну! — как положено у пацанов, ответил Дрон. — Не нукай, не запряг!

— Так кто же я? — не заметил Лёхиного выпада клоун.

— Клоун! — Лёха перебросил потухшую папиросу из одного угла рта в другой. Пацанский сигнал — мне на тебя плевать.

— Ха-ха, — развеселился клоун. — Клоуном меня еще никто не называл! — он поправил мятую пилотку и даже сбил ее на лоб, всем видом изображая необычайное веселье. Хотя глаза, отметил Дрон, были невеселыми. Даже злобными. Особенно когда зыркал по сторонам.

— А кто же ты? — Дрону, собственно, было неинтересно, что это за штымп, он приглядывался, как бы получше дриснуть из церкви.

— Обо мне говорят, — неожиданно важно сказал клоун, — «он тот, кто...»

— Не понял, — Дрон нащупал рукой тяжеленный разводной ключ, которым

пацаны развинчивали станок, прихватил его поудобнее и стал прикидывать, куда бежать до того, как этот клоун оклемается после удара.

— Бежать некуда, — опередил его клоун, щурясь от дыма сигары.

Он протянул горящую сигару к паутине, свисавшей сверху, и ткнул в нее зловещим красно-сиреневым огнем. Паутина вспыхнула разом, огонь рванул вверх, с треском сжигая прозрачные сети, все кругом полыхнуло, как во время грозы, и сразу потухло. Остался лишь негустой дым, который вытягивало в верхние узкие окошки, выбитые еще во время войны. Бомба попала прямо в жилой дом, стоявший между крыльев Новодевичьего монастыря. Дым медленно тянулся вверх, оставляя запах паленой бумаги, карбида и серы.

— Бежать некуда, — повторил клоун, рассматривая Дрона, — и незачем. Пока ты мне нужен, будешь здесь, — он скривился не то от смеха, не то от боли.

— Зачем я тебе? — Нужно было рассчитать удар ключом. Понятно, такого перца запросто не возьмешь. Тем более, сидя на неудобной станине. Дрон закричал, заерзал и принялся медленно слезать, поворачиваясь спиной к клоуну, чтобы тот не рассмотрел ключ. Теперь резко рвануть, развернуться и ключом по башке.

— Не боишься, что убьешь? — хмыкнул клоун.

— Нет! — Дрон кинулся с разворотом к нему и врезал по кумполу. От души.

Клоун даже не дернулся, просто сидел, прикрыв глаза, с презрением глядя на Дрона.

Здоровенный ключ просвистал в пустоте и врезался в золотую спинку кресла. Брызнули щепки, а клоун сидел, будто и не сквозь него пролетел тяжеленный ключаря. Дрон снова схватил ключ, — так же не бывает, он не сумасшедший, но клоун слегка повел рукой с сигарой, и Дрона подняло вверх. Невысоко — так, на уровень бородатых стариков, нарисованных на стенах. Они на картинках выглядели испуганными.

Клоун двинул рукой, Дрон опустился на каменный пол.

— Ключ положи на место, — клоун почему-то стал выглядеть усталым, сидел с прикрытыми глазами. — Как мне надоело все это! — Он печально вздохнул, делая вид, что не видит, как Дрон притырил ключ под ремень. — Давай договоримся, — сказал он тихо, — баш на баш.

— Чем махать будем? — повернулся Лёха, рассматривая усталого клоуна. Конечно, тот прикидывался усталым, отчего это «баш на баш» настораживало.

— Я редко бываю откровенным, — негромко сказал клоун и рукой прижал пилотку крепче, будто она сползала. — Мне это не нужно. Мне всегда верят, — он грустно улыбнулся. — Или не верят, — клоун стриганул глазами в сторону громадных железных дверей — выхода из храма. — Но ты мне нравишься...

Точь-в-точь как у Софьи: «Ты хороший мальчик, но...», и после этого начинались неприятности.

— Махнемся? — клоун говорил тихо, будто все еще не просыпаясь.

Но Дрон знал эти приемчики. Детский дом — не детская площадка. Научит кой-чему.

— На конфеты? — клоун зыркнул на Дрона. — Целый ящик, а? Видел, в каких ящиках «батончики» возят? — он показал руками ящик, вдвое больше обычного.

«Он что, за фрайера держит, хочет за конфеты что-то отторговать?»

— Не нравятся конфеты, можно на курево. Или портвейн? Целый ящик? Двадцать бутылок!

«Шестнадцать, во-первых! Знает, гад, что мы портвейн пили!» Конечно, пили. И

не раз. Продавали картошку — и на портвешок. Правда, Лёхе не доставалось, так, по паре глотков.

— Пацанов порадуешь!

Пацанов клоун помянул зря. Дрон разом припомнил стычки и базары с чужими, из громадного домищи, который называли почему-то «Порт-Артур». Припомнил, как держали себя пацаны.

— На что махаться? — он уже понимал, что ни брать, ни ждать от клоуна ничего нельзя. Надо бить первым и рвать когти. Только куда? Железные ворота всегда закрыты. Причем снаружи.

— Мне генерал Миллер Евгений Карлович в Галлиполи рассказал, — клоун жевал сигару, внимательно присматриваясь к Дрону, — ты знаешь, что такое Галлиполи? Нет? И про генерала Миллера не слышал? — он ухмыльнулся довольно. — Мне нравятся такие люди. *Tabula rasa*. Что такое «*tabula rasa*», тоже не знаешь? Это значит — чистая доска. Обычно говорят в переносном смысле, — он пыхнул сигарным дымом в сторону Дрона. — Но тут я вижу — просто чистая доска, в прямом.

За доску полагалось бы врезать. Но неудачный опыт уже был, надо потерпеть.

— Евгений Карлович — чистая душа, прекрасный вояка, но — глуповат, — клоун поудобнее пристроился в кресле. — В апреле семнадцатого года его собственные солдаты отколошматили и ранили, — он наслаждался воспоминаниями. — Велел горе-вояка красные банты с чинов своего корпуса снять! Доигрался, привезли в Питер, в трибунал.

Прямо над его головой в дурацкой мятой пилотке торчали щепки разбитого Дроном кресла. «Неплохо врезал!», — подумал он, и клоун тут же подскочил.

— Неплохо врезал? Дурачок! Не бывало, чтобы мне кто-то «неплохо врезал», понял?

— Ты на «понял» меня не крути, понял? — по-пацански ответил Дрон.

— Слушай, — негромко, но медленно и страшно сказал клоун. Дрон вдруг увидел, что у него железные зубы и усы под носом, которых раньше не было. — Ты не понимаешь чего-то... — он на секунду задумался. Видно, с такими пацанами встречаться не приходилось. — Не ты будешь говорить, что делать, а я тебе, — он смотрел Дрону прямо в глаза. — Ты думаешь, я не знаю, где икона спрятана? Или я ее достать не могу? — он покосился в сторону треснувшей и отслоившейся штукатурки возле большой картины. — Так вот, этот Миллер, повторюсь, горе-вояка, — клоун заговорил громко, будто его должны были услышать на другом конце футбольного поля фабрики «Скороход», — спрятал здесь, в алтаре, под престолом икону, которой крестила его мать. А один гаденыш, это я про тебя говорю, иконку спер и перепрятал. Так? — неведомая сила снова поддержала Дрона и даже тряхнула в воздухе. — Так?

Все-таки это не он выступал в домике на празднике 35-й годовщины Октября. Или уж совсем тупой, как неизвестный никому генерал Миллер. Мог бы понять, с кем имеет дело.

— За гаденыша ответишь, козел! — Дрон приземлился неудачно, спиной к клоуну, но ответить успел как надо. Козлом в домике можно было назвать только последнего негодяя. Даже Витьку Козлова называли только «Витёк».

Но клоун не особенно и взбеленился. Тряхнул, правда, за шиворот:

— Куда дел икону? — он снова покосился в сторону, где была припрятана икона. — Ты сейчас пойдешь, — клоун говорил спокойно, глядя прямо в глаза Дрону. — Не крути головой! — Он повысил голос. — Пойдешь и возьмешь икону. Смотреть в глаза! — он дернул Дрона за рукав. Тот отмахнулся и почти сбил с головы

клоуна пилотку. — Verschwinde hier, du Mistvieh!¹ — почему-то не по-русски прокричал клоун и схватился за пилотку обеими руками.

«Шпион, что ли?» — мелькнуло у Дрона. Но на киношного шпиона клоун смахивал мало.

— Ich werde dich gehorchen lassen, ich werde dich diese beschissene Ikone bringen lassen, du Arschloch! Ich werde dich dazu bringen, es zu ziehen und es in meiner Gegenwart zu zerschlagen! Du wirst es schaffen, Schlaks! Und du wirst mir dienen!² — Он кричал еще что-то, но Дрон уже ничего не слышал. Левой он вцепился в горло клоуну, а правой принялся молотить по морде, не разбирая, лишь бы попасть.

Клоун тоже схватил его за горло, приподнял и со смехом отшвырнул в сторону.

— Помолиться не пора? — Дрон понял, что это он так шутит.

И тут же с ужасом почувствовал, что висит, как висел однажды на крюке строительного крана, сорвавшись с его стрелы. И не просто висит, а медленно плывет вдоль стен, мимо картин, нарисованных на них. Странно, но рисованные картины словно высвечивались, оживали, едва он к ним приближался, люди на них начинали двигаться, но тоже странно, как в мультиках: одни отворачивались от него, обхватив головы руками, другие прятали лица, третьи смотрели молча, и глаза их наполнялись слезами. Дрон медленно плыл мимо живых картин, сам не зная отчего проникаясь страхом и состраданием к тем, кого видел, особенно когда женщины поднимали руки вверх, к беззаботно голубому небу, а потом прятали лица в ладонях, стараясь не смотреть на него.

— Хватит? — услышал он голос клоуна.

Лёха хотел было крикнуть: «Пошел ты к ...!», — но тут приблизилось лицо женщины с сухими, горящими глазами, которая молча шевелила губами, будто хотела сказать не то «Терпи!», не то «Прости!» Матерное «Пошел ты!» пришлось бы крикнуть прямо ей в лицо, и Дрон промолчал.

Клоун в новом облике — в усах и с железными зубами — понял это по-своему, Дрон почувствовал, как его небрежно поставили на пол. Почти бросили с высоты.

А вот голос его Дрон почти не узнавал. Он вдруг стал шипеть, словно втягивал воздух сквозь зубы, и по-старушечьи пришепetyвать.

— Ты пойми, Лёха, пойми по-человечески, мне жить негде, понял? А здесь — самое место. Храм, — Лёхе показалось, что слово «храм» он даже пропел, — храм великолепный! А фрески? Живопись какая! А мозаики — видел? Здесь вся жизнь Иисуса расписана, притчи Ветхозаветные!... И все они — мертвые, мерт-вы-е! Все в моей власти! Знаешь, почему? Ах ты, дурачок малый, — он просто запел: — Чистенькая дурашливая досточка наша, — Дрон с отвращением почувствовал, как тот гладит его по голове твердой и холодной, будто мороженная треска, рукой. — Да потому, что храм этот не ос-вя-щен! Не ос-вя-щен! — прокричал он во весь голос. Эхо отозвалось в арках и унеслось в купол, к бородатому Богу. — Построили, расписали, — клоун захохотал, хохот снова прогремел под арками, на хорах и унесся вверх, — и не освятили! Вот они, русские люди, — не успели освятить! Годами строили, а полдня на освящение — не нашлось! — он был в восторге. — Не нашлось! Это самый дом для меня, то, что нужно! — он сильными ручищами повернул Лёху к себе. — Один придурочный, Миллер, будто чувствовал свой конец, притащил сюда икону крестильную. «Утоли моя печали».

¹ А ну брысь, скотина! (нем.)

² — Я тебя заставлю, заставлю притащить эту дрянную икону, скотина! Притащить и разбить в моем присутствии! Ты это сделаешь, пустая доска! И будешь, будешь мне служить! (нем.)

И в алтаре, под престолом спрятал. Не знал, видно, бедняга, что храм-то неосвященный! А то мне в алтарь и ходу не было бы, а? — он схватил Лёху двумя руками за уши, заглядывая в лицо. — А еще один блаженный, — клоун ласково смотрел на Лёху, скрипя при этом железными зубами, — иконку эту спер и перепрятал, — Дрону показалось, что рисованные фигуры на стенах стали воздевать руки и метаться в панике. — Тебе зачем иконка-то эта? Ты ведь в Бога не веруешь?

Но запаниковали они, похоже, напрасно: Лёха изловчился, уж когда тебя за уши держат — это святое дело! — и врезал клоуну коленом промеж ног. И в этот раз попал не в пустоту. Хотя, видно, и не очень сильно. Клоун дернулся, отпустил уши и даже отступил, плюхнувшись в кресло.

— Вот и благодарность, — сказал он грустно. — Я ведь могу тебя заставить, будешь мне служить, du Mistvieh¹, икона тебя не спасет, а я упрашиваю, баш на баш предлагаю, — он снова пригорюнился. — Для тебя иконка — что? — доска! А мне жизнь отравляет!

Вообще-то он был прав. Икону эту действительно вытащил Лёха-Дрон. Как-то носились по церкви, играли в казаков-разбойников и Лёха, пролетая в полукруглой комнате, услышал, как под ногой бухнуло что-то. Вроде под одной из плиток — пустота. А через день-другой вспомнил об этом, постучал по плитке — гудит, достал маленький чекан, тиснутый на уроке труда, и принялся аккуратно обстукивать плитку, пока она не вывалилась.

— Она мне жизнь отравляет! — клоун скривился, стал похож на Пашку-придурка, который побирался на мосту через Обводный. У Фрунзенского универмага. — Тебе икона зачем? — теперь он корчился, как нищий Пашка. — Она мне спать не дает, понимаешь? Глаза закрою и вижу, как он в Галлиполийском лагере мучается, с турками лается, змей гоняет... — Дрону показалось, что Пашка-придурок заплакал. — А он змей с детства боялся... — этот новый Пашка принялся размазывать слезу по нечистому, в красных прыщах и следах ожогов лицу. Говорили, что Пашка был танкистом, но рёхнулся от контузии. — А во Франции все его продали, все, все, — гундосил Пашка, — а дружок его, тоже генерал называется, Скоблин, к большевикам в ГПУ служить пошел, сдал его, сволочь, вместе со своей прошмандовкой Плевицкой, тоже мне певица...

Из всего этого бреда Дрон понял только слово «прошмандовка», пусть и не знал, что это такое.

— И как везли его на корабле в клетке, как убивали на Лубянке, вижу, — канючил Пашка, косясь на Дрона хитрым коричневым глазом. — Не с первого выстрела грохнули, зачем мне страдания эти принимать, верно? Geh raus, du Arschloch! Ich werde dich gehorchen lassen, ich werde dich diese beschissene Ikone bringen lassen, du Arschloch! Ich werde dich dazu bringen, es zu ziehen und es in meiner Gegenwart zu zerschlagen! Du wirst es schaffen, Schlaks! Und du wirst mir dienen! Aber fick mich mit Ikonen und Miller, ich brauche deine kleine Seele, ein saubere Diele!²

Лёха может и поверил бы в его страдания, но когда он специально бегал к Фрунзенскому, чтобы отсыпать придурочному Пашке мелочи, оставшейся от картошки, тот всегда поднимал голубые, налитые слезами глаза и гундосил невнятной скороговоркой: «Ай, плохо люди-то как живут, плохо как... А вы их не убивайте, убить легко, жить трудно!» Голубые глаза!

¹ Скотина (нем.).

² А ну брысь, скотина! Я тебя заставлю, заставлю притащить эту дрянную икону, скотина! Притащить и разбить в моем присутствии! Ты это сделаешь, пустая доска! И будешь, будешь мне служить! Но мне плевать на Миллера и иконы, мне твоя душонка нужна, чистая доска! (нем.)

— Понял, понял меня! Раскусил! — Пашка соскочил с кресла и медленно пошел на Дрона, как-то по-особому раскачиваясь на кривых ногах. — Умный, сообразил, кто я! А умные долго не живут!

Дрону показалось, что он услышал откуда-то сбоку крик, покосился в ту сторону, где за отслоившейся от стенки штукатуркой была притырена икона, и будто луч прожег его: луч из глаз той женщины, что смотрела на него в упор со стенки и что-то шептала. Теперь Дрон понял, что она хотела сказать. Не «Терпи» и не «Прости», а «Крестись»! Дрон поднял руку и неожиданно для себя перекрестился. И еще раз, и еще!

— Ах, сволочь! — прошипел лживый Пашка, на глазах уменьшаясь в размерах. — Ах, сволочь... Убью все равно! — он стал уже меньше обезьянки, которая скакала вокруг фокусника на празднике.

Дрон выхватил ключ, но обезьяна рванула вбок, оскалившись и показав желтые кривые зубы, и понеслась к выходу, к железным дверям-воротам. На ней все еще был клоунский костюм и пилотка поперек головы. Только теперь из-под пилотки торчали острые уши.

Дрон бросился за обезьяной, запнулся и увидел, как та, оглядываясь и скалясь, принялась взбираться на стену, цепляясь за выступы, щели в штукатурке и кованые накладные тяги на железных дверях.

На западной стене храма, над дверью и даже по бокам ее — фреска, показывающая Страшный суд. С Саваофом вверху, Христом на троне, с Богородицей и Иоанном Предтечей, молящими о людях, Святым Иерусалимом с праведниками, со змием, поднимающимся из преисподней, и мелкими, черными чертями, летящими в огонь вечный.

Обезьяна мигом махнула вверх по воротам и, злобно озираясь, поползла по фреске, поднимаясь все выше. Дрон размахнулся и что было силы швырнул тяжеленный ключ в мерзкую зверюгу. Швырнул — и попал. Та отвратительно взвизгнула, матернулась явственно и схватилась за правую ногу.

«Попал, гад!», — послышалось Дрону сверху, обезьяна рыпнулась, держась за ушибленную ногу, и вдруг, схватившись за что-то неловко, стала скользить вниз. Она еще пыталась уцепиться за какие-то выступы и трещинки, но, странно уменьшаясь в размерах, летела в сторону Преисподней, куда сыпались мелкие черти и где в вечном огне горел бес, держа на коленях Иуду Искариота.

* * *

Во вторник 25 июля 2000 года в храме иконы Казанской Божьей Матери, что в Новодевичьем монастыре, отпевали Владимира Серафимовича Жиркова, он же Вовка Жирный. А на следующий день, перед отъездом в Москву, Алексей Владимирович Доронин (Дрон) зашел в храм помолиться и окончательно проститься с детством: из всей «компании», как называла их директриса детского дома Софья, остался на грешной земле он один.

Храм отдыхал после службы. Разоблачились священники, сразу сделавшись проще. Высокие, молодые, они негромко беседовали с прихожанами в разных углах храма, неслышные монашки скользили мимо, экономно гася свечи и собирая церковную утварь. Благовонный дым ладана все еще медленно поднимался, образуя едва различимый голубоватый туман. Сквозь него ясно виден был строгий Саваоф, с укором смотрящий вниз. Наверное, не такими он хотел видеть людей, — что поделаешь, придется исправлять.

Алексей Владимирович хорошо помнил и храм, и грозного Саваофа, и фрески на стенах. Хотя фрески отреставрировали и они стали мало похожи на те, что он помнил, — темные, будто закопченные «картинки» детства. Он не раз приходил их рассматривать после того, как однажды застрял в кованых кольцах решетки церковного подвала. Помнил, все никак не мог выкинуть из головы и страшного клоуна, обернувшегося мерзкой мартышкой. И особенно — как выбрался из темноты пугающего храма. Хоть точно и не смог бы сказать, как именно. Будто голос женщины с иконы или даже матери, которую он не видел никогда, нежно позвал его: «Сюда!» Дрон послушно подошел к тяжеленным кованым дверям и просто толкнул их. Двери, всегда запертые снаружи на засов и огромный замок, скрипнули и отворились. Он ступил на крыльцо и зажмурился: прямо над изуродованным, со снесенными куполами храмов Новодевичьего сияла радуга. Сияла, упираясь концами в облезлые, со следами пожаров и обстрелов, крылья монастыря.

Фрески со временем поблекли, потом их подновили, и теперь, может, только Алексей Владимирович и помнил, как они выглядели раньше. Он хотел, было, подойти к одной из них, памятной для него, как неожиданно услышал сзади тяжелый вздох. Так вздыхают люди, сбросившие с себя тяжкий груз. В прямом смысле — мешок дров, угля, картошки.

Алексей Владимирович оглянулся. Рядом стоял невысокий, плотный гражданин с портфелем. Гражданин кивнул, заглядывая Доронину в глаза, и представился, шаркнув ножкой. Алексей Владимирович толком не расслышал, поймал только конец фразы: «...главный бухгалтер на заводе Владимира Серафимовича». Какая-то странность была в бухгалтере. Он заметно прихрамывал, — правой рукой опирался на довольно изящную трость с металлическим набалдашником, на голове — это было удивительно — надета какая-то камилавка. И — на отпевании его что-то не было видно. Впрочем... впрочем, вчера было не до того...

— Вы, я понимаю, старый друг Владимира Серафимовича, еще по детскому дому...

— Да, — кивнул Доронин. Разговаривать не хотелось, но — из вежливости, все-таки Вовкин главбух. И пришел сегодня, после отпевания...

— Владимир Серафимович не раз рассказывал... так сказать, делился... что вы в этой церкви бывали еще до ее открытия, до освящения...

— Да, — шепотом ответил Доронин. — В монастыре был блокадный детский дом. И сюда, в храм, лазали просто так, из озорства...

— Он все смеялся, — не унимался бухгалтер, — что вы сюда забирались, чтобы развинчивать станки и продавать на металлолом...

— Было и такое... — Доронин подумал, что надо бы избавиться от прилипалы-бухгалтера.

— А что от меня избавляться? — сказал бухгалтер неожиданно знакомым голосом.

Доронин повернулся и встретил памятный острый взгляд. Коричневые глаза бухгалтера вспыхнули на миг и погасли. «Неужели он?» — весь страшный осенний день 1952-го разом ожил и прокрутился в голове.

— Узнал? — криво усмехнулся бухгалтер. — Я не сомневался, с детства был сообразительным.

Увидев, что Доронин смотрит на трость, знакомый незнакомец снова скривился в улыбке:

— Ваша работа, попали мне по коленке. Вот так и хромаю.

— Поделом, — заметил Алексей Владимирович, стараясь не выдать волнения. — За все пакости...

— Любимое занятие пошляков — списывать все пакости на меня, — он говорил негромко, не глядя на Доронина и даже будто всматриваясь куда-то вглубь храма. — А вы не пробовали сами не пакостить? Чтобы потом на меня не валить? — он стрельнул глазом. Дрон по этому взгляду окончательно убедился, с кем имеет дело. — Давайте выйдем на свежий воздух, здесь душновато, — незнакомец поправил очки в тончайшей золотой оправе и прошелся рукой по аккуратно стриженным усам.

— Я хочу в храме побыть!

— Воля ваша, — тот потверже оперся на трость. — Пакости... Я вам колено не расшибал, — он даже потоптался для убедительности.

Доронин прикрыл глаза, стараясь отогнать чертовщину.

— Да ладно, — перехватил его мысль незнакомец, — перестаньте трусить, в вашем возрасте пора уже...

Доронин коротко взглянул на него: «Какого хрена он сюда приперся? Неужели за мной?»

— Не за вами, а к вам! — незнакомец слегка подался к нему, будто собираясь пошептать. Доронину показалось, что он ерничает. — Чувство неловкости... Напугал нечаянно вас в детстве... Всё искал, а тут смотрю, — сами идете. Я еще вчера вас присмотрел, да уж не стал вмешиваться, — отпевание, похороны, святое дело...

— Это же ваша тема — вмешиваться в святое! — не удержался Доронин.

— И вы туда же! — Доронину показалось, что он всплеснул руками. — Кто вам это внушил? Это все церковники поют, дуют в уши... Как что хорошее — делает Господь. А пакость, как вы правильно сказали, — обязательно на нас валит... А Господь хорошие дела через кого делает? Что вы задумались, — через людей, через людей! А плохие? — он дернул Доронина за рукав. — Что отворачиваетесь? Неприятно слушать? — незнакомец помолчал, глядя куда-то мимо Доронина. — Что Господь завещал людям, какая главная заповедь? Любите друг друга, как самого себя! Это уж потом церковники напридумывали обрядов всяких, правил, обычаев, а вы хоть поняли, зачем все это? Не-ет, не поняли, хоть и сообразительный! А все просто: кучу маленьких, мельеньких заповедей исполняй, крестись-молись исправно, а если деньги на храм дашь, так уж точно все грехи твои простятся! Не простятся, нет! Главную заповедь о любви к ближнему никто не исполняет. Вы хоть одного знаете? Вон священник разговоры свои закончил с прихожанками, заметьте, — с молодыми! — а подойдите к нему, скажите, что поисповедоваться хотите, думаете он исповедь примет? Вот! — незнакомец выставил кукиш. — Они сейчас в трапезной соберутся, ущицу под водочку, кофеек под коньячок, в джип сядут вон в тот, что у ограды стоит, — и пока, привет горячий!

— Мы вчера отпевали одного из моих друзей, из тех, кто... Больше пятидесяти лет и ни разу... — Доронин старался не заводиться.

— Вы кого имели в виду, Жиркова? Владимира Серафимовича? — незнакомец скорчил брезгливую рожу. — Я вам даже напоминать не буду, чтобы чистоту, можно сказать, эксперимента... хе-хе...

Алексей Владимирович к ужасу своему вспомнил, как Жирный в свое время увел Светку, которая с детдома путалась с Прокурором, женился на ней, а через полгода бросил. Говорили, правда, что это она сама от него ушла, но все же...

— Что, еще напомнить? — радовался незнакомец. — Как его чуть не посадили и вы его примчались спасать? Вы что, и верно думали, что он ничего в карман не

положил? Только мне-то не надо! Нашли святого! Самое место искать святых — среди директоров заводов!

Жирный, действительно, был директором завода.

Доронин хотел что-то ответить, но вспоминались лишь кухня детского дома, громадный бак на полу и несчастный Кокора, которому стрелок ВОХРы с Варшавки-товарной влепил почти в упор в задницу заряд соли. Да еще с нарезанной мелко свиной щетиной. Бедного Кокору отмачивали в баке (тот через две минуты становился кровавым), потом укладывали на стол, и Вовка Жирный на сменку с Софьей, больше они никому не доверял, выковыривали вязальным крючком и пинцетами соль и щетину из залитой кровью тошей попы Кокоры. А утром в детдом пришли дознаватели. Со стрелком-вохровцем. Тот, зная нравы домика, явился со своей винтовкой и все озирался по сторонам. Софье стало плохо (от волнений и бессонной ночи разыгралась астма), она шла в конце шествия. Дознаватель — молодой, новенький — отворил дверь в спальню и от двери грохнул, заглянув в бумажку: «Кто здесь Кокорин Михаил, прошу встать!»

— Ну я, допустим, — поднялся с кровати Вовка Жирный. — Что надо?

— Надо проехать в отделение! — важно сказал оперативник, сопровождавший всю эту компанию.

— Надо так надо, — покорно согласился Вовка и, не глядя ни на кого, натянул штаны.

Спальня на двадцать шесть коек замерла, глядя как Жирный отправляется к ментам вместо Кокоры.

— Узнаешь? — спросил оперативник вохровца.

— Да кто ж их знает, — вохровец, видевший пацанов всегда только сзади, убежавшими, задумался. — Вроде он, оне все на одно лицо!

На Софью, встретившую их в коридоре, страшно было смотреть.

Жирного увели. Он шел по коридору, уныло рассматривая стены и сводчатый потолок, шаркая и стуча по каменному полу своими ГД (говнодавами).

— Ну, увели, увели, — засуетился лже-бухгалтер, — так ведь через три дня вернули?

«Надо перекреститься!» — подумал Доронин, чувствуя, как правая его рука будто наливается свинцом. Не то что перекреститься, но просто поднять ее не было возможности.

Он беспомощно оглянулся в сторону старой фрески, с которой когда-то смотрела на него женщина с горящими глазами. Сейчас, особенно в полутьме храма, фреску было почти не видно. Доронин оторвал потяжелевшие ноги и двинулся к ней.

— Посижу в сквере, на лавочке, — услышал он сзади, но не обернулся. Женщина с фрески уже смотрела на него, одним взглядом отгоняя морок.

Доронин, крестясь, подошел к иконе. То ли память подвела, то ли вина реставрации, но Алексей Владимирович едва узнавал ее. Узнал скорее по жесту, по тому, как она приложила руку к лицу. Совсем как та старушка на Альбуминной, которой он отдал икону генерала Миллера. Хотел продать, а она ахнула и схватилась рукой за лицо. Доронину вдруг показалось, что и женщина на фреске узнала его. Во всяком случае, фреска неожиданно высветилась, как когда-то, когда он волею клоуна подлетал к ней.

«Утоли болезни души моя, Утолившая всяку слезу от лица земли... — Доронин давно и с неожиданной для себя легкостью заучил эту молитву. И, скрывая даже от близких, иногда произносил ее, почти мгновенно ощущая облегчение, будто спадала тяжесть с плеч. Физически спадала. — Ты бо человеком болезни отгониши и грешных

скорби разрушаеши... — Женщина на фреске, показалось Доронину, улыбнулась и шепнула что-то. Но теперь он точно знал — что. Конечно, «Перекрестись» или «Помолись». Доронин перекрестился, и сзади ударил свет, разом осветивший стену с ожившими изображениями. Дрон оглянулся: это монахини с оживленными и даже веселыми лицами распахнули памятные ему широченные железные двери-ворота и трое отслуживших священников вышли на крыльцо. — Тебе бо вси стяжахом надежду и утверждение, Пресвятая Мати Дево», — закончил молитву Доронин и вышел вслед за священниками.

Те стояли на высоком крыльце храма — высокие, молодые, улыбающиеся. Они прощались, ласково глядя друг на друга, обнимаясь и целуя обросшие густыми бородами щеки. Несмотря на то что одного из них возле крыльца поджидал джип, было в этой картине прощания что-то библейское. Наверное, это почувствовала и негустая толпа прихожан, замершая внизу, возле церковного крыльца. Батюшки простились и, на ходу благословляя народ, сошли с крыльца.

Доронин осторожно взгляделся в толпу. Бухгалтера с тростью там не было. Доронин спустился с крыльца, двинулся налево, обошел храм, с удовольствием поглядывая на мозаики и каменную резьбу. У выхода, у самых ворот, сидел, пригравшись на июльском солнце, бомжеватый нищий. Доронину на миг показалось, что он удивительно похож на Пашку-инвалида, сидевшего когда-то на еще деревянном мосту через Обводный. Возле Фрунзенского. Доронин собрался внутренне: если глаза коричневые, злые — дурака валяет. Он — бухгалтер, тот самый, который...

Бомж поднял на Доронина голубые, сияющие и слезящиеся на солнце глаза и проговорил, принимая протянутые ему деньги:

— А некоторые думают, что деньги заплатил — и все позволено, да? Грехов нет! — он зашевелился, будто собираясь встать, и из-под грязного бомжацкого хлама выглянула смышленная собачья мордочка. — Молитвой грехи прощаются, а еще услышит ли Господь, а? — это он говорил уже своей собачке, совершенно потеряв интерес к Доронину. Собачка преданно смотрела в лицо бомжа, время от времени слизывая слезы, текущие из глаз.

Дрон оглянулся на храм, на распахнутые ворота Новодевичьего кладбища, на дремлющего на солнцепеке охранника. В нечастые питерские знойные дни все замирало здесь, ожидая теплой солнечной благодати. Дрон помнил это чувство с детства: тихо, замерли деревья, раскалился крупный булыжник на мостовой, чуть колеблющийся воздух пахнет кладбищенской пылью и медовыми травами. И тогда что-то прозрачно-звонящее опускалось, сходило сверху. Миллионы хрустальных подвесочек-колокольчиков, звучавших в унисон, заставляли замирать на бегу и слушать благодатный перезвон. Песни кладбищенских кузнециков были рядом с ним барабанной дробью.

Но сейчас благодати не было. Мешали тревожные удары даже не церковного колокола, а какой-то дальней корабельной рынды. Доронин оглянулся: справа, вдалеке, возле самого угла монастырского корпуса, где когда-то располагался детдом, мелькнула и исчезла плотная, черная фигура с портфелем и тростью. Исчезла, но Доронин, Дрон, чувствовал на себе острый обжигающий, как крапива, взгляд. И собачка нищего вдруг выпрыгнула из-под полы и принялась злобно, скребя землю лапами, лаять в никуда.

Доронин оглянулся, ему показалось, что сейчас, как когда-то, должна засиять радуга. Вспыхнуть, опираясь концами на крылья-корпуса монастыря. Он приложил ладонь козырьком, — но над крышами Новодевичьего, над обновленными, сияющими куполами его, плавилось в бесцветном жарком мареве белесое, подслеповатое солнце.

Елена Лапина

С отвагой голубиной

* * *

Где-то воды стоят покойны, движенья чая,
где-то злачные пажити изобильны.
Тростниковую лодку посуху волоча, я
[будто бы все спаслись, а меня забыли], —
постаревший, вод не видевший Антиной
в засухе затяжной.

Где он — край заповедный? [А мнилось — близко.]
Мне доплыть бы, всякую тварь спасая,
да окрест ни аспиды, ни василиска, —
праотец юродивого Мазая.

Может, там голубица вдали ликует —
крыльев слепящие всплески, порски.
То ли на горе белизна бликует,
то ли нарождается свет Фаворский.

То ли отыскал я свою потерю:
под горою ливанский кедр, смоляные сосны,
на горе цветущей — глазам не верю! —
вот он — высокий, гордый, победоносный... —

В зареве золотом
город стоит Содом.

* * *

...И найденное — не было искомым.
Никто из сыновей не утаит
то яблоко, что встало в горле комом —
Адамово — так в горле и стоит.

А у меня — оскомина и сладость,
предательство Адамово, враньё
и Евы — не бессилие, но слабость —
влечение, наказание её.

В каких бы ты садах ни шёл тропую,
к каким бы ни притронулся плодам,
любой из них, надкушенный тобою,
тебе напомнит яблоко, Адам.

* * *

Забери, забери, забери
это всё, что скребётся внутри,
всё, что щерится в прорезь зрачка —
человечка меня, червячка.
Ничего не оставь, ничего —
моего.

Говоришь: дурачок, червячок,
человечек, пескарик, сверчок,
будь покоен, стручок, будь здоров —
Я даю тебе пищу и кров.
Ты во Мне, Я в тебе — не дури,
забери Меня ты, забери.
Эту боль, этот свет изнутри —
всё бери!

* * *

Хорошо бы жить, ничего не зная —
вот тебе коврижка-ватрушка-сайка.
Если мир — тарелочка расписная,
то и жизнь — что яблочко-покатайка.
Жаль, не наливное, а так — китайка.

Да тебе неймётся — всё ищешь смысла.
Куды котишься, ладная, молодая? —
переставляя то падежи, то числа,
на кофейной гуще впотьмах гадая.
Вечный голод яблоком заеда.

Видно, не по разуму эта ревность.
Никни, долгий волос в косу свивая.
Засыпай, отравленная царевна, —
матери оскомина вековая.

* * *

Когда умру и сделаюсь звездой,
а здесь оставлю выползок пустой, —
довольна буду участью любой.
Мне всё равно — не стану возражать:
назначьте, как и где ему лежать —
на кладбище под елью голубою,
в земле своей — чужой по мне дыра —
она с изнанки вся равно сыра.
[Гляди, душа, с отвагой голубиной,
приглядывай, как мудрая змея.]
А в этой яме — всё равно не я
зажата глубиной и жёлтой глиной.
Сплетётся дёрн поверх земных заплат —
пусть лисохвост растёт и гравилат —
любой сорняк хорош в юдоли тварной,
когда природа прёт на всех парах...
А то, быть может, пусть развеют прах
иль замуруют в нише колумбарной.
Мне всё равно — не тшиться, хороня,
но поминайте иногда меня.

* * *

Лбом припадая ко тверди воды,
сквозь темноту устремляюсь к нему я —
в глубоководное, глухонемое,
взглядом вращая во льды...
Вон он — за необратимую тьмой
[в этой воде, не смягчающей жажды, —
как дезертиру, бежавшему дважды] —
лживый, но ныне немой.
Чем же утешить себя остаётся? —
Были бы живы, — надёжный дождётся,
верный — вернётся домой.

Резван Хасанов

Тазият¹

Повесть

1

Ранним утром раздался звонок от отца. Он никогда не баловал меня звонками. В особенности теперь, когда в них отпала всякая необходимость, поскольку я, завершив учебу в университете, третий месяц безвылазно проживал с родителями в одном доме. Было ясно, что только чрезвычайное событие могло заставить отца позвонить мне. Пока нажимал на кнопку «ответить», я быстро перебрал в уме всех, кто потенциально мог умереть этой ночью. Циничный рефлекс, развивающийся, когда долго живешь в окружении пожилых людей, с недавних пор срабатывал у меня на автомате и начал принимать параноидальную форму.

Первой вспомнилась соседка, парализованная слепая старуха, переехавшая сюда год назад вместе с семьей младшего сына. Я видел ее лишь однажды, когда брат потащил меня к ним на прошлый Курбан-байрам². Тяжело дыша беззубым ртом, старуха полулежала на высоко поднятой подушке в окружении многочисленных родственников и едва различимо своим тихим обреченным голосом говорила о том, что многие забыли о скоротечности жизни. Больше я к ним не заходил. Но всякий раз, когда перед их домом одновременно останавливались машины всех троих ее сыновей, становилось ясно, что бабка совсем плоха. Мама же моя последние две недели усиленно убиралась в доме и во дворе на тот случай, если родственники потенциальной покойницы будут приходить к нам с тазията на перекусы.

В мыслях замаячило еще имя двоюродного дяди с маминой стороны. Глубокий старик уже давно и тяжело болел. К нему дважды приходил мулла, читал суры из Корана и засвидетельствовал завещание; однако дядина смерть по каким-то причинам всякий раз откладывалась.

Резван Хасанов родился в 1992 году в селении Кизляр Моздокского района Республики Северная Осетия—Алания. В 2014 году окончил Пятигорский государственный лингвистический университет, факультет международных отношений. До этого нигде не публиковался.

¹ Тазият (*араб.*) — соболезнование, место для соболезнований. В ряде кавказских языков — многодневное мероприятие, сопровождающее похороны покойника; включает в себя ряд ритуалов. Тазият — место для соболезнований в доме покойного, где собираются мужчины с утра и до самого вечера, обычно в течение четырех дней.

² Мусульманский праздник жертвоприношения.

— Вставай. Расула убили.

— Кого? Какого еще Расула?

— Опять до трех ночи за компьютером сидел? Совсем не соображаешь? Расула, говорю, убили, дружка твоего. Договорился, философ, тюкнули его.

Отец говорил в своей привычной манере, чеканя слова. Оторванный ото сна, я долго не мог взять в толк, что произошло: некто Расул, философ, много болтал, за что в итоге поплатился жизнью. Из всех знакомых мне Расулов на философа походил только один человек, но наши отношения с ним давно перестали быть дружескими.

— Алиева Расула? сына Мурата? — Отец утвердительно хмыкнул в трубку. — Кому понадобилось его убивать?

— Мало ли кому не нравились его опусы про религию. За такое и убить могли. Да хоть эти...

Отец несколько замялся и чуть погодя продолжил:

— Ну, ты понял, кто. По телефону не хочу говорить. Сходишь на тазият и узнаешь все.

Признаться честно, я совершенно не понимал, о каких опусах идет речь и кто мог из-за них расправиться с Расулом. Но спрашивать отца обо всем этом не стал, заранее предвидя его реакцию.

— Давай вставай, Ибрагим, быстро. Нельзя спать, когда кто-то умер по соседству. Я в магазин поеду, сегодня новый товар должны завезти, надо проконтролировать. А ты иди к ним, нехорошо, если никого из нашей семьи не будет. Реализаторша¹ к одиннадцати часам только придет. Я тогда сразу на кладбище подъеду. Думаю, его после обеденного намаза будут хоронить.

— Погоди, а что говорить-то надо? Просто так зайти? Дуа надо делать?

— Со своим компьютером совсем от людей отвык, хайван² и то больше тебя знает. Подойдешь, значит, к их дому, там наверняка будут идти люди. Дождешься кого-нибудь из старших и зайдешь следом. Все будут делать дуа³, потом подойдешь к родственникам и скажешь слова соболезнования. И стой там, если что, тебя молодежь подтянет, там всякие хлопоты возникают.

С этими словами отец положил трубку, а я начал впадать в безнадежно депрессивное состояние, неизбежное, если утро начинается подобным образом. Мое нутро отказывалось понимать, зачем куда-то бежать сломя голову, будто в сложившихся обстоятельствах я мог чем-то помочь. Но окончательно меня добивало осознание того, что смерть несчастного не вызвала во мне ровным счетом никакой реакции, хотя бы немного походившей на сочувствие. За последний год я так свыкся с ожиданием чьего-то ухода из жизни, что смерть превратилась не более чем в ритуальную процедуру. Конечно, Расул не был моим близким другом: школьный товарищ, с которым, как это часто случается, пути разошлись сразу после выпуска. Мы поступили учиться в разные города и за пять лет учебы виделись два раза и не чаще этого переписывались в социальных сетях. И учитывая устоявшееся во мне отношение к смерти, собственное равнодушие можно было бы как-то внутренне оправдать. Но сколько бы я ни пытался погрузиться в метафизические глубины, укрепляя в себе понимание ценности жизни, все выходило пошло до тошноты. Я метался, как шарик для игры в пинг-понг, пытаясь заглушить воспоминания, которых стыдился. Но словно бешеные псы они накидывались одно за другим. Особенно я не любил

¹ Продавщица.

² Животное (*кумык.*).

³ Молитва, предполагает чтение коранических сур.

вспоминать похороны бабушки. Ничто не ввергало меня в состояние такого полного внутреннего хаоса, как воспоминание о том дне. И ведь ничего дурного я не сделал тогда, я всего лишь плакал на похоронах. Но эти слезы, этот мокрый поток, который я не мог остановить целый час, подобно кислоте разъедали мое рациональное начало.

Я быстро оделся, но вспомнив, что нужно чем-то прикрыть голову — на наших похоронах нельзя стоять с непокрытой головой, — долго не мог решить, что надеть — кепку или тюбетейку. Головные уборы я ношу редко, даже зимой предпочитаю просто накинуть капюшон. Моя черная кепка, которую я надевал на все траурные мероприятия последних пяти лет, как назло куда-то пропала. Пришлось рыться в старом мамином сундуке, где хранилась отцовская коллекция тюбетеек. С каждым годом их становилось все больше и больше наряду с четками — обычные подарки от паломников, побывавших в хадже¹. Отыскав более-менее приличную темно-синюю тюбетейку из велюровой ткани, я спешно вышел из дома.

Погруженный в мысли о предстоящих похоронах, я еще долго стоял перед воротами, оглядываясь то в одну, то в другую сторону, будто надеялся кого-то увидеть на тихой и безлюдной улице этим ранним утром. За две недели, что я не покидал границ своего дома, ощущение чуждости окружавшего меня мира только усилилось. Моя родная улица, где я родился и прожил большую часть жизни, Срединная улица, как называли ее все, подчеркивая центральность ее местоположения, показалась мне столь покинутой и жалкой, как никогда прежде. Я смотрел по сторонам, вспоминая эту улицу десятилетиями ранее, и видел необратимость увядания, которым она охвачена. Увядавшим было абрикосовое дерево, навалившееся своими толстыми ветками на высокий забор, который и сам изрядно покосился под многолетней тяжестью, увядавшим был дом напротив, который, сколько себя помню, всегда был пуст и теперь медленно разрушался. Его окна были выбиты еще несколько лет назад, а куски шифера сорвало с крыши сильным ветром. Теперь, когда в огородах был собран урожай кукурузы, просматривались увядающие дома людей с вычищенными дворами и старыми саманными сараями, откуда доносились истошные крики старых петухов.

Я вновь огляделся по сторонам и медленно зашагал по краю дороги, пытаясь не испачкать замшевые туфли. Расул жил через три улицы от нас: его дом с просторным внутренним двориком и высоким виноградником у самых ворот стоял рядом с отделением почты.

Пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей, я вытащил из кармана телефон и зашел на страницу Расула в «фейсбуке». Судя по обновлениям, в последний раз он посещал свою страницу год назад, когда выложил фотографию из Иерусалима. На ней Расул был запечатлен внутри мечети: сидит на красных коврах. Я приблизил изображение на экране и вновь вспомнил его красивое лицо с большими зелеными глазами. К фотографии прилагался небольшой комментарий: «Мечеть Аль-Акса. Попасть сюда оказалось не так легко. Охранники у ворот заставили читать суры из Корана. Забавно, прежде никогда мне не приходилось доказывать, что я мусульманин. Разве знание сур может быть доказательством того, что человек — мусульманин? Чувствую повсюду Его присутствие. Хотел бы тут остаться подольше».

Фотография Расула напомнила мне о том времени, когда мы вместе ходили к моему дяде на уроки чтения Корана...

¹ Паломничество в Мекку.

Нам тогда едва исполнилось тринадцать. На дядиных уроках Расул был лучшим: у него был красивый, полновесный, успевший заматереть за лето голос, и суры в его исполнении звучали очень мелодично. Он был музыкально одарен и тонко чувствовал, где нужно растягивать слова, а где произносить быстро, где какую делать интонацию. Дядя был в восторге от него; меня же, ходившего через раз и ничего не учившего, сильно ругал. Расул быстро запоминал суру за сурой и вскоре мог уже читать «Амму»¹. Одурманенный открытиями юношеской жизни, я забросил уроки. Расул же продолжил занятия и вскоре начал молиться. Он ходил на кладбище на главные мусульманские праздники и за каждую могилу, над которой читал «Амму», получал небольшую плату.

А ведь невозможно было предвидеть, что дядины уроки окажут столь серьезное влияние на Расула, что в той тесной, душной комнатенке, где всегда стоял специфический запах соленых огурцов и старых дядиных вещей, впитавших в себя его пот и плоть, в маленькой детской голове происходило зарождение большой силы, которая должна была определить все его существование. И со смертью дяди нить, которая связывала Расула с миром намазов, стихов из зеленой книги и хадисов, не оборвалась, а видимо, все больше и больше влекла его своим покоем и степенностью — состояния, которые всегда были мне чужды.

Сколько раз я задавал себе один и тот же вопрос: почему я, выросший в этой же самой среде и посещавший те же самые уроки чтения Корана, я, видевший молящимися бабушку, отца, мать и брата, слышавший каждые утро, обед, полдень, вечер и ночь распевные звуки азана, не воспринял религиозность, не испытал потребности в том, чтобы в земном поклоне преклонить голову перед Господом, в существовании которого при этом никогда не сомневался? Почему даже со временем, когда ломались старые юношеские взгляды и происходило духовное возмужание, а мысли о смерти из редких и единичных превратились в постоянные, я по-прежнему не испытывал в этом острой нужды?

Только однажды, когда мне было шестнадцать лет, поддавшись уговорам брата, я решил попробовать совершить молитву. Это был знойный летний день, я надел чистую одежду и направился к виноградному навесу в спасительный тенок. В одной руке я держал невысокую табуретку, зеленая краска которой высохла и осыпалась прямо на ходу, в другой нес дедовский кумган — чугунный кувшин с водой, предназначенный единственно для омовения. Еще один кумган всегда стоял возле туалета на заднем дворе и постоянно должен был быть заполнен водой; следить за этим было моей обязанностью. Слово «обязанность» мне не нравилось никогда, и в меня не раз летели пустые чугунные кумганы. Я уселся на табуретке, поставив кувшин рядом и, как полагается, тщательно совершил омовение. Солнце пекло так сильно, что пока я домывал в последнюю очередь стопы ног, прежде увлажненные части тела успели высохнуть. Оставив табуретку и кувшин под навесом, я зашел в дом, постелил себе новый коврик, который мама хранила для какого-то тяжелобольного родственника в качестве подарка, надел белую узбекскую тюбетейку с золотистой вышивкой, положил на коврик зеленые четки и встал ровно на край ковра.

Я делал все то же, что и остальные, как учили меня сначала дядя, потом старший брат и, наконец, Расул; все точно так же, как было написано в небольшой брошюре, которую брат принес из мечети. И каково было мое разочарование, когда закончив, я понял, что не испытал во время этого действия совершенно никаких чувств. Все, что я делал, все, что говорил, не тронуло меня. Я задавался лишь одним вопросом: зачем

¹ Сура Ан-Наба (Весть). В суре утверждается истинность воскрешения.

я это делаю? Во всем этом было только механическое следование инструкции и произнесение текста, значение которого мне было совершенно непонятно. Между тем я жаждал испытать новое для себя грандиозное чувство, ощутить через слияние тела и духа связь с чем-то сверхъестественным. Я думал в молитве утихомирить свое томление и кипевшие страсти, вместо этого — испытал странное чувство растерянности и непонимания. Я произносил слова молитвы, а сам в это же самое время отгонял надоедливую муху, в голове пробегал сонм мыслей, далеких от всего того, чем я был занят.

— Человеческий иман¹, — часто потом повторял брат, — это удел Аллаха. Одним он дает большой иман, другим маленький. Ты думаешь, во время намаза ко мне не приходят всякие мысли? Это нормально, братишка, у всех так; надо просто стараться быть сосредоточенным. Намаз — это обязанность каждого мусульманина. Аллах сделал это долгом для нас. Только в намазе наше спасение в Судный день.

Расул говорил мне тогда примерно те же слова.

— Тут главное практика. Поначалу мне тоже было тяжело сконцентрироваться. Намаз не завершается четырьмя ракатами². Во все остальное время ты должен готовить себя к часу намаза, должна быть внутренняя работа.

Но уже тогда я чувствовал, что мои мысли, мои мечты несут меня совсем в другие дали...

Дойдя до пересечения улиц Срединной и Новой, я машинально свернул направо. Выключив телефон, оглядел ту часть Новой улицы, где находился дом Расула, и был несколько озадачен увиденным. Чем ближе я подходил, тем сильнее меня одолевало сомнение: не была ли новость о его смерти чьей-то злой шуткой. Я хорошо знал, как у нас проходят похороны, и не наблюдал вокруг ничего, что хотя бы отдаленно их напоминало. Улица была абсолютно пуста: не было ни женщин с печальными лицами, виновато выглядывавшими из-под платков темных оттенков, ни кучкующихся серьезных мужчин в тюбетейках и шапках, ожидающих друг друга, чтобы пройти внутрь двора, ни осторожно проезжающих машин, ни женского плача и причитаний — ни одного свидетельства того, что где-то рядом тазият. Новые металлические ворота, декорированные изогнутыми кусками металла и увенчанные наверху острыми стрелами, были наглухо закрыты. Навес с виноградником, каким я его помнил, все еще стоял, и виноград был собран не до конца.

Я не знал, как быть, и недолго думая, начал набирать номер отца. Вдруг шелкнул запор, с тяжелым скрипом открылась высокая калитка, и через мгновение оттуда высунулась чья-то голова. Незнакомец долго осматривал противоположную от меня часть улицы, и я мог видеть только его затылок. Когда же он обернул ко мне испещренное рубцами лицо, я узнал Ахмата, брата Расула.

Ахмат был старше нас. Из-за разницы в возрасте мы никогда не были с ним в приятельских отношениях. Но в школьные годы я часто у них бывал, и Ахмат хорошо меня знал, и даже много раз справлялся обо мне у отца, когда я уже перестал тесно общаться с его братом. Раньше он был военным, как и большинство мужчин в поселке. Но отслужив пару контрактов и получив квартиру по военной ипотеке, Ахмат

¹ Вера (*араб.*).

² Ракат — один цикл намаза.

³ На местном сленге — религиозно-консервативная часть жителей поселка, исповедующая салафизм.

уволился по болезни. Вскоре после этого начал делать намаз, отпустил небольшую бороду и, как шутливо говорили его друзья, влился в ряды джамаата¹.

Ахмат, глядя в мою сторону, не замечал меня, как будто смотрел сквозь меня. У него было сосредоточенное выражение лица, большие зеленые, как у Расула, глаза совершенно не моргали и были полны решимости. Немного постояв, словно обдумывая дальнейшие шаги, он вышел из ворот и двинулся в противоположную от меня сторону. Ахмат успел миновать ворота соседей, когда из дома с криками «Ахмат, стой» выбежала их мать. Тетя Зумруд, бледная, в длинном черном балахоне и такого же цвета платке, догнавши, прижалась к сыну и со слезами взмолилась:

— Ахмат, стой. Не иди. Я тебя прошу.

Ахмат стоял, пытаясь аккуратно высвободиться из крепких рук матери.

— Ана¹, возвращайся в дом.

— Не иди. Я тебя умоляю. Они же посадят тебя, дурака. Если тебе дорога воля матери, не иди.

— Ана, не говори так. Им не за что меня арестовывать. Я не преступник. Ёу², — обратился Ахмат к жене, — забери маму. Что ты стоишь? Забери ее.

Заплаканная Асият, жена Ахмата, подбежала к свекрови и стала тянуть ее назад. Зумруд пыталась сопротивляться, но Асият, подчиняясь строгому взгляду мужа, схватила ее крепче и со словами «пойдем, мама» повела в дом.

Ахмат решительно зашагал прочь. Когда Асият и Зумруд скрылись за высокими воротами, в растерянности я побежал за Ахматом. Мое нежелание сюда идти с утра было настолько сильным, что я никак не мог теперь вернуться домой, не узнав подробностей случившегося.

Он шел быстрым шагом, не останавливаясь на мои оклики.

— Ахмат, подожди, — крикнул я на всю улицу, устав от погони.

Беглец, наконец, остановился.

— Чего тебе? Пришел позлорадствовать?

— Разве есть чему? — с трудом переводил я дыхание.

Ахмат раздраженно уставился на меня.

— Так это правда? Про Расула?

— Что именно?

— Его убили?

— Да.

Я замаялся, не зная, что сказать. Ахмат продолжал смотреть на меня своим тревожным взглядом.

— Мне очень жаль, — выдавил я из себя наконец. — Прими мои искренние соболезнования.

— Все лучше, чем если бы он остался жив. Ему бы не дали тут жить.

Ахмат заметил мой недоумевающий взгляд.

— Ты тоже думаешь, что это я его убил?

— Я не понимаю, о чем ты? Конечно, нет. Я вообще не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать Расула.

— Родители думают, что это я его убил. Отец в ментовку ушел с утра. Мама думает, что сдаваться, с чистосердечным. Чтобы меня не посадили. Но я не убивал Расула.

¹ Мать (*кумык.*).

² Обоюдное обращение супругов друг к другу. В соответствии с местными обычаями супруги не обращаются друг к другу по имени в присутствии посторонних (*кумык.*).

— Почему они решили, что это ты его убил?

— Мы поссорились вчера. Сильно. Я его просил перестать высказываться в мечети. Не писать ничего в интернете про религию, понимаешь. Он говорил, что это его личное дело, как молиться, и никто не вправе ему запретить. В общем, мы сильно поругались. Потом он выбежал из дома. А через два часа его нашли мертвым. Отец сказал, что он лежал на обочине, недалеко от кладбища. Но я его не убивал. Я не убивал своего брата. Я не мог.

— Я верю тебе, Ахмат. Тот, кто знает, какие у вас были отношения, никогда не поверит, что ты мог убить Расула. Что ты намерен делать?

— Я пойду в отдел. Мне надо увидеться с отцом. Поговорить с ним.

— Я могу чем-то помочь?

«Глупо с моей стороны. Чем бы я мог помочь в этой ситуации? Молчал бы лучше».

— Нужно заняться похоронами. Дома никого, кроме женщин, нет. Тебе надо съездить в мечеть, чтобы сделали объявление по громкоговорителю. Пускай все знают, что тазият открыт. И еще, если тебя не затруднит, нужно договориться с могильщиками. У нашего тейпа свои места на кладбище. Пускай выроют могилу возле дедушки. Вот номер телефона Заура, он знает, что делать.

Я вытащил телефон, чтобы записать номер могильщика.

— Хотя нет, оставь, — передумал Ахмат. — Сам позвоню. Просто в мечеть сходи. Спасибо тебе.

Я, как мог, несколько секунд сочувственно смотрел на Ахмата, он ответил благодарным взглядом, и мы разошлись в разные стороны.

2

Старая мечеть, куда я направлялся без особого энтузиазма, находилась в верхней части поселка. Просьба Ахмата объявить по громкоговорителю в мечети о смерти Расула застала меня врасплох. Никогда прежде я не бывал в мечети и понятия не имел, к кому там нужно обращаться с таким деликатным вопросом. Сам же старый обычай глашатайства с недавних пор казался мне совершенно диким. Я не понимал, зачем, когда у всех есть телефоны, когда все родственники, друзья и знакомые состоят в своих группах в «вацапе» и мгновенно узнают любую новость, нужно в буквальном смысле кричать на весь поселок, что умер чей-то сын или чья-то дочь. Но отказать Ахмату в ту минуту было невозможно.

Я решил сократить путь до мечети и, миновав Срединную улицу, свернул на проселочную дорогу, которая тянулась вдоль подножия склона и упиралась в самом конце в пологий пригорок. Я вытащил телефон и посмотрел на время, было только девять утра. Стояла сентябрьская сухая погода, такая обычно и бывает в этих местах. Воздух горчил степной пылью. Ее серовато-зеленые кусты росли по краям дороги и напомнили мне о времени, когда детьми мы прибегали сюда на ее сбор, как обрезали крепкие стебли плохо заточенными ножницами, чтобы потом, связав металлическими прутьями собранные стебли, сделать веники для хозяйства.

С тех пор как я вернулся в поселок, я часто вспоминал детство. Как отец возвращался навеселе с очередной свадьбы или дружеских посиделок и вставал на намаз. Он аккуратно раскладывал коврик, надевал тюбетейку, клал на коврик дедушкины четки с черными потертыми от времени бусинками, вставал на край ковра и начинал молиться. Вот он держит большие волосатые руки на животе, быстро

шепчет что-то, понятное только ему одному, то и дело чешется или зевает, если прихватит поджелудочная, сильно рыгает, падает в земном поклоне, прикладывая лоб к полу, сидит, подмяв ноги под себя. Потом опять встает, вновь что-то шепчет, широко открывает рот в зевоте, издавая громкий, нисходящий глубоко к диафрагме звук, вновь, покачиваясь, падает, вскидывает руки ладонями вверх, будто что-то выпрашивая, а потом, в самом конце, смачно обтирает ими лицо.

Если в это самое время я оказывался поблизости, отец смотрел на меня пристально и говорил: «Если сыновья встанут на джаназа-намаз¹, то покойный родитель попадет в рай». С тех пор как я вернулся домой, он начал повторять эти слова чаще.

На середине проселочной дороги я остановился, внезапно ощутив присутствие чего-то знакомого; из чертогов моего разума один за другим извергались не то живые картинки, не то голоса.

Я поднял голову и увидел дядин домик. Он находился на самой вершине склона за высоким грушевым деревом. В последний раз я был здесь пять лет назад, когда хоронили дядю. С тех пор как он умер, дом опустел, дерево зачахло; уроки остались где-то далеко в прошлом, его ученики ходили уже не сюда, а на кладбище, к могиле с невысокой надгробной плитой, и там читали для него стихи из Корана, благодарные за то, чему он их научил. Говорят, будто в этот момент душа покойника возвращается к могиле и, усевшись на надгробной плите, слушает читающего. Вспоминая, каким строгим был дядя на уроках, какими невнимательными были некоторые ученики, наподобие меня, я представил, как дядя строго на них посматривает, делая замечания за ошибки в произношении. И только один Расул никогда не допускал ошибки.

Было время, когда одному лишь дяде поручалось объявлять о чьей-то кончине. Люди говорили, что дядин голос, в котором чувствовалась сила его духа, придавал родственникам покойника то, что в народе у нас называют маслахат — смирение, покорность перед божьим промыслом. Для человека непосвященного дядина миссия могла бы показаться незаурядной, но для всех жителей поселка это было самым обычным течением жизни.

Раньше я часто думал о той самой непродолжительной минуте, когда во всю округу с высоты красных минаретов спокойный и равнодушный голос произнесет звуки моего имени. Он повторит его три раза подряд, с короткими паузами, чтобы было слышно в каждом углу. Это ужасно короткое мгновение, когда звуки моего имени будут отдаваться эхом, должно будет вобрать в себя всю мою жизнь и остаться самым последним следом моего пребывания на земле. От этой мысли мне всегда становилось не по себе, и я начинал представлять все это в комическом свете. Мне воображалось, как в это самое время потрепанные женщины в платках будут ехать в город на маршрутке и, слышав голос, станут переглядываться и спрашивать друг у друга, кого это прокричали. Среди взволнованных женщин найдется одна, непременно маленькая полная баба с острым слухом, которая и скажет, мол, тот и тот. Сидящие впереди мужчины вспомнят обо мне какой-нибудь забавный, может быть даже неприличный, анекдот.

Все это казалось так глупо теперь.

Добравшись до пригорка, я огляделся по сторонам. Узкая заросшая тропинка, на которой я стоял, вела к основной части верхнего поселка. Уже проглядывались край

¹ Заупокойный намаз, совершается перед похоронами.

переулка и крыши близлежащих домов. Склон казался не таким крутым, каким он кажется снизу. Позади обратным ходом тянулась пройденная мною проселочная дорога, ее неровность и пустынность стыдливо обнажились передо мной в новом ракурсе.

Никогда я не умел глубоко оценить красоту того вида, который открывался передо мной. Любой предмет, будь то картина всемирно известного художника или какая-нибудь забавная безделушка, или пейзаж, или сооружение — все представлялось как нечто цельное, лишённое особенных деталей. В сущности, я совершенно не видел картину в ее разных проявлениях, все представало в каком-то механическом свете и сливалось в один безликий комок. Я всегда страстно завидовал тем, кто умел разглядеть детали, и удивлялся, как это возможно увидеть красоту здания в какой-то особенной детали арки или барельефа. Перед моими же глазами возникало только здание, и было неважно, какая ручка двери или какая у нее отделка, какой формы рамы, какая лепнина на подоконнике. Целых два года я прожил в окружении гор. Два года я просыпался и, выходя на балкон, созерцал Бештау и очертания Эльбруса, но никогда, сколь бы ни тужился, никакого эстетического удовольствия от этого пейзажа не испытывал. Я видел горы и ничего больше — весь этот вид ни капельки не трогал моей души. Я ощущал себя слепцом.

Я стоял на пригорке, и подумалось мне в ту минуту, что я же вырос в степи, вот в этой пустынной степи, где почти ничего не растёт, и видел вокруг себя одни лишь однотипные кирпичные или мазанные глиной дома с шиферными крышами. Всю свою юность я не видел ничего, кроме этого. И уж точно должен был бы заметить контраст между тем, что меня окружало в мои детские годы, и тем, что щедро открывалось перед моим взором в других замечательных местах. Я побывал за годы учебы во многих чудных городах, чьи великолепие и самобытность восхищают тысячи и тысячи эстетов, но нигде не мог разглядеть по-настоящему красоту, как будто мой разум обуюла эстетическая тупость.

Мне стало вдруг так жалко все то, что я видел вокруг себя. Скучность и убогость этого крохотного склона, этой проселочной дороги с кустами полыни, пожухшей под знойным солнцем, этих серых крыш вызвали во мне странное смешение отчаяния и ненависти ко всему, к своим воспоминаниям, к своей жизни, в конце концов. Я не хотел мириться с тем, что моя душа такая же жалкая, как и весь этот вид, настолько убогая, что не способна видеть истинной красоты. Мой разум был бессилён перед охватившим меня животным чувством. Оно буквально трясло мое тело, и я побежал, побежал, сломя голову, подальше от этого проклятого места.

Я промчался по пригорку, не останавливаясь, пока переулочек окончательно не скрылся позади. Главная улица, куда я вышел, простиралась от самого въезда в поселок и до последнего дома, и переходила затем в трассу, которая вела в город. Старая мечеть находилась в самом конце улицы, рядом с кладбищем. Кладбище тянулось от мечети и до самого края поселка, охватывая большую площадь, которая несколько возвышалась над основной частью улицы. Эта часть улицы была довольно необжитая — напротив кладбища мало домов. Никому не хотелось жить с видом на кладбище. Центральная часть улицы, да и всего поселка, начиналась через несколько сот метров от мечети. Продуктовые магазинчики, загораживавшие здание администрации, перемежались магазинами с исламскими товарами, парикмахерскими, готовой кухней с маркировкой «халаль», шаурмой и алкомаркетом. Кладбище было огорожено провололочной сеткой, так что были видны могилы. Они стояли очень близко друг к другу, и приходилось

ступать на край чужой могилы, чтобы пройти к нужной. Центральные ворота находились чуть дальше от дороги, требовалось подняться по пригорку и выйти к самой возвышенной части кладбища.

Мечеть, хоть и называлась в народе старой, была построена по проекту местного архитектора лет двадцать пять тому назад — красивое кирпичное здание с белым куполом и двумя минаретами. Мечеть была отделена от края дороги низкой оградой, покрашенной в синий цвет. Перед самым входом приделано просторное крыльцо.

Калитка была приоткрыта. Я никогда прежде не переступал порог мечети и потому входил с некоторым волнением. Я снял обувь, оставил ее на ступеньках и прошел на крыльцо. Никого не было видно. Дверь, которая вела непосредственно внутрь мечети, была пластиковая, со стеклом. Я не решался открыть дверь и войти, и несколько мгновений разглядывал внутреннее убранство. Зал мечети оказался довольно просторным, хотя входной коридорчик, отделанный с обеих сторон деревянной вагонкой, мешал рассмотреть боковые стены. Возле противоположной стены в самом центре находился высокий, красиво украшенный минбар¹. В углу стояли шкафы с книгами. Наконец я открыл дверь и вошел, ступая по мягкому ковру. Внутри никого не оказалось. Я посмотрел по сторонам, верхний балкон, где, по всей видимости, находилась женская часть, также был пуст.

То, о чем я прежде столько думал, состоялось так неожиданно и так прозаически. Мечеть всегда воспринималась мною как особенное место, с особым духом. Но в ту минуту я не успел ничего почувствовать. О том, что войдя в мечеть, мусульманин должен сделать два раката² намаза, я забыл, да и не был к тому готов. И видя, что никого тут нет, я вышел обратно, обулся и решил проверить задний двор. Я знал, что во дворе мечети живет какая-то семья и что вроде бы хозяин дома является смотрителем мечети.

Действительно, сбоку от мечети, в дальнем краю, мелькнула чья-то фигура. Я приблизился и увидел крупного мужчину с аккуратно стриженной бородой, в длинной рубаше, доходившей до колен, и в забавной вязаной шапке-тюбетейке. Мужчина стоял со шлангом в руках и поливал карликовые кусты туи, которые, по всей видимости, были посажены совсем недавно. Он был увлечен своим незатейливым делом и как будто не замечал меня.

— Ассаламу алейкум, — сказал я, пытаюсь изобразить в своем голосе уважение к незнакомцу.

Мужчина повернул голову и поднял на меня пристальный взгляд. У него были выразительные карие глаза, а шапка была смешно сдвинута на широкий лоб.

— Ва алейкум ассалам.

— Вы не подскажете, нет ли муллы в мечети?

— Мулла? В такое время?

Бородач усмехнулся и, положив шланг под куст, начал выдергивать мелкую травку.

— А зачем тебе понадобился мулла? Жениться что ли собрался? Никах³ хочешь сделать, да?

Я отрицательно покачал головой.

— Понимаете. Меня, в общем, попросили. Нужно дать объявление по громкоговорителю. Человек скончался.

¹ Кафедра или трибуна в соборной мечети, с которой имам читает пятничную проповедь.

² Один цикл намаза.

³ Бракосочетание.

— Скончался, говоришь? Астагфиру Ллах¹, астагфиру Ллах. Вчера ведь только двоих хоронили. Астагфиру Ллах. — зацокал он, подправляя непослушный шланг.

— И кто на этот раз?

Я сначала назвал имя и фамилию покойника, а потом его отца. Услышав имена, мужчина перестал выщипывать траву и оставался недвижим несколько секунд, будто вспоминал их.

— Убили все-таки. Ай-ай-ай. Что же это делается? Аузуби Ллях². Что же это делается? Братоубийство. Опять в девяностые годы катимся. Тогда из-за денег убивали друг друга, теперь из-за веры.

Незнакомец сложил в кучу всю травку и переложил шланг под другой куст.

— А ведь говорил я ему. Расул, не надо, не лезь. Зачем тебе? Не слушался. Гордый был. Какие ваши годы-то?! Ну чего вам не живется? Вон сходили бы лучше на дискотеку, к бабам бы приставали. Какие у вас могут быть грехи, что ходите, замаливаете? Так сначала подкопите грешков-то, подкопите. Молодость вам зачем?

Я в смущении потупил взгляд. Незнакомец в охватившем его волнении качал головой и цокал, то и дело упоминая Господа.

— Ты думаешь, те, кто грозился его убить, святые всю жизнь ходили? Помню я, как раньше эти шакалы валялись по улицам пьяные и отцов своих на три буквы посылали в лицо. Теперь все важные сделались, теперь иман³ у всех до небес. Астагфиру Ллах, Астагфиру Ллах.

— Так что? — спросил я, помолчав немного. — К кому обратиться нужно? Ахмат очень просил объявить.

— Ступай, сынок, сейчас я умоюсь и сделаю все, как надо. Да упокоит Всевышний душу Расула, да введет в рай раба своего; безмерна милость твоя, о, Аллах. Нехорошо все это, нехорошо. Прекрасный был юноша. Замечательный. Нехорошо.

Я поблагодарил моего спасителя и зашагал назад к выходу.

3

Я уже вышел за ограду мечети, когда, издав неприятный скрежет, включился установленный на минарете громкоговоритель. Через секунду низкий мужской голос объявил: «Алиев Расул, сын Мурата скончался. Да смилостивится над ним Аллах и да простит его грехи».

Он произнес это три раза, с короткими паузами; я стоял и слушал, пока звуки окончательно не стихли, и поплелся в обратную сторону. Я чувствовал себя опустошенным и шел, не думая о чем-то конкретном, смотрел под ноги и не заметил, как впереди чья-то машина начала съезжать на обочину. Заниженная «приора» белого цвета остановилась прямо передо мной, из открытого водительского окна выглядывала рыжая голова Махмата, моего одноклассника. Рядом с ним сидел его двоюродный брат Анзор и оживленно разговаривал по телефону. Мага изнутри открыл заднюю дверь, приглашая в машину; недолго думая, я сел. Мы пожали друг другу руки. Из слов Маги выходило, что он устраивается в военную часть контрактником и теперь вместе с Анзором едет в военкомат по делу.

¹ Да простит меня Аллах.

² Прибегаю к защите Аллаха.

³ Вера.

Возвращаться обратно на похороны мне не хотелось. Я подумал, раз лишь сейчас объявили в мечети о тазияте, люди начнут собираться только через час. А посетить военкомат мне и впрямь было нужно, уже несколько раз вызывали. Я решил проехаться туда с ребятами, а потом вернуться обратно на похороны.

— Мне показалось или ты из мечети вышел? Намаз начал делать? — спросил меня Мага, шумно трогаясь с места.

Анзор продолжал разговаривать по телефону, периодически почесывая заросшее щетиной лицо.

— Нет. Слышал, что в мечети объявили только что? Я приходил по этому делу, просил объявить.

— Жалко Расула. Сам себя в могилу свел. Почему тебя послали? Как ты оказался у них?

Я, пытаясь перекрычать Анзора, коротко рассказал про то, как позвонил отец и сообщил эту новость, про то, как пошел на тазият и встретил Ахмата.

— Да ну, бред, — удивился Мага. — Ахмат бы никогда не убил Расула. Тут и дураку ясно. Кто-то из джамаатовских сработал.

— По-братски, не надо гнать на джамаат, — вмешался в разговор Анзор, выключая телефон. — Этот ваш Расул был самым настоящим муртадом¹. Но парни его не трогали.

— Ты же сам как-то рассказывал, какие стычки были в мечети между вами и Расулом.

— Слушай, Мага. Я тебе говорил, что парни пытались словом наставить его заблудшую голову. Ты Аташкиного брата знаешь же, Хасана? Он в Медине учился, понимаешь, хафиз². Так вот, Хасан объяснял Расулу за ислам, приводил доказательства из Корана и Сунны. А Расул, как баран, одно и то же твердил; у него знаний вообще ноль было. Но никто из наших ребят не собирался его убивать. Не надо делать из нас крайних.

Анзор говорил так уверенно и с таким важным видом, будто лично отвечал за ту часть жителей поселка, которых между собой все называли джамаатом, подчеркивая их обособленность и собственную общность.

— Если дядя Халит узнает, что ты опять ходишь в зеленую мечеть, он тебя выстегаёт, отвечаю, — сказал Мага, видимо, подметив те же интонации в речи Анзора. — Бороду он твою сбрил уже, теперь под замок посадит.

— Если молчать будешь, не узнает, — ответил Анзор. — Он думает, что я хожу в старую мечеть, где суфисты сидят. Знаете, за какие вещи загонял этот бедолага Расул? Аузуби Ллях, мне даже говорить страшно.

— Не бойся, говори. Я только краем уха все слышал.

— Всякую чушь нес. Будто бы необязательно молиться на арабском языке. Тогда как в хадисах ясно сказано, что нельзя совершать намаз на других языках. Он настолько был заблудшим, что не верил даже в описание ада и рая, которое дается в Коране.

— Я слышал, нельзя утверждать, будто что-то обязательно или необязательно. Это выводит человека из ислама, — говорил Мага, переключая передачу.

— Он вообще этого не понимал. Говорю же, муртадом был.

— Пахан одно время боялся, что я тоже с бородачами скентуюсь, — ухмыльнулся Мага. — Я когда из армии вернулся, пустился во все тяжкие. С пацанами пропадали до

¹ Муртад — вероотступник.

² Хранитель Корана; тот, кто знает Коран наизусть.

самого утра. Шастали в городе с бабами, бухали, гай-гуй¹ же, наводили конкретно. Пахан две недели молчал, не говорил ничего. Прихожу, значит, как-то под утро опять. Он такой на диване сидит и строго на меня смотрит. Я думаю: «Все, сейчас ремень достанет». А он: «Слушай, парень. Ты можешь гулять с пацанами, к бабам ходить, бухать. Сам был молодой. Но если узнаю, что ты водишься с анашистами или же с джамаатовскими, я за себя не ручаюсь».

Мага смачно выругался, то ли вспомнив разговор с отцом, то ли на объехавшую нас машину.

— Анзор, так что насчет убийства Расула? Кто это, по-твоему, сделал? — спросил я.

— Это федералов рук дело, сто пудов. Смуту хотят внести между братьями. Они с осетинами заодно; те давно зарятся на нашу землю. Сейчас пару раз такие дела организуют, скажут потом, что наш поселок — рассадник заразы, и пустят весь народ по этапу.

— Ну, ты фантазер, конечно, — сказал Мага. — Осетин еще сюда приплел.

— Вы вообще в курсе, что Расул в Израиль ездил, — раздраженно продолжил Анзор. — Сто процентов говорю, еврейским шпионом был. Сионисты — наши самые главные враги.

— Вот им уж точно до нас нет дела. Они знать не знают про наш поселок. Федералам это тоже меньше всего надо сейчас. Еле-еле ситуация устаканилась.

— Ты, похоже, забыл, как твой дед в поселке оказался. Забыл, как его Хуштовские из Вознесеновки пацаном привезли под видом племянника. Тогда как всех его родных вайнахов² по этапу уже гнали в Среднюю Азию.

— То когда было? Сейчас другие времена. Скажешь тоже. У нас каждый второй в поселке по контракту служит.

— Кяфирам³ прислуживают, — не унимался Анзор. — Служба по контракту — это харам⁴.

— Много ты понимаешь. А ты что молчишь, Ибрагим? — обратился ко мне Мага. — Как думаешь, можно мусульманину военным работать?

— Конечно можно.

— Еще один, — отозвался Анзор. — Я всех знающих спрашивал. Все, как один, сказали, нельзя. Эти деньги — харам.

— Харам — это сидеть на шее у родителей и ничего не зарабатывать.

— Я же тебе скидывал на «вацап» видео, там имам все четко объясняет. Когда идешь служить по контракту, становишься как бы в зависимое положение от государства. Тебе скажут, иди, убивай, ты и должен будешь пойти и убить.

— Да никого я не буду убивать. Я тут в районе хочу остаться.

— Я тебе говорю, местный батальон без конца куда-то направляют. Когда в последний раз перебрасывали ребят, думали, на Украину отправят. Многие тогда уволились, побоялись. В Южную Осетию еще отправляли, когда с Грузией терки были.

— Мой сосед контузию там получил, — сказал Мага. — Ему даже деньги выплатили, он потом новую тачку купил и ремонт конкретный сделал в доме. Одни ворота стоили двести штук. В Грозном заказывали.

— Слышал я о нем, — отозвался Анзор. — Мунафик⁵ конченный. Говорят, он

¹ Гай-гуй — веселье; праздник, вечеринка.

² Нахские народы (чеченцы, ингуши).

³ Кяфир — неверный.

⁴ Харам — грех; то, что запрещено.

⁵ Мунафик — лицемер.

оттуда целыми бочками вино и мебель вывез. Парни рассказывали, будто двумя грузовиками все доставили.

— Отвечаю, капитальный красавчик, — рассмеялся Мага.

Впереди показался пост ДПС. Несколько вооруженных полицейских стояли под небольшим навесом, останавливая машины с номерами других регионов. Самодельные плакаты, висевшие на стене продуктового магазина напротив, зазывали местное общество на очередные свадьбы в банкетный зал «Азия».

Проезжая пост, Расул посигналил и небрежно махнул рукой, поприветствовав знакомого патрульного. Затем мы въехали на мост, который соединял два противоположных берега реки, и Расул с Анзором немного приподнялись и прошептали «Бисмиллях»¹.

— Ну, а ты чем будешь заниматься? — спросил у меня Мага. — Ты же закончил уже университет?

— Да, закончил. Не знаю, пока не решил, думаю.

Эта тема была мне неприятна, и я совершенно не хотел обсуждать ее с Магой, да еще в присутствии Анзора.

— А что ты не остался там, в России? На твоём месте я бы в жизни сюда не вернулся. Конченная дыра.

— Ну и вали отсюда, — недовольно бросил Анзор.

— Было бы куда, прямо сегодня двинул.

— Молодец, что вернулся, Ибрагим — сказал Анзор. — Не слушай этого джахил². Одна грязь в этих москвах.

— Кстати, — продолжал Мага, — в контрактники не хочешь? С высшим образованием можно сразу контракт подписать, без срочки. Все равно другой работы в районе нет. Если хочешь, могу поговорить со знакомым человечком. Он мне тоже скидку сделал, обычно двести штук платят, чтобы устроиться в часть. Он за сто пятьдесят тысяч отношение оформил. Сейчас там по мелочи осталось разрулить.

Я промолчал.

— Шакал твой посредник, — ответил вместо меня Анзор. — Только на Кавказе платят, чтобы военным устроиться.

— Ну а что ты хочешь? Сто пятьдесят тысяч за полгода оправдаешь. Потом квартира по военной ипотеке, зарплату стабильно поднимают. Я пару контрактов отработаю, пока квартиру не получу. Потом хочу по болезни комиссоваться. Пахан другой вариант предлагает тоже. На заочку пойти учиться, пока будет первый контракт идти. А потом с высшим юридическим в ментовку и сразу офицером. У него там кент³ один имеется.

— Что ни говори, а военная служба — это харам, — не соглашался Анзор. — Другое дело — разведение бычков. Прибыльно и халяльно, что самое главное. Я тут с Зиявдином говорил, он занимается этим уже три года. У него два мясных в городе, дом новый строит, родителей уже второй год в хадж отправляет. Так вот, говорит, что совсем не тяжело. Большого ухода за собой бычки не требуют, кормишь, короче, два раза в день, цены на корма сейчас стабильно низкие, осенью закупаешь партию молодняка, а к лету они уже откормленные, каждый по триста килограмм в среднем. Знаете, сколько сейчас дают перекупщики за кило мяса? Двести пятьдесят рублей.

¹ С именем Аллаха.

² Невежда (*араб.*) — грубое обращение к несведущему человеку.

³ Приятель.

Итого, в чистой прибыли тысяч тридцать с одного бычка. За сезон, если держать минимум двадцать голов, около шестисот тысяч навару.

— Ага, и во дворе у тебя такая вонь стоит, что половину этой суммы на освежители и порошки убьешь.

Мага громко засмеялся, довольный своей шуткой. Анзор покосился на него и хотел было что-то сказать в ответ, но не успел. Мы прибыли на место. Районный военкомат располагался в старом двухэтажном здании в центре города, на улице Кирова. Его кирпичную стену украшал огромный плакат, на котором красовался бравый солдат в полном боекомплекте. Плакат гласил: «Служба по контракту — выбор настоящих мужчин». Напротив здания через дорогу был разбит небольшой сквер, носивший имя Пушкина. В самом центре сквера был установлен бюст поэта, а по обеим сторонам — скамейки для отдыха. Горожане любят тут отдыхать, щелкая семечки и разглядывая богато украшенные витрины бутиков с диковинными иностранными названиями — «New look» и «Mens style».

Показав документы дежурному при входе в военкомат, мы прошли внутрь. Маге нужен был какой-то специальный отдел — они с Анзором поднялись на второй этаж. Я прошел по длинному коридору к нужному мне кабинету. Немолодая, сильно накрашенная женщина сидела за письменным столом и что-то заполняла. Я представился, на что она многозначительно улыбнулась, будто уже долгое время ожидала моего визита.

— Необходимо заполнить анкету призывника, — сказала она тонким девчачьим голосом, предложив сесть и не переставая мило улыбаться. — Я буду задавать вопросы, а вы отвечайте.

Я согласился, и пока она доставала из ящика нужные бумаги, оглядел кабинет. Это было довольно просторное помещение, имевшее типичный канцелярский вид — несколько столов с компьютерами, два больших шкафа, где гнездились огромное множество подписанных папок с бумагами, плакаты, где разъяснялись права военнообязанного гражданина. И даже несколько горшочков с цветами, аккуратно выставленных на подоконнике, не способны были придать какой-либо жизни этому бумажному царству.

— Итак, фамилия, имя, отчество... Значит, Камалов Ибрагим Бесланович. Прописку перепишу из копии паспорта. Так, образование у вас высшее?.. Хорошо, иностранными языками владеете?.. Ага, записала. В семье есть инвалиды? Оба родителя, значит. Сколько у вас детей в семье? Значит, двое.

Женщина еще долго задавала вопросы, некоторые из них показались мне забавными. Она то поднимала свой любопытствующий взгляд на меня, ожидая ответа, то, услышав, принималась неторопливо писать своим ровным почерком.

— Где бы вы хотели служить, в каких войсках? — спросила наконец она.

Я несколько замешкался.

— А есть вариант, что не хочу служить? — спросил я с некоторым задором в голосе.

Женщина оторвала взгляд от анкеты и оценивающе посмотрела.

— Вообще не хотите? Но тут такой вопрос в анкете, нужно заполнить его. Что же прикажете мне писать?

— А есть такие войска, чтобы были как-то связаны с моим профильным образованием?

— Не знаю, может, написать — внутренние войска? Хотя подождите.

Она подняла трубку телефона и набрала номер.

— Степан Алексеевич, тут призывник один. Говорит, что не хочет служить. Да, так и говорит. Вообще не хочет. Ага... Что делать?

Работница то и дело улыбалась, качая головой.

— Хорошо. Отправлю его к вам тогда... Ну что, молодой человек, проходите в двадцатый кабинет.

Найти этот двадцатый кабинет оказалось не так легко. Надо было выйти во внутренний двор и идти несколько десятков метров вглубь, в сторону небольшого отдельно стоявшего флигеля. У кабинета толкались несколько молодых людей с личными делами в руках. Один стоял, переминаясь с ноги на ногу, совершенно босиком, в полосатых трусах и с мусульманским амулетом в виде треугольного кожаного мешочка на шее. Двое других о чем-то увлеченно разговаривали, прислонившись к стене. В это время из приоткрывшихся дверей послышался раскатистый смех, и через мгновение показался невысокий коренастый мужчина с добротным брюшком, одетый в деловой костюм черного цвета и блестящие лакированные туфли. Его крупное мясистое лицо с носом картошкой, густыми черными усами и такими же бровями поверх карих глаз показалось мне знакомым. Пока я судорожно вспоминал, где его видел, к брюхастому подбежал парень в трусах и начал что-то говорить. Мужчина внимательно слушал полуголого парня, искоса поглядывая на его амулет. В какой-то момент парень, возбужденно о чем-то рассказывавший, обратился к брюхастому по имени-отчеству. Я разобрал обращение и тут же вспомнил, где видел этого сияющего, довольного жизнью и собой человека. Передо мной стоял депутат регионального парламента Алимбек Идрисович. Мы познакомились на одном творческом вечере, где я читал стихи Хетагурова. По моим подсчетам он отбывал уже четвертый депутатский срок, и хотя в своей должности ничем особенно не отличился, жители района, большинство из которых были аполитичны и мало интересовались выборами, продолжали голосовать за него по старой памяти. Я знал об Алимбеке Идрисовиче немного. В особенности меня забавляло его увлечение Сталиным. Именно по поручению нашего депутата плакаты с изображением вождя народов висели в городе чуть ли не на каждом углу. На них Иосиф Виссарионович был похож на самого обычного кавказского дедушку: он по-доброму улыбался, слегка наклонив голову, будто одобряя, что брюхастый потомок так печется о его памяти.

Закончив разговор с парнем, Алимбек Идрисович посмотрел на часы и на мгновение о чем-то задумался, но заметив меня, широко улыбнулся. Мы поздоровались, как у нас принято, приобняв друг друга за пояс.

— Вспоминаю тот вечер с превеликим удовольствием, — говорил он, несколько театрально растягивая слова — Как же там было? «Весь мир мой храм, любовь моя святыня, Вселенная отечество мое». Космополитизм форменный, но какой слог. Обожаю поэзию.

Пока мы стояли, вспоминая литературный вечер, к Алимбеку Идрисовичу несколько раз обращались те двое парней с личными делами в руках. Он слушал их неохотно, но всякий раз давал какие-то советы и одобрительно гладил себя по животу.

— Если бы не стал общественником, обязательно писал бы стихи.

— Одно другому не мешает. К тому же, нынче писатели активно идут в политику.

— Это ничего, — широко улыбался Алимбек Идрисович. — Как там говорится? «Поэт в России больше, чем поэт». Главное, чтобы политики не полезли в литературу. Тогда жди беды. Ну а ты что здесь делаешь, голубчик?

— Вызвали. К Степану Алексеевичу.

— Тебя забирают в армию?

— Пока что нет. Я собираюсь поступать в аспирантуру.

— Правильно, одобряю. И по какой теме хочешь писать?

— Думаю, по партиям.

— Так я могу быть твоим консультантом. Я партиец с сорокалетним стажем и знаю все о внутренней кухне.

— Было бы здорово.

— Хотя, признаться честно, подумываю о том, чтобы выйти из партии. Ты знаешь, разочаровался. Никакой политической самостоятельности. Жесткая партийная дисциплина и вертикаль. Устал к тому же. Но держусь. Пока душа велит трудиться. Кстати, работаешь где?

— Ищу себя, — вырвалось у меня.

— Все понятно. Из той же породы, что и мой сын. Я ему говорю, давай тебя в администрацию, в город устрою. Или моим помощником. Не хочет. Ответственность, говорит, большая; хотим путешествовать, жить в свое удовольствие. Какое же все-таки инфантильное поколение мы вырастили. Ни стремлений никаких, ни гражданской позиции. Это все проклятый капитализм, комфорт и сытость. Я не раз говорил на разных уровнях, никто не хочет меня услышать, нужен новый мобилизационный проект. Ах, что говорить, так я никогда не подготовлю себе преемника.

Алимбек Идрисович вздохнул и о чем-то задумался, часто моргая. Я сдержанно улыбался и молчал.

— Кстати, что там известно по поводу убийства в поселке?

«Уже все знает», — подумал я.

— Не могу сказать ничего конкретного.

— А это правда, что убитый был проповедником?

— Не знаю.

— Не нравится мне все это. Весьма опасная складывается ситуация. Надо будет подключить ДУМ и КДМ, ты же понимаешь, межконфессиональное согласие, все дела. Дело-то резонансное, да еще перед самыми выборами. Кто-то искусственно раскачивает ситуацию.

Пухлое лицо Алимбека Идрисовича сделалось серьезным.

— Ладно, голубчик, — сказал он, прощаясь со мной. — Если возникнут какие-то проблемы, обращайся. Степан Алексеевич — мой должник.

Депутат спешно удалился.

— У нас в России все хотят служить, — с недовольным видом проговорил Степан Алексеевич, когда я оказался в его кабинете.

Это был высокий худощавый мужчина лет сорока пяти на вид, в дешевой клетчатой рубашке с короткими рукавами, в очках и с бородой в стиле Ван Дейк. В том, как он вальяжно сидел, откинувшись на стуле, в его презрительном взгляде угадывались обычные для такого рода чиновников самодурство и важничанье. Ругаться с такими людьми крайне неприятно, и я стал объяснять, что собираюсь поступить в аспирантуру.

— Мне положена отсрочка. А в случае защиты и военный билет.

— Это я здесь решаю, кому положена отсрочка, а кому нет, — отрезал Степан Алексеевич. — Ведь ты же грамотный парень. С высшим образованием. Неужели ты не понимаешь, какая тяжелая политическая обстановка в мире? Кругом враги. НАТО — у самых наших границ. На Украине — фашисты, бандеровцы, будь они неладны. Но Крым, конечно, наш. Дудки им, а не Крым. Ты, кстати, что оканчивал? Может, тебя на флот?

— Инженер-технолог, — зачем-то солгал я.

— Прекрасно, армии нужны технари. Нужно новую технику осваивать. Кругом враги. А ты говоришь, служить не хочу. Надо, сынок, надо. «Есть такая профессия — родину защищать». Слышал эту фразу?

— Слышал.

— Ну и хорошо. Значит так, напишем, что хочешь служить во внутренних войсках. В начале октября получишь повестку на медкомиссию. Если принесешь справку из аспирантуры, посмотрим, подумаем. Все, свободен.

Я покинул кабинет, несколько расстроенный, и пошел обратно к выходу. Армия, замаячившая передо мной, могла кардинально поменять жизнь. Странно, что я совсем забыл о таком существенном обстоятельстве.

Мага стоял уже на улице и разговаривал с каким-то незнакомцем. Я пожал ему руку и, сказав Маге, что буду ждать возле машины, пошел на стоянку.

— Кто это был? — спросил я, когда он вернулся к машине.

— Один тип из города, вряд ли ты его знаешь. Прикинь, он женится на Мадине.

— Это та, с которой ты встречался когда-то?

— Да, после меня она с кем только не общалась. Он вообще не знает про ее похождения, рассказывал мне, какая она скромная. Бувахаа, — громко засмеялся Мага. — Как думаешь, рассказать ему о ней?

— А что это изменит?

— Я с тебя удивляюсь. Помнишь, я пару лет назад с Фатимой общался? Звонит мне как-то пацанчик один. Говорит, так и так, общаюсь с Фатимой, жениться собираюсь, но прежде хочу за ее прошлое узнать. Спрашивает, было ли у меня с ней что-то. Я сказал, что целовались пару раз. Так он в тот же вечер с ней разошелся.

— А этому почему не рассказал все тогда?

— А он не спрашивал. Раз так, зачем говорить? Кричит, свадьба без алкоголя будет, его пахан в том году в хадж ездил. Они хотели еще и без музыки сделать, чисто мавлид¹ прочитать. Но родственники невесты настояли, мол, без свадьбы не отдадим. Я с них кайфую.

Мага широко улыбнулся и сильно замахнулся ногой, имитируя удар о колесо. Я включил подсветку на телефоне, была половина одиннадцатого.

— Ты закончил свои дела? — спросил я. — Нам же надо возвращаться в поселок. По ходу тазият уже открыли.

— Да, сейчас поедem. Этот черт, посредник, обещал подъехать.

В этот момент у Маги зазвонил телефон. Он отошел от машины и недолго с кем-то разговаривал. По выражению его лица было понятно, что он чем-то недоволен.

— Посредник звонил, — сказал Мага, возвращаясь. — Говорит, что не сможет подъехать.

— А ты через кого устраиваешься на работу? — поинтересовался я.

— Да есть тут один тип. Алимбек зовут.

— Алимбек Идрисович? депутат который? — удивился я.

— Ну да. А ты что, знаком с ним?

— Вообще-то я с ним разговаривал пятнадцать минут назад.

От моих слов Мага весь напрягся, глаза заметно округлились. На мгновение мне даже почудилось, что его рыжие волосы начинают темнеть.

— Где? — в нетерпении спросил он.

¹ Мавлид — религиозное мероприятие, подразумевающее чтение молитв, слова поминания Аллаха, рассказы о жизни Пророка Мухаммеда, угощение бедняков и других мусульман.

— Да тут, в военкомате.

— Вот же ссука, — прошипел Мага и уже по-настоящему, со всей силы пнул колесо.

«Да уж, — подумал я про себя, — действительно».

— Он уже два месяца обещаниями меня кормит, — продолжал Мага, гневно расхаживая вдоль машины. — Говорит, то ли военком, то ли его зам, какой-то Степан Алексеевич, из отпуска никак не выйдет.

Я посмотрел на Магу и решил, что лучше не говорить ему, что видел Степана Алексеевича.

— А ты уже отдал ему деньги? — спросил я после короткой паузы.

— Конечно. Всю сумму. Сразу же. Вот же тварь. Ну ничего, расскажу отцу все, он эту гниду по стенке размажет.

Взбешенный Мага вновь отошел звонить.

Пока он деловито разговаривал по телефону, я стоял около машины, не зная, куда себя деть. Оставшись наедине, я вновь проникся беспричинной грустью и уже думал о том, что участь Расула не так плоха и что преждевременная смерть могла бы оправдать и мою собственную несостоятельность в жизни. Размышлять на этот счет было одновременно и притягательно, и столь же омерзительно.

Мага по-прежнему разговаривал по телефону. Устав от ожидания, я стал прохаживаться вдоль машины. В какой-то момент я остановился у края дороги и всмотрелся в безыскусную аллею. Около Пушкина я увидел Анзора. Он стоял, облокотившись о бюст, и с кем-то разговаривал. Незнакомец был высокий, довольно тучный молодой человек, напоминавший огромного медведя. Несмотря на свой устрашающий вид, незнакомец был явно чем-то напуган. Он держался робко, опустив голову, точно невеста в прежние времена, в то время как Анзор беспорядочно взмахивал свободной рукой, как будто за что-то отчитывая.

Сколько бы я ни вглядывался в испуганное лицо незнакомца, я никак не мог вспомнить, где его раньше видел.

В этот момент подошел Мага. Он показался несколько успокоившимся.

— А с кем это разговаривает Анзор? — спросил я.

Мага бросил взгляд на противоположную сторону улицы.

— А, этот чудик. Коля.

«Коля, Коля», — повторял я про себя до тех пор, пока имя и медвежья внешность незнакомца не совпали. Это был странный парень, который часто приходил со своим отцом в отцовский магазин. У обоих были огромные ноги, сорок восьмого размера, и моему отцу всякий раз с трудом удавалось подобрать им подходящую обувь. Я же воспринимал их как городских сумасшедших. От них всегда плохо пахло, и когда они приходили в магазин, я сбегал на склад, чтобы их не обслуживать.

— А откуда Анзор его знает? — поинтересовался я у Маги.

— Коля ислам принял.

— Что? — На секунду я обомлел. — Он принял ислам? Он же немного того, больной.

— Да, я сам, когда узнал, в шоке был. Оказывается, Анзор с каким-то своим другом обхаживали этого бедолагу несколько месяцев. И в конце концов надоумили его принять ислам. Теперь этот Коля ошивается у нас в поселке. Давай подойдем.

Мы перешли через дорогу и спустились по ступенькам к аллее. Заметив нас, Анзор тут же прекратил разговор. Коля при виде приближающихся людей еще больше съежился. Он был похож на нашалившего ребенка.

— Ассаламу алейкум, Коля, — поздоровался Мага.

Следом за ним я брезгливо протянул руку. Коля, не глядя на меня, испуганно пожал ее.

— Какой он тебе Коля? — недовольно буркнул Анзор. — Его имя Исмаил. Да, Исмаил?

— Меня зовут Исмаил, — пролепетал тот в ответ, не поднимая взгляда.

— Он наш брат по вере, мой ахи¹, — продолжил Анзор. — Берите с него пример. Человек не пропускает ни одной пятничной молитвы. Машаллах.

Коля-Исмаил чуть приподнял голову, посмотрел на Анзора послушным взглядом и тут же потупился.

— А давайте проверим, кто из вас троих лучше знает про ислам? — неожиданно предложил Анзор.

— Ты что, смеешься? — ответил Мага.

— Что, слабо? — скривил довольную улыбку Анзор. — Вот вы его больным считаете, а он знает больше, чем вы. Вот смотрите. Исмаил, скажи, что такое ислам?

— Покорность, — затараторил Коля, подобно ученику перед доской, — предание себя Аллаху.

— Молодец, ахи. А теперь скажи: сколько столпов в исламе?

— Пять столпов. Шахада, намаз, закят, пост, хадж.

— Правильно, Исмаил, Машаллах. А на такой вопрос ответь: для чего Аллах создал человека?

— Чтобы он поклонялся своему Творцу, совершал ибадат².

— Видите? — просиял Анзор. — Ахи, скажи, сколько раз в день ты делаешь намаз?

— Пять раз.

— К чему ты стремишься больше всего на свете?

— К довольству Аллаха.

— Машаллах, ахи.

Анзор довольно улыбнулся, неуклюже приобнял Колю и сказал ему:

— Ладно. Иди теперь домой. Вечерком наберу тебя.

Коля-Исмаил медленно повернулся и пошел прочь, подобно дрессированной собачке, исполняющей очередную команду хозяина.

— Зря ты с ним так, — сказал я Анзору. — Он же больной.

— Сам ты больной, — ответил Анзор.

— Ээ, полегче.

Я стал надвигаться на Анзора, но Мага, вытянув вперед руку, остановил меня и угрожающе посмотрел на своего кузена.

— В нем джин сидел, — словно отряхиваясь, продолжил Анзор. — Но теперь он делает намаз, и его рассудок вновь проясняется.

— Доиграешься ты, — сказал Мага. — Мы в поселок едем, ты с нами?

— Нет, у меня тут еще дела. А вы что, собрались на похороны этого муртада?

— Не твое дело, — ответил Мага.

Мы сухо попрощались с Анзором и пошли обратно к машине.

— Вот же хайван, — сказал Мага, когда мы уже перешли дорогу. — За веру кричит, а сам каждый вторник к замужней женщине таскается.

¹ Мой брат (араб.).

² Поклонение (араб.).

4

Беспрерывный ряд глухих заборов, перемежавшихся высокими воротами, тянулся на всю улицу. Мы с Магой возвратились в поселок, припарковали машину у фонарного столба недалеко от дома Расула и уже некоторое время, молча, наблюдали в окно. Не знаю, как мой приятель, но у меня не было никакого желания идти на тазият. Последнее время я всячески избегал общества людей, мне было невыносимо изображать дружелюбную улыбку, выслушивая какой-нибудь вздор и, что еще хуже, отвечать на пошлые вопросы касательно моего будущего. Мага с его легким нравом был одним из немногих, общение с кем меня не тяготило.

Похороны же наводили на меня тоску и раздражали воображение. Прежде я имел такое мнение: раз это тазият, то все собравшиеся должны быть преисполнены сакральными мыслями. Мне было неприятно, что люди ведут посторонние разговоры, что их мало трогает предстоящее действо. Больше всего мне было жаль родных усопшего — собравшиеся мешали им нормально проститься с ним. Снующие беспрерывной очередью соболезнующие мужчины и женщины, бесконечное чтение дуа, за которым не было возвышенных чувств. Все это казалось мне неправильным, сплошным лицемерием: приходить на тазият не из высокого чувства сожаления и сочувствия, а из примитивного соображения родства и общинности.

Но все это только глупый идеализм, не имеющий ничего общего с реальностью. Узы родства, чувство принадлежности к общине оказались гораздо более сильными мотивами моего поведения, чем я предполагал.

Наконец мы надели наши головные уборы и вышли из машины. Большие ворота были открыты теперь настежь. Ни я, ни Мага не хотели брать на себя ответственность и выступить в качестве провожатого друг для друга. Было неудобно заходить без старшего мужчины, отдавать «салам» и ждать, пока какой-нибудь старик в кругу тазията скажет «аминь», и все начнут читать дуа, подняв вверх ладони.

К счастью, ожидать пришлось недолго. Из подъехавшей машины, к моему удивлению, вышел тот самый незнакомец из мечети, объявлявший по громкоговорителю о кончине Расула. Как шепнул мне потом Мага, незнакомца звали Мовлади. Мы слегка наклонили головы, приветствуя друг друга как старые знакомые. Мага вежливо приобнял Мовлади за пояс. На голове Мовлади высилась серовато-зеленая каракулевая папаха; она придавала ему особую солидность. Мы, двигаясь по левую сторону и чуть-чуть припаздывая на пару шагов от Мовлади, прошли во внутренний дворик.

Большой кирпичный дом начинался сразу за воротами и касался плоским козырьком длинных виноградных лоз. На просторном крыльце толпились женщины в однотипных просторных платьях. На их лицах, обрамленных темноцветными платками, читались одновременно тревога и любопытство. Женщины успевали перешептываться, практически не глядя друг другу в глаза, постанывали, прикрывая рот уголком платка, оценивающе присматривались ко вновь входящим.

Мужчины стояли отдельно от женщин в глубине внутреннего дворика под складным навесом. Эти тяжелые металлические конструкции, которые собирались в навес, сдавали в аренду несколько семей в поселке. Раньше без них не обходилось ни одно событие, будь то свадьба или похороны. Собравшиеся на тазият мужчины кучковались небольшими группами и оживленно переговаривались, из-за чего стоял раздражающий гул. В самом центре на длинной скамье, устланной мягкими ковриками и одеялами, восседали три аксакала в грубых каракулевых папах и с деревянными

тростями в руках. Присмотревшись, все несколько притихли. Мовлади, остановившись у края навеса, приветствовал собравшихся мужчин словами «ассаламу алейкум»; те в ответ хором: «ва алейкум ассалам». Старички переглянулись, решая, чья очередь начинать дуа. Тот, который сидел посередине, воздел свои тощие морщинистые руки к небу, звонко произнес «аминь», и все принялись читать дуа. Мне всегда было интересно наблюдать за людьми в этот момент. По тому, как человек стоит во время дуа, как он расставляет свои руки, можно многое узнать о его характере и даже о социальном статусе. В частности, я давно про себя отметил, что чем дальше человек держит ладони друг от друга, тем большее самомнение он имеет. Я же всегда держал ладони, соединив вместе. Но, правда, к моему наблюдению это не имело никакого отношения; я держал их так, как учил когда-то дядя, воображая, что в руках — вода. Стыдно признаться, но сам я часто только делал вид, что читаю дуа, а на самом деле просто стоял, соединив ладони, не произнося при этом никаких сур и думая вообще Бог знает о чем, ожидая, когда остальные закончат.

Послышалось протяжное «ва ляд дооллиин¹», и все стали старательно обтирать лицо руками. Я слегка коснулся подбородка и вместе с Магой начал обходить весь круг собравшихся мужчин, здороваясь с каждым отдельно.

Ахмата я заметил не сразу. Он стоял с краю, опустив глаза, в черной сетчатой тюбетейке и делал дуа вместе с остальными. Отец семейства, дядя Мурат, тоже был тут, значит, никакого ареста не было. Он казался невозмутимым, его каменное лицо не выражало никаких чувств. Он стоял в окружении нескольких мужчин и периодически кивал, тем самым благодаря пришедших за соблазнами.

Завершив круг приветствия, мы с Магой принялись вместе с другими молодыми ребятами натягивать тяжелый армейский тент. Пока я держал край тента, Мага, стоя на стуле, туго привязывал веревки к металлическому каркасу навеса.

Вскоре Мага совсем исчез из виду. Не зная, куда себя деть, я встал между двумя отдельно кучковавшимися группами мужчин. Троицу слева составляли высокий усач в кожаной кепке, толстый лысый мужик в высоко сидящей тюбетейке и хорошо одетый молодой человек лет тридцати с аккуратной щетиной и с электронными четками на пальце, которые походили на гигантское кольцо.

— Видел? Ахмат здесь. А я слышал, будто бы он и убил своего брата, — говорил усач.

Под навесом стоял гул, и стоявшие в одной группке едва ли могли слышать, о чем говорили соседи.

— Я тоже слышал, что они повздорились друг с другом, — подхватил молодой. — Покойный, говорят, всякие небылицы плел, шейхом себя объявил.

— Да это вранье все, — забубнил толстяк. — Я хорошо знаю Ахмата, он не то что брата, курицу не может зарезать.

— Кто же тогда убил?

— Будто ты сам не знаешь, кто?

— Ну так Ахмат же тоже из их партии. Слушайте, говорят, таблетки какие-то есть, они пацанам дают, чтобы к себе переманить.

— Ерунда все это. Мне говорили, покойный с ними все время спорил; ни одного дня, чтобы они не ругались в мечети.

— А вы не видели его записи? — спросил молодой парень. — В «вацапе» мне скидывали. Субхан Аллах, за какие вещи он говорил.

¹ Последняя фраза, которой кончается сура «Аль-Фатиха», читаемая во время дуа.

— Я слушал пару записей. Это он, конечно, ерунду нес. Пайхамар¹ указал, как нужно все делать. А все эти разговоры — чушь.

— Да, это все беда, нововведения. Это харам.

— А мне тут кое-кто насвистел, будто бы покойный на федералов работал. Слышали же про сына Умалата? Его задержали на прошлой неделе, наркотики подкинули в машину и увезли. Говорят, будто покойный настучал.

— Больше верь всяким бабским сплетням.

— А что там за история с каким-то русским парнем, который ислам принял? — поинтересовался у собеседников молодой парень. — Говорят, на прошлой пятничной молитве Расул чуть не подрался с джамаатовскими из-за этого.

— Да, я был в тот день в мечети, — подтвердил толстяк. — Расул вздумал обвинять джамаатовских, что они заставили этого Колю принять ислам. Этот парень и впрямь какой-то дурачок.

— Да нормальный он, — не соглашался усач, — просто пугливый немного. У него кто-то даже спрашивал об исламе, он все правильно ответил.

Некоторое время все молчали.

— Когда уже понесут хоронить? — спросил усач. — Спина болит стоять.

— Да уже должны скоро. Мовлади пошел обмывать.

— Еще быка даже не резали, так что через час, а то и два, не раньше.

— Пойдемте, отойдем. Курить охота.

Троица медленно покинула навес. Мне стало неловко стоять в одиночестве, и я придвинулся к стоявшим справа двоим незнакомцам. Они обсуждали поездку в хадж.

— Из поселка две группы отправляются, — рассказывал высокий коренастый мужчина своему гладко выбритому соседу в белой тюбетейке. — Одна группа вылетает прямым рейсом Грозный—Медина. У них считается дорогой тур, двести пятьдесят тысяч на человека. Там гостиница будет ближе, и еще их будут возить на автобусе по зияратам². А вторая группа сначала прилетает в Иорданию, а оттуда на автобусе до Аравии, почти сутки добираться. По деньгам дешевле выходит, конечно.

— Хаджибекир советует ехать туром подешевле. Говорит, никакой разницы нет, гостиница одна и та же, в долине Мина³ в тех же палатках живут.

— Да, это все так. Но если давление скачет или ноги больные, лучше, конечно, прямым рейсом.

— А с собой сколько нужно брать примерно?

— Все зависит от того, будешь сувениры там покупать или нет. Я с женой ездил. Она на одни подарки семьдесят тысяч потратила. Понакупила всякого шмотья женщинам, платки, четки, какие-то безделушки детям. Финики разных сортов мы привезли. Таких у нас нет.

— Ох, эти женщины. Покупать я там ничего не буду. Только финики. Я люблю их по утрам есть. Ничего не ем на завтрак, только один финик и водой запиваю. Может еще какие-нибудь картины красивые куплю, с каллиграфией.

— Обязательно нужно лекарства везти с собой туда. Все в том году сильно простыли, там же кондиционеры везде работают. Перепады температур.

— А воду зам-зам⁴ сколько разрешают везти?

— Зам-зам с собой в самолет не разрешают. Нам по туру полагалось. Каждому по пять литров, уже в аэропорту по возвращении раздали бутылки.

Разговор моих соседей прервал один из аксакалов, призвав всех делать дуа. Новые

¹ Пророк.

² Святые места.

³ Предмесье Мекки, где совершаются два главных обряда хаджа — бросание камней в столбы джамарат и жертвоприношение.

⁴ Вода из священного для мусульман источника Зам-зам в Мекке.

соболезнующие продолжали подходить небольшими группками. Закончив чтение дуа, я в очередной раз, внутренне раздражаясь, обтер руками лицо.

«Когда же все это кончится, скорее бы уже домой», — думал я.

В этот момент кто-то легонько хлопнул меня по плечу. Я обернулся и увидел Магу.

— Пойдем, надо помочь.

Мы покинули круг тазията, обошли навес и через открытую калитку попали на задний двор. Еще когда мы приближались, оттуда доносились истошный рев и топот копыт. Пройдя несколько шагов вглубь, я увидел огромного черного широколобого быка, который суетился у высокого орешника. Животное было привязано к стволу дерева толстой веревкой так низко, что не могло поднять голову, а только возбужденно топало копытами, фыркало и тяжело мотало своей огромной мордой, рассекая воздух небольшими серыми рогами.

Рядом ловко управлялся высокий сухопарый мужчина в кирзовых сапогах, толстая подошва которых была вся испачкана коричневатым навозом вперемешку с прилипавшей соломой. Подойдя ближе, я узнал в забойщике Ильяса, приятеля моего отца.

— Обвяжите передние ноги быка вот этой веревкой, — скомандовал он, когда мы подошли.

Благо, веревка лежала ближе к Маге. Видимо, он сразу заметил мой потерянный взгляд и, недолго думая, взял в руки веревку и полез под ноги быку. Пока я стоял, вдыхая специфический запах и полный сожаления, что не ушел с похорон раньше, Мага туго обвязал передние ноги быка концом веревки. Оставшуюся часть он протянул из-под быка и бросил на землю. Я хоть и не участвовал прежде в забое быка, но сообразил, что, ухватившись за эти веревки и потянув на себя, нужно будет свалить быка на землю.

В это время, когда Мага возился с передними ногами, Ильяс успел произвести ту же операцию с задними ногами и еще перевязать голову быка ниже глаз, приложив к его широкому лбу поперек рогов какую-то жердь, настолько длинную, что она выпирала через всю голову животного. Сам же бык стих и уже не мог ни топтать копытами, ни истошно мычать; даже фыркать ему стало тяжело, так как голова была обвязана до самой пасти. Единственное, что он мог сделать, так это махать своим длинным грязным хвостом. Огромные влажные глаза быка сверкали, как два стеклянных шара. Казалось, он все понимает и согласен принести себя в жертву.

— Что стоишь, хватайся за веревку, — сказал мне Ильяс.

Мы с Магой ухватились за веревки, торчавшие из-под обвязанных ног быка. Ильяс поднял хвост быка высоко вверх и начал тянуть его в противоположную сторону.

— Тяните, — крикнул он нам.

Я стиснул зубы и изо всех сил принялся стягивать веревки. Невероятное зрелище. Мне казалось, что бык вырвется и в ярости набросится на своих обидчиков. Но он немного потоптался своими связанными ногами и с грохотом рухнул на левый бок, подняв клуб пыли.

— Поворачивайте туда, к кибле¹, — руководил Ильяс, хватаясь за жердь, привязанную к голове быка.

«Так вот зачем нужно было это приспособление».

Мы, по-прежнему держась за веревки, принялись тащить быка за связанные ноги и с огромным трудом повернули его в нужном направлении — могучей шеей к кибле.

— Свяжите теперь ноги вместе, — сказал Ильяс, подтачивая друг о друга два огромных ножа с черными рукоятками.

¹ Направление в сторону священной Каабы, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения намазов и отправления ряда ритуалов, в том числе во время жертвоприношения.

Маге вновь пришлось приседать и связывать быку ноги. Я стоял в некоторой растерянности, не зная, что делать: присесть и помочь Маге связать или же стоять и смотреть, как истукан.

— Иди сюда, будешь держать голову.

— Так? — спросил я, хватаясь за жердь.

— Никогда не видел, как забивают быка?

— Видел.

— Ну вот и подсаживайся прямо на него. Так ты не удержишь.

— Давай вместе, — вызвался помочь Мага.

Мы кое-как придавили голову притихшего животного к земле. Я старался при этом отвести глаза. Момент, когда огромный нож, подобно скрипичному смычку, скользил по бычьей шее, был мне физически неприятен. Я инстинктивно опустил подбородок, закрывая горло от воображаемого ножа.

— Посторонись немного, а то зальет кровью, — сказал Ильяс Маге.

Все произошло в одну секунду, я услышал только хруст и последовавший непродолжительный хрип, вырвавшийся не из пасти, а из перерезанного горла. Густая бордовая кровь била фонтаном. Ильяс пытался направить кровавой поток в огромный алюминиевый таз, подложенный под шею, но капли окропляли землю вокруг. Когда животное перестало подавать признаки жизни, мы отпустили его голову; Ильяс убрал в сторону таз, заполненный до краев красной пенистой кровью.

— Развязывайте.

Я наклонился, чтобы развязать быку ноги; в этот момент в моей голове причудливо всплыло одно жуткое воспоминание, которое преследовало меня с самого детства. Как странно, в памяти мало что сохранилось о ранних годах моей жизни, какие-то обрывки, пики болезненных эмоций на фоне сплошного беспросветного тумана. Одним из таких пиков и было это воспоминание. Я возвращался домой от бабушки и наткнулся на тазият. От женщин я слышал, что умерла молодая девушка. В открытые ворота я увидел большое скопление мужчин, которые готовились вынести носилки. Много раз до этого я уже видел эти деревянные носилки, как толпа мужчин под распевные песнопения несла их в сторону кладбища. Детьми нас волновала эта процессия, нам нравилось подкрадываться и наблюдать, пока голос муллы окончательно не стихал и отставшие от основной группы мужчины не скрывались из вида. То, что они несли на носилках, казалось мне чем-то огромным, я еще не знал, что покойника, помимо белого савана, заворачивают в ватное одеяло зеленого цвета. И вот молодую покойницу должны были уже понести. Но тут мое внимание привлекли огромные окровавленные куски туши, которые лежали на клетчатой клеенке перед самыми воротами. Мое детское воображение решило, что все эти куски принадлежали покойнице. Я не мог понять, как молодое красивое существо могло превратиться в такие страшные куски мяса и жира, разбухшие толстокожие пузыри. Конечно, со временем я понял, что это была туша быка, его внутренности. Но тогда я был раздавлен мыслью о том, во что превращается человек, когда умирает.

— Чего стоите? Надо быстрее разделать, — оборвал мои странные мысли Ильяс.

Он сделал несколько надрезов в разных частях туши и вручил нож Маге. Тот принялся снимать шкуру, начав с конечностей.

— Придерживай, — сказал мне Мага, сняв небольшой участок.

Я наклонился и взялся за скользкую, теплую и неприятную на ощупь шкуру. Мага на удивление ловко работал, будто всю жизнь только и делал, что разделял бычков. Острием ножа он аккуратно отделял шкуру от розовато-красного мяса.

— Чего там говорят? Знают, кто убил? — заговорил Ильяс, не переставая работать ножом.

— Всякое говорят, кто его знает, — ответил Мага.

— Жалко парня, такой молодой был. Это ж как обидно, двадцать два года растить. И на тебе, такое несчастье. Как на убой растили.

— Часто вы забиваете быков? — поинтересовался зачем-то Мага.

— Сейчас не так часто, как прежде. Бывало — каждую ночь.

— Почему ночью?

— Когда привозили, тогда и забивал.

— А на сколько кусков нужно будет разделить мясо?

— Сколько скажут, столько и сделаем. Надо будет вам раздать, перед тем как на кладбище пойдете. Остальное мясо уже на поминки оставим, на четвертый день.

— И могильщикам еще полагается.

— Разделявай давай, а то не успеем, — поторопил Ильяс разговарившегося Магу.

Когда вся шкура была окончательно снята с туши, Ильяс оттащил ее в сторону, разложил на чистой траве и обильно засыпал солью. Я набрал воду в кумган¹ и лил, пока Мага мыл руки.

— Ты на кладбище хоронить пойдешь? — спросил меня Мага, оттирая кровь с пальцев.

— Пойду, как-то неудобно уходить.

— На джаназа встанешь?

— Нет, я же не делаю намаз.

— А я хочу начать. Знаешь, бросить курить, пить. Жениться на хорошей девушке без прошлого, устроиться в часть наконец и нормально зажить.

— Дай Бог, — только и нашелся я сказать.

— Правда, таких, как Анзор, я не понимаю. Мол, военным нельзя работать. Фанатиком тоже не надо становиться. Кто тебе мешает намаз делать и служить? Мы родились в этой стране, это наша родина. Я так считаю, главное — что у тебя внутри. Борода — это еще не все. Можно не пропускать ни одной молитвы и быть при этом плохим человеком. Что толку от этого? Лучше тогда вообще не делать, чем такое лицемерие.

— Согласен, — отвечал я на длинную тираду Маги. — Полей мне тоже.

— О смерти думаю много в последнее время, — продолжил Мага. — Вся эта суета, движухи — вижу уже, что все это ерунда. Хватит, нагулялся. Надо остепениться уже. Вон, у Бесика уже ребенок, а он на год младше нас с тобой. А ты когда планируешь жениться?

— Не знаю.

— Девушка есть?

— Нет.

— Ты смотри, как Тимур, не вздумай на русской жениться. Отец его из дома выгнал, мать в слезах. Говорят, этот хайван² теперь в городе где-то живет с тещей.

Мага начал рассказывать о своей матери, которая больше всего на свете боится, что сын женится на русской. Ее страх связан с какой-то семейной историей, Мага даже упомянул об этом, но я его уже не слушал.

Сзади слышались шаги.

Я обернулся и увидел Ахмата.

— Поедьте кто-нибудь со мной, — сказал он, посматривая на тушу, которая висела теперь на высокой перекладине, приделанной между орешником и навесом.

— Куда? — спросил я.

— На кладбище. Кирпичи нужно потаскать к могиле.

— Езжай ты, — обратился ко мне Мага. — А я тут помогу Ильясу с тушей.

Я согласился и, положив кумган на землю, вышел вслед за Ахматом.

Казалось, этот день не кончится никогда...

¹ Кувшин (кумык.).

² Животное (уничижительное оскорбление).

Александр Орлов

О том, как жизнь иконописна

Первокреститель

*Святому преподобному Герману Аляскинскому,
всёя Америке чудотворцу*

Он слышит ангелов подсказки,
Его словам, пришелец, верь.
Родным он стал хребтам Аляски,
И алеутки-черноглазки
Зовут его отцом теперь.

К нему креолы и тлинкиты
Бредут, уставшие от бед,
И ждут молитвенной защиты,
И каждый будет обогрет
Несуетно, без волокиты.

Едят из рук его медведи,
Ждёт ласки своенравный бык,
И горностаи, словно дети,
Не забывали об аскете,
Чья жизнь — страданий чистовик.

В мольбах на острове Еловом,
Где землю обнимает мох
И океана шумный вздох
Напитан первородным словом,
Там говорит с монахом Бог.

Орлов Александр Владимирович — поэт. Родился в 1975 году в Москве. Окончил медучилище, Литинститут им.А.М.Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории в школе. Автор четырех книг стихов, в том числе книги «Разнозимье» (М., 2017). Лауреат многих литературных конкурсов. Живет в Москве.

Старец Трифон

Святому преподобному Трифону Вятскому

Капли пота остались на пижме.
Я устал, перегрелся и взмок.
Все полудни царит солнцепёк.
Преподобный, хоть облачко выжми
На кресты пересохших дорог.
Мы в тяжёлой блуждаем пылище,
Не пускает нас дальше июнь.
Ты на нас хоть тихонечко дунь,
Освежи наших дней пепелище,
Пролети, как над злаками — лунь.
Старец Трифон, просить мне неловко:
Я живу, перед Ним мельтеша,
Но я чувствую, как не спеша,
Будто бабочка, нежная совка,
К твоей мантии жмётся душа.

Отче

Иеромонаху Макарию (Козмогорову)

От полевиц, иван-да-марий,
Веснянок и разрыв-травы
На службу шёл отец Макарий,
И вслед леса впадали в рвы.

Пылились трудников посадки,
Росли под сводом певчих птах.
И думал молодой монах
О Боровске, Алтае, Вятке...

О том, что ново и не ново
И к ночи жарко день приник,
О животворной власти слова,
О Господине всех владык,

О том, как жизнь иконописна,
Проста, смиренна, пресвята,
О том, что будет ныне, присно,
У всех крестившихся в Христа.

Христорадник

«Какой доверчивый придурок!» —
Разнёсся шёпот по дворам.
Он подобрал в грязи окурок,
Поднёс к обмётанным губам.

Улыбчивый, убог и жалок,
Он — попрошайка, нищеврод,
Любимец стариков и галок,
Он — христорадник, идиот.

И гонят все его в три шеи —
Он удаляется, боясь.
Но в глубине пустой аллеи
Вдруг с небом ощущает связь.

И, чтобы к людям стать поближе,
Один — он молится за нас
Под плач небес, в застывшей жиже,
В безлюдный час.

Билан Дзугаев

Руми

Рассказ

1

Прошло около получаса, прежде чем имам начал проповедь. К этому времени люди уже заполнили всю мечеть. Маленький Ихсан пришел сюда впервые, поэтому все вертел головой, глядя то на имама, молящегося у минбара, то на людей в передних рядах, то на входящих, то на папу. Сам он молиться не умел, хотя и сказал Паташке, что знает, как. «Папа, папа, — канючила Паташа, — а можно и мне с вами в замок?» — «Никакой это не замок! — топнул ногой Ихсан. — Это мечеть!»

— Нет, нельзя, Паташа, ты еще маленькая и не умеешь молиться, — отвечал папа ласково.

— А он умеет? — ткнула она пальчиком в старшего брата, забавно коверкая слова.

— Конечно, умею! Вот, у меня и фазик есть! — ответил за папу мальчик, хлопнув по атласной синей тюбетейке на своей голове.

Папа молился, а мальчик старался повторять его движения: поднять руки к ушам, что-то шепча. Потом сложить их на груди и так стоять с полминуты. Потом наклон. Земной поклон. И снова встать. Папа делал все это долго, так что Ихсан перестал повторять за ним и просто уселся на зеленый ковер. Мечеть казалась ему ну очень большой. Квадратная, с огромным куполом, под которым висит золотая люстра. «У нас дома тоже есть люстра», — подумал он.

Ихсану здесь нравилось: «В самом деле, как замок». Люди тоже ему нравились. Многие люди улыбались ему, подмигивали. На самом деле Ихсану было целых девять лет, но из-за худобы и маленького роста ему обычно давали шесть-семь.

— Хвала Аллаху, Господу Миров, Милостивому, Милосердному и... — началась проповедь.

«Ого, — подумал Ихсан, — миров, что, много получается?»

«Уважаемые братья, сегодня мы поговорим о взаимоотношениях людей...»

Ихсан не все понимал и часто отвлекался, когда видел, что кто-то еще зашел в мечеть.

Билан Дзугаев родился в Таганроге в 1987 году. Окончил Государственный университет управления в Москве по специальности «юриспруденция» (2009). Работает юристом. Участвовал в сборнике «Новые писатели—2015». Живет в г.Сунжа (Ингушетия). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

«...Ведь сказано нам: "Любите друг друга, будьте братьями друг другу, не завидуйте..."»

Все правильно говорит. Надо любить друг друга. Вот он любит папу. И маму, конечно! И бабушку! И Паташу тоже, хотя она вредная и все ей достается. А все равно любит!

«Как сказал Господь в Священном Коране: "Мы отправили тебя только в качестве милости к мирам». Запомните это: не зла, не разделения, не зависти, не вражды, а милости. Поэтому, если обидел вас кто-то, оскорбил, нанес вам вред — самое лучшее, что вы можете сделать, если это по силам вашему сердцу, — это простить обидчика..."»

Ну, вот мама его обычно прощает, а папа — не всегда. Бывает, что и поругает. Надо будет потом напомнить папе, чтобы он прощал.

«Наши отцы следовали верному пути. Среди нас были великие праведники, которые указали нам дорогу. А сегодня мы разделились на группы, порицаем и враждуем друг с другом; оспариваем наше прошлое, не верим в наших святых-аулия...»

«Я вам расскажу историю про одного великого праведника, его звали Руми. Он, кстати, похож очень своими поступками на нашего Учителя — Устаза. Так вот, однажды Руми шел по базару и увидел, что у места, где проводились казни, стоит толпа зевак, а в центре ее — плачущий мальчик и палач с мечом. Руми спросил одного из присутствующих, что происходит? Ему рассказали, что мальчик этот — грек-христианин и вор, причем очень наглый. Его ловили и предупреждали оставить свое ремесло столь многократно, что в конечном итоге, разгневанный очередным преступлением, судья-кади приговорил его к самому строгому наказанию — отсечению руки. Что же сделал Руми? Ведь перед ним был вор — обвиненный судом и приговоренный к наказанию. Вор! У вас когда-нибудь крали? Когда я был студентом, у нас рядом с университетом жил очень пожилой мужчина. Он всю жизнь копил на машину, и вот, наконец, он смог ее купить. На следующее утро он увидел, что его машину угнали, после чего слег и умер. Вот что может сделать воровство.

...Так что, если бы Руми прошел мимо, это было бы даже правильно. Но только он поступил по-другому. Он подошел к мальчику, накрыл его своим плащом и унес оттуда. И ни один человек, ни сам палач, ни кто-то из присутствующих не остановил его! Вы скажете, как он мог вмешаться в дела суда? Но это был великий праведник, аскет, мудрец. Да и времена были другие, люди были лучше. И правитель не стал призывать его к ответу. Мальчик этот пошел к Руми учеником и стал позже его верным последователем. И всю жизнь хранил плащ, что однажды спас его».

Ихсан дальше не слушал. Он представлял, как идет по базару и видит мальчика, совсем маленького, как Паташа. Над ним стоит пузатый палач в черной маске и точит огромный нож. Ихсан подходит к палачу и говорит: «Не смей!», и палач бросает нож, а Ихсан берет мальчика за руку и уводит под восхищенные взгляды людей. А потом он надевает свой плащ на мальчика и они оба летят: мальчик — потому что плащ волшебный, а он — летает и так, без плаща.

2

Зелим подошел уже к самому началу проповеди. Мест почти не было. Обычно он не ходил в эту мечеть, но в свою сегодня опоздал, а эта была рядом с универом. Расставив широко ноги, чтобы его ступни касались ступней соседей, он совершил приветственную молитву. Соседи свои ступни убрали.

Зелим мрачно ухмыльнулся. Ну конечно. У этих все не так.

Имам взобрался на минбар и хриплым голосом начал свою проповедь.

«Уважаемые братья, сегодня мы поговорим о взаимоотношениях людей...»

«...Ведь сказано нам: "Любите друг друга, будьте братьями друг другу, не завидуйте..."» — вещал имам, напрягаясь красным лицом.

«Хм, — у этих всё свои буддийские темы, — думал Зелим. — Хоть бы бороду нормальную отрастил». — Зелим оглядел стоящих рядом. Многие были в мюридских кителях, даже молодые, знали бы они, что он о них думает. Нет, ладно это старичье, а вот его ровесники — и те туда же, в суфийскую замуть пошли.

Подвернув джинсы, ибо все, что ниже щиколоток, то — в аду, он приступил ко второй молитве, а имам тем временем продолжал проповедь.

«Как сказал Господь в Священном Коране: "Мы отправили тебя только в качестве милости к мирам". Запомните это: не зла, не разделения, не зависти, не вражды, а милости. Поэтому, если обидел вас кто-то, оскорбил, нанес вам вред — самое лучшее, что вы можете сделать, если это по силам вашему сердцу — это простить обидчика. Уважайте старших...»

А как относиться с уважением к людям, искажающим религию Аллаха? Пророк после себя оставил только Коран и Сунну. Следуйте моей Сунне. Всякое нововведение — заблуждение, всякое заблуждение — в огне. Если вы нововведенцы, то как к вам относиться хорошо? Или вон тот, стоит с квадратной рожей, в костюме. Наверняка приехал сюда на хорошей машине, купленной на ворованные деньги. Сидят, воруют у себя в министерствах, нормальному человеку не пробиться никуда. Как любить ту свинью, что у его старой матери через суд выбила долги за кредит, который мать и не брала вовсе! И судья-черт!

Когда он потом юристу этому из банка сказал, что тот поступает безбожно, шнырь лишь пожал плечами: «Работа у нас такая». Работа и у проститутки такая. Что ж теперь делать. Нет, таких он любить и уважать не должен. Таких гасить надо по-хорошему.

«Наши отцы следовали верному пути. Среди нас были великие праведники, которые указали нам дорогу. А сегодня мы разделились на группы, порицаем и враждуем друг с другом; оспариваем наше прошлое, не верим в наших святых-аулия...»

Ну естественно! Куда уж без отцов, которым надо следовать! Вот его отец пил и ходил направо-налево. Потом являлся к своей молодой жене — его матери — и хвастал, с какими блядами он чё творил. И вот таким предкам он должен следовать! Нет, сказано же: «Они говорят: "Мы делаем лишь то, что делали наши отцы"», но ведь отцы их в заблуждении!», — или как там было-то? И про святых своих. Поклоняйтесь, поклоняйтесь им. Посмотрим, куда они вас приведут. А мы будем следовать тому, что нам заповедано: «У вас своя религия, у нас своя».

Потом имам начал своим крикливым голосом вообще ересь нести. Про Руми какого-то. Зелим, играя желваками, подумал, что будь он тем палачом, быстро бы этому Руми голову свинтил. И мальчику тоже. Вор должен быть наказан — как там в кино было. Сегодня он мальчик, а завтра жирный чиновник, проклятая пиявка, что простым людям житья не дает.

М-да, говорили ему, что в этой мечети чушь несут, но не настолько же.

3

Юсуп, поправив костюм, приступил к следующей молитве. Пока губы шептали слова, глаза исследовали все, что впереди и по бокам. Заметив, что за ним наблюдает маленький мальчик, Юсуп тут же перестал блуждать взглядом, сосредоточившись на одной точке на полу, как и положено молящемуся.

Имам подошел и вот-вот должен был начать проповедь.

Юсуп нагнулся в поясном поклоне. Ох, нелегко что-то уже. Надо худеть. Позавчера врач сказал, что если он вес не сбросит, то с сердцем точно будут проблемы. А ему всего-то пятьдесят. И пить он давно бросил. И не курит. Все для здоровья. Теперь еще и покушать нельзя по-человечески.

Долго еще? — вернувшись из поясного поклона в исходное положение, он бросил взгляд на имама. Вроде должен начать. Быстрее бы, сил нет. Религия — дело полезное, конечно. Пятикратная молитва, по сути, — разминка, да еще, как говорят, у нее особое для биополей время совершения. Пост — тоже хорошо. Голодание приводит к обновлению иммунитета. В общем, все, что Бог повелел делать, все это — полезно и для нашего же блага.

Какой важный, — подумал Юсуп, отвлекшись на говорящего имама. — А ведь на два класса младше учился, и учился-то посредственно! А теперь, гляди, имам. Авторитет. Люди его слушаются. Старики не перечат. Сам Глава Республики частенько заходит сюда на молитву. А может, и сейчас зайдет и заметит его — Юсупа, скромного служащего.

А что ж он, этот имам, своего брата не приструнил, когда тот земли чужие раздавал? Ну да, он — Юсуп, тоже там помогал, а как же. И себе два участка, и брату. И сестре, и на отца оформил. Недаром же в администрации работает. Но и брат имама не отставал, его, кстати, коллега. Чо ж он брата своего не приструнил? Пусть и двоюродного. Или не знал?

«Наши отцы следовали верному пути. Среди нас были великие праведники, которые указали нам дорогу».

Нет, не надо так. Все-таки это свой имам. Правильный. Много в наше время непонятных повылазило, новомодных. Все, что раньше было, — оказывается, не по Исламу. Юсуп покосился на стоящего рядом парня в джинсах и в модной кожаной куртке. Еще и без тюбетейки. Стоит, расставив ноги, как будто на шпагат хочет сесть. Юсуп брезгливо отодвинул ступню.

Еще и руки вскидывает при каждом поклоне. Откуда они все это берут?

Это в диалектике единство и борьба противоположностей, а тут один вред. Бегут в леса. Воюют там. Взрывы устраивают.

Имам рассказывал историю про какого-то Руми. Наверное, связи у Руми были хорошие, раз мог творить, что пожелает. Прямо как наши начальники, — тоже могут из-под суда любого человека вытащить. Ну чем не Руми? А такие, как он, незаметные работяги, вкалывающие всю жизнь, чтобы прокормить семью, стоят в стороне и наблюдают. Нет, он не палач. Не по нему это, рубить. Но и не Руми. Не долетел до такого уровня, может, сын попадет в эти круги.

4

Мовсар-Хаж, как и положено, сидел в первом ряду. Пока что он обходился без стула, но стоять подолгу уже не мог.

Превеликий Боже, как все болит. И не пожалуешься. Только заикнешься о недомогании, дочка тут же пристает со своим санаторием. На целых три недели туда! А кто тогда будет на пятничную молитву ходить? На собрания зикров в среду и воскресенье? Всю жизнь ходил, даже когда чекистами пугали, а теперь что ж, не пойдет?

А все-таки устал.

Мовсар осмотрелся по сторонам. В основном все были моложе его. Своих-то ровесников почти не осталось. Ахмед-Хаж последний был, теперь и его нет. Хороший

был товарищ. Ахмед часто людям говорил, что Мовсар, как алмаз, прошел через лагеря. Любил он это выражение — «как алмаз». А теперь какой он алмаз? Так, труха, пригодная если только для могилы.

Как быстро они засыпают ее. Не успел умереть, тебя обмывают, заворачивают в саван и кладут на свое место — в прохладное нутро земли. И вот, каких-то десять минут пройдет, а над тобой уже — холмик.

Куда им, молодым, понять, каково это, ходить каждый день под взглядом смерти. Все время замираешь, как букашка малая, завидев рядом огромную тень.

Но ничего. Хвала и слава Богу. Мог на зоне умереть — сколько их там сгинуло-то, безымянных, потерянных навсегда. Ни могилы, ни следа. Или раньше мог погибнуть, вместе с братьями в дни высылки. Двое старших не доехали, а он остался. Выжил. Вырос. Вернулся.

Потом, после тюрьмы, дом построил. Детей народил. Уже и правнуки есть. Радоваться надо.

И похоронят его не абы где, а на своем родном, родовом кладбище. Не выпало такого счастья отцу его, лежит где-то в холодных землях Казахстана. А он — со своими будет. Рядом с сыном и снохой. Рядом с сестрами.

Отец всегда казался таким большим, старым, что ли. Мудрым. Только потом Мовсар понял, что отцу-то всего сорок три года было в тот год.

А он уже девятый десяток разменял. И чем это заслужил?

Мовсар решил послушать проповедь. Хороший парень этот имам. Молодой еще, но ничего. Наберется.

Дед у имама — Васангири — вот настоящий человек был. Помогал их семье еще там, по себе добрую память оставил.

Впрочем, недавно, лет пять назад, когда внучку украли, родня «жениха» прибежала к имаму. Просили за них походатайствовать перед ним — стариком. Знали, что он имама и семью его уважает. Люди были серьезные, состоятельные. Другой бы и поддался, позволил бы себя уговорить. А этот — нет. Прогнал, говорят, просителей. Сурово с ними обошелся. И внучку вернули. После этого он имама по-настоящему зауважал.

Время сейчас какое-то легкое, как пыль. Уходит сквозь пальцы. Раньше-то и время было другое. Основательное. День был как день. Полный, с долгим прохладным рассветом. С ярким солнцем на востоке. С пением птиц. Сколько всего можно было сделать за такой день.

Странно все это. Что было вчера или год назад, он почти не помнит. Но ясно помнит то, что было полвека назад. Или даже восемьдесят лет назад.

Помнит отца, с которым он пешком ходил во Владикавказ. И как там все было непонятно, чудно, интересно. Высокие дома, фаэтоны, запряженные красивыми лошадьми. Мужчины в мундирах и черкесках, женщины в платьях. Все такие нарядные. Важные. Гордые.

Имам рассказывал историю про шейха Руми. Нет, никогда старик не слышал про Руми. Прямо как Учитель, — думал он.

Когда Мовсар услышал, как Руми накрыл мальчика плащом, на глазах у старика выступили слезы. Он вспомнил, как отец в дороге часто брал его, уставшего, на руки и, прижимая к груди, нес так долго-долго. А он то засыпал, то просыпался. И видел синее небо, и траву на полях, и деревья; и знал, что никогда ничего плохого с ним не случится.

Как бы он хотел снова быть тем мальчиком.

Денис Гербер

Баклажан на дынной лозе

Рассказ

Отец Димитрий, настоятель Посольского Спасо-Преображенского монастыря, проснулся еще до рассвета от резкого запаха одуванчиков. Откуда такое благоухание? — удивился он. Отродясь в его келье ничем, кроме ладана и свечных огарков, не пахло. Одуванчики. Будто молодая дуреха сплела языческий венок, бросила в реку, а волны принесли его прямо под кровать. Отец Димитрий едва сдержал навязчивое желание заглянуть под дощатое ложе.

Он втянул носом прохладный келейный воздух. Запах как будто исчез. Да и существовал ли он наяву? Игумен припомнил растаявший сон. Виделись ему серые льдины, уходящие из-под ног. Никаких одуванчиков там не было и быть не могло. Как раз они-то и прервали видение, заставили открыть глаза. Следовательно, это — обонятельная галлюцинация, касание демонической сущности. Когда-то духовный наставник призывал его — тогда еще молодого послушника — с недоверием относиться ко всяким явлениям мира духовного, помнить правило «не принимать, и не отвергать»: наступит срок, и время само родит понимание.

Отец Димитрий прошелся по келье, обдумывая происходящее. Похоже, в потаенной гордыне он забыл, что каждый человек в силу греховного естества подвержен влиянию бесов. Монастырские стены и сан иеромонаха не гарантируют защиту, необходимо остерегаться на всех ступенях. И чем выше ступень, тем серьезнее атакующий демон... Нет, опять гордыня. Возомнил себя овеванным благодатью!

Оберегая ум от греховных чувств и страстей, отец Димитрий предался Иисусовой молитве. Нужно «хранить входы» — слух, зрение и осязание, отстраниться от внешнего. Неужели обоняние — еще один «вход»? — подумал игумен. Должно быть так, если этим путем и проникает запах одуванчиков — теперь воображаемый.

Он молился, пока по коридорным доскам не проскрипели шаги будильника — брата Иосифа. Гулко затрезвонило малое било, нарушая утренний покой. «Просыпайтесь, братья!» — басил Иосиф, проходя мимо келий.

Отец Димитрий глянул в окно, отыскивая Венеру. Это был его собственный ритуал на начало дня, такой же неизменный, как «молитвенное правило» и умывание. Еще в молодости он прочел в каком-то журнале, что вид голубой звезды полезен —

Гербер Денис Владимирович родился в 1977 г. в городе Ангарске Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Радиоведущий, продюсер и сценарист, печатался в журнале «Сибирские огни». Живет в Ангарске. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

успокаивает. Жрецы Древнего Египта заставляли неофитов каждое утро лицезреть Пересекатель (так они называли Венеру) и сами на нее охотно смотрели. Собственно, никакой другой звезды отец Димитрий и не мог отыскать на небосклоне, а тут в монастыре она сама заглядывала в оконце. Это ли не знак свыше?

То, что сегодня увидел на небе отец Димитрий, ввергло его в смятение. Рядом со знакомой утренней звездой красовался еще один огонек — такой же маленький, с таким же голубоватым блеском. Похоже, у Венеры появилась сестра. Не горная ли нимфа Эхо — вечная спутница античной богини?

Несколько минут он разглядывал звездочки, потом встрепенулся: что если это — очередная галлюцинация, на этот раз — зрительная?

Прихватив полотенце и щетку с пастой, священник оставил келью и спустился на первый этаж к умывальне. День побежал по привычному распорядку: молитва, литургия, назначение послушаний, трапеза. Отец Димитрий соблюдал трезвение, отмечал каждую мысль, малейшее душевное колебание, и старался не думать о странном начале дня.

Ему уже исполнилось пятьдесят четыре. Восемь последних лет он провел здесь, в монастыре на берегу Байкала, три из них — в сане игумена. За этот короткий период в обители сменилось немало лиц. Братья появлялись и исчезали — переходили в другие монастыри, отправлялись в мир. Безмятежным внутренним взором священник видел причины этих метаний, как опытный автослесарь по виду машины определяет скрытые дефекты. Пустомыслие, праздность, смехотворство, безволие и привязка к земному, — все это перемалывало души людей, гнало их с места на место, точно оголодавших зверей в поисках лучшей доли.

Да, что там звери! Взять хотя-бы Басика — одного из монастырских котов — так этот белый с леопардовыми вкраплениями зверек поучит степенности любого монаха, хоть и таскается по деревенским девкам. Монастырская жизнь вполне его устраивает: главное послушание — греться на солнышке, вместо благодати — рыбный запах с Байкала. Вот и сейчас Басик на излюбленном месте — на побеленной кирпичной ограде, откуда хорошо просматриваются и трапезная, и пекарня.

Отец Димитрий, еще будучи диаконом, сам притащил в монастырь этого кота — писклявый комочек, забившийся от собак под строительные леса. Сначала Басик жил в его келье и дарил радость: мурлыкал как заведенный, терся о ноги, игрался со свисающими концами ораря. Кота подвело отсутствие должного благоговения. Сначала он скинул на пол Ветхий Завет и выдрал из него половину листа, — на оторванном клочке оказалась фраза из Третьей книги Царств: «... на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». Затем совершил кровавую жертву — подбросил под келейную икону придушенного воробья. Дальше — больше: Басик проникал в чужие кельи и отвлекал насельников от молитвы, грыз просфоры, распространял блох. Однажды Басика заперли на ночь в Никольском храме: там завелись мыши. Кот никого не поймал, лишь опрокинул семисвечник, нагадил за жертвенником и уснул на ризнице.

Теперь Басик ютится в сарайчике за трапезной. Доступ в кельи ему перекрыли. Да и что коту там делать? Возле трапезной всегда можно разжиться съестным, даже во время поста.

После обеда в монастырь наведались посетители. Сначала прибыли четверо солдат срочников из ближайшей части. Брат Лука устроил им экскурсию по историческим местам, вывел за ограду к байкальскому берегу — к тому месту, где в 17-м веке ясачные люди хана Тарухая расправились с посольством Ерофея Заболоцкого. Над-

пись на чугунной плите гласила, что монахи, основавшие здесь скит, назвали его «Посольским» в память о предательском убиении и бессовестном грабеже. Солдаты слушали внимательно, но интереса не проявляли, будто воинский устав запрещал им впечатляться.

Затем появились странные гости. Отец Димитрий заметил трех буддийский лам в красно-оранжевом одеянии. На фоне травки и цветущей черемухи ламы выглядели отголоском былой осени. «Откуда они здесь взялись? — удивился игумен. — Может, по министерской линии?» Посольский монастырь был тесно связан с МИДом. Сюда приезжали консулы и полномочные послы, едва ли не каждое лето организовывались стройотряды из студентов МГИМО.

Буддистов сопровождал брат Кирилл. Он подошел к настоятелю.

— К нам гости, — пояснил он. — Один лама с Гусиноозерского дацана и двое с Монголии.

— Из посольства? Почему не предупреждают?

— К вам, батюшка. Лично. Из Улан-Удэ приехали.

Бурята из Гусинозерска звали Алтан. Несмотря на зрелый возраст, он годился во внуки своим монгольским спутникам. Один из лам — несколько полноватый — мучился одышкой, обтирал платком блестящий лоб. Другой больше походил на ящера, — он передвигался, чуть подавшись вперед, ухватившись бронзовыми костяшками за трость. Сухое раскосое лицо усеяли пигментные чешуйки.

Гостей проводили в домик настоятеля, где принимали заезжих дипломатов. Когда расселись за столом, первым заговорил Алтан:

— Ламы почти не изъясняются по-русски. Меня посвятили во все вопросы.

Полный лама перебил его, что-то вставив по-монгольски. Алтан спохватился и полез в шелковую сумку, недавно висевшую на его плече, а сейчас опущенную на пол.

— Сначала просили вручить подарок, — пояснил он.

Бурят извлек из сумки несколько предметов и расставил на столе. Отец Димитрий недоуменно оглядел вещи. Перед ним лежал злодейски изогнутый кортик с серебристым драконом на рукояти, плоская костяная шкатулка размером с карманный справочник, шар из зеленого камня, бамбуковая флейта и войлочные тапки.

— Что это? — спросил игумен.

Бурятский лама провел ладонью над странными дарами, словно отгоняя невидимых мух.

— Выберите подарок сами. Такова традиция.

Отец Димитрий совсем растерялся. Он не принимал даров лично для себя. На монастырские нужды — другое дело. А что толку от этих непонятных вещей, к тому же насквозь пропитанных чужеродной верой?

Монголы насторожились, будто поставили целое состояние на результаты выбора. Ящероликий даже перестал дышать.

Желая поскорее покончить с непонятным ритуалом, игумен выбрал костяную шкатулку — ему стало любопытно: что внутри.

Старый лама со свистом выпустил воздух и заговорил шипучим голосом. Когда он закончил, Алтан благоговейно склонил голову, а потом обратился к отцу Димитрию:

— Мне позволили говорить от имени монгольских учителей. Это — Бадма-лама, — он указал на круглолицего, — и Очир-лама, — бурят поклонился ящеровидному. — Они приехали с монастыря Гандан с особой миссией. Ламы отыскивают новое воплощение хубилгана — Учителя Сандан-гэгэна. Вы, должно быть, знаете, что

великие души, достигшие просветления, нередко возвращаются на землю, хоть карма их исчерпана. Перед уходом они оставляют подсказки, в какой физической форме и где проявится их сущность. Обычно ребенка находят быстро.

— Я знаком с буддийской философией, в общих чертах. Но что привело вас в монастырь? Тут детей нет.

— Чтобы пояснить, нужно начать издалека — с личности Сандан-гэгэна. Многое покажется вам непонятным, и неприемлемым для православного человека, тем более — для священника. Я заранее прошу прощения.

Пожилые ламы сочувственно покачивали головами — они понимали, что речь пойдет об ушедшем Учителе.

— Сандан-гэгэн вырос в небольшой деревушке. В шесть лет он был признан воплощением тибетского учителя Намган Римпоче. Его отправили в Тибет. В восемь лет он уже принял начальные монашеские обеты, а в двадцать два вернулся на родину почитаемым ламой. Сложно перечислить всё, что сделал Сандан-гэгэн для монгольских буддистов, да это сейчас и не важно. Важно, что собираясь покидать форму, он напомнил правило перевоплощения хубилгана. Не собственная воля приводит того на землю, а возможность принести пользу. Иными словами, будущие ученики сами притягивают воплощение учителя. Сандан-гэгэн почувал это кармическое притяжение и оставил знак.

Бурятский лама говорил спокойно, тщательно подбирая слова. Было заметно, что он избегает непонятных терминов, по возможности подбирает русскоязычные аналоги.

— Вам должно быть не знакомо слова «терма», — продолжил он. — Это тайные наставления, священные тексты или предметы — спрятанные в разных местах. Их может отыскать лишь тертон — своеобразный лама-кладоискатель, — Алтан уважительно склонился но полноватого священника. — Бадма-лама и есть такой тертон. Он обнаружил терму Сандан-гэгэна.

— Где он ее отыскал? — любопытствовал отец Димитрий. Ему и вправду стало интересно.

— Видите ли, существуют разные термы. Некоторые из них прячутся в земле, в скалах или в озере. Но есть и так называемые «термы ума», они хранятся в «неразрушимой сфере». То, что оставил Сандан-гэгэн, как раз и было термой ума. Бадма-лама нашел ее во время медитации.

Отцу Димитрию показалось, что его разыгрывают. Что взбрело в голову старому буддисту, что они приехали сюда?! Из вежливости он все-таки спросил:

— Что в ней сообщалось?

— Время нового воплощения. Это были астрологические знаки. Сандан-гэгэн перевоплотился мгновенно, миновав бардо. Конечно, нужно учитывать нахождение плода в утробе матери с момента первого биения сердца. Ламы-астрологи высчитали точный день. Терма указала и место воплощения — некую Страну снегов. Все были уверены, что Учитель переродится на своей прошлой родине — в Тибете. Ламы провели старинный ритуал на берегу священного озера. Водная гладь показала место нынешнего рождения Сандан-гэгэна. Это оказался не Тибет, а Россия. Хубилган родился здесь, в Забайкалье.

— И что же дальше?

— Ламы приехали в Россию. Они отыскивали всех детей, родившихся в указанный день. В первую очередь проверяли семьи лам и бурятов-буддистов. Искали долго, но безрезультатно. Затем пришла весть, что китайцы объявили некоего тибетского

мальчишку перерождением Сандан-гэгэна, и ламы вернулись на родину. К сожалению, выяснилось, что мальчик является ложным хубилганом. Такое иногда случается, китайцы определяют перерожденцев по политическим мотивам. Тибетские и монгольские ламы не признали воплощение и поиски продолжились. Бадма и Очир снова приехали в Россию, они использовали все знания, полученные от оракулов и астрологов. Круг потенциальных хубилганов сузился. Тогда настало время последнего и самого важного ритуала — проверки предметами. Его Величество Далай-лама говорит, что это главный указатель.

— Какие предметы?

Лама снова провел ладонью над разложенными по столу вещами.

— Ребенку предлагают выбрать один из нескольких предметов. Перерожденец почувствует вещь, которой владел в прошлой жизни. И выберет ее.

— Вы хотите сказать... — на игумена накатило предчувствие неминуемой катастрофы.

— Да, отец Дмитрий. Вы и есть новое воплощение хубилгана Сандан-гэгэна, продолжателя линии тулку Намган Римпоче.

Для уха православного священника это прозвучало как изощренное оскорбление. Сначала отец Дмитрий расхохотался, затем ощутил подступающую злобу — греховное чувство, о котором «срамно есть и глаголати».

Пожилые ламы поднялись с кресел и торжественно склонились перед батюшкой.

— Погодите, погодите! — торопливо начал игумен. — Это какая-то ошибка.

Предчувствуя его реакцию, бурятский лама уже полез в сумку и вынул сиреневую папку. Отцу Дмитрию показали портрет Сандан-гэгэна. С черно-белой фотографии смотрел плосколицый монгол с медной короной на голове.

— Великий хубилган ушел из проявленного мира 10 сентября 1963, за шесть месяцев до вашего рождения. В оставленной терме он сообщил, что новое имя укажет на природу Бодхисаттвы. Ваше мирское имя — Михаил, не так ли? Оно означает «Подобный Богу».

Алтан извлек другой лист и протянул настоятелю. Это была танка, изображающая сидящего под деревом монаха. Нарисованный лама держал в руках нечто вроде маленького самовара, а его голову венчала черная папаха.

— Когда Сандану исполнилось четыре года, он уже вспоминал прошлые воплощения. Однажды он слепил из глины шапку Кармапы, — лама ткнул пальцем в черный головной убор на картинке, затем протянул игумену следующий лист. — А этот рисунок вы, наверное, вспомните.

Отец Дмитрий принял картон с акварельной мазней. В центре чернел квадрат с вертикальными желтыми полосами, украшенный четырехлепестковой ромашкой. Все это походило на шапку буддистского святого. Игумен перевернул лист и прочел на обороте: «Миша Остроносов, 4 года». Что-то пронзительно тоскливое защемило внутри. Это был его детсадовский рисунок.

— Человек многое приносит из прошлой жизни. Прежде всего — любовь к близким. Связь с друзьями и учениками сохраняется. Я слышал, вы привязаны к своему коту. Его зовут Басик?

— Да.

— Сандан-гэгэн очень любил ученика по имени Басаан.

Игумен вытаращил глаза.

— Вы хотите сказать, он перевоплотился в Басика?

— Нет, что вы. Просто вы сохранили дорогое имя. Басаан сейчас здесь, теперь его зовут Очир-лама.

Алтан указал на ящерику. Монгол с безграничной любовью взирал на игумена. Глаза старика слезились счастьем.

— Но ведь я не буддист. Разве возможно... — отец Димитрий замолчал, удивленный тем, что рассуждает на подобные темы.

— Это не важно. Хубилганом движет бодхичитта — желание помогать и сострадать всем людям. Он воплощается там, где наиболее полезен. Иногда его земное проявление вообще не связано с религией. «Пути господни неисповедимы», — так говорят христиане. Тоже можно сказать о карме.

Ненадолго воцарилась тишина. Отец Димитрий рассматривал картинку, нарисованную его рукой пятьдесят лет назад. Должно быть, ламы основательно потрудились, раз отыскивали такое.

— Вы знаете, что христианство порицает реинкарнацию как заблуждение? — осторожно начал он. — Я не могу принять всего сказанного, даже из уважения.

Похоже, что ламы обрадовались такому ответу.

— Мы и не ожидали иного, — сказал Алтан. — Простите, что потревожили. Наверное, было ошибкой сообщать взрослому человеку такую информацию. Особенно — священнику.

Настоятель удивился. Он уже готовился к предстоящему диспуту о реинкарнации, намеревался дать буддистам достойный отпор.

— Зачем же вы меня отыскиали?

— Учителя желали увидеть вас и убедиться в неисповедимом пути... кармы.

Скрюченный Очир-лама смиренно притронулся к руке игумена. Полноватый буддист поклонился. На этом встреча закончилась. Ламы уговорили отца Димитрия сохранить костяную шкатулку — подарок, отправленный им же самим из прошлой жизни.

У ворот к ним подбежал Басик. Кот боднулся о ноги настоятеля, выгнув спину и ревниво скосился на чужаков.

— Ба-сик! — с монгольским акцентом сказал Очир, улыбнулся и ткнул себя в грудь коричневым пальцем: — Ба-саан.

Отчего-то это развеселило лам, около минуты все трое хохотали — каждый на свой манер.

— Помните... Знаете, что означает это имя? — поинтересовался Алтан. — Басаан — это Пятница. В Монголии и Тибете некоторых детей называют в честь дня недели, когда они родились. И в честь соответствующей планеты. Басаан — значит пятница и Венера.

Прежде чем навсегда попрощаться, Очир-лама протянул игумену конверт и снова ткнул себя пальцем в грудь.

Отец Димитрий, полный самых противоречивых чувств, стоял посреди монастырского двора и смотрел вслед удаляющимся ламам. За воротами буддистов ожидал голубой микроавтобус. Алтан помог старикам забраться в салон, сам сел рядом с водителем. Окотив асфальт сизым выхлопом, автомобиль уехал.

Уже близился час вечернего богослужения. У отца Димитрия оставалось тридцать свободных минут. Неторопливо он пересек двор и вышел к Байкалу. Веяло вечерним холодком. Ветер, точно перекатил поле, волок по небу завернутые тучки. Игумен сел на камень недалеко от могил вероломно убиенных послов.

Много веков на этом берегу сталкивались два мира — православная Русь и многоликий Восток с буддийскими монахами, языческими шаманами и мусульманс-

кими полчищами. Иногда миры враждовали, теснили друг друга, иногда существовали бок о бок, переплетались, точно пальцы двух рук.

Оглядев байкальские волны, отец Димитрий черпнул душой умиротворение и распечатал конверт. Внутри хранился сложенный втрое лист, исписанный ровным почерком.

Уважаемый отец Димитрий!

Очень хотелось бы обратиться к Вам привычным именем, чтимым мною с детства. Однако мне следует воспринимать Вас как самостоятельную земную личность, точнее — очередное сочетание сканд.

Я пишу это письмо, не зная наверняка: отдам его Вам или нет. Все зависит от результатов нашей встречи.

Возможно, Вы воспримите разговор как оскорбление. Поверьте, мы не преследуем такой цели. Мы не стараемся Вас убедить. Напротив, я надеюсь, Вы отвергните все услышанное. Почему? Потому что это докажет серьезность вашего погружения в христианство.

Мы собирали доказательства прошлого воплощения не для того, чтобы поколебать вашу веру. Мы хотели испытать ее.

Если Вы читаете мое послание, значит — остались непоколебимы, и я был прав: ваше рождение православным монахом — не ошибка и не причуда кармы. Очевидно, Вы прозрели правильность этого пути, нашли его полезным. Пока я только могу положиться на вашу мудрость и, как верный ученик, последовать за Вами. Как бы странно это ни прозвучало, но карма ведет меня к православию.

Я надеюсь на ваше благословение, когда в скорейшем перерождении окажусь рядом и вновь стану вашим учеником.

С уважением и безграничной любовью к Вам Очир (Басаан).

Записано и переведено хувараком Иволгинского дацана Данзаном Дорбоевым.

Отец Димитрий долго удерживал трепыхающийся на ветру лист. Поверил ли он сказанному? Ламы были искренни и доказательства выглядели убедительно, однако перевоплощения игумен принять не мог. Все это было искушением, и он порадовался, что в душе не заворочалась гордыня. Нужно служить Богу и людям, а ламы пусть перевоплощаются куда хотят.

Вспомнив про оставленную костяную коробку, настоятель вернулся в домик-приемную. Он открыл подарок. Внутри было пусто. Похоже, когда-то коробка служила для хранения благовоний или лекарственных трав. Тут и там чернели смолистые пятна, пыльца настырно забила в уголки.

Отец Димитрий принюхался и почуял пьянящий запах одуванчиков.

Егор Фетисов

Рассказы

Дверь

Это было довольно давно: может, год назад, может, сто лет, а может, тысячу. Тогда еще существовал ленивый поток, и зеленые многоугольники лугов на берегу потока, и кромка леса в отдалении. И небо опускалось так низко над головой, что художник перекрашивал его по вечерам в пурпурный цвет, и иногда в мандариновый, а временами — почти в белый. Звезды же он стирал по утрам, все, кроме одной, — Полярной звезды, потому что она указывала дорогу путникам. Себе художник нарисовал небольшой дом на самом берегу ленивого потока. Нарисовал стены — белые, как лепестки ромашек, черепицу цвета зрелой тыквы и большие, прозрачные, как дыхание, окна. И только дверь он не стал рисовать. Потому что зачем тогда Полярная звезда?

И пришел к художнику ветер. Они молчали друг с другом, двигали вместе камни, бродили по берегу потока, и ветер поднимал художника в воздух, словно большую неловкую птицу.

Потом пришла к художнику любовь. Они говорили друг с другом, собирали вместе камни, бродили по берегу потока, и любовь поднимала в небо художника, словно большую неловкую птицу.

Потом пришла к художнику осень. Они собирали вместе упавшие листья, бродили по берегу потока и поднимались в воздух, словно две большие неловкие птицы.

Но путник так и не пришел к художнику. И Полярная звезда напрасно указывала путь.

И тогда художник нарисовал в доме дверь. Большую, крепкую, наглухо закрытую дверь.

— Зачем тебе дверь? — взметнулся ветер.

— Зачем тебе дверь? — обиделась любовь.

— Зачем тебе дверь? — выдохнула осень.

«Чтобы в нее постучали», — подумал художник.

Но он слышал только стук шагов по мостовой городов, стук своего сердца, стук каштанов, падающих на черепицу его дома.

И тогда он сам постучал в эту дверь и, не дожидаясь ответа, отворил ее и вошел. Он не заметил, как за его спиной погасла Полярная звезда.

Фетисов Егор Сергеевич — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1977 году в Ленинграде. Окончил (1999) филфак Санкт-Петербургского университета. Автор нескольких книг стихов, а также романов — «Пас в пустоту» (СПб, 2014) и «Ковчег» (СПб, 2016). Редактор литературного журнала «Новый Берег». Живет в Копенгагене. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

Брюнэ ойнэ

— Какого цвета у тебя глаза?

— Коричневого.

— Мама говорит, что такие глаза называются карие.

Она не знает такого слова — «карие». Вообще она знает меньше слов, чем он, хотя девочки в этом возрасте часто опережают мальчиков в развитии. Просто она живет в другой стране и не все умеет назвать по-русски. Она знает слово «брюнэ». Так называются ее глаза. «Брюнэ ойнэ».

Для него это звучит странно и притягательно. «Брюнэ ойнэ». Это даже лучше, чем просто «карие глаза». И сама она, конечно, лучше всех остальных девчонок здесь в гостинице. И даже лучше тех, с которыми он подружился в садике. Он не говорит ей об этом. Он еще не знает, что такое «неловко». Он бы запросто мог ей сказать, что она нравится ему больше всех остальных девочек. Просто зачем? Это и так понятно. Понятно им обоим. И он нравится ей больше остальных мальчиков, хотя он совсем маленький. Она почти на голову выше. Это ей тоже в нем нравится, то, что она выше. Она думает, что, когда у нее будет малыш, он будет похож на него.

Ей только не нравится, что он повторяет за ней, когда она его о чем-то спрашивает. Она спрашивает:

— А у тебя какого цвета глаза?

И он повторяет за ней:

— Какого цвета у меня глаза?

Хотя он прекрасно понял вопрос.

И тогда она говорит:

— Перестань!

И он откликается эхом:

— Перестать?

Тогда они ссорятся. Но ненадолго. И потом мирятся. Он дает ей мизинец, она трясет его и говорит: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...» Это приятно — держать его за мизинец. Она видела в фильмах, что люди держатся за руки, когда нравятся друг другу. Только он никогда не берет ее за руку.

Завтра утром она с родителями уезжает домой. Но она спокойна, ведь она сказала ему, в каком городе живет. Теперь он легко может ее найти и написать письмо или даже приехать. Когда знаешь, как называется город, совсем не сложно приехать, правда?

— Не сложно? — повторяет он.

Он даже нарисовал ей карту, как до него доехать. В левом углу там нарисован остров.

— Это Греция, — поясняет он.

А в правом — город, в котором он живет. Остров и его город соединены красной карандашной линией. Она почти прямая, эта линия. А между ними — море.

— Тебе нужно написать мой город на конверте и наклеить марку. Попроси папу купить марку, — говорит он.

— Хорошо, — говорит она. — Папа добрый, он обязательно купит мне марку и поможет наклеить, и написать город на конверте. Поэтому всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо? — он улыбается, потому что верит всему, что она говорит.

Еще он принес свою пожарную машину. У нее открываются двери и выдвигается лестница. Он показывает, как она выдвигается. Это его любимая машина, он почти никогда с ней не расстается и привез ее сюда, в Грецию. Ведь тут жарко, и легко может вспыхнуть пожар.

— Спасибо, — говорит она и открывает дверцы машины. — Красивая «бранд-биль».

— Пожарная машина, — говорит он.

— Пожарная машина, — повторяет она за ним.

Это первый раз, когда она повторяет за ним, а не наоборот.

— Мне пора, — говорит она. — Папа сейчас покажет на компьютере мультфильм, а потом мне пора спать, потому что завтра рано утром мы поедем в аэропорт.

Завтра утром он ее не увидит. Но это не страшно, ведь он нарисовал ей самую настоящую карту. Если у тебя есть карта, можно найти что угодно и кого угодно.

— Пока, Рома!

— Пока, Инга.

Она идет по газону между пальмами, бережно прижимая к себе пожарную машину. Потом оборачивается и машет ему рукой. И бежит к своему корпусу, постепенно растворяясь в вечернем воздухе.

Имя

«Давай назовем его Параскотопетл», — говорит он. Ее левая бровь ползет вверх, и он поспешно поясняет: «Воспитание ребенка сродни восхождению на непокоренный гребень». Она не понимает, о чем он. Для нее гребень — равноудаленность зубьев, пропускающих между собой пшеницу волос. Он сам редко отходит от письменного стола, но любит читать про гребни, ему снится, как он восходит на них, равный орлам, и крошечные недособранные пазлы селений белеют внизу.

«Параскотопетл — хорошее имя, — говорит он убежденным тоном. — Каждый, кто читал Уэллса...»

Она уже выбрала имя. Игорь. Так звали мальчика в их классе, ухаживавшего за ней, пока его родители не переехали в другой город. Кажется, в Минск. Да, конечно, в Минск, она помнит это отчетливо. Они шли под почти сухим, легким снежком, он тащил две большие пачки макулатуры, свою и ее, их нужно было взвесить на безмене у парадного крыльца школы перед началом уроков, подождать, пока цифру запишут в специальный журнал, и бежать на политинформацию. Было совсем темно, и она не видела лица Игоря, когда он сообщил ей про переезд. Ей хотелось взять его за руку, но он тащил в каждой руке по здоровенной пачке.

И потом — ей всегда нравилась эта история: про князя Игоря и княгиню Ольгу. Эти походы на Византию, десять тысяч кораблей, с ума сойти...

Она предлагает свой вариант, ни словом не упоминая мальчика из их класса, только десять тысяч кораблей и разбитых печенегов и половцев.

«Князя Игоря привязали за руки и за ноги к склоненным деревьям и отпустили», — сухо возражает муж.

Да, это правда. Про это она совершенно забыла. «Тогда назовем Лев, как Толстого», — предлагает она.

Что это за имя — Лев, смеется он. Почему тогда не медведь, как у скандинавов, Бьорн. Давай назовем Медведь или Лось. «А что, Лось Сергеевич, неплохо». Его плечи мелко сотрясаются от смеха, и ей хочется его ударить. Именно за то, что плечи трясутся *мелко*. Ей кажется, что все в нем — мелкое и жалкое, даром что он любит рассуждать о параскотопетлах и подобных несуразностях. Вот у княгини Ольги наверняка не возникало такого ощущения при взгляде на Игоря. Десять тысяч кораблей...

«К тому же Лев — еврейское имя, — добавляет он. — Я ничего не имею против евреев, но давать сыну такое имя все-таки слишком».

Она интересуется, что во льве такого еврейского.

«Ну как же, — возражает он. — А Лев Лосев, он же на самом деле Лифшиц».

Она парирует Львом Гумилевым. Дворянин, внук корабельного врача.

«Да, — соглашается он. — Русский дворянин. Да. Но Лев все-таки странно. Это же животное, лев, нельзя же людей называть животными, пусть даже такими крупными и сильными».

«Хорошо», — соглашается она.

Они находят в интернете список и подробно его изучают. К счастью, многие

имена не подходят сразу, иначе они просидели бы над этим списком неделю.

Абрам, Агап, Айрат, Алихам...

Ему нравится имя Ксения. У них на факультете была девушка Ксения, настоящая красавица. Он даже однажды, будучи в подпитии, звонил ей по где-то раздобытому номеру и заплетающимся от стеснения и выпитого вина языком приглашал в кино. Она несколько не удивилась звонку, но в кино не пошла, сославшись на неотложные дела. Подойти к ней после этого случая он не решался. А повода так и не возникло.

Но мужского имени «Ксений» нет. Куча парных имен, но именно это имя сугубо женское. На всякий случай он ищет в сети, но находит только астероид Ксения, открытый Августом Копффом 11 февраля 1907 года в Хайдельберге.

«Давай назовем мальчика Август, — предлагает он. — Сейчас как раз середина августа».

«Но родится-то он в сентябре», — возражает она.

«А вдруг преждевременно...» — бормочет он, но ее взгляд заставляет его осесться.

Несколько часов спустя, за ужином, она говорит, что Август неплохое имя, если вдуматься. Римское. Императорское.

Он кивает.

Стало быть, Август.

Родители звонят, спрашивают, на каком имени остановились. Они звонят так уже несколько месяцев, почти ежедневно, и задают один и тот же вопрос.

Услышав про Августа, кривят лица. Даже по телефону слышно, как кривят. Говорят, что, конечно, они и не ожидали, что мальчика назовут в честь отца или деда. Было бы глупо на это рассчитывать.

Перед сном она спрашивает его, верит ли он в связь имени с судьбой. Может, оно на самом деле предопределяет события в жизни человека?

«Наверяд ли», — говорит он.

«И еще Лев Толстой», — добавляет она.

«Что — Лев Толстой?»

«Не еврей».

Да, это правда, думает он. Внук князя Николая Волконского.

«Ты все-таки хочешь назвать его Львом?» — тихо спрашивает он, но она уже уснула.

А ему не спится, он лежит и думает, что зря она не согласилась на имя Параскотопетл. Длинное, красивое имя, похожее на тень высоченного дерева или вершину одинокой горы. Он продолжает произносить это имя про себя, не замечая, что произносит его уже во сне, и там, глубоко во сне, оно предопределяет судьбу мальчика, который родится в начале сентября. В крайнем случае, в середине.

Мыльный цеппелин

Он был похож на храм, этот северо-немецкий вокзал — высокими сводами, под которыми время от времени перелетали голуби, и светом, падающим через давно не мытые окна широкими полосами. В них клубилась пыль, поднимавшаяся от перронов, вокзальных лестниц, подошв тысяч находившихся в пути, прибывших и убывавших, как прибывает и убывает вода в моменты приливов и отливов. И в этом было его разительное отличие от храма. Тут всё было подчинено движению, переходу, перетеканию из жизни в жизнь, опасному, как всё меняющееся и преходящее. В этом вокзале было что-то от оборотня, питавшегося энергией сновавших и спешивших по протоптаным дорожкам пассажиров.

Поэтому он сразу бросался в глаза — молодой парень в клетчатой рубашке и кедах. Он единственный никуда не спешил. Может, опоздал на поезд или просто приехал на вокзал слишком рано и коротал время до отправления. Он сидел на своем рюкзаке и пускал мыльные пузыри. Самые настоящие детские мыльные пузыри — из рифленого пластмассового кружка с ручкой, который он то и дело опускал в бутылочку с раствором

и осторожно, полуоткрыв губы, выдувал большие шары с колыхавшимися словно от смеха боками. Некоторые лопались сразу, мыльные брызги летели парню в лицо, заставляя щуриться. Другим удавалось оторваться от своего насеста и подняться в воздух. Они неловко, как дирижабли, потерявшие управление, натывались на колонны или встроенные повсюду ларьки со снедью и кофе и терпели крушение.

Проходившая мимо девушка бросила рядом с ним рюкзак, села на каменные плиты пола и осторожно сняла с картонного стаканчика пластмассовую крышку.

— Горячий, — сказала она, осторожно отглотнув кофе.

— Не обожгитесь, — ответил парень и на время прервал свое занятие.

— Я Вика, — сказала девушка.

Он ничего не ответил. Осторожно выдул очередной пузырь, потом внимательно посмотрел на часы и на девушку. В его взгляде не было ни приветливости, ни любопытства.

— Вообще-то меня зовут Яна. Только мне пришлось поменять имя, — начала она, бросив взгляд в его сторону.

Он по-прежнему не проявлял к ней интереса. Никаких «да, а что так?» она не услышала, хотя обычно люди как-то реагировали. Она привыкла к тому, что они выражали удивление.

— Дело в том, что есть такая девушка, или женщина, не знаю, которую тоже зовут Яна Шильд. Она, как и я, поэтесса, но пишет гораздо хуже, понимаете? А люди читают и думают, что она — это я. Это ужасно...

— А по-моему, это здорово, когда тебя принимают за другого, — почти без интонаций сказал парень.

— Вот видите, вы меня понимаете. Теперь мне нужно поменять имя во всех уже публикациях.

— Это непросто.

— Геморрой на ровном месте, вот что это такое, — подтвердила девушка. — Это займет кучу времени, и надо писать на все сайты, где я выкладывала тексты. Полжизни на это уйдет.

Он не ответил, занятый огромным, переливчатым мыльным шаром, который раздувался все больше и больше, как будто его, действительно, надували гелием.

Девушка поднялась на ноги, надела рюкзак и взяла с пола свой кофе.

— Ну, счастливо.

В эту секунду шар, тяжело раскачиваясь, поднялся в воздух и, немного подумав, начал оседать, отлетая в сторону собравшейся уходить девушки. Она присела на одно колено и осторожно подула на пузырь снизу. Он встрепенулся и поднялся чуть выше. Она подула сильнее, и переливающаяся цветами радуги сфера стала набирать высоту. Девушка не могла оторвать от взлетающего шара глаз. На высоте нескольких метров этот мыльный цеппелин попал в полосу солнечного света и, словно притягиваемый им, полетел наискосок и вверх, к громадному окну, которому не хватало только мозаики, чтобы быть подлинным витражом. Он летел в полосе света все быстрее, поток воздуха там, наверху, видимо, был сильнее. Его гибель была неизбежна, и казалось, что сотни глаз неотрывно следят за последними секундами его полета, тогда как на самом деле к нему был прикован один единственный взгляд.

Пузырь налетел на стекло где-то там высоко, и раздался громкий хлопок. Миллионы брызг полетели в разные стороны. Так метеориты сталкиваются с планетами и исчезают навсегда.

Яна-Вика, вздохнув, опустила взгляд и только тут услышала крики и шум, увидела бегущих в ее сторону людей. Они бежали, конечно, не к ней. Они спешили к лежащему в нескольких метрах от нее мужчине с дипломатом в руке. Он лежал на спине, смотря в ту точку, где разбился цеппелин, и на его груди набухло темно-красное пятно. Она попыталась разглядеть в толпе молодого человека, пускавшего пузыри, но клетчатой рубашки среди плащей и свитеров, курток и платьев, футболок и блуз — не было.

Анна Гедымин

«Выхода нет — надо писать...»

Писать стихи я начала 20 ноября 1978 года, в 17 лет, 3 месяца, 21 день. Вот как это произошло.

К тому моменту я уже окончила школу и ни с того ни с сего поступила на факультет журналистики МГУ. Родители отнеслись к этому настороженно — в нашей семье отродясь не было профессиональных гуманитариев, всё инженеры да врачи. Но родной дядя в какой-то момент бросил свою инженерию и сделался корреспондентом, а потом и редактором отраслевой газеты. И это несколько примирило родителей с моим неожиданным журфаком.

Поступление в Московский университет (чудный запах библиотеки, мраморная лестница, на которую с птичьим звоном падали элементы стеклянной крыши, памятник толстошекому Ломоносову во дворе) было для меня безусловным счастьем. А вот необходимость писать заметки (для подтверждения своего журналистского статуса) в разные многотиражки — безусловной тоской и скукой. Тем не менее я проявляла упорство и однажды, как и все журфаковцы того времени, оказалась в редакции легендарного «Московского комсомольца». Он в ту пору славился не только своей невероятной смелостью и популярностью, но и благосклонным отношением к таким вот нештатным недокорреспондентам, как я. (Не могу не поделиться: первым моим опубликованным материалом была глубокомысленная заметка о достоинствах и недостатках сухопутного разведения нутрий!!!)

Так вот, иду я по коридору «Московского комсомольца», задыхаясь от торжественности момента — и одновременно пытаюсь хоть на минуту забыть о своей через пень колоду написанной информашке о пользе школьных завтраков. Вид при этом имею, судя по всему, испуганный и озабоченный. И в самом деле, гадкие газетные задания — единственное, что меня в моей жизни не устраивает. Но, к несчастью, именно они необходимы для того, чтобы весь этот прекрасный сверкающий мир с его журфаком, Ломоносовым, «Московским комсомольцем» и прочими атрибутами овеществленной мечты не рухнул однажды с жалобным звоном, как самый ничтожный элемент стеклянной крыши.

В общем, иду. И даже не думаю о том, чтобы обрести какой-нибудь иной, более что ли законный повод для пребывания и в редакции, и в Университете, и, по сути, на белом свете. Как вдруг!!!

Судьба нечасто так явственно, рискуя быть замеченной, вмешивается в ход событий. Подобное случается всего несколько раз в жизни. Например, когда пишешь свое лучшее стихотворение — и внезапно замечаешь тень *иной руки*, водящей твоим пером по бумаге. А в тот раз судьба явилась в виде очень странной компании разновозрастных людей, не объединенных, казалось, ничем, кроме общей, крайне неуместной здесь праздности. Честное слово, они шли, «играя и свистя!» Они были довольны и никуда не торопились, эти несомненные прощелыги и пьяницы, этот «паноптикум ужасный» — и одновременно горстка небожителей. Они были свои в

этом раю! Но даже самый каверзный ум не заподозрил бы их в причастности к журналистике.

Словом, это оказались члены литературной студии «Публицист». И писали все они, вопреки намерению руководства выращивать журналистскую смену, исключительно стихи. Стихами был пропитан сам воздух редакции, а особенно кабинет, где заседало литобъединение. Тем более что где-то по периметру ходил молодой еще Александр Аронов, похожий на помесь Отелло с котом Бегемотом. Иногда он врвался в студийское помещение и страстно читал что-нибудь вроде «Если любит Регина меня, То какая же это Регина!..» или «Аскет, понятно, небогат, Его совсем не знает слава...»

Но это было потом. А тогда, в легендарный день 20 ноября 1978 года, в тот темный и слякотный московский день, который я с тех пор помечаю в календаре как праздничный, ко мне просто подошли и спросили: «А ты пишешь стихи?» И я, не задумываясь, выдохнула: «Да».

Уже позже, дома, я с ужасом и неожиданным облегчением поняла, что выхода нет — надо писать стихи. Села к столу, взяла шариковую ручку и тетрадку в клеточку и быстро сочинила несколько стихотворений. Вот самое первое:

Жил-был попугай.
Большой попугай.
Говорящий, к несчастью, довольно редко.
Но однажды случайно открылась клетка,
И в чужие края улетел попугай.

Жил-был воробей.
Смешной воробей.
Какой-то чудака заточил его в клетке.
Но упорхнул воробей и с ветки
Высмотрел в луже съедобных червей.

Людам не спится.
Серы их лица.
Каждый надеется, что не забыт,
Что неожиданно в клетку влетит
Какая-нибудь сумасшедшая птица.

И жизнь сразу обрела смысл и логику. Тот же журфак из просто нарядного и что ли престижного места превратился в факультет с уникальной библиотекой и еще более уникальным кругом общения. Между прочим, журналистика очень выручала меня потом, уже после 1991 года, когда литературные публикации и внутреннее рецензирование перестали кормить. (И до сих пор выручает, поскольку на жизнь я зарабатываю в основном редактурой.) И в «Московском комсомольце» моя роль наконец определилась: вместо заметок там начали печатать мои стихи, а потом и прозу.

Вот только с литературной студией «Публицист» общение как-то не сложилось. (Хотя, конечно, собирательный Мавр в лице ее членов сделал в моей жизни свое дело, за что ему большое спасибо.) И с другими литобъединениями тоже не сложилось. Нет, я некоторое время ходила в различные более или менее серьезные литературные кружки и даже съездила на все полагавшиеся тогда молодому писателю совещания. Но групповая форма занятий литературой оказалась не для меня. Как не для меня оказались и всевозможные литературные группки и группировки, невероятно тогда расплодившиеся. Говорят, в коллективе легче самоутвердиться, пробиваться и все такое. Но сам факт возникающей в нем, зачастую совсем не литературной, субординации (а она обязательно возникает в коллективе) для меня, как выяснилось, неприемлем.

Андрей Столяров

Разноликий ислам

Дом разделившийся

Перестройка и последовавший за ней период бурных реформ превратили Советский Союз совсем в иную страну. Прежние социальные связи распались, прежние нормы и правила канули в никуда. Россия, как теперь стала называться эта страна, на целое десятилетие погрузилась в хаос, в пучину анархии, где новые формы социального бытия начали складываться как бы сами собой.

Одной из таких спонтанно оформляющихся тенденций стало религиозное возрождение. Произошло внезапное преображение общества. Словно поднятый чудодейственной силой, всплыл из глубин забвения громадный архипелаг — Русская православная церковь — и с тех пор стал неотъемлемой частью российской реальности.

Количественный рост РПЦ впечатлял. За сравнительно короткий период с 1989 по 2008 год (это в основном патриаршество Алексия II) число приходов Русской православной церкви увеличилось более чем в 3 раза, число монастырей возросло более чем в 20 раз, число священников и диаконов — почти в 4 раза, а количество верующих составило около трех четвертей населения страны. Согласно опросам, авторитет РПЦ был в тот период значительно выше, чем авторитет правительства или парламента. Символом же этого возрождения стало восстановление в Москве Храма Христа Спасителя, взорванного советской властью в 1931 году, а первой крупной акцией в нем, имевшей резонансный характер, стала канонизация императора Николая II и всей царской семьи.

Произошло то, чего никто не предвидел: Россия из государства официального атеизма превратилась, по крайней мере формально, в одну из самых религиозных стран мира.

Правда, на наш взгляд, это была чисто механическая пролиферация: РПЦ заполняла пустоты, образовавшиеся после провала идеологии коммунизма. Нового прочтения христианства, соответствующего современности, Русская православная церковь предложить не смогла. Что, впрочем, было естественно. В момент «имперского расширения» новые идеи не возникают: на «осваиваемых территориях», как правило, идет воспроизводство уже имеющихся имперских структур. Мировоззренческие инновации зарождаются лишь в моменты кризисов, когда становится ясным, что

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор многочисленных статей по аналитике современности и книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). Публикации в «Дружбе народов»: «Новая земля и новое небо» (№4, 2014); «Герой нашего времени» (№ 11, 2014); «Дайте миру шанс». Повесть по мотивам реальности (№ 1, 2015); «Ярче тысячи солнц» (№ 1, 2016); «Война миров. Исламский джихад как историческая неизбежность» (№ 9, 2017).

«дальше так жить нельзя». Вспомним, например, что первые протестантские «ереси» появились в Европе, когда рухнул грандиозный христианский проект — крестовые походы, имевшие целью сделать христианским весь мир. Лишь тогда образовались течения, предлагавшие миру новый бытийный «текст», и на основе этого «текста» через некоторое время началась Реформация.

Негативная тень побед обычно заключается в том, что они индуцируют не сомнения, порождающие перспективную новизну, а уверенность, что «так будет всегда», результатом чего является социальный застой. Так и Русская православная церковь, достигнув мировоззренческого и, главное, материального благополучия, как бы застыла, уверившись в своей идеологической правоте, совершенно не замечая, что постепенно она превращается в некий реликт, в архаическую экзотику, поддерживаемую уже не верой, а благорасположением государства и рутинной обрядностью.

Нечто подобное произошло и с российским исламом. «Исламское возрождение», как называли этот феномен, также было бурным и необратимым. В 2000 году тогдашний российский министр по национальной политике Владимир Зорин заявил, что мечетей в России насчитывается уже более 7 тысяч, хотя еще в 1991 году их было менее девятисот. Правда, в том же году заместитель председателя правительства России Рамазан Абдулатипов утверждал, что только в Дагестане мечетей более 5 тысяч, значит, общее их число превосходит названное в несколько раз. А российский исламовед А.В.Малашенко указывает, что «подсчитать точное количество мечетей в России не представляется возможным. Различия в оценках объясняются тем, что в одних случаях называют число зарегистрированных мечетей, а в других — реально существующих. Есть еще молельные дома, т.е. помещения, куда мусульмане приходят, чтобы совершить пятничную молитву и послушать проповедь имама». Во всяком случае, пишет он, «за полтора десятка лет мечети стали типичным признаком социокультурного пейзажа России».

Все препятствия для развития ислама исчезли. Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 года, гарантировала гражданам России свободу совести и вероисповедания, также объявлялся запрет на пропаганду национального и религиозного превосходства. Правда, Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединений», принятый в 1997 году, зафиксировал в преамбуле «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры»¹, но вместе с тем ислам неизменно входил в публичный перечень традиционных конфессий России, о чем неизменно напоминал и президент Российской Федерации В.В.Путин. Видимо, одно было призвано компенсировать другое.

В любом случае «исламское возрождение» стало реальностью. «За короткое время количество мечетей <в России> возросло более чем в 100 раз, открылись десятки средних и высших медресе, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации — печатные, радиоэлектронные и сетевые. Мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать на хадж»². Исламизации стали подвергаться все стороны жизни мусульманских регионов России. Начали открываться магазины халяльных продуктов, «бутики» с религиозной атрибутикой и литературой, организовывались помещения для молитвы на бензоколонках. Это было уже «нечто большее, чем просто “мода на религию”, как иной раз именовалось исламское возрождение в начале 1990-х годов... В 2006 году в Казани состоялся первый всероссийский конкурс красоты среди мусульманок, участницы которого должны <были> соблюдать пятикратную молитву, быть хорошими хозяйками и уметь готовить чак-чак. Победительнице Диляре Садыковой был присвоен титул “самая очаровательная мусульманка”. В том же году аналогичный конкурс, но уже республиканского масштаба — “Краса Чечни” — состоялся в Грозном... В Казани открылось ателье исламской моды “Алтын ай”, в Москве — специальный магазин мусульманской одежды. В Татарстане работают курсы, на которых девушек учат быть

примерными мусульманскими женами... Организована служба знакомств для мусульман. Все чаще мы слышим от имамов и муфтиев хвалу многоженству. От этого не удержался даже такой законопослушный священнослужитель, как Талгат Таджуддин, который считает, что таким образом можно улучшить демографическую ситуацию в стране (очевидно, только среди мусульман). В Казани проводится Международный фестиваль мусульманского кино “Золотой Минбар” (в 2006 г. в нем участвовали картины из 25 мусульманских стран). А в Москве состоялся конкурс на лучшее произведение об исламе, получивший неофициальное наименование “мусульманский Букер”. По инициативе молодых имамов в Татарстане проводится футбольный турнир на Кубок мухтасибата с участием команд 8 (из 50) казанских мечетей. Планируется проведение спортивных соревнований для женщин-мусульманок. ...В Башкирии при мечети города Баймак появилась первая в России организованная по принципу шариата таксофирма “Сафар” (восемь машин), главное отличие которой состоит в том, что работающие там водители вообще не употребляют алкоголя. В 2006 г. в Дагестане имамы обратились к владельцам саун, казино и т. п., призывая их закрыть или перепрофилировать свои заведения, само существование которых противоречит нормам ислама»³.

Наблюдалась в этот период и определенная структурная консолидация. В 1990 году возникла в России «Исламская партия возрождения», а вслед за ней и некоторые другие исламские политические организации. Появились мусульманские депутаты в Государственной Думе РФ. В 1992 году было заново образовано Центральное Духовное Управление мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ), председателем которого стал муфтий Талгат Таджуддин, а в 1996 году в Москве возник Совет муфтиев России, которое возглавил шейх Равиль Гайнутдин. Началось сотрудничество этих органов с российской властью и с руководящими структурами РПЦ.

Внешне все выглядело благополучно.

Однако при внимательном рассмотрении картина возникала совершенно иная.

Прежде всего обнаружилась политическая слабость ислама. Мощной партии, которая могла бы отстаивать их интересы, российским мусульманам создать так и не удалось. «Исламская партия возрождения» распалась уже в середине 1990 годов, а другие мусульманские организации, возникшие в тот же период, имели очень ограниченное влияние. Вообще выяснилось, что мусульмане, вопреки религиозным призывам, голосуют за самые разные партии, в том числе и за партию коммунистов.

Электоральный потенциал мусульманских организаций оказался не слишком большим, а в легислатуру В.В.Путина он стал и вовсе неощутимым. То есть ислам не вырос в значимый фактор внутренней российской политики, и потому на романтический призыв сделать вице-президентом Российской Федерации мусульманина один из чиновников кремлевской администрации (Владислав Сурков) мог с полным основанием ответить: «У нас светское государство, и эта идея не может быть реализована никогда и ни при каких обстоятельствах». Фактически в этот период ислам с федерального уровня политики перешел на региональный и областной: сотрудничество с местными администрациями было для него более эффективным.

Далее обнаружилась явная структурная слабость ислама. Русская православная церковь исторически сложилась как жесткая иерархическая система — с безусловным подчинением низших подразделений высшим, с единым центром, символом которой является патриарх, в значительной мере определяющий ее конкретные политические и социальные приоритеты. Ислам же с самого начала представлял собой сетевую структуру и потому в момент «имперского расширения» начал фрагментироваться на идеологические автономии. Неожиданно оказалось, что никакого единого российского ислама нет: существуют отдельные мусульманские регионы, достаточно далеко отстоящие друг от друга по своим религиозным характеристикам и слабо связанные между собой. В крупных территориальных единицах это выглядело следующим

образом: Северный Кавказ, Средняя Азия, Татарстан, Москва. Причем на Кавказе, по мнению некоторых исследователей, выделились сразу четыре вполне самостоятельных исламских субрегиона, а ислам в европейской части России, в свою очередь, разделится примерно на 40 также вполне самостоятельных муфтиятов. Автономные управленческие структуры появились в Омске, Оренбурге, Саратове, Тюмени и других городах. Неоднократные попытки их интеграции оказались бесплодными. Совет муфтиев России и Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) сразу же после своего образования начали ожесточенную конкуренцию друг с другом, и борьба эта, то затихая, то вновь разгораясь, продолжается до сих пор. Переносится она и на местный, локальный уровень, где могут существовать «по два враждующих между собой духовных управления мусульман, одно из которых подчиняется ЦДУМ, а другое — Совету муфтиев России»⁴. Посредниками между ними вынуждены выступать светские власти.

И, наконец, выявилась мировоззренческая слабость российского ислама. Пребывая долгое время в летаргическом состоянии, не имея ни малейшего представления (как и весь советский народ) о движении мировых религиозных тенденций, пропитавшийся местной национальной спецификой, традициями местного национального бытия, он постепенно утратил свою метафизическую универсальность, превратившись в набор региональных конфессий, интересы которых не выходят за пределы своего этнического ареала. Более того, он как бы выпал из современности, оказавшись бессильным перед ее парадоксальными вызовами. «Исламское возрождение» представляло собой точно такую же механическую пролиферацию, как и «христианское возрождение» в лице РПЦ: здесь просто реализовался отложенный спрос — без какой-либо творческой, инновационной активности. Рост ислама в России был количественный, но не качественный, что свидетельствовало о его функциональной незрелости.

В принципе эта ситуация устраивала обе стороны. Российская власть обрела лояльный, идеологически пассивный ислам — ислам, который оставался духовно как бы «сам по себе», но вместе с тем был фундаментом власти в мусульманских регионах России. В свою очередь, исламское духовенство получало поддержку власти, как материальную, так и административную, а в некоторых случаях оно само входило в местную власть. Это гарантировало ему и спокойное, практически чиновное существование, и необходимую долю влияния на конкретной «канонической» территории.

Складывался негласный «общественный договор».

Так могло продолжаться неопределенно долго.

Однако в этот благополучный консенсус неожиданно вмешалась война.

Кавказ: второе издание

Для объяснения трагической Чеченской войны существует множество разных причин. Одни полагают, что главную роль здесь сыграла историческая память народа. Чеченцы хорошо помнят и жестокий Кавказский конфликт XIX столетия, длившийся почти полвека, и не менее жестокую сталинскую депортацию, когда практически весь чеченский народ был объявлен преступным и выселен из родных мест в Среднюю Азию и Казахстан. Другие считают, что здесь сыграл роль национальный характер чеченцев, для которых нет ничего дороже свободы. Без нее чеченский народ не может существовать. Третьи объясняют это экономическими особенностями, сложившимися на Кавказе. При распаде СССР, когда было разорвано большинство хозяйственных связей, Северный Кавказ пострадал сильнее всего. И, наконец, четвертые полагают, что основной причиной войны были фатальные ошибки, допущенные с обеих сторон.

Петербургский историк, знаток исторического Кавказа, Я.А.Гордин пишет: «Окостеневшая советская система, рухнув, поставила новую демократическую власть перед необходимостью немедленно найти новую систему взаимоотношений с Кавказом — взамен выработанной веками. Новая власть, слишком много унаследовавшая от прежней... с этим не справилась. Как не справилась с этой задачей... и пришедшая к руководству после 1996 года новая сепаратистская элита (имеется в виду элита Чечни. — А.С.), сумевшая только лишь воспроизвести повстанческую политико-криминальную модель поведения. И та, и другая стороны оказались в плену гибельных стереотипов...»

Формально петербургский историк прав. Но как нам представляется, новая российская власть справиться с этой задачей и не могла. Грубо говоря, ей в тот момент было не до Чечни. Она пыталась хоть как-то наладить жизнь в разваливающейся и агонизирующей стране. К тому же у нее элементарно не хватало людей, умеющих думать и действовать в координатах новой реальности. А те, кто в ее распоряжении был, действительно находились во власти прежних советских стереотипов. Показательно в этом смысле высказывание тогдашнего министра обороны России Павла Грачёва о том, что все вопросы в Чечне можно было бы «решить» одним парашютно-десантным полком в течение двух часов. Как известно, штурм Грозного (столицы Чечни) в ноябре 1994 года закончился полным провалом, и с этого момента вспыхнули полномасштабные военные действия, повлекшие за собой множество жертв.

Не лучше была ситуация и на другой стороне. В обстановке острого социального кризиса чрезвычайную силу обретают разного рода иллюзии. Кажется, например, что стоит лишь свергнуть старый режим и тут же — немедленно! — воцарятся счастье и благоденствие. Кажется, что стоит нации обрести реальный суверенитет, как все трудности исчезнут как бы сами собой. Народ станет хозяином на своей земле, он расправит плечи, свободно вздохнет, и опять-таки немедленно воцарятся счастье и благоденствие. Никто, как правило, не осознает, какую цену придется заплатить за «свободу», никто не представляет себе реальных трудностей независимого существования. Иллюзорное бытие обычно оказывается сильнее реальности.

Не будем подробно описывать сюжет российско-чеченской войны. Этим событиям посвящены достаточно серьезные и обстоятельные исследования. Для наших рассуждений здесь важно лишь то, что на первом ее этапе Джохар Дудаев, ставший президентом Чеченской республики в 1991 году, предполагал создать в Чечне чисто светское и даже демократическое государство. То же подтвердил и парламент Чеченской республики, принявший конституцию, где данное положение было законодательно закреплено. Ни о каком джихаде тогда речи не шло. Правда, еще в августе 1992 года Дудаев посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию и Кувейт, где поднял вопрос о дипломатическом признании Чеченской республики. От дипломатического признания правительства обеих этих стран уклонились, тем не менее президент Ичкерии был принят чрезвычайно благожелательно.

Реальная исламизация Чечни началась лишь в конце 1994 года, когда Общенациональный съезд, организованный сторонниками Джохара Дудаева, объявил газават — «священную войну» России, а сам Дудаев открыто высказался за превращение Чечни в исламское государство, основанное на шариате. Чеченская республика в этот период погружалась в жестокий хаос, еще более сильный, чем хаос в реформирующейся России, и ислам в глазах местной власти, вероятно, оставался последней надеждой объединить чеченский народ. Данный шаг для Дудаева был тем более актуален, что несколько «ранее 6 из 14 районов Чечено-Ингушетии отказывались участвовать в “организованных” им выборах, а генералу Рохлину, командовавшему штурмом Грозного, местные жители говорили: “За три года Дудаев расстрелял больше, чем на этой войне”»⁵.

Впрочем, надежды на «исламское чудо» оказались тщетными. События, вскоре

развернувшиеся в республике, показали, что кавказский ислам имеет свою собственную конфигурацию, и конфигурация эта как бы «отгораживает» его от глобальных стратегий джихада.

В июле 1998 года боевики полевого командира Арби Бараева атаковали казармы Гудермесского батальона чеченской национальной гвардии, бой продолжался целых два дня, и лишь с громадным трудом части, верные Аслану Масхадову, ставшему после ликвидации в 1996 году Джохара Дудаева президентом Чечни, сумели отбить атаку. А еще через год отряд, возглавляемый Шамилем Басаевым и Амиром ибн аль-Хаттабом, боевиком из Саудовской Аравии (или, по другим сведениям, — из Иордании), вторгся с территории Чечни в Дагестан, опять-таки провозгласив там создание «исламского государства» и намереваясь распространить пламя джихада на весь Кавказ. Это нападение было также отбито. Дагестан, вопреки всем ожиданиям, не восстал, не влился в армию «братьев по вере», более того — оказал сопротивление чеченским боевикам. А главное, что у российского правительства появился повод начать большую контртеррористическую операцию на Северном Кавказе, позже названную Второй чеченской войной.

Атаки отрядов Бараева и Хаттаба — Басаева можно объяснить стандартными закономерностями, работающими в ситуациях острого социального кризиса. После обретения фактической независимости в результате подписания Хасавюртовских соглашений в 1996 году Чеченская республика пребывала в состоянии катастрофы. Эфемерными оказались плоды «великой победы», одержанной в первой войне. В стране царила анархия: власть принадлежала не столько «законно избранному» президенту, сколько полевым командирам, опиравшимся на собственные войска. Экономика Чечни полностью развалилась, производство было разрушено, хозяйственные связи с Россией сошли практически до нуля, процветал исключительно криминальный «бизнес»: грабежи, торговля наркотиками и работорговля. Большинство населения было ввергнуто в нищету, не сравнимую с тем уровнем жизни, который существовал в советское время.

В подобных кризисах — обычно спонтанно — формируются два четких сюжета. Во-первых, государственный переворот, установление диктатуры, которая могла бы навести порядок в стране — такую попытку, насколько можно судить, предпринял со своим «Исламским полком особого назначения» Арби Бараев. И во-вторых, экспансия, «маленькая война», способная блеском внешних побед заслонить внутренние проблемы. Этот второй сюжет и попытался реализовать Шамиль Басаев, вторгшийся в Дагестан.

Действительно, все стандартно.

Ничего нового тогдашние чеченские лидеры изобрести не смогли.

Однако внутри этой стандартности наличествует некое внутреннее содержание, и чтобы его понять, нам следует обратиться к таким теософским категориям ислама, как ваххабизм и суфизм.

Суфизм — очень своеобразный формат ислама. Распространен он по всему миру, и его привлекательность, а также многовековая устойчивость объясняются тем, что это, пожалуй, самая свободная, толерантная и адаптивная теологема, которую исторически сформировал ислам. Если отвлечься от мистической стороны суфизма, доступной лишь посвященным, то принципиальная «народная» суть его выглядит так. Суфизм полагает, что существует множество путей к богу, и неважно, каким именно путем следует человек, лишь бы он пути к богу следовал вообще. Благодаря такой свободной трактовке суфизм легко вписывается почти в любую этническую среду, более того — он легко впитывает в себя местные моральные и правовые обычаи и исламизирует их, создавая тем самым некое специфическое единство. Возникает синтез локального и универсального, этнического и всемирного, за счет чего суфизм прочно врастает в местный субстрат. Распространению суфизма способствовало еще и то, что многие суфийские братства придерживались принципа невмешательства в

мирские дела и избегали прямых контактов с властями, какой бы власть ни была. Говоря проще: если власть не трогала суфийские тарикаты (суфийские братства, суфийские ордены — их можно называть так и так), то и суфии относились к власти нейтрально, ничего от нее не требуя и не вмешиваясь в политику. Об эффективности и авторитете суфизма свидетельствует такой факт. Рыцарские и церковные ордены средневековой Европы — тамплиеры, госпитальеры, францисканцы, доминиканцы, иезуиты и т.д. и т.п. — были созданы по модели суфийских орденов (братств), с которыми европейцы столкнулись во времена крестовых походов.

Полной противоположностью суфизма является ваххабизм. Зародился он очень поздно, лишь в XVIII веке, но очень быстро охватил почти всю Аравию. Суть ваххабизма — возвращение к «истинному исламу», к тем принципам веры, которые заложил пророк Мухаммед и подтвердили «праведные халифы». В этом смысле ваххабиты отстаивают классический фундаментализм, стремящийся во всех своих видах к возрождению «чистых истоков веры». Однако ваххабиты — это радикальные фундаменталисты, их отличает крайняя нетерпимость ко всем, кто, как они полагают, отклоняется от «истинного ислама». Враг ваххабитов — любой, кто не исповедует ваххабизм, будь он хоть приверженец иудаизма, хоть христианин, хоть мусульманин, хоть язычник, хоть атеист. Причем эту идеологию ваххабиты претворяют в конкретную практику. Когда в 1803 году Сауд ибн Абдул-Азиз, эмир первого саудовского государства, захватил Мекку, то разрушил там почти все священные мавзолеи, поскольку ваххабиты считали, что поклонение могилам святых есть признак язычества. Ваххабизм стал официальной религией Королевства Саудовская Аравия (там он именуется «салафия») и, разумеется, постепенно цивилизовался, по крайней мере в формально провозглашенной доктрине. Теперь ваххабиты уже не разрушают святые места, а напротив, тщательно охраняют их, тем более что хадж миллионов паломников приносит королевской династии немалую выгоду. Но даже при всем при этом в 1998 году саудовские власти как часть кампании по уничтожению идолов распорядились сравнять с землей могилу матери пророка Мухаммеда, что привело к массам протестов и резкому осуждению данной акции со стороны мусульман во всем мире. Правда, мавзолеей самого пророка ваххабиты обещают пока не сносить.

Здесь имеет значение то, что ваххабизм и суфизм — идеологические антагонисты. Они относятся друг к другу гораздо хуже, чем, например, католики и православные. Для ваххабитов суфии — еретики, искажающие ислам, их нужно безжалостно уничтожать. Для суфиев ваххабиты — варвары, несущие насилие, хаос и смерть.

А теперь вернемся к Кавказу.

В начале XIX столетия туда в силу различных исторических обстоятельств пришел суфизм — пришел и утвердился, поскольку оргструктура его, система орденов (тарикатов, суфийских братств) очень естественно наложилась на клановую, кровнородовую систему горных племен. К счастью для современной России Кавказ стал суфийским. В течение двух столетий никакого другого ислама Кавказ не знал. И потому, когда в середине 1990 годов туда явились ваххабитские эмиссары с саудовскими деньгами и предложили превратить чеченскую войну в глобальный джихад, обещая поддержку всего исламского мира, то чеченцы встретили их без особого энтузиазма. Фактически ваххабитам удалось привлечь на свою сторону лишь два не слишком сильных военных формирования: тот самый «исламский полк» Арби Бараева и тот самый отряд, которым командовали Шамиль Басаев и аль-Хаттаб.

По мнению некоторых исследователей, мятеж Бараева ознаменовал собой «начало вооруженной борьбы между ваххабитами и тарикатистами (суфиями. — А.С.) в Чечне», причем, что характерно, чеченцы ваххабитов не поддержали.

Аналогичная история произошла и со вторжением отряда Шамиля Басаева в Дагестан. Дагестан, населенный множеством горских кланов, был еще более суфийским, чем соседствующая с ним Чечня, и воспринял вторжение ваххабитов как прямую

угрозу. Российские газеты в это время писали, что народы Дагестана поднялись как один, чтобы дать бандитам отпор. И это полностью соответствовало действительности. Правда, дело тут, видимо, было не в абстрактных «дагестанских народах». Просто так исторически получилось, что в суфийских братствах сложилась четкая иерархическая структура. Во главе каждого ордена стоял руководитель, шейх, носитель «божественной благодати», которому беспрекословно подчинялись рядовые члены братства — мюриды. Такая структура позволяла произвести быструю и масштабную мобилизацию, что суфийские ордены неоднократно демонстрировали в различных странах, поднимая своих мюридов в случае опасности со стороны властей.

Именно это, вероятно, и произошло в Дагестане. «Духовные управления мусульман всех северокавказских республик предприняли максимум усилий для того, чтобы воспрепятствовать проникновению ваххабизма. Сплоченность антиваххабитских сил привела к небывалому росту влияния суфийских шейхов, в том числе на светских политиков. Как иллюстрацию приведем тот факт, что глава правительства Дагестана Хисри Шихсаидов для апробации некоторых решений ездил к наиболее авторитетному шейху Саиду Чиркейскому. Местные муфтии, а также тарикатские лидеры действовали в союзе со светской администрацией, добиваясь запрета деятельности “ваххабитских организаций”. Итогом их общих усилий стало принятие в 1999 году закона “О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан”. Схожие документы были приняты и в некоторых других республиках⁶, после чего несколько ваххабитских миссионеров были выдворены из Чечни.

Экспансию ваххабизма на Кавказе остановили суфии. России, повторим еще раз, исключительно повезло, что именно суфийский ислам утвердился в свое время среди северо-кавказских народов. Такой ислам ориентируется прежде всего на духовные ценности. По оценке М.Рощина, «он неагрессивен, и понятие “джихад” трактуется в нем в плане личного стремления верующего к самоусовершенствованию». Кстати, и первым по-настоящему легитимным главой Чеченской республики стал Ахмад Кадыров, суфий, бывший муфтий Чечни, принадлежащий к одному из влиятельных тарикатов.

В общем, чеченский конфликт никак нельзя назвать исламистским. Это было чисто этническое противостояние — то, что раньше, в Советском Союзе, классифицировалось как «национально-освободительное движение».

Ислам в Чечне не был драйвером консолидации. По точной формулировке Р.Г.Ланды, «в Чечне ислам был псевдонимом национализма».

Вместе с тем Чеченская война выявила важный фактор, который начал оказывать существенное влияние на внутреннюю обстановку в стране.

Фактор тревожный, опасный и непредсказуемый.

Фактор, свидетельствующий о том, что в конце 1990-х — начале 2000-х годов в Россию пришел «другой ислам».

Другой ислам

Что такое «другой ислам»?

Прежде всего это ислам, принципиально отличающийся от российского.

Мы уже говорили, что, пребывая долгое время «внутри» России, то есть будучи изолированным от международных тенденций и, кроме того, находясь в немусульманской среде, российский ислам приобрел очень своеобразный статус. Он в значительной мере утратил универсальность и, впитав региональные микроспецифики, распался на этнические религии. Данное утверждение подтверждается хотя бы тем фактом, что мусульманские регионы РФ, вопреки «всемирной солидарности мусульман», не поддержали Чечню, когда там раздался призыв к джихаду против России. Правда, в 1999 году Государственный совет Татарстана принял закон

«О приостановлении на территории Республики Татарстан призыва граждан на военную службу», чтобы «вернуть из Дагестана солдат-татар, где они сражались против кавказских единоверцев», но, пожалуй, это был единственный случай такого рода, да и тот был позднее без особых проблем нивелирован. То есть в России действительно не образовалось единой исламской уммы, которая ощущала бы свою религиозную общность.

К тому же российский ислам не обрел политического характера. Он не сформировал свой собственный социальный проект, который обозначил бы цели и задачи ислама в современной России. Интерес к политике у россиян мусульманского вероисповедания вообще очень низкий. Российский ислам и в самом деле пребывает в состоянии летаргии. К тихой радости российских властей «политический ислам ... в России по большому счету не состоялся»⁷. Российский ислам, конечно, не вестернизировался ни по европейской, ни по американской модели, но и собственно российским, «своим», он тоже не стал — он как бы «ушел внутрь», инкапсулировался в мусульманских регионах России.

Совершенно иной формат имеет «другой ислам». Неудачные попытки модернизации Исламского мира породили такое явление, как исламизм, то есть ислам, претендующий на абсолютную полноту государственной власти. От российского ислама он отличается тем, что имеет конкретный проект — построение религиозного (исламского) государства, в правовой основе своей опирающегося на шариат. И даже не столько ограниченного национального государства, сколько — Всемирного халифата, не признающего национальных границ. А потому это ислам деятельностный, активный, апеллирующий не к этническому меньшинству, а к всеобщей исламской умме, представляющей собой неисчерпаемый людской ресурс. Более того, исламизм — это глобальный ислам: он действительно не признает ни границ государств, ни границ этносов, ни границ национальных культур. Мусульманские регионы России он рассматривает как Дар аль-ислам — канонические исламские территории, находящиеся под властью «неверных». Эти территории, по мнению исламистов, следует «освободить» — задача, к решению которой исламизм приступил где-то в середине 1990-х годов.

Трафиком просачивания исламистов в Россию стало исламское образование. К тому же традиционный российский ислам оказался катастрофически не готов к существованию в условиях религиозной свободы. Острее всего чувствовался дефицит квалифицированных кадров. В 90-х годах число мечетей и мусульманских общин в стране начало бурно расти, а подготовленных духовных наставников для них фактически не было. Не лучшим образом сказывались на ситуации и непрерывные «разногласия среди мусульманских религиозных деятелей, переросшие в открытую вражду и столкновения на почве борьбы за власть и обладание материальными ресурсами в верхах мусульманских общин... следствием чего стало падение авторитета духовных лидеров среди верующих»⁸.

В итоге «другой ислам» практически не встречал препятствий для своей деятельности в России. Пришествие его более походило на нашествие. «К 2000 году Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 6 исламских международных организаций различного направления: отделение Лиги исламского мира — региональное бюро Всемирной ассамблеи исламской молодежи; российский фонд "Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим" (Саудовская Аравия); отделение благотворительной организации "Международный гуманитарный призыв" (Объединенные Арабские Эмираты); отделение общественной организации — научного общества "Комиссия по научным знакам в Коране и Сунне"; отделение Исламского агентства помощи и спасения; отделение благотворительной организации "Исламик Релиф" ("Исламская помощь")»⁹. И это, разумеется, далеко не полный список локаций, где утверждался «другой ислам».

Зарубежные спонсоры финансировали строительство в России мечетей, открытие медресе, хадж российских мусульман в Мекку, издание исламской литературы, халяльные магазины, исламские школы, больницы и детсады, исламские средства массовой информации. Саудовская Аравия, например, финансировала ремонт Исторической мечети в Москве, открытие саудовской школы, где на арабском языке преподавались специальные религиозные дисциплины, создание Института исламской цивилизации, создание Университета исламской культуры, «который в короткое время стал массовым учебным заведением открытого типа», начал функционировать в Москве и Комитет мусульман Азии, финансируемый Кувейтом. Благодаря помощи богатых исламских стран, в основном, конечно, нефтяных монархий Аравийского полуострова, тысячи, а возможно, десятки тысяч российских молодых мусульман отправились в исламские университеты и учебные центры за рубежом, чтобы получить там богословское образование.

Все это, несомненно, заслуживало бы уважения и признательности, если бы не одно обстоятельство, до которого в те бурные годы просто никому не было дела. Ислам, начавший проникать по этим каналам в Россию, действительно был «другим».

Здесь присутствует определенная терминологическая невнятность. Активный ислам, стремящийся к политическим целям, в зарубежных исследованиях принято называть исламизмом. Однако поскольку в Россию в период Чеченской войны пришел именно ваххабизм, то теперь у нас этим термином называют любой радикальный ислам. Что, впрочем, как мы позже увидим, недалеко от истины.

Хороший критерий для выделения данного статуса предложил Р.А.Силантьев: «Сейчас под ваххабизмом понимается не конкретная и четко выраженная религиозная идея, а совокупность идеологий исламского происхождения, проповедующих крайнюю нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим. И оправдывающих их убийство. Проще говоря, традиционные мусульмане уживаются с представителями иных исповеданий, а ваххабиты — нет»¹⁰. Дополняет это определение Висхан Халидов, который считает, что «центральное место в идейной платформе сторонников ваххабизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата». Власть, по мнению ваххабитов, исходит лишь от Аллаха и потому «не может быть поделена между Богом и человеком. Любой нерелигиозный деятель, претендующий на власть, является врагом Аллаха и мусульман, и против него и ему подобных необходимо вести джихад, так как их власть — это тагут (идол). Мусульмане же, признающие любую небожественную власть и живущие по её законам, ...являются «неверными».

В этом смысле мы и будем использовать данный термин.

Естественно, что такой «резкий ислам» вступил в конфликт и с традиционным российским исламом, и со светскими властями России, особенно в исторических исламских республиках.

И это было только начало. В сентябре 1999 года произошли террористические акции в Москве и Волгодонске. «Во взрывах жилых домов погибло более 200 человек, сотни получили ранения. Главным подозреваемым в организации террористических актов стал уроженец Узбекистана Денис Сайтаков, шакирд (то есть студент. — А.С.) набережночелнинского медресе “Йолдыз”. В ходе расследования выяснилось, что еще 2 сентября 1993 года руководство медресе подписало договор о сотрудничестве в сфере обучения и воспитания учащихся с саудовской благотворительной организацией “Тайба”, фактически передав ей управление образовательным процессом. На деле “Тайба” оказалась вербовочной структурой исламских экстремистов, которая за 6 лет воспитала из студентов медресе несколько десятков боевиков. Похожая ситуация сложилась и в подчиняющемся Бугурусланскому муфтияту медресе “Аль-Фуркан”, в котором учился еще один подозреваемый по делу о взрывах — Руслан Ахмяров, уроженец находящегося в Мордовии татарского села Белозерье»¹¹.

В течение 1990-х годов ваххабизм проникал в Татарстан медленно, но неуклонно.

Разумеется, сказывалось влияние Северного Кавказа, где это все началось, но, по мнению некоторых исследователей, заметную роль здесь играла и финансовая поддержка из-за рубежа, в основном со стороны Саудовской Аравии и Катара. Противостояние ваххабизма с традиционным исламом непрерывно усиливалось, шла борьба за умы и ожесточенное сражение за мечети...

К сожалению, такая ситуация складывается не только в Казани. В сюжете «Первого канала» от 26 мая 2013 года было сказано, что число радикал-исламистов в России превысило 700 тысяч человек, а их вербовочные и учебные центры работают чуть ли не во всех регионах. Причем наиболее мощные, помимо Северного Кавказа, действуют в Татарстане, Башкирии, Мордовии, Саратовской, Оренбургской, Пензенской и Нижегородской областях. Цифра в 700 тысяч кажется нам сильно преувеличенной, и все же нельзя не согласиться с экспертами, которые утверждают, что наблюдается «растекание» радикального исламизма по всей России.

Особенно трудная ситуация складывается сейчас на Северном Кавказе. Напомним: в годы Чеченской войны Северный Кавказ отверг ваххабизм. Однако вода капля за каплей точит и камень. Ныне радикальный ислам начинает постепенно укореняться в северо-кавказских республиках. Прежде всего — в Дагестане и Ингушетии, но также — в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Причины этого вполне понятны. Их достаточно подробно анализирует в И.П.Добаев в книге «Радикализация ислама в современной России». Это клановая система власти, сложившаяся на Кавказе в течение 1990-х годов, которую можно охарактеризовать как этноэтатизм или локальную этнократию. Выражаясь проще, все властные и экономические сегменты в этих республиках поделили между собой родовые кланы, которых на Кавказе неисчислимо множество, и управляют они своими «вотчинами» такими же родовыми, часто криминальными, методами. Борьба между ними идет в основном за распил бюджета. В результате — застой, все социальные лифты блокированы, в республиках процветают коррупция и nepотизм. Вклад Северо-Кавказского федерального округа в российскую экономику вообще весьма незначительный. Бюджеты кавказских республик на три четверти являются дотационными. Соответственно, уровень жизни там очень низкий. Хотя вот удивительный факт, относящийся к Дагестану: «Республика производит впечатление разоренной, хотя там полно миллионеров». И специалисты указывают, что парадокс Кавказа заключается «в том, что там невозможно жить нормально, не являясь частью клана».

Экстремальные проявления всего этого заметны невооруженным глазом. Если с середины 2000-х годов собственно «чеченский терроризм» явно пошел на спад, что объяснялось очевидной нормализацией жизни в республике, хотя отдельные эксцессы там случаются до сих пор, то террористическая активность в других республиках Северного Кавказа неуклонно растет.

Меры, принимаемые российскими службами безопасности, конечно, сдерживают эту волну, но погасить ее полностью не в состоянии. Она порождается самой ситуацией, сложившейся на Кавказе. В результате те спецоперации, которые проводятся силовыми структурами, срезают только «вершки», но корни остаются в земле и непрерывно дают новые всходы. А потому некоторые эксперты не без оснований считают, что в настоящее время на Кавказе образовался «самостоятельный террористический кластер, входящий в сетевую структуру международного терроризма». Разумеется, это не означает, что такой «кластер» охватывает собой весь Кавказ. Подавляющее большинство проживающих там мусульман отрицательно относится к радикалам. Но ведь, как показывает мировой опыт, даже «точечные», малочисленные организации террористов могут дестабилизировать ситуацию. Причем, как отмечает И.П.Добаев, вызывает особую тревогу то, что «расширяется география обнаружения схронов боевиков. В 2009 году впервые они были обнаружены на территории Адыгеи, Калмыкии и Астраханской области». Радикализуются также Поволжье и Татарстан.

«Не вызывает никаких сомнений, — заключает И.П.Добаев, — что вслед за расширением ареала распространения объектов тылового обеспечения терроризма мы можем стать свидетелями осуществления собственно террористических актов на этих территориях».

И вот здесь перейдем к самому главному. Основной ударной силой северо-кавказских «террористических джамаатов»¹² является молодежь. Насколько можно судить, эта тенденция сохранится и в будущем, поскольку рождаемость в республиках Северного Кавказа по-прежнему остается высокой. Так вот, борьбу за умы и сердца молодежи и светские власти северо-кавказских республик, и сросшийся с ними традиционный ислам явно проигрывают. Действительно, что они могут предложить молодым поколениям? Обе эти структуры ориентированы на то, чтобы все оставить как есть. Их вполне устраивает ситуация распила «бюджетной ренты», и никаких изменений, никаких стратегических преобразований они не хотят.

«Другой ислам» в этом смысле предлагает гораздо более привлекательную перспективу: романтику революционной борьбы за построение «справедливого исламского общества». Романтику грандиозной битвы против «всемирного зла». Романтику преобразования мира, погрязшего в грехе, неверии и коррупции. Молодой человек, приходящий в террористический джамаат, начинает ощущать себя мужественным борцом за правое дело. Жизнь его обретает высокий, почти божественный смысл — то, чего не может дать ему скучный и догматический традиционный ислам. А поддерживают его в этом убеждении и радикальная литература, поставляемая из-за рубежа, и эффектные ролики об акциях джихадистов, непрерывно распространяемые в сетях. Это лишь с точки зрения американцев, европейцев и россиян данные акции являются преступлением. А с точки зрения многих верующих мусульман — это самоотверженная атака исламских героев на всепожирающее отвратительное чудовище, каковым в их глазах является западный мир, к которому принадлежит и Россия.

В общем, напрашивается не слишком приятный вывод: в Россию медленно, но упорно просачивается зарубежный радикальный ислам, который пытается сдвинуть традиционный российский ислам в сторону экстремизма. Силловые методы противостояния этой тенденции неэффективны: они частично элиминируют следствия, но не устраняют причин. Расползание радикального исламизма в России, видимо, будет происходить и дальше. Огонь будет тлеть под землей, незаметно захватывая все новые и новые территории.

Ситуация выглядит тем более угрожающей, что как раз за последнее десятилетие в России начал накапливаться взрывоопасный, чрезвычайно горючий материал, могущий вспыхнуть от малейшей искры.

Радикальный ислам получил неожиданное расширение.

В Россию хлынули миллионы этнических мусульман из стран Средней Азии.

Пламя из-под земли

Пламя всегда прорывается неожиданно.

В октябре 2005 года во Франции совершенно внезапно разгорелась настоящая битва, которую в прессе тут же назвали «восстанием предместий». В социально неблагополучных районах Парижа вышла на улицы иммигрантская молодежь. Битва мгновенно разрослась до грандиозных масштабов. Волнения из Парижа распространились на Бордо, Ренне, Тулузу и Лилль, пострадали также Марсель, Нант, Страсбург, Дижон. День за днем демонстранты громили магазины, административные здания, школы, поджигали автомобили и общественный транспорт, вступали в яростные схватки с полицией. Подавить беспорядки удалось с громадным трудом: были мобилизованы спецчасти, введены цензура и комендантский час, полиция

арестовала около трех тысяч человек — многие потом были высланы из страны. И все равно через пару лет, в 2007 году, аналогичные беспорядки вспыхнули во Франции вновь.

А в августе 2011 года прогремел на весь мир колоссальный погром, произошедший в Англии. Начался он в лондонском районе Тоттенем, в основном заселенном представителями африкано-карибской общины, но распространился со скоростью лесного пожара. Волнения охватили Бирмингем, Бристоль, Глостер, Ливерпуль, Манчестер и Ноттингем. И опять — демонстранты громили магазины и рестораны, поджигали автомобили и мусорные бачки, бросали «коктейли Молотова», ожесточенно сражались с полицией. Интересно, что толпы молодежи, носившиеся по улицам, кричали: «Справедливости! Справедливости!» — и во исполнение этого крушили все, что попадалось на их пути. Парадокс: мигранты из Третьего мира восстали против принявшей их страны. Пламя вырвалось там, где его ждали меньше всего.

Франция и Англия исключением не явились. Этнические коллизии, достигающие высоких температур, выбрасывали протуберанцы в Германии, Италии, Дании, Швеции. Фактически вся Европа почувствовала колебания почвы. А в Соединенных Штатах на фоне волнений, вызванных убийством чернокожего подростка полицией в августе 2014 года, начали оживать призраки расовых сражений конца 1960-х годов. Тогда, после убийства Мартина Лютера Кинга, на Америку словно обрушился гигантский «черный тайфун»: пылали подожженные здания в Вашингтоне, Балтиморе, Луисвилле, Чикаго, волнения охватили более тридцати городов, бушующие демонстрации рвались к Белому дому — на лужайках вокруг него строились укрепления и размещались гнезда пулеметных команд.

Ответ «титulyных европейских наций» последовал незамедлительно.

Еще в 2002 году, вероятно как эхо трагедии 11 сентября, вышла книга Патрика Дж. Бьюкенена «Смерть Запада», где бывший советник президентов Никсона и Рейгана, сам бывший кандидат в президенты от республиканской партии США, предрек гибель Западной цивилизации, главными врагами которой он назвал коммунистов, негров и «голубых» — в расширительном смысле всех тех, кто не входит в белое, христианское, англо-саксонское этническое ядро. Рецепт спасения, предлагаемый Бьюкененом, был прост. Это возрождение истинно христианских ценностей, возвращение белых американцев к незыблемым патриархальным основам общества и семьи. Автор исключительно точно выразил дух эпохи. Титulyные нации Запада действительно почувствовали нарастающую угрозу. Резко увеличилось влияние в них националистических организаций, и свою реальную силу они продемонстрировали в 2014 году, добившись серьезного успеха на выборах в Европарламент. Не считаться с мнением избирателей было уже нельзя. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила о провале политики мультикультурализма, Швейцария, вроде бы являющаяся образцом гражданских прав и свобод, запретила дальнейшее строительство у себя мечетей, правительства Италии и Великобритании, отринув все гуманистические декларации, потребовали ограничить въезд иммигрантов в Европу, причем Англия пригрозила, если эти требования выполнены не будут, вообще выйти из состава ЕС, что и подтвердила на сенсационном референдуме 2016 года.

Все это оказалось полной неожиданностью для западных политиков, хотя развивался вполне очевидный, логичный и прогнозируемый процесс. В результате послевоенного экономического подъема на Западе образовался обширный и зажиточный средний класс, который стал в массовом порядке отказываться от тяжелого, грязного и непрестижного физического труда. С другой стороны, в развитых западных странах начался масштабный демографический переход. После закономерного «бэби-бума», вызванного возвращением миллионов мужчин с фронтов Второй мировой войны, уровень рождаемости на Западе стал неуклонно снижаться, что еще больше обострило дефицит работников в тех самых непрестижных профессиях. Начался интенсивный

импорт рабочей силы из-за рубежа, в основном из стран Третьего мира, что тогда казалось решением всех проблем.

Однако довольно быстро выяснилось, что, в отличие от прежних мигрантов, которые были тише воды, ниже травы, новые пришельцы с Востока и Юга ни «растворяться» в западной среде пребывания, ни мимикрировать в ней не хотят, они отвергают не только ассимиляцию, но и аккультурацию, и, концентрируясь в замкнутых этноконфессиональных сообществах, воспроизводят тот образ жизни, к которому привыкли в своей стране. В итоге образовались в западных городах китайские, турецкие, арабские, пакистанские, вьетнамские, индийские и другие анклавы, внутри которых поддерживаются соответствующие этнические традиции и законы. Полиция зачастую предпочитает там не показываться. Коренное (титульное) население тоже обходит их стороной. Исторически ситуация как бы вывернулась наизнанку: раньше белые (западные) поселенцы строили на «диких землях» фактории, где выменивали у аборигенов пушнину и золото на стеклянные бусы, «огненную воду» и дешевый текстиль. Теперь бывшие «аборигены» организуют свои независимые поселения на землях Запада и осваивают эти новые территории всерьез и надолго.

Национальные и социальные трудности беднейших регионов планеты были таким образом перенесены внутрь западных стран, и вполне естественно, что через некоторое время последовал взрыв.

Ну а когда в результате хаоса, воцарившегося на Большом Среднем Востоке, в Европу хлынули миллионы беженцев, желавших остаться там навсегда, а вместе с ними — и даже немного раньше — пришел туда же «активный ислам», стало ясно, что ситуация уперлась в глухой тупик и выхода из этого тупика не может предложить ни один европейский политик.

Примерно такой же сюжет разворачивается сейчас и в России. Как эффект радикальных реформ 1990-х годов в стране начался устойчивый экономический рост, уровень жизни большинства россиян ощутимо повысился, и в исполнении тех же закономерностей в Россию хлынули трудовые мигранты из стран Ближнего зарубежья. Сколько их тогда оказалось в стране, никто не знает. По данным главы Федеральной миграционной службы РФ, в 2012 году в России официально работали около 2,3 миллионов мигрантов, при этом, по его же словам, число нелегальных мигрантов могло достигать уже 4 миллионов человек. Впрочем, согласно подсчетам ООН за 2013 год, мигрантов в России было значительно больше — около 11 миллионов. Особенно выделялись приезжие из постсоветских среднеазиатских республик, резко отличающиеся от россиян по культуре и языку. Причем положение их в России было гораздо хуже, чем в государствах ЕС. Здесь присутствовали и чудовищная эксплуатация без соблюдения каких-либо цивилизованных норм, и совершенно жуткие условия жизни — чуть лучше тюрьмы, и жесткий прессинг со стороны полиции, и непрерывные поборы, взимаемые всеми, кто представлял собой хоть какую-нибудь власть. Пресса не раз отмечала, что к среднеазиатским мигрантам в России относятся как к рабам, которые не имеют никаких человеческих прав.

Конечно, импорт дешевой рабочей силы был полезен для экономики, но он сразу же обострил этническую ситуацию в самой России. Сначала с удивлением, затем с оторопью и наконец с испугом наблюдали «русские россияне», как все больше «чужих» появляется на улицах городов, как все громче звучит вокруг них «чужая» речь, как таджики, узбеки, туркмены становятся строителями, дворниками, сантехниками, водителями городского транспорта, как грузины, армяне и азербайджанцы, а также народы северо-кавказских республик, которых «русский человек» также воспринимал как «чужих», заполняют магазины и рынки, вытесняя оттуда «истинных россиян».

Заметим, что именно в этот период, после распада СССР, в России начала складываться новая российская нация, примеривавшая на себя размерность своих новых этнокультурных границ, причем «русскость» образовывала базовый ее компонент,

а формирование нации всегда сопровождается повышением этнической температуры и инстинктивным — на уровне подсознания — отделением «своих» от «чужих». «Чужие» в такой момент всегда воспринимаются как угроза, особенно если они появляются на земле, которую титульная нация считает изначально своей. К тому же, в России, как и в Европе, наличествовало дополнительное обременение: с повышением качества жизни здесь начался стандартный демографический переход, уровень рождаемости россиян упал до рекордно низких значений, не обеспечивающих даже простое воспроизводство нации. Ареал «русскости» начал заметно сжиматься. Отсюда такие явления, как гипертрофированный этнический патриотизм и сопровождающая его ксенофобия — первобытная, «биологическая» реакция на «чужих». Тем более что подобные настроения раздувала желтая пресса, где непрерывно появлялись статьи о «вымирании русской нации», о «вытеснении ее азиатами» и о том, что преступность среди мигрантов заметно выше, чем среди титульного населения. Все это, разумеется, породило и соответствующие этнические аффекты.

С другой стороны, мигранты из Средней Азии, а также из Закавказья, подобно «титульным» мусульманам России, образовали нечто вроде параллельной реальности, опять-таки «мир иной», о котором большинству россиян практически ничего не известно. Они, несомненно, присутствуют: Москва, например, по количеству проживающих в ней этнических мусульман уже давно стала самым крупным мусульманским городом не только в России, но и во всей Европе, в некоторых районах ее «есть школы, где 50% учащихся представляют нерусские и неславянские этносы», что побуждает администрацию школ фактически вводить новый предмет: «русский — как иностранный язык». С другой стороны, их как бы и нет: в отличие от Европы, мигранты в России почти не образуют этнических городских анклавов (хотя такая тенденция сейчас наблюдается в отдельных больших городах, что создает опасность реальной этнической сегрегации) — они пока предпочитают ассоциироваться в некие своеобразные общности, которые можно охарактеризовать как «виртуальный Таджикистан», то есть у них имеются свои кафе, свои вечерние клубы, свои спортивные секции, свои мелкие культурные организации, куда «местному населению» вход закрыт. Ведь при нынешних мгновенных коммуникациях, которые обеспечивает интернет, чтобы быть вместе, необязательно жить рядом. То есть возникает невидимая обычным глазом инфраструктура, способная к быстрой мобилизации всех «своих».

Особое значение в такой ситуации приобретают незарегистрированные молельни, образуемые, как правило, на частных квартирах или в снятых домах. Количество их учету не поддается, и они далеко не всегда попадают в поле зрения официальных властей. Правда, эти молитвенные дома разделены по национальному признаку: узбеки — отдельно, таджики — отдельно, однако, как отмечает Т.Г.Туманян, такие именно «джамааты», «неподконтрольные признанным духовным институтам, в частности, Духовному управлению мусульман, становятся центрами распространения радикальных течений ислама».

Реакция местных властей на эти явления чисто формальная. Работа ими ведется в основном с официально зарегистрированными землячествами и осуществляется главным образом в виде «этнических праздников», приуроченных к тем или иным памятным национальным датам. Но ведь что такое землячество? Это группы «традиционных мигрантов», которые уже давно и прочно вписались в российскую жизнь. Характеризуя подобные землячества в Петербурге, В.А.Ачкасов пишет, что они состоят «из хорошо интегрированных и достигших определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцев, которые в свободное от основной работы время могут позволить себе быть <например> “азербайджанцами”... Одни из них сделали этничность своим хобби, другие — профессией. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы “всех азербайджанцев Петербурга”, выступать в качестве посредников между диаспорой и государственными/городскими властями». Однако прочных связей с «новыми» трудовыми мигрантами у них практически нет, и хотя они

выступают как бы от имени своего народа, но сам «народ» об этом представления не имеет. Лидеры этих общин довольно часто просто стремятся стать государственными чиновниками, числящимися, пусть неформально, «по этнокультурному ведомству».

Что же касается деятельности российских правоохранительных органов, то они весьма слабо разбираются в нюансах исламских религиозных течений, а потому каждый незарегистрированный молитвенный дом рассматривают как потенциальное прибежище «ваххабизма», ну и — берут его на учет, ну и — принимают соответствующие меры. Результат, как отмечает Р.Г.Ланда, прямо противоположен намерениям — «под подозрение (и репрессии) попадают десятки тысяч людей, превращаемых во «врагов государства»», что, разумеется, «льет воду на мельницу “миссионеров-ваххабитов”». Порой местные власти сами создают себе врагов в среде мусульман. А.И.Маточкина, исследовавшая исламское образование в Санкт-Петербурге, приходит к выводу, что «государственные власти очень настороженно относятся к деятельности исламских религиозных центров, опасаясь экстремистской деятельности. В связи с этим по любому анонимному доносу общественная <исламская> организация может быть подвергнута обыску, проверке документов и изъятию имущества, как это было в случае с Исламским культурным центром и его руководителем Мухаммадом Хенни в 2007 году».

Складывается ощущение, что в России образуется своего рода порочный круг: негативное отношение россиян к мигрантам из Средней Азии выталкивает последних в пространство «параллельной реальности», они, может быть, и хотели бы, но не имеют возможности вписаться в обыденную российскую жизнь. А пребывая в «мире ином», они еще больше этнизируются, исламизируются, изолируются и, в свою очередь, вырабатывают устойчивое негативное отношение к враждебной российской среде.

Таким образом накапливается взрывоопасный материал.

Причем запалом для него может послужить ситуация в среднеазиатских республиках, колеблющихся сейчас, как нам представляется, на грани глобального хаоса. Политические системы новых государств Средней Азии, по оценке политологов, обычно колеблются между «диктатура» и «жесткая диктатура». Прогноз, как нам кажется, вполне очевиден. Авторитарные режимы исторически обречены. За прошедшее столетие количество их в мире резко уменьшилось. В начале XXI века такие режимы могут стабильно существовать лишь при одном условии: если авторитарная власть обеспечивает своим гражданам высокий уровень жизни, как это, например, происходит в нефтедобывающих странах Персидского залива. Если же авторитарная власть не может обеспечить соответствующих стандартов, если страна не имеет привлекательных перспектив, то рано или поздно в ней происходит социальный взрыв — как правило, совершенно неожиданный для властных элит. Именно к такому взрывоопасному рубежу приближаются сейчас постсоветские республики Средней Азии — события здесь с большой вероятностью могут пойти по сценарию «арабской весны». Тем более что, благодаря интернету и телевидению, примеры ее, несмотря ни на какую цензуру, перед глазами. А учитывая клановые (этнические) противоречия, существующие на местах, можно полагать, что пертурбации в этих странах будут долгими и масштабными. Это, в свою очередь, означает, что в Россию хлынут уже не трудовые мигранты, а миллионы беженцев, спасающихся от беспорядков и войн. Россия может оказаться в той же ситуации, что и нынешняя Европа, задыхающаяся от беженцев из Сирии, Сомали, Судана, Эфиопии, Эритреи.

Правда, в отличие от Европы, Россия не сможет обеспечить их ни работой, ни пособиями, на которые можно будет хоть как-то существовать. То есть она столкнется с почти неразрешимой проблемой.

Таков наш прогноз.

К сожалению, не слишком оптимистический.

Но, к еще большему сожалению, никакого другого прогноза у нас пока нет.

Срединные земли

Российский ислам трансформируется. Из ислама пассивного, мирного, этнического, каковым ислам был в период Российской империи и СССР, он становится активным, организованным, осознающим себя, постепенно пропитываемым идеями политического исламизма.

К тому же этот процесс усиливается отчетливой этнической сепарацией, которая развивалась в России еще с начала 1990-х годов. Суть ее заключается в следующем. В связи с этническими конфликтами, вспыхнувшими после распада СССР, русское население стало уходить из многих национальных республик и «титульные нации» постепенно оказались там в большинстве. Это прежде всего семь республик Северного Кавказа, причины чего, конечно, понятны, далее — Татарстан (где русские составляют сейчас 39,7 процента), Башкортостан (русские — 36,1 процента), Калмыкия (30,2 процента), Тува (16,3 процента), Чувашия (26,9 процента) и Якутия (37,8 процента). Вряд ли ситуация здесь изменится в ближайшие годы. Скорее, наоборот. И вообще, учитывая более высокий уровень рождаемости в среде национальных меньшинств, эта этническая асимметрия будет лишь нарастать. То есть за последние десятилетия в России произошла ощутимая национализация национальных республик, а в религиозных координатах это означает, что мусульманские республики Российской Федерации стали еще более мусульманскими.

В дополнение к сказанному один многозначительный штрих. Петербургская журналистка, бывающая по делам в Дагестане, рассказывала мне, что там, желая сделать гостю приятное, заверяют: «Мы любим вашу Россию». Любопытная этническая аранжировка. Россия «наша», но дагестанцы отнюдь не считают ее своей. Нет границ, виз, таможен, бери билет на поезд и поезжай, и все равно — это как бы некая другая страна, лежащая за пределами их родины.

Именно так в некоторых национальных республиках «русскую Россию» и воспринимают.

Она для них — другая страна.

Здесь кроется очень серьезная стратегическая проблема, означающая, что общегосударственной идентичности в России пока что нет. Нация «россияне» по-настоящему еще не сформировалась: малые этносы до сих пор воспринимают российскость только как русскость и в значительно меньшей степени относят ее к себе.

Надо заметить, что это тревожный признак. Вспоминается анекдот советского времени — объявление на грузинском вокзале: «Поезд Тбилиси — Советский Союз отправляется через пять минут». Напомним, что Грузия как республика тогда входила в состав СССР, и о том, что она превратится в независимое государство, никто даже не подозревал. Однако прошли годы, и анекдот стал реальностью. Не стали бы реальностью и слова неизвестного дагестанца.

Мы вовсе не пытаемся провозгласить эффектное апокалипсическое пророчество. Сейчас, в период относительного экономического благополучия, пусть даже подорванного санкциями и низкой ценой на нефть, этнический, как, впрочем, и религиозный, потенциал национальных российских республик реализуется в основном в сфере культуры. То есть он имеет по большей части декоративный характер. К тому же недавний пример Чечни показал, что плата за попытку выхода из состава России может быть чересчур велика: начнутся, бомбежки, зачистки, теракты, кровавый хаос со множеством человеческих жертв. То же самое сейчас демонстрирует и Донбасс. Однако в случае сильного ухудшения экономической ситуации, вероятность чего для России значительно выше нуля, в случае резкой дискредитации и ослабления центральной власти та же этничность может быть представлена в виде агрессивных

национальных проектов, связанных прежде всего с обретением собственной государственности. И в этом случае трансформированный и активный ислам — точнее ислаимзм, провозглашающий новую справедливую общность, — может стать завораживающей идеей мусульманских республик.

Может повториться история времен распада СССР: из России уйдут многие национальные образования. Иллюзия, что в бедствиях нации всегда виноват кто-то «другой», по-прежнему очень сильна. Следует также иметь в виду, что мировой практике известны случаи успешных сепаратистских проектов даже тогда, когда титульная нация изначально находилась на своей территории в меньшинстве, или — в незначительном большинстве.

Конечно, в настоящий момент ни крупных этнических, ни крупных религиозных конфликтов в России нет. Страна пребывает в состоянии не слишком устойчивого равновесия. Его также можно охарактеризовать как состояние высокой неопределенности: национальные элиты как бы устраивает нынешнее положение дел, о сепаратистских тенденциях никто вроде бы не помышляет. Но мы не случайно начали эту главу с метафоры о подземном пожаре. Открытого огня действительно нет, но запах гари, запах скрытого тления тем не менее ощущается. Хуже всего, что в России накапливается горючий материал, могущий заполыхать в любое мгновение.

Означает это только одно. Россия ныне находится в периоде исторического транзита. Она еще не обрела подлинного внутреннего единства. Она представляет собой не столько целостное и «естественное» государство, сколько полиэтнический конгломерат, скрепленный — чисто формально — общностью внешних границ.

В таком же транзитном, промежуточном состоянии находится сейчас и российский ислам.

Что-то в нем необратимо меняется. Что-то формируется — буквально в данный момент.

Что именно — не слишком понятно.

Пока Срединные земли пребывают в спокойствии.

Надолго ли это?

Кто знает...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/>.

² Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. — М., 2007. С. 5.

³ Малащенко А. Ислам для России. — М., 2007. С. 17—19.

⁴ Перипетии этой борьбы подробно описаны в книге Романа Силантьева «Новейшая история ислама в России». — М., 2007.

⁵ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. — М., 2005. С. 168.

⁶ Малащенко А. Два несхожих ренессанса // «Отечественные записки». № 5. 2003.

⁷ Малащенко А. Два несхожих ренессанса.

⁸ Ковальчук А. Устройство и структура исламских организаций // «Отечественные записки». № 5. 2003.

⁹ Ковальчук А. Международные исламские организации. // «Отечественные записки». № 5, 2003.

¹⁰ Силантьев Р. Россия ваххабитская. Современное исламское сообщество — terra incognita? // «Наше время». № 134 от 07—13 сентября 2009. С. 18.

¹¹ Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. С. 103.

¹² Джамаат (араб.) — общество, коллектив, союз, община. Объединение группы мусульман для совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов и взаимопомощи.

Михаил Румер-Зараев

СЫНОВЬЯ АВРААМОВЫ

Еврейско-арабский симбиоз: столетия связей и противоречий

Для начала определимся с термином. Симбиоз — слово, заимствованное из биологии. Оно означает длительное сожительство организмов разных видов, обычно приносящее им взаимную пользу, — скажем, сожительство гриба и водоросли, которые вместе образуют лишайник, или рака-отшельника и кораллового полипактинии, живущей в его раковине. Применительно к народам этот термин означает пребывание одного народа в среде другого, правда, не всегда приносящее пользу обоим.

Три цивилизации. У евреев — народа рассеяния — такое сожительство проходит через всю его историю. С кем только им не приходилось сожительствовать. А если мыслить цивилизационными категориями, то можно назвать три великие цивилизации, с которыми еврейский народ вступал в контакт, после того как создал собственную уникальную культуру.

Уходя в древность, назовем прежде всего греческую цивилизацию, с которой евреи соприкасались в разных эллинистических государствах почти тысячу лет. В Палестине во II веке до н. э. важным эпизодом этого общения было восстание Маккавеев, ставшее следствием попыток эллинизации страны. Проявлением греко-еврейского симбиоза был написанный по-гречески Новый Завет. И хотя иудаизму с ним пришлось расстаться, значительную часть этого творения следует рассматривать как продукт еврейского гения. На греческом писались сочинения еврейского философа Филона Александрийского, во многом ставшие основой средневекового мировоззрения, исторические труды Иосифа Флавия.

Вторая такая великая цивилизация — арабо-мусульманская, симбиоз с которой на протяжении многих столетий, собственно говоря, и станет предметом нашего разговора.

И, наконец, третья цивилизация — романских и германских народов Западной и

Румер-Зараев Михаил Залманович — прозаик, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Долгие годы работал в российских газетах и журналах «Московская правда», «Сельская жизнь», «Огонёк», «Век». Автор книг: «Семейное поле», «По следам Смоленского архива», «Сошествие в ад», «Одиночество власти». В настоящее время живет в Берлине, где редактирует русскоязычную газету. Последние публикации в «ДН»: «Столыпинский проект. Почему не состоялась русская Вандея» (№1, 2012); «Другая жизнь и берег дальний» (№ 11, 2012); «Возвращение на землю. История о том, как один крестьянин сто горожан прокормил» (№ 3, 2014).

Центральной Европы, единение с которой у евреев началось тысячу лет назад и достигло высшей точки в конце XIX — начале XX века. Этот симбиоз привел к таким трагическим событиям еврейской истории, как изгнание евреев из Испании в конце XV века и Холокост, проведенный Германией в середине XX века. Но он же породил такие культурные явления, как языки ладино — на романской основе и идиш — на немецкой.

К началу XIX века на идише говорило большинство еврейского народа, и это объясняет то обстоятельство, что родственный идишу немецкий язык вплоть до конца Первой мировой войны стал литературным средством еврейской культурной и общественной деятельности. Ведь даже сионистские конгрессы проводились на немецком языке.

Результатом еврейско-немецкого симбиоза можно считать и Гаскалу — еврейское просветительское, культурное и общественное течение, возникшее в Германии в середине XVIII века и выступавшее против культурно-религиозной обособленности еврейства. Его ведь недаром называли берлинским просвещением.

В сущности, и российские евреи с их ментальностью, культурой, русским языком, сменившим идиш предков, являются следствием движения восточно-европейских евреев в Польшу, а затем в Россию и стало быть порождением российско-еврейского симбиоза.

Набатен. Вернемся, однако, к заявленной теме — еврейско-арабскому симбиозу. Есть такая точка зрения, что арабская история начинается с возникновения ислама, деятельности его пророка Мухаммада и последовавших арабских завоеваний, так же как еврейская история начинается с деятельности Моисея, исхода из Египта и последовавшего завоевания Ханаана.

Заметим, однако, что большинство образованных европейцев, если их спросить о степени близости евреев и арабов, скажут, что те и другие принадлежат к семитской расе. Но слово «семитский» было придумано в конце XVIII века для обозначения группы близкородственных языков, из которых тогда наиболее известными были иврит и арабский.

Это слово происходит от имени Сима или Шема, одного из трех сыновей библейского патриарха Ноя. Однако в Библии иврит называется «сефат Кнаан» — язык Ханаана, так как на нем говорили обитатели Палестины еще до завоевания ее израильскими племенами, что подтверждается археологическими раскопками.

Хананеи же в Библии рассматриваются как потомки другого сына Ноя — Хама, следовательно, иврит должен был бы называться не семитским, а хамитским языком. Тем не менее чисто лингвистический термин «семитский» стал обозначать расу с определенными физическими, психологическими и социальными особенностями.

Между тем общее расовое происхождение народов, говорящих на семитских языках, с точки зрения некоторых ученых вообще безосновательно, а сам миф о семитской расе по их мнению псевдонаучен.

Больше реальных оснований, полагают они, у популярного представления, что евреи и арабы являются двоюродными братьями, потому что происходят от Исаака и Измаила — сыновей Авраама, хотя в Библии нет свидетельств, что Измаил был праотцом арабов, в то время как Мухаммад сделал это утверждение краеугольным камнем своей веры.

Измаил, очевидно, было название древнего племени, которое вскоре исчезло из истории, и потому слово «измаильяне» стало употребляться в Библии как общее обозначение обитавших в пустыне скотоводов, которые занимались набегами или

водили караваны. К ним принадлежали мидианиты, которым был продан библейский Иосиф.

Термин «измаильтяне» охватывал и набатейцев — арабов, говоривших на арамейском языке, распространенном на всем Ближнем Востоке, с которыми евреи поддерживали деловые отношения в период Второго храма.

Между III веком до н. э. и I веком н. э. они населяли территории современных Иордании, Южной Сирии, Северной Аравии, пустыни Негев, Синайской пустыни. Между 70-ми годами II века до н. э. и 106-м годом н. э. они создали довольно крупное государство, которое состояло в самых тесных отношениях, то дружественных, то враждебных, с евреями в судьбоносные времена Маккавеев и правления Ирода. Это было первое в истории арабское государство, жители которого перешли от кочевого существования к оседлому и занимались сельскохозяйственным трудом подобно их соседям-евреям.

В конце концов оно было завоевано римлянами и превращено в одну из римских провинций с тем, чтобы окончательно исчезнуть с арены мировой истории. Память о нем носит разве что археологический характер. Она запечатлена в древнем городе Петре — столице набатейского царства, ставшей архитектурной достопримечательностью Иордании, посмотреть которую съезжаются туристы со всего света.

После распада Набатейского царства бедуины Северной Аравии начинают захватывать горные сельскохозяйственные и высокоразвитые области Южной Аравии (там, где сейчас Йемен), поглощая ее древнее население и формируя людские ресурсы, которые впоследствии понадобятся для арабского завоевания Ближнего Востока.

Постепенно мы подходим к ставшему ключевым событию арабской истории — возникновению ислама.

Возникновение ислама. Итак, VII век. Главные события на сцене мирового политического театра разворачиваются в столкновении Византии и Персидской империи Сасанидов. Эта война продолжалась 19 лет, и обе стороны рассматривали ее как сражение между двумя мировыми религиями — христианством и зороастризмом, который тогда исповедовали персы.

Речь шла о борьбе не столько за преходящие политические выгоды, сколько за торжество абсолютной истины, как она виделась каждой стороне. И недаром византийская армия шла на персов, неся впереди себя иконы Христа и Богородицы — как знаки небесной помощи. Но при этом на кону стояли такие весьма важные и для той и для другой стороны земли, как Анатолия, Сирия, Палестина, Египет, Месопотамия, Армения... Они переходили из рук в руки, но в конце концов византийский император Ираклий вторгся со своим войском в Персию и разгромил армию царя Хозроя близ Ниневии. А дальше произошло событие, не замеченное никем из современников, но оказавшееся миной замедленного действия, взорвавшейся через двадцать лет и изменившей силой своего взрыва политические очертания всего Древнего Востока.

Когда Ираклий в 629 году принимал поздравления с победой от разных владык, в Константинополь пришло письмо от некоего арабского шейха Мухаммада, объявившего себя Божьим пророком и призывавшего императора принять его веру. Подобные письма были посланы царям Персии, Эфиопии, губернатору Египта, но воспринимались они, по-видимому, как некий курьез, как послание безумца.

Через три года этот шейх умер. Однако еще пару десятилетий спустя его имя стало греметь по всему миру, а его наследники завоевали и Сирию, и Египет, уничтожили остатки Персидской империи, убили последнего царя из династии Сасанидов и вышли

на Аму-Дарью. Они, как и их византийские и персидские предшественники, вели войны за конечное торжество своей религиозной истины.

Причины победительного шествия ислама и создание за сравнительно короткие сроки его огромной империи могли бы стать предметом особого и весьма непростого разговора. Скажем только, что успех Мухаммада сначала как религиозного, а затем и как военного лидера, объясняется не только его политическим гением, но и тем, что он как никто другой понимал арабов, разделял все чувства и все предрассудки своего народа.

Это позволило ему оставить после себя прочную организацию, выживание которой было гарантировано Кораном — книгой, несущей в себе не только слово Божие, содержащей не только мудрые изречения, притчи и рассказы, но и правила ежедневного поведения, управления империей и полный свод законов.

Сила ислама была в его простоте и доступности. Один бог на небе, один глава правоверных на земле и один закон — Коран, по которому этот глава — халиф — правит. В отличие от христианства, проповедовавшего мир, которого оно не могло достигнуть, ислам открыто шел с мечом. Бедуины, и раньше грабившие в пустыне караваны купцов, теперь, делая это, громили неверных и чувствовали себя миссионерами. Они включались в завоевательное движение, захватывали территории, получая за эти миссионерские завоевания благословение пророка и обещание райских благ в случае гибели в джихаде — священной войне.

При преемнике Мухаммада Абу Бакре, правившем всего два года, был завершен захват Аравии. Следующий же халиф — Омар — за десятилетний срок своего правления завоевал Сирию, Палестину, Египет, Ирак, часть Ирана и заложил основы государственной организации арабов в завоеванных странах — наместничество, военные лагеря, систему сбора и распределения средств, ввел мусульманское летоисчисление (хиджру).

Теперь главными врагами Византии были не персы, а арабы, воспринимаемые ромеями как варвары, подобно тому, как столетия назад римляне воспринимали германцев, готов, вандалов. Но арабы, в отличие от западных варваров, несли с собой четкую и доступную завоеванным народам религиозную идею.

На первых порах император Ираклий думал справиться с новыми варварами местными силами, но когда арабы захватили южную Сирию, включая Дамаск, и приблизились к Иерусалиму, который уже был святым городом христианства, пришлось двинуть против новоявленных завоевателей многонациональную имперскую армию.

После сокрушительного поражения византийцев у реки Ярмук Сирия и Палестина за короткое время были завоеваны арабами. Оборонялся лишь возглавляемый патриархом Софронием сильно укрепленный Иерусалим. Эта оборона длилась два года. В конце концов патриарх, понимая, что сопротивляться штурму города — значит обречь его на разорение и резню населения, принял решение о капитуляции, выдвинув только одно условие: Иерусалим будет сдан лишь самому халифу Омару.

Возможно, что в этом виделся некий религиозный смысл — христианский патриарх сдает город религиозному лидеру мусульман. Как бы там ни было, но Омар прибыл на встречу с Софронием, чтобы оговорить условия сдачи. Престарелый патриарх в своем торжественном облачении встретил Омара на Масличной горе и был поражен бедуинской простотой халифа. Тот прибыл на белом верблюде, в засаленной одежде из верблюжьей шерсти, с мешком фиников, притороченным к седлу. Софроний, привыкший к пышности византийского двора, усмотрел в таком аскетизме нового владыки оскорбление. Он горестно сказал своему окружению: «Воистину это мерзость запустения, предреченная пророком Даниилом, водворившаяся на месте святом». Он предложил Омару переодеться и распорядился, чтобы принесли сидоний — обычную

одежду высокопоставленного византийца. Но Омар оставался в сидонии ровно столько времени, сколько понадобилось для стирки его одежды, а потом снова облачился в свою хламиду из верблюжьей шерсти.

В этом бытовом эпизоде — противопоставление двух миров: формирующегося исламского, пока еще несущего в себе простоту и аскетический порыв новой религии масс, и христианского, уже обросшего обрядами и выработавшего изощренное религиозное мышление.

Первое, что сделал Омар, войдя в Иерусалим, — попросил Софрония показать ему святые места иудаизма и христианства, совершил намаз у могилы «пророка Иссы» и распорядился очистить от гор мусора Храмовую гору. Во всем этом проявилась характерная черта раннего ислама: он не отрицал и не оставлял без внимания святые места других религий, но при этом старался дать им собственные объяснения и по возможности присвоить.

Надо отметить еще одно деяние халифа Омара: он разрешил евреям селиться в Иерусалиме, отменив, таким образом, христианский запрет, действовавший около пятисот лет, и, по-видимому, даже выделил им место для молитвы на Храмовой горе. Так начиналась история иудео-исламских отношений, насчитывающих почти четырнадцать веков и отражающих характер взаимодействия двух цивилизаций.

Между терпимостью и агрессией. Отношение к евреям на протяжении почти 1400-летней истории ислама менялось, колебалось между терпимостью и агрессивным неприятием. Сам Мухаммад первоначально ставил перед собой задачу не столько создания нового учения, сколько восстановления древней религии Авраама. Будучи предрасположенным к иудаизму, он считал, что его знание о Боге происходит именно оттуда, а арабы произошли от патриарха Авраама через его сына Измаила.

В период становления своего учения пророк во время молитвы обращался в сторону Иерусалима, соблюдал пост в Йом-Кипур, рассчитывая на поддержку богатых и влиятельных евреев Медины. Все переменялось, когда они отказались принять учение Мухаммада и признать его пророком. И чем упорнее становилась оппозиция евреям новому учению, тем больше в нем возникало отличий от иудаизма, тем дальше оно отплывало от библейских берегов. Молящиеся теперь должны были обращаться в сторону Мекки, пост переносился на месяц рамадан, взамен субботнего вводился пятничный отдых.

Более того, в некоторых сурах Корана были зафиксированы прямые враждебные высказывания против евреев вроде, например, такого: «И воздвигнуто было над ними унижение и бедность. И оказались они под гневом Аллаха».

С самого начала ислам представлял собой синтез религиозных и правовых норм. Бог в представлении Мухаммада вполне реален. Он обладает слухом, зрением, речью, может положить руку на плечо пророка так, что «тот чувствует холод его пальцев».

Вообще все в этом учении реально. Если речь идет о загробной жизни, то имеется в виду не отвлеченное бессмертие души, а воскрешение человека во всем его земном обличье, в полноте не только духовного, но и телесного бытия. Праведного ждет рай, наполненный земными радостями — гуриями, прохладой, лакомствами. Для праведного нет гибели, нет смерти: «Не думайте, что те, кто погиб во имя Аллаха, на самом деле умерли. Они живы, и Аллах заботится о них».

Фатализм, покорность высшей воле, представление об абсолютности божественного предопределения — стержень этого вероучения, рассматриваемого многими историками как упрощенный вариант иудаизма.

Эта упрощенность плюс всеобъемлющая зависимость общественных и культурных

форм жизни от религиозных предписаний стала основой цивилизации, которая по мере военных побед наследников дела Мухаммада распространилась по восточному миру.

Пребывание евреев в сфере ислама насчитывает множество трагических и блестящих страниц. После смерти Мухаммада при создании огромной империи перед ее владыками-халифами встала необходимость более или менее четко определить отношения между мусульманами и неверными. Для этого был принят специальный пакт халифа Омара, согласно которому евреи и христиане, будучи, говоря словами пророка, «людьми Писания», могли исповедовать свою веру в отличие от язычников, у которых был лишь выбор — принять ислам или умереть.

Тот же пакт положил начало дискриминационному законодательству, то ужесточавшемуся, то смягчавшемуся при преемниках Омара. И евреям, и христианам запрещалось обращать кого-либо в свою веру, так же как и препятствовать своим единоверцам переходить в ислам. Они должны были вставать с места, когда мусульмане хотят сесть, им разрешалось ездить на осликах, а отнюдь не на лошадях, а халиф Гарун аль-Рашид обязал евреев носить конический колпак и желтый пояс — прообраз желтого знака, отличавшего евреев в средневековой Европе.

Тем не менее, если судить по документам каирской генизы (хранилища старых свитков и документов), ничто не мешало евреям заниматься торговлей, ремеслами, а подчас достигать высокого положения в качестве врачей и министров при дворах мусульманских властителей.

Коммерция как средство выживания. Автор многотомной истории евреев Генрих Грец утверждал, что юридическое и фактическое положение евреев в Средние века в арабо-мусульманских странах было много лучше, чем в христианской Европе, где общество оставалось аграрным. Городов было мало, а деревни едва обеспечивали себе прожиточный минимум. Между X и XII веками торговля в Европе почти отсутствовала или велась ради удовлетворения потребностей знати. Лишь немногие священники умели читать и писать.

В то время как Западная Европа под властью рыцарей и феодалов оставалась сельскохозяйственной, на Ближнем Востоке уже в IX веке происходила своего рода буржуазная революция — развивались торговля, промышленность, бюрократический аппарат. И евреи широко участвовали в этой торговой цивилизации.

Важно отметить, что если во время арабо-мусульманского завоевания большинство евреев еще занимались сельским хозяйством и физическим трудом, то под властью арабов остатки этого древнего земледельческого населения вымерли, утратили свою идентичность. Из народа земледельцев евреи превратились в нацию купцов и ремесленников.

За время своей древней и средневековой истории евреи, будучи земледельческим народом, трижды обращались к коммерции как к средству выживания. Это было после разрушения Первого храма и депортации в Вавилон, когда они научились торговать у вавилонян — древней торговой нации. Во время эллинистического периода наставниками им в этом деле служили греки. И, наконец, в мусульманские времена они отвечали на вызов арабской меркантильной цивилизации, превратившись в нацию коммерсантов. Напомним, что и сам Мухаммад был купцом, и его племя курайшитов обогащалось за счет караванной торговли, находясь в Мекке на перекрестке караванных путей.

Но евреи принимали участие и в начавшемся в арабском мире духовном ренессансе.

Свобода самоуправления. Характерно, что арабские халифы давали евреям полную свободу во внутреннем самоуправлении. В Вавилонии, которая в первые века мусульманского владычества продолжала оставаться духовным центром мирового

еврейства, имелась и светская власть экзиларха, и духовная — гаонов — руководителей двух талмудических академий, расположенных в городах Сура и Пумбадита. Именно здесь, на сессиях этих академий, обсуждались проблемы общественной и духовной жизни мирового еврейства, отсюда шли законодательные вердикты в общины Сирии и Персии, Палестины и Египта.

Все это происходило в рамках исламского государства, где со временем началось развитие религиозной философии, науки и культуры. Мусульманская культура впитывала в себя наследие Греции и эллинского мира, а молодое мусульманское правоверие, будучи еще догматически неокрепшим, строило здание своей теологии, используя философские достижения античности.

Теологи ставили вопросы, без ответа на которые религия превращается просто в народный культ: что такое человеческая душа, как обстоит дело со свободой воли, какие нравственные цели имеет мир и человек? Попытки отвечать на подобного рода вопросы привели к созданию в недрах ислама религиозно-философской школы мутазилитов (отщепенцев или, как мы теперь сказали бы, — диссидентов). Их расхождение с классической мусульманской теологией было прежде всего по вопросу о свободе воли.

Этика мутазилитов предусматривала возможность человека свободно распоряжаться своей волей. Именно поэтому он ответственен за свои деяния. Это шло вразрез с фаталистическими представлениями Корана, в котором, впрочем, имелось и немало сур, утверждающих известную автономность поведения человека. Божественное предопределение, полагали мутазилиты, не может быть абсолютным, исключая свободу человеческой воли, ибо в этом случае ответственность за зло, переполняющее мир, ложится на Аллаха.

Не менее смелым было утверждение мутазилитов о том, что Коран сотворен Аллахом во времени, то есть Божье слово не извечно, оно создано Богом и возведено пророком в результате откровения.

Учение мутазилитов оказало глубокое влияние на отца средневековой еврейской религиозной философии Саадию-гаона, бывшего в первой половине X века руководителем академии в Суре. В своей «Книге верований и мнений» он дал первое систематизированное философское объяснение иудаизма. Среди основных провозглашенных им принципов иудаизма — свобода воли как результат высокого нравственного предопределения человека.

Очередное убежище. «Золотым веком» еврейства Испании, куда из Вавилонии переместился духовный центр иудейского мира, считаются X–XII столетия, когда большую часть Пиренейского полуострова контролировали весьма терпимые к иудаизму исламские правители. В это время в Испании творили такие великие еврейские поэты, философы и религиозные мыслители, как Иегуда Галеви, ибн Габироль, ибн Эзра, писавшие, как и Маймонид, на арабском языке.

Но волны христианского фанатизма, заливавшие полуостров в ходе Реконкисты — повторного завоевания христианами Испании, вызвали волну мусульманского фанатизма со стороны альмохадов, пришедших из Северной Африки берберских племен, проводивших насильственную исламизацию.

Однако и в конце XV — начале XVI веков изгнанные с Пиренеев эдиктом христианских королей евреи устремились главным образом в европейские и азиатские владения Турции. История повторялась: придя в Испанию с арабского Востока, они двинулись из Испании обратно на турецкий Восток, где находилась их древняя родина — Палестина.

Интересно, что турецкая империя возникла всего за 40 лет до изгнания евреев из

Испании в 1492 году. Провидение как будто бы заботилось о создании убежища для странствующего народа.

В Турции евреи-сефарды весьма активно торговали, занимались ремеслами и науками. В одном только Константинополе в XVI веке жили около 30 тысяч сефардов, имевших 44 синагоги. Значительные общины сформировались и в Иерусалиме, Тивериаде, Цфате, где возникла школа лурианской каббалы.

Однако при всем том, что в Средние века условия жизни в исламских странах были для евреев легче, чем в христианских, они постоянно чувствовали себя гражданами второго сорта. Причина лежит в религиозных канонах учения Мухаммада, согласно которому иноверца надо держать в унижении.

Исчезновение арабов. Выдающийся еврейский историк Шломо Гойтейн в своей работе «Евреи и арабы» подразделяет историю еврейско-арабских отношений на четыре периода разной протяженности.

Первый — это предыстория — эпоха общего происхождения двух народов и 1400 лет зафиксированных контактов — от царя Ахава до многочисленных ссылок на арабов в талмудической литературе.

Затем наступил второй период — творческого еврейско-арабского содружества, который длился около семисот лет. В первой половине этого периода арабы распространили свой язык и религию на значительную часть Ближнего Востока, но затем растворились среди народов, издревле населявших этот регион, и примерно с 900 года ими стали управлять иноземные военные касты среднеазиатского или кавказского происхождения. Но именно в первой половине этого отрезка времени под еврейским влиянием сформировалась арабская религия и нация, а во второй половине под арабо-мусульманским влиянием получил окончательное завершение традиционный иудаизм.

Именно под арабо-мусульманским влиянием, считает Гойтейн, еврейская мысль и философия были систематизированы и окончательно сформулированы. Даже еврейский язык развивал свою грамматику и лексику по модели арабского языка.

В течение третьего периода, продолжавшегося более 600 лет, примерно с 1300 до 1900 года, арабы исчезли из мировой истории, а восточные евреи — из еврейской истории.

Любопытно свидетельство арабского историка и философа, уроженца Туниса Ибн Халдуна, который в 1377 году писал: «Государство арабов полностью уничтожено, Власть ныне держат неарабы, такие как турки — на востоке, и франки (европейцы) на севере».

Интересно, что к началу Первой мировой войны не существовало ни одного независимого арабского государства и мир оставался в неведении относительно существования арабской нации. Наряду с этим евреи арабоязычных стран, которые когда-то составляли большинство еврейского народа, его социальный и духовный стержень, просто исчезли из еврейской истории. Они были забыты основной частью народа, который концентрировался в христианских странах. Конечно, евреи по-прежнему обитали на арабоязычных территориях, но число их было сравнительно невелико, составляя менее десяти процентов от общей численности еврейского населения в мире. Соответственно и арабо-еврейский симбиоз утратил свое значение.

Напомним, что арабские государства начали возникать на развалинах Османской империи после Первой мировой войны. И это было началом последнего четвертого этапа истории арабо-еврейских отношений, в котором немало драматических страниц.

Современное состояние арабского мира явилось результатом главным образом внешних факторов и прежде всего провозглашения победителями в Первой мировой

войне принципа национальной автономии, что и привело к созданию автономных арабских национальных государств. К тому же за время мировой войны выяснилось, что нефть является главным мировым горючим, и, стало быть, огромные запасы углеводородов на арабском Востоке позволяли связывать политическое освобождение арабской нации с большими экономическими возможностями. Арабам оставалось лишь взять свою судьбу в собственные руки.

Диалог цивилизаций. Не буду останавливаться на еврейско-арабском симбиозе в рамках государства Израиль, так же как на незатухающем еврейско-палестинском конфликте. Отмечу только, что геополитический конфликт Израиля с арабским Востоком усугубляется и глобализируется еще и в силу того, что Израиль воспринимается в этом регионе как средоточие всего негативного, что несет в себе западная культура.

В романе Артура Кёстлера «Воры в ночи» описывается создание в конце тридцатых годов прошлого века кибуца на купленной у арабских крестьян земле. В строящийся еврейский лагерь приходит делегация феллахов с требованием оставить землю, которую они, несмотря на продажу, считают своей.

— Этот холм оставался бесплодным, с тех пор как наши предки его потеряли, — говорит руководитель кибуца, интеллигентный немецкий еврей. — Вы забросили землю. Дали разрушиться террасам, и дожди размывили почву. Мы расчистим камни, привезем тракторы и удобрения.

— Нам хватает урожая с долины, — отвечает старый араб, — где Бог положил камень, пусть там и лежит. Мы будем жить, как жили наши предки. Мы не хотим ваших тракторов, ваших удобрений и ваших женщин, вид которых оскорбителен для глаз.

— Мы слишком ленивы, ей-богу, — говорит ему по возвращении другой араб, смущенный активностью поселенцев.

— Ты рассуждаешь как дурак! — восклицает старик. — Я живу для этого холма или он — для меня?

В сущности это диалог двух цивилизаций. Диалог бесцельный, бессмысленный, ибо каждый говорит на языке своей культуры.

Сейчас, после 11 сентября, когда весь мир ощутил эту линию разлома культур, а конфликт, проходящий по этой линии, приобрел характер войны международного терроризма с западным миром, остается надеяться, что в исламской цивилизации найдутся здоровые силы, которые смогут противопоставить фанатизму трезвое, реальное видение мира.

О правде и о вечных вопросах

Два письма на одну тему

Геннадий Прашкевич

Дорогой Алексей! Мы с вами не раз уже подходили к понятиям, как это ни странно, давно ставшим столь расхожими, что вопросы, связанные с ними, часто вызывают улыбку. Например, что есть правда? Что следует считать истиной? И нужно ли стремиться исключительно к правде? Так ли дурна и опасна ложь, если сегодня именно она формирует огромные, необозримые массивы человеческого сознания?

Когда-то, четверть века назад, не меньше, мы не раз обсуждали всё это с Борисом Штерном, прекрасным русским писателем, к сожалению, уже ушедшим от нас. Мы были с ним очень дружны, наши беседы возникали и шли сами по себе, без какого-то специального внешнего толчка, подхода, хотя время от времени мы все-таки создавали с ним некие вопросники, прихотливый лабиринт, который старались пройти не заблудившись, не потерявшись в его не всегда просматривающихся тупиках. Это не светская болтовня была, как можно решить, глянув на приведенные ниже вопросы, вовсе нет, — каждый вопрос (каким бы он ни казался) был для нас наполнен смыслом. Мы действительно хотели понять — зачем всё вокруг? Зачем облака, звезды, рыбы в озере, зачем мы (люди) так переполнены агрессией, ведь не может быть, чтобы мы сразу (по факту рождения) оказывались столь злобными и завистливыми существами? Мы с Борисом родились давно, я успел застать сталинские годы; вместе мы шли сквозь послевоенные тяжкие; в пятидесятые годы увидели крах режима и торжество оттепели, затем крах этой оттепели и торжество застоя; затем — новые потрясения. Но почему так? Почему опять и опять потрясения? Почему вопросы, казалось бы даже банальные, не перестают звучать? В меру своих сил и возможностей мы пытались понять это и отразить в своих книгах. А я и сейчас пытаюсь — уже после смерти Бориса.

Вот эти вопросы, над которыми мы бились.

Мы не придумывали их. Они постоянно звучали вокруг, они вспыхивали и исчезали, иногда пугали, иногда казались смешными, но они никогда не исчезали совсем, возникали вновь и вновь.

Буров Алексей Владимирович — кандидат физико-математических наук, философ, научный сотрудник Национальной ускорительной лаборатории им.Ферми, США.

Прашкевич Геннадий Мартович — прозаик, работающий главным образом в жанре научной фантастики.

Публикации в «Дружбе народов» в соавторстве: эссе «О красоте» (2016, № 1); эссе «О молчании» (2016, № 6); «О понимании» (2017, № 4); «О пошлости» (2017, № 7).

*Доколе?
Что делать?
Кто виноват?
Чего тебе надо?
Камо грядеши?
Что же это делается, граждане?
Ой, это кто к нам пришел?
За что боролись?
Веруешь?
Кто последний?
Третьим будешь?
Ты записался добровольцем?
Откуда есть пошла всеруська земля?
Куда ж нам плыть?
Ты меня уважаешь?
Кто написал «Тихий Дон»?
Кому на Руси жить хорошо?
Как нам обустроить Россию?*

И так далее, и так далее.

Это не мы спрашивали. Это нас спрашивали.

Отсутствие уверенных убедительных ответов приводило к отчаянию, к очередному, уже лично нашему вопросу: а так ли уж дурна ложь, если она часто снимает напряжение? Да, снимает только на время. Но ничего вечного вообще не бывает. Вся литература, все искусство строятся на преувеличениях, и кто определит, с чего в этом деле начинается ложь, что ее порождает? Какой смысл неустанно стремиться к правде, если она почти мгновенно прямо на наших глазах трансформируется в очередной вид лжи (иногда чрезвычайно искусной) и множество очень серьезных специалистов немало способствуют этому.

Вот и приходят в голову очередные вопросы.

Почему ложь далеко не всегда воспринимается негативно? Почему ложь в быту (но и в искусстве, но и в политике) так часто и мощно замещает так называемую правду (или истину)? Как вообще увязаны в жизни мораль, правда, ложь? И наконец, чему, кому всё это служит? только ли человеку?

Мне уже никогда не договорить с Борисом Штерном.

Но в одной из ваших работ, Алексей, я прочел недавно о поисках Рене Декарта.

Рене Декарт всю жизнь искал нечто предельно достоверное, нечто такое, что можно было бы положить в основу всего нашего знания. Эту свою предельную достоверность Рене Декарт выразил в двух тезисах: один — утверждение мыслящего начала, другой — утверждение совершенного существа. Оба этих тезиса, впрочем, с самого момента их появления оспаривались и Кантом, и Ницше, и Расселом, и не только ими. В итоге, вместе ясного ответа мы и тут получили очередной вопрос: почему столь очевидная неразрешимость указанных философских проблем не приводит хотя бы к выводу об их бессмысленности или бесполезности? Как и в случае наших споров с Борисом Штерном не складываются миллионы блестящих осколков в единое цельное зеркало, в котором мы можем увидеть самих себя; и себя ли только?

Чтобы читатели поняли нас, сошлюсь на историю еще одного моего друга, к сожалению, тоже ушедшего. Такая уж у меня складывается судьба: спрашивать о том, на что многие мои друзья не успели получить никаких ответов.

Я говорю об узбекском писателе. Назовем его, скажем, Рашид Файзов. Был он, понятно, писателем советским. И, как многие другие советские писатели, начинал свою литературную деятельность в газете. В данном случае, в ташкентском отделении одного центрального издания. Рашид писал тогда фантастические рассказы и пьесы в духе раннего Брэдбери, но более оптимистично. Узбекские фотонные корабли

доставляли на далекую планету Марс семена особо ценных сортов хлопчатника. Действительно, куда их еще доставлять, если Аральское море почти полностью высохло и пешком можно изучать печально обнаженное, выжженное солнцем дно когда-то полноводной Аму-Дарьи?

В один из привычно палящих и знойных дней Рашида вызвали в кабинет главного редактора. «У тебя ответственное задание, — взволнованно сообщил Рашиду Главный. — Справишься ли?»

А почему нет? Ответственное задание — это, понятно, прежде всего гонорар выше обычного. Конечно, он, Хаджиакбар, справится. С любым заданием справится. У него молодая жена, малый ребенок, почти никаких побочных доходов — почему же он не справится?

Тогда Главный взволнованно произнес: «Ты поедешь в такой-то район». И понизив голос, назвал имя крупного партийно-хозяйственного деятеля (мы его тут называть не будем), от которого у Рашида испуганно защемило сердце.

«Это большая честь, — опять громко и взволнованно заговорил Главный. — Это акт высокого доверия. Все наши видные журналисты улетели в Москву, освещают работу Пленума ЦК КПСС, никого не осталось в газете кроме тебя, — вдруг посмотрел Главный на Рашида с некоторой горечью, даже с сомнением. — Конечно, остался еще Маджид, но у него беда — он пьет, он может не сдержаться. — Главный даже отмахнулся сразу двумя руками от некой неожиданной и явно ужасной мысли, мелькнувшей в его сознании. — А Саид в Учкудуке — на золоте. Наше золото всегда нужно родине. Так что пора расти. Пришла пора тебе расти, — Главный сделал долгую паузу и закончил. — Об одном только прошу. Увидишь Хозяина, не торопись, не бросайся сразу с рукопожатием, не открывай рта, жди, будь мудр, не выступай первый, трижды подумай, прежде чем сказать хотя бы слово». И посоветовал совсем странное: «А руку Хозяин протянет, не смутись поцеловать».

И Рашид поехал в одно из тех загадочных узбекских хозяйств, где в восьмидесятые годы прошлого века на потаенных хлопковых полях, не внесенных ни в какие плановые реестры, выращивали миллиарды никем (понятно, имеется в виду государство) не учтенных советских рублей. «О, Аллах, — шептал про себя Рашид, ведя свой старенький горбатый "запорожец" сквозь низкие тучи желтой узбекской пыли. — Спаси от бед. Подскажи верные слова».

Но Аллах молчал, жара палила невероятно, и мохнатыми от белых хлопьев (вездесущий хлопок) казались телеграфные провода.

Зато в приемной Хозяина было сумеречно и прохладно.

Это несколько успокоило Файзова, он даже смахнул пот со лба.

Он даже подумал: наверное, на местного Хозяина много наговаривают. Завистников много. Если и есть у Хозяина зинданы (ох, есть, подсказывало журналистское сердце), то тайные, совсем небольшие. Ведь вон какой улыбчивый у Хозяина секретарь — важный и толстый. И у него всего три подбородка, значит, знает меру...

А секретарь, в свою очередь, долго и внимательно рассматривал молодого и запыленного ташкентского журналиста, потом пришел к каким-то своим выводам и укоризненно почмокал толстыми губами. «Ты счастливчик, товарищ Файзов, — так сказал он. — Тебя, товарищ Файзов, выбрала удача. Она повернулась к тебе лицом. У тебя большой день. Ты представишь нашего Хозяина на страницах республиканских и московских газет». Руку для поцелуя секретарь, к счастью, не протянул, видимо, это все-таки являлось прерогативой самого Хозяина. «Писать о Хозяине — большая честь».

Внимательно изучив Файзова, секретарь поднялся и неторопливо подошел к окну. «У тебя есть машина?»

Рашид ответил утвердительно.

И несколько робея, тоже подошел к окну.

В широком, затененном несколькими запыленными джиддами дворе два крепких человека в тюбетейках и стеганых полосатых халатах, обливаясь потом, глотая

вездесущую желтую пыль, большой тоталитарной красоты люди, дружно сталкивали в арык старенький битый «запорожец» Файзова.

«О, Аллах, оторви им руки!» — безмолвно взмолился Рашид.

Но Аллах и в этот раз не отозвался на зов. Пришлось с горечью признать: «Кажется, у меня нет машины». Язык не поворачивался произносить такие ужасные темные слова, но какой-то дальней частью сознания Рашид понимал, что появление в чудесном тенистом дворе потрепанного старого «запорожца» каким-то необычным образом унижало Хозяина. Рашид как бы даже явственно расслышал стоны и рыдания людей, упрятанных в подземный зиндан (пусть тайный и небольшой) только за то, что они тоже чем-то не угодили Хозяину.

И правильно сделал, что согласился.

«У тебя есть машина!» — строго сказал секретарь.

И тотчас один из тех, кто спускал в арык потрепанный шайховский «запорожец», приветливо помахал толстой рукой глядящим из окна людям и ласково похлопал по капоту новенькой белой «Волги».

И сразу последовал новый вопрос: «У тебя есть квартира?»

«Совсем однокомнатная... совсем в панельном доме... — неуверенно кивнул Файзов, представив вдруг, как в его крошечную квартирку вваливаются с ломami в руках вот такие крепкие большой тоталитарной красоты люди. — Совсем рядом с рынком... В поселке имени Луначарского...»

«Так и нужно. Ты всегда должен говорить нам правду, — непонятно подтвердил секретарь. — Твоя квартира находится в центре Ташкента. У тебя удобная кухня, три прохладные комнаты, кабинет». Секретарь произносил все эти слова доброжелательно, но строго, и все же с тем же неясным укором, подчеркнутым величайшей вежливостью, протянул ключи в дрогнувшие пальцы журналиста. — Ты сам подумай. Как можешь ты писать о нашем Хозяине, живя в поселке имени Луначарского в тесной комнате прямо над шумными рядами рынка?»

И задал самый страшный вопрос: «У тебя есть жена?»

Вот на этот раз Рашид испугался по-настоящему.

«О, Аллах! — взмолился он про себя. — Останови этого доброго и могущественного человека!» Свою жену Рашид любил. «Если в новой квартире у меня теперь удобная кухня, три прохладные комнаты и кабинет, и я приеду в центр Ташкента в новенькой белой "Волге", пусть меня там встретит *моя* жена!» Неужели, с ужасом подумал он, меня теперь встретит там *другая*, умная и строгая женщина с большим убедительным партийным стажем и с тремя, так сказать, уже готовыми, правильно воспитывающимися партийными детьми?

Отмахиваясь от таких мыслей, он спросил:

«А когда я смогу поговорить с самим Хозяином?»

«Зачем ты хочешь говорить с ним?» — искренне удивился секретарь.

«У меня задание Главного редактора. Я должен срочно доставить материал о Хозяине в редакцию».

«Ох, уж эта молодежь, — укоризненно покачал головой секретарь. — Зачем торопиться? Время идет. Оно само идет. Надо только правильно думать. У тебя сегодня большой день. Ты растешь, ты начинаешь вникать в суть текущего времени. Ты стоишь в начале многих важных вопросов. Ты начинаешь постигать правду. Она проста, сам видишь. Вот новая машина. Вот удобная квартира в хорошем столичном районе. Там в тенистом дворике бьет прозрачный фонтан, играет медленная музыка. Езжай домой, товарищ Файзов. Тебе выписан достойный гонорар, твоя статья о Хозяине уже в наборе. Над нею трудились лучшие умы солнечного Узбекистана, она целиком и полностью одобрена партией. Ответственные и зрелые люди помогают тебе понять правду».

И протянул Файзову пухлую руку:

«Поздравляю! У тебя большой день!»

Файзов рассказал мне эту историю в Ташкенте, на кухне своей прекрасной

прохладной квартиры. Он смотрел в сторону, он старался не смотреть на меня. «Я ведь поступил правильно?» Он не спрашивал вслух, слова просто подразумевались. «Мы же — идеологические работники, — пытался он и меня приблизить к своим чудесным преобразованиям. — Наша правда шире обывательской».

Мне оставалось кивать, но почему-то в голове крутилось одно странное воспоминание из детства. Однажды вечером мой старший брат заправил кусок добытой где-то целлулоидной киноплёнки в собранный им проектор, и на таком же самодельном экране (из простыни) вспыхнуло волшебное изображение. Мы увидели: к заднему окну черного автомобиля (может, «виллис» военных времен) два неизвестных человека напряженно оборачивались, оборачивались, оборачивались. Киноплёнка была склеена кольцом, и они оборачивались, оборачивались, оборачивались, пока, наконец, перегревшаяся плёнка не вспыхнула.

Что делать?

Кто виноват?

Кому на Руси жить хорошо?

Как нам обустроить Россию?

Боже мой, Боже мой, думаю я. Давно уже нет на свете ни Бориса Штерна, ни Рашида Файзова, а они оборачиваются, оборачиваются, оборачиваются. Они ждут. Они хотят услышать ответ на эти вопросы. Их продолжают мучить все те же вопросы. А мы сами все еще не ответили ни на один из них.

Мы вообще успеваем хоть что-то, Алексей?

Алексей Буров

Вопросы хороши, Геннадий Мартович! И не поспоришь, супер-вопрос, конечно, о правде-истине: есть ли она, доступна ли хоть в какой-то мере и имеет ли смысл за нее стоять и за ней гнаться? Ведь если ее в каком-то (самом главном) смысле нет, или она не стоит наших усилий, весь приведенный выше список пропадает за ненужностью.

Предположим, что идет суд и судье совершенно ясно, что обвинение шито белыми нитками. На судью, однако, давит некая преступная группа, требуя засудить, серьезно угрожая за сопротивление и обещая хорошие награды за послушание. Вопрос: ради чего в этой ситуации судья мог бы исполнить долг правосудия? Просто ради правды и справедливости самих по себе? Хорошо так думать, когда речь о ком-то другом. А вот если этот судья не он, а я? Если это именно мне приходится выбирать между справедливым приговором какому-то бедолаге и жизнью, или хотя бы ее качеством, жизнью моей собственной и моей семьи? Почему, на каком основании, судьба этого дурака, никем мне не приходящегося, должна быть мною поставлена выше судьбы моих детей? Ради чего я поставлю своих детей под удар? По всем природным законам нет более высокого принципа, чем забота о своих детях и о себе. Ну а потом уже о своей группе, племени, народонаселении. Чем шире и шире круг, тем меньше та ценность, что придается ему природными инстинктами. И в чем же может быть та сила, что могла бы меня, судью, в целом нормального человека, заставить это первейшее природное правило так значительно нарушить, жертвуя своими детьми ради незнамо кого? На готовности к этой жертве, однако же, выстроена вся система правосудия — там, конечно, где есть именно она, а не как бы она, не ее подмена. Если эта готовность ослабевает, то правосудие будет деградировать, все более превращаясь в фальшивку. Правовое общество имеет в своем фундаменте готовность к самым

большим жертвам ради правды и справедливости, именно эта готовность придает правосудию эффективность, делает его работающим. Без этой готовности не только переход к правовому обществу невозможен, но даже самые прекрасные законы, когда-то установленные и работавшие, превратятся в пустые бумажки, и самые лучшие судебные процедуры — в фиговый листок горького и позорного зрелища. Но как вообще может существовать готовность к такой громадной жертве, да еще и не в порядке исключения, а для судейского корпуса в целом? — спросил бы тут кто-нибудь. В принципе, не вижу в этой готовности ничего невозможного, ответил бы я. Соглашаются же многие наши сограждане с необходимостью идти на войну ради отечества, благословлять на нее детей. Ну так и тут тоже война, причем уж точно справедливая, и тоже ради отечества. Разница в том, что в обычной войне человек сражается в строю, в зримом ощущаемом единстве со своим народом, разделяя с однополчанами радость и горе, а в той войне, что должен вести судья, он в значительной степени одинок: он не поет с присяжными песен у костра, не кричит «ура» со следователями, в своей битве он очень даже один. Высоты его духа не только не будут славимы, но будут чреватые местью влиятельных людей и несмыслимой клеветой, а его падения — отмечаться наградами и повышениями по службе.

Тот факт, что огромные жертвы представляются для многих наших соотечественников оправданными и нормальными в одном случае и фантастически невозможными в другом, говорит нечто важное о ценностях и значениях этих разных войн в глазах народа. И если так, если война не стоит жертв, то ничего, кроме продолжающегося поражения ждать и не приходится. Но я сейчас не о безнадежности. Состояние духа народа не есть мировая константа. Народ, как и отдельный человек, может одушевляться, возрождаться, а может и деградировать, падать духом. От чего это зависит, как знать? Для меня несомненен лишь один великий фактор — религиозный. Религия, прежде всего, есть не традиция, не обряд, не социальный институт, не сборники священных текстов, не заявления первосвященников, это всё — потом и избирательно, а прежде всего — индивидуальная живая связь с Творцом мироздания, связь, сотканная из любви, благодарности и доверия. Религия делает человека существом, способным на великие подвиги, и, что особенно важно, в одиночестве. Эта связь дает долгу одобрение разума и силу духа для исполнения великих требований долга. Да, если подобной связи нет, человек может проявить особую силу, даже и в одиноком противостоянии злу, но это будет лишь тем исключением, без которого не обходится ни одно утверждение о человеке и человечестве. Из этого понимания Кант выводил свой аргумент существования Бога, как условия разумности долга. Ужасы геноцидов прошлого века показали правоту Канта. В «Колымских тетрадах» Шаламова можно прочесть, например, что в нечеловеческих условиях лагеря дольше всех сохраняли достоинство священники и сектанты; особенно же слабыми оказывались партийные работники. Сам Шаламов, сын и внук священников, религиозным человеком не был. Что ж, если так, то Варлам Тихонович и был таким удивительным исключением, атеистическим титаном духа. Но тем и надежнее выступает его свидетельство, свободное от подозрений в предвзятости.

Насколько могу судить по вашей истории, Геннадий Мартович, узбекский писатель Рашид Файзов силой духа не обладал, но не был он и циником. Соглашаясь на идеологическую работу, он не слишком уютно себя в ней чувствовал, страдая некоей неуверенностью. Хотя, казалось бы, что он нехорошего сделал? Никого не оклеветал, не приговаривал невиновных. Ну, стоит его подписать под газетной статьей о большом руководителе, вот, мол, настоящий коммунист, верный сын партии и трудового народа, преданный делу и т.д. Хозяин! И чем он не сын и не коммунист, действительно? Где тут обман, и кто пострадал от статьи? О чем беспокоиться писателю-фантасту и журналисту Файзову, очень даже не оставленному без могущественной благодарности? Нет сомнений, что подобные соображения были у него всегда под рукой, но они не очень, кажется, помогали, какое-то беспокойство не отпускало. Он чувствовал, что услуга, за которую ему щедро заплатили, пахла не слишком приятно, что вроде все

правильно, но никакие комплименты, никакие награды его уже не успокоят; умирая, не сможет он сказать, как бунинский Бернар: *думаю, что я был хороший моряк*, — язык не повернется. Он это чувствовал, но сформулировать правильно, очевидно, не мог, боялся правильно сформулировать даже перед самим собой. Формулировалось, и легко, всегда другое, типа долга идеологических работников с их особой идеологической правдой и подобные заклинания. Получив прекрасную квартиру и прочие замечательные вещи, он утратил нечто иное. «И что пользы тебе, если приобретешь хоть весь мир, но душу свою потеряешь?»

Не менее фундаментальным, чем вопрос о правде-истине (и очень связанным с ним), является вопрос о Творце, о его существовании и отношении к человеку. Если правда и истина не имеют высшего статуса, то они вполне могут заслуживать использования, всего лишь, но не жертвы. Если же они имеют высший статус, то в Боге, а как же еще? Тогда они становятся божьей правдой и божественной истиной. И тогда стоять за правду и стремиться к истине — это то же самое, что быть с Богом. Ложь же, напротив, отвращает нас от небесного Отца; оскверняя человека, ложь погружает его в сатанинское одиночество.

Открываемые физикой фундаментальные законы природы с их математической элегантностью, фантастической точностью, огромным диапазоном применимости, согласованностью с жизнью и двойной согласованностью с мышлением указывают на Высший разум как на единственно мыслимый источник. Подробно этот аргумент я разбирал в статье «Генезис пифагорейской Вселенной», отмеченной наградой Foundational Questions Institute — Института основополагающих вопросов. Относящуюся сюда проблематику мы могли бы обсудить отдельно; здесь я лишь отмечу, что на сегодняшний день Космос открыт физике, теории и наблюдению, в размахе примерно сорока пяти порядков величин: двадцати шести порядков вверх, от размера человека до размера видимой Вселенной, и девятнадцати порядков величин вниз, от размера человека до условных размеров самых малых на сегодня объектов — топ-кварка и бозона Хиггса. Если разделить размер самого большого физического объекта, видимой Вселенной, на размер самого малого, топ-кварка, то получим безразмерную величину в сорок пять десятичных знаков, типа 10^{45} . Таков наиболее универсальный показатель мощи человеческого разума, космического масштаба человека. Более достоверной расписки Творца в авторстве Вселенной не могу и представить. То, что это описание стало доступным человеку, указывает на определенное единство умов, человеческого и божественного; физика, таким образом, раскрывается как особое, можно сказать, пифагорейское, причастие Творцу.

Одним из сильнейших аргументов, не против Бога, но против возможности диалога с Ним, то есть религии в точном смысле слова, является бесконечная разница масштабов, которая может остро переживаться. Где я и где Творец Вселенной, а то и многих вселенных? Разве не безумно допускать, что Ему может быть до меня хоть какое-то дело, и что я, собственно, могу сообщить Ему? В этом ключе о блаженных богах думал Эпикур, что дает основание назвать приведенный аргумент эпикурейским.

Эпикурейская аргументация объясняет религию инфантильным самомнением человека, порождающим антропоморфные теологии. В защиту антропоморфизма, однако же, имеются отнюдь не инфантильные аргументы. Один из них — пифагорейский. Пифагорейская вера в математическое причастие Творцу играла центральную роль в становлении античной математики и новоевропейской физики; если бы отцы теоретической науки поверили эпикурейцам, то они таковыми бы не стали. Еще (выше) в защиту антропоморфизма был приведен кантовский аргумент морали: без религии как связи доверия и любви далеко идущие требования долга становятся неизвестно чем, они не могут иметь ни достаточного основания в глазах разума, ни мощной поддержки религиозного чувства. Можно привести и еще один аргумент, почему разумно ожидать детального внимания Творца не только к человечеству, но и к отдельной личности: только человек, с его свободной волей, способностью

драматически противостоять природным импульсам, с его творческим духом может удивить Бога. Физический мир, включая животных, существует строго по законам своего бытия, он совершенно прозрачен для своего Создателя, демонстрируя лишь то, что Им изначально заложено. Только мыслящие существа творят новое, оказываясь способными даже постигать замысел Творца. Самое интересное в Космосе есть духовные подвиги и акты творчества, а стало быть, личность. А коли так, то верить, что Вселенная создана прежде всего ради мыслящих существ, что личность прежде всего Богу и интересна, совершенно разумно, и даже странно было бы это отрицать.

Когда-то (еще в студенческие годы) я пришел к некоему доказательству существования Бога, не претендовавшему на убеждение кого-либо, но для меня бывшему решающим.

Жизнь, при всем своем трагизме, вызывает восхищение своей бесконечной насыщенностью красотой и тем, что открывается как мудрость природы. В любое время суток и при любой погоде с неба неизменно идет некий ток величественной, примиряющей со всеми несчастьями благодати. Каждый листок, каждая травинка, жук, стрекоза, оса, паук, птица, зверек — все они веселят сердце, радуют глаз, лечат раны и дают силы жизни. Семя, брошенное в землю, вырастает сладким хрустящим корнеплодом. Начни ухаживать за землей и не пропадешь — все у тебя будет, и будет очень вкусным. Глядя на эту бесконечную благодать природы, я не раз спрашивал себя: есть ли у нее автор? Говорят, что нет, а что если — есть? Так она великолепна, от малой росинки до необозримого неба, так радостно на нее смотреть — неужели некого за всё это благодарить? А что если автор есть, нас слышит и видит, а мы ему за такую благодать ни слова в ответ не скажем? Вдруг автор есть — не стыдно ли мне стало бы за мое такое неблагодарное к нему отношение? за мое безразличие? за глухоту и слепоту? Великий художник сотворил такое великолепие, каждый миг он творит новое, а я постоянно прохожу мимо и даже не улыбнусь ему, не помашу рукой, не поклонюсь, не скажу доброго приветливого слова.

От такой мысли меня охватывал стыд.

Ладно, а что если никакого художника нет, а я машу рукой в никуда, и летят мои благодарности в пустоту? Было бы мне стыдно за такое, узнай я достоверно, что нет никакого автора, что все мои благодарности были безадресны? Нет, отвечал я себе, совершенно не было бы стыдно. Ладно, пусть нет автора, но есть деревья, цветы, рыбы, птицы, облака, солнышко, луна. Пусть они и не слышали меня, но я их люблю, и мои молитвы пусть тогда достаются им всем, если нет того величественного ума, что их создал, и к которому летят мои благодарности. Вот тогда и выходит, что надо благодарить, надо жить так, как будто автор есть, и мир — это и есть его слово, обращенное к нам.

Таким было мое первое доказательство существования Бога.

Давно это было, тогда я о пари Паскаля еще не знал.

Вечные вопросы часто вызывают улыбку, это очень справедливо отметили вы, Геннадий Мартович. Но, конечно, здравомыслящий человек всегда может возразить: лучшие умы человечества до сих пор не договорились ни по одному из этих вопросов, а вы вот сейчас сдвинете дело с мертвой точки, ага! Дело в том, скажу я на это, что мне (и вам) важно уже сейчас понять (пока мы еще здесь), в чем же кроется смысл. Было бы обидно, получив не самую последнюю жизнь в столь насыщенное время, проворонить в ней самое главное.

Алла Тарасова

Моя Америка: жизнь в стране мормонов

Пожалуй, ни об одной стране не пишут в России так много, как об Америке. И кажется, что об американцах все и всё уже знают — как они живут, работают, отдыхают и даже что думают. Однако большая часть распространенных стереотипов не имеет отношения к реальности, создавая, между тем, определенный фильтр из мифов и легенд, через который пропускается любая новая информация. И охотней воспринимается то, что поддерживает привычные клише. Например, убежденность, что эта страна сумела ассимилировать иммигрантов, ступивших на ее землю.

Нет, Америка так и не стала плавильным котлом (melting pot) культур, религий и верований. Американцы все разные! Калифорнийцы сильно отличаются от жителей Восточного побережья, техасцы — от мичиганцев... Люди бережно сохраняют свою самобытность. Американские итальянцы, китайцы, греки, армяне, ирландцы, немцы помнят, кем были их предки, не позволяя прерваться связи времен и поколений. Только сейчас, пожалуй, рождается новая генерация граждан, формирующих единую со всем остальным миром глобальную общность, не привязанную ни к какому этносу и культуре.

Эти заметки — итог *исключительно* личного опыта, полученного за два десятилетия жизни в этой стране, где я оказалась уже зрелым и состоявшимся человеком. Я не ставлю себе задачу разрушить традиционные для кого-то представления об Америке, хочу лишь рассказать о «своих» американцах — реально существующих жителях штата Юта, которые стали моим ближним кругом и благодаря которым первые пятнадцать лет, что я провела здесь, оказались такими счастливыми.

Юта и мормоны

Когда в 1994 году мы собирались уезжать работать в Юту, наши московские друзья либо ничего не знали об этом штате, либо только то, что там живут мормоны, которые все сплошь многоженцы. К слову сказать, в это до сих пор верят даже многие американцы. Большинство русских впервые (если не принимать во внимание повесть «Этюды в багровых тонах», в которой Артур Конан Дойл вывел их в качестве главных персонажей) узнали о Юте и мормонах в 2002 году, когда в столице штата, городе Солт-Лейк-сити, проходили зимние Олимпийские игры. Однако для многих эта земля продолжает оставаться terra incognita. Так что краткая историческая справка, полагаю, окажется нелишней.

Алла Тарасова родилась и окончила университет в Москве, филолог, профессор, много лет преподавала в университетах США.

Коренными жителями Юты, как и подавляющей части американской территории, были индейцы — племена юта, навахо и анасази. В начале XIX века на этих землях в поисках удобного пути из Санта-Фе в Калифорнию побывали испанские миссионеры. За ними устремились охваченные «калифорнийской лихорадкой» искатели золота. В Юте мало кто задерживался: суровый климат, отсутствие плодородной земли... Многочисленные месторождения драгоценных металлов, цинка и меди были открыты на полвека позже. Оставалась только охота. Поэтому люди тянулись дальше, к благодатным берегам Тихого океана, пока в 1847 году не пришли сюда мормоны во главе со своим духовным лидером Бригамом Янгом.

Официальное название этой, самой молодой, мировой религии — Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints). Основал ее Джозеф Смит, американец в шестом поколении, в 1830 году в Нью-Йорке. Большинство ее адептов были выходцами из Северной Европы — Англии, Шотландии, Ирландии и Скандинавии.

В те времена Церковь Святых последних дней действительно одобряла полигамные браки, что — на фоне усиливающегося влияния нового учения — вызывало возмущение на территориях, где мормоны основывали свои поселения. Начались гонения, и, спасаясь от них, последователи новой веры перебрались сначала в Иллинойс, а потом, уже после гибели Дж. Смита, первая группа мормонов, с женщинами и детьми, на повозках, зимой, начала трудный путь на Запад. Смертность среди первых беженцев была очень высока. Когда те, кто выжил в пути, добрались до места, где впоследствии был основан Солт-Лейк-сити, Бригам Янг сказал: «Вот она, наша Земля Обетованная, будем селиться здесь».

Любопытно, что ландшафт в этом месте и впрямь напоминает земли Израиля и Иордании: два огромных озера — одно соленое (как Мёртвое море), другое пресное (как Галилейское) — высокие горы и просторные долины. Неслучайно на карте Юты так много библейских географических названий — горы Сион, Небо и Кармель, река Иордан, города Эфраим, Иден, Салем. Еще одно интересное совпадение: здешний Иордан тоже впадает в Солёное озеро (как на Ближнем Востоке Иордан несет свои воды в Мёртвое море).

Первые мормонские поселенцы называли себя пионерами, а их потомки в 1901-м и в 1933-м годах соответственно объединились в две организации — Дочери пионеров Юты и Сыновья пионеров Юты. В их семьях бережно хранятся дневники, которые вели многие из первых поселенцев, — невероятно увлекательное чтение¹.

Когда Юта решила стать 45-м штатом США и в 1890 году обратилась с соответствующей просьбой к Конгрессу, основным условием для положительного решения стал узаконенный отказ от многоженства, и условие было принято руководством Церкви. В 1896 году Юта вошла в состав США, а в 1904 году полигамные отношения были окончательно запрещены, противников этого решения отлучали от

¹ Мормоны — одна из наиболее распространенных в мире протестантских сект с традиционно патриархальными отношениями. Для истинно верующих мормонов главенствующая роль в семье и обществе принадлежит мужчинам, они являются священниками, достаточно жестко занимаются воспитанием детей и ведением дома. Мормонам свойственна опора на самообеспечение, многие из них добились больших успехов в бизнесе и вошли в политическую элиту США. К примеру, мормонами были мультипликатор Уолт Дисней и Митт Ромни, кандидат в президенты США от партии республиканцев на выборах 2012 года. Согласно требованиям религии мормонов, ее адепты должны вести здоровый и высокоморальный образ жизни, не употреблять не только алкоголь, табак и наркотики, но и кофе, а также чай, не разводиться и не делать аборт. Церковь мормонов требует от своих адептов наполнять жизнь трудом и высшим благом почитает ценности семьи со множеством детей. Такое положение вещей мормоны считают залогом материального и духовного благополучия своей общины. — *Прим. ред.*

Церкви. Немногочисленные группы, практикующие многоженство, которые существуют и в наши дни, живут обособленно и осуждаются другими последователями этой религии.

После Олимпийских игр в Солт-Лейк-сити, когда для многих жителей России Юта обрела реальные очертания на карте мира, о ней узнали несравнимо больше, в том числе и благодаря национальному американскому кинофестивалю независимого кино «Сандэнс» (Sundance Film Festival), организованному известным актером и режиссером Робертом Рэдфордом. А еще в штате сосредоточено самое большое количество национальных парков Америки — семь из сорока трех, — куда съезжаются миллионы туристов. Девственно-белый, пушистый и сухой, как пудра, снег, который так и называют Utah Powder, был даже официально зарегистрирован как охраняемая торговая марка The Greatest Snow on Earth®.

Однако уникальность этого штата в том, что в Юте, которая более полутора веков представляла собой некий американский Ватикан, где всем управляла церковь, религия и по сей день во многом определяет образ жизни населения, формируя его духовные и культурные ценности.

За последние 25 лет население штата выросло почти в два раза — до 3 миллионов человек, в основном за счет притока не-мормонов. Однако приверженцы Церкви Иисуса Христа Святых последних дней все еще составляют свыше половины жителей штата, а на юге их по-прежнему подавляющее большинство.

Сидар-сити и его жители

Переезд на работу в другую страну всегда стресс, даже если тебе кажется, что за пару-тройку недельных визитов вся существенная информация уже собрана. Но одно дело, когда из Москвы перемещаешься в Нью-Йорк (хотя и в этом случае вписаться в новую культуру довольно сложно), а другое — когда делаешь выбор в пользу маленького городка на «Диком Западе» с населением 14 тысяч человек. Однако в Сидар-сити, который мы сразу начали называть между собой Кедровкой (от cedar/кедр) мы влюбились с первого взгляда еще за год до переезда, когда оказались там в рамках турне с курсом лекций, организованным для нас клубом Ротари. Прилетели поздно вечером, а проснувшись рано утром, увидели, как из-за гор, которые медленно выступали из тени, вставало солнце, постепенно окрашивая их склоны в розовый цвет с вкраплениями темно-зеленого можжевельника. Красотой того же, восточного, склона мы любовались и когда наблюдали великолепные местные закаты. Вечереющее солнце, завершая свой путь в западной части неба, било малиново-пурпурными лучами, расцветивая восточную часть чаши, на дне которой раскинулся город.

Долина была застроена одноэтажными домиками, в центре городка располагался красивейший университетский кампус с огромными елями и соснами, как какой-то необыкновенный оазис посреди горной пустыни (Сидар-сити находится на высоте 1780 метров над уровнем моря). Чистый хрустально-прозрачный воздух и полная тишина. Мне и сейчас, много лет спустя, снятся эти волшебные горы, всегда разные, но всегда прекрасные. Лучше гор могут быть только горы... на юге Юты. Их величие несложно себе представить — мы хорошо знакомы с ними по голливудским вестернам, которые снимались именно здесь.

Сидар-сити оказался вне конкуренции и с точки зрения выбора места работы: мы с мужем оба получили преподавательские позиции, что стало большой удачей: две вакансии в одном университете по разным дисциплинам — вещь чрезвычайно редкая. Нам повезло, и мы приехали работать вместе.

С собой у нас было четыре чемодана: два — с вещами и два — с книгами. И немного денег. Большую часть своего имущества мы оставили стареющим родителям — 90-е годы были жестокими для выживания. На первый месяц сняли небольшой меблированный домик через дорогу от университета, который обычно

сдавался студентам, а до начала учебного года пустовал. На наше счастье довольно быстро освободилась квартира в здании рядом. Однако жилье в Америке практически всегда сдается без мебели, о чем мы, конечно, не знали и большую часть средств на обустройство уже потратили на посуду, постельное белье, пылесос и другие необходимые бытовые принадлежности. Так что пришлось купить матрас, который положили прямо на пол. А на следующий день случилось чудо.

В университете Южной Юты существовала традиция — перед началом занятий преподаватели каждого колледжа выезжали на день за город, на университетскую базу, чтобы обсудить планы на следующий год и познакомиться с новыми преподавателями. Надо сказать, что мы с мужем были на тот момент первыми преподавателями-иностранцами в этом университете и единственными русскими в радиусе 500 км. Довольно быстро слух о русских профессорах разлетелся по всему городу. Нас стали узнавать в супермаркетах (которых было всего два), и все знали, что русских зовут Алла и Миша. Меня неизменно называли Миша по аналогии женским именем Мишель, а моего супруга — Алла по ассоциации с мужским именем Алан. Мы не возражали и не исправляли.

После того как меня представили всем как нового преподавателя, ко мне подошли несколько человек и спросили, как мы устроились и не нужно ли чем-то помочь. Конечно, я вежливо отказалась, но одна молодая женщина, тоже новый профессор, профессор экономики, Дениз Вудбери решила выяснить, где мы живем. Я рассказала, шутливо упомянув, что мы оказались без мебели. И тогда Дениз, которая видела меня впервые, вдруг сказала: «Знаешь, я переехала из Флориды, перевезла с собой всю мебель, но поселилась у тети. Так что забирай диваны и кресла. Отдадите, когда купите свои». Наш разговор услышал Эндрю Мэдсон, профессор маркетинга, который немедленно предложил мебель своей мамы, переехавшей в Солт-Лейк-сити, — кровать, трюмо, стол и шесть стульев. Все это сразу же вызвался перевезти на своем траке знакомый нам еще по Москве профессор коммерческого права Тим Льюис. Так что уже на следующий день мы жили в меблированной квартире.

Через неделю в нашу дверь постучали. На пороге стоял незнакомый мужчина. «Я Роберт Дадсон, — представился он, — заведующий кафедрой биологии. Моя жена сегодня пекла хлеб (к слову сказать, это делали тогда очень многие женщины для своих больших семей. — *А.Т.*), а я где-то читал, что русские любят хлеб. Вот и решил принести вам свежего хлеба».

Никогда еще не получала я лучшего подарка, чем этот изумительно пахнущий, свежеевыпеченный, теплый хлеб, который принес абсолютно незнакомый человек просто потому, что захотел помочь тем, кто еще не обжился в чужой стране.

Для мормонов Бог и семья — основные ценности в жизни. Возможно, потому, что целые поколения их так долго подвергались преследованиям, да и сейчас мормоны еще ощущают свою обособленность. Так что первоначальная необходимость жить вместе и помогать друг другу как условие выживания постепенно превратилась в потребность, став частью духовной культуры. Переезжая на новое место, мормоны предпочитают селиться рядом с членами своей церкви. Например, на севере Лас-Вегаса есть районы, где все жители — мормоны.

Так мы обретали знакомых, многие из которых становились друзьями, как, например, Ричард и его чудесная жена Мэрилин. На одну небольшую зарплату Ричарда они подняли шестерых детей. Жили трудно, в небольшом старом доме. Выращивали овощи, делали заготовки на зиму — по 500 банок помидоров, перцев, фруктов, Ричард разводил пчел. Тогда самой большой мечтой Мэрилин была посудомоечная машина. Когда это желание наконец осуществилось, скончалась мама Мэрилин, оставив уже немолодой дочери небольшое наследство, дети в семье Дадсонов выросли и покинули родительский дом.

Прошло несколько месяцев после нашей встречи с Ричардом, и в начале декабря

он вдруг поинтересовался, справляют ли в России Рождество. «Конечно, — ответила я, — только позже, 7 января». — «И елку ставите?» — «Ставим и украшаем игрушками». — «Отлично, — кивнул Ричард. — Тогда не покупайте ее в магазине, я привезу свежую». И привез! Красавицу, только что срубленную, пушистую и душистую, сделал крестовину и сам установил. С тех пор все пятнадцать лет, что мы прожили в Юте, Рождество мы встречали у очередной елки от Ричарда, которые с каждым разом становились все выше и выше. Последняя не смогла поместиться в нашем доме. Часть красоты пришлось отпилить — было обидно!

Вообще, больше всего поражала эта удивительная способность наших коллег, даже не близких друзей, прийти на помощь без всякой просьбы. Представление, что только так правильно, впитано ими вместе с верой и семейным воспитанием и стало потребностью души. Вот разговариваю с коллегой и упоминаю о том, что очень люблю сирень, — для меня она ассоциируется с весной, сокрушаюсь, что в Сидар-сити нет сирени. И вдруг слышу: «Почему нет? У нас на участке растет». Вечером Джон, муж коллеги, привозит нам и сам сажает шесть кустов замечательной сирени, которая потом цветет каждую весну буйным цветом, напоминая о доброте Анетт и ее мужа. А может, это то самое равнодушие, что сумели сохранить жители крошечных городков, но полностью утратили обитатели мегалополисов? Не знаю, но каждый такой случай складывался в копилку радостных и дорогих воспоминаний.

О ковбоях

В Южной Юте нет промышленности, жители в основном занимаются сельским хозяйством, выращивают мясные породы коров, лошадей и овец на своих ранчо высоко в горах (2 — 3 км выше уровня моря). Летом животные пасутся на горных пастбищах, а зимой их перегоняют в долину. Так что ковбой в Юте — распространенная профессия.

Когда мы приехали в Сидар-сити, нас несказанно удивили не только гигантские парковки перед торговыми центрами, но и то, что парковочные места были заполнены не седанами, а траками, в основном старыми, пыльными и грязными. В кузове обязательно сидела большая собака, а то и две, а в кабине через окно просматривалось ружье. Из траков неторопливо вылезали живые персонажи голливудских вестернов — высокие крепкие парни, соответственно одетые: джинсы с кожаными вставками, на рубашках — галстук-шнурок (галстук боло) с бирюзовым зажимом, традиционные широкополые «стетсоны» и обязательные ковбойские сапоги.

Утверждают, что хорошие ковбойские сапоги удобнее любых кроссовок, в них тепло зимой, прохладно летом, и носятся отлично, и не промокают. Сама, правда, не носила. Личным опытом подтвердить не могу.

Мой друг Ричард Тэббс — потомственный ковбой. Его дед пришел в Юту с одной из первых групп мормонов-переселенцев из Иллинойса в 1872 году и основал свое ранчо на берегу высокогорного озера Пенгвич. Ричард родился и вырос на этом ранчо и с гордостью показывал нам сарайчик, где ребенком спал вместе с овцами.

Познакомились мы с Ричардом в Москве, куда он приехал вместе с Айрин, своей женой, на международную конференцию по математическому образованию в самом начале октября 1993 года, мы тогда вместе с ужасом наблюдали из здания Академии наук на Ленинских горах, как горит Белый дом.

Ричард был заведующим кафедрой математики в университете Южной Юты, прекрасным преподавателем, которого обожали студенты. Однако профессор по-прежнему продолжал «ковбойствовать» и частенько приходил на занятия в джинсах, сапогах и шляпе. У Ричарда и Айрин восемь детей, так что при очень скромной преподавательской зарплате ранчо оставалось необходимым подспорьем. А еще очень выручала университетская медицинская страховка на всю семью, которую предоставлял университет, — ее стоимость превышала три профессорских оклада.

Сердце Ричарда навсегда было отдано прекрасным Скалистым горам, его родовому гнезду. Все свободное время он проводил там, занимаясь тяжелым физическим трудом, иногда целыми днями не вылезая из седла. Недавно я спросила Ричарда, который уже вышел на пенсию, почему бы ему не продать ранчо: получив весьма солидную сумму, они с Айрин могли бы отдохнуть от забот о таком сложном хозяйстве. Тем более, что сам Ричард недавно перенес серьезную операцию. Мой друг посмотрел на меня и сказал: «Продать можно все и потратить можно все, но я хочу передать своим детям то, что передал мне мой отец, а ему — его отец. Человек должен зарабатывать себе на жизнь трудом, а не тратить ресурс, который получил от родителей. А еще я хочу, чтобы мои внуки росли в окружении прекрасной природы и сохранили ее».

Все восемь детей Ричарда получили высшее образование, покинули Сидар-сити и успешно работают: кто-то в финансовой сфере, кто-то выбрал инженерное дело или создал собственный бизнес. Но каждый год в июле, на традиционный в Америке семейный сбор (family reunion), они обязательно собираются на ранчо в Скалистых горах со своими — тоже уже большими — семьями, и за стол тогда садится пятьдесят один человек. Ричард — счастливый дед тридцати трех внуков! Старый дом, который уже не может вместить все поколения, в эти дни обрастает палатками.

Для семейного стола женщины, как прежде, пекут свежий хлеб, мужчинам поручены гамбургеры и сосиски, дети ждут вечера, чтобы у костра жарить на палочках маршмэллоу. Но главное блюдо, ковбойское, готовят сам Ричард с сыновьями. Это dutch oven — мясо, тушенное в огромном казане, которое томится целую ночь в специально выкопанной яме на горячих булыжниках, и сверху также заложенное теплыми камнями. Получается нежнейшее душистое блюдо, которое едят с картошкой, тем же способом запеченной с беконом и луком.

Когда у тебя столько внуков, к тому же разного возраста, кто-то должен обязательно организовать их досуг. Это забота Айрин и дочерей. А еще обязательно устраивается концерт, потому что всех с детства, независимо от слуха, способностей и даже желания, учат играть на различных музыкальных инструментах — гитаре, скрипке, флейте... И все поют. Представляете, как прекрасно иметь столько двоюродных братьев и сестер, с которыми обязательно встречаешься каждый год, дружишь с детства, и знать, что эта связь перейдет с тобой во взрослую жизнь.

Когда приезжали наши московские внуки, Ричард и Айрин всегда брали их на ранчо. Дети учились ездить верхом, для чего была выделена старенькая смиренная лошадка Стар, вместе играли, жарили на костре сосиски, помогали по хозяйству — убирать мусор или чинить забор. И, что самое важное, наши внуки погружались в атмосферу большой дружной семьи, наполненной радостным, добрым и уважительным отношением друг к другу.

Университет

Университет Южной Юты в то время был совсем небольшим региональным учебным заведением, где училось четыре тысячи студентов (многие из которых были first generation students — т.е. первыми из своей семьи, кто решил получить высшее образование). И статус университета он получил только в 1988 году. История его создания заслуживает особого внимания, так как показывает отношение жителей штата к образованию как одной из важнейших жизненных ценностей.

Север Юты заселялся первым и развивался значительно быстрее, чем юг, где проживало менее 10% населения штата. Первый университет — Университет Юты (University of Utah) открылся в Солт-Лейк-сити в 1850 году; Университет Бригама Янга (Brigham Young University) — частное учебное заведение, принадлежащее Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, — в 1875-м; Университет штата Юты (Utah State University) — в 1888-м. В южной Юте ни одного высшего учебного заведения не

было, ближайшее располагалось в Солт-Лейк-сити, за 500 километров. Самым большим желанием местных жителей было предоставить своим детям возможность не уезжать далеко от родных мест, и в 1897 году они добились от правительства штата разрешения открыть в Сидар-сити педагогическое училище. Однако было поставлено условие: к сентябрю 1898 года здание для него должно было быть готово. У жителей оставалось еще девять месяцев на строительство, но начинать пришлось зимой. Глина для кирпичей у строителей была, но не было главного — древесины для их обжига, за которой пришлось отправиться высоко в горы. В тот год все завалило снегом, и, когда экспедиция добралась до вершины и погрузила стволы на повозки, стало ясно, что спуститься обратно с тяжелым грузом через сугробы высотой в человеческий рост вряд ли получится. Спасение пришло в виде лошади, Старушки Соррел, которая шла впереди, грудью пробивая дорогу. Когда выбивалась из сил, она ложилась отдыхать, но потом снова прокладывала путь для важного груза. И это стало ее последним служением людям.

Здание было построено, как говорится, всем миром: шесть семей заложили свои дома, чтобы училище открылось в срок. В нем были библиотека, химическая и биологическая лаборатории, аудитории и спортивный зал. Этот исторический корпус по-прежнему украшает университетский кампус. А Старушке Соррел столетие спустя в кампусе Университета Южной Юты поставили бронзовый памятник.

Для жителей Сидар-сити университет является не только градообразующим заведением, но их личной гордостью, очень многие горожане и выпускники университета являются его «донорами» — спонсируют студентов и программы, жертвуют деньги на новые здания. И университет помогает городу: студенты работают волонтерами в учебных, социальных и культурных организациях — приютах для животных, домах для престарелых, школах, больницах, музеях и театрах. Получается своего рода симбиоз университета и города, где один помогает другому.

С самого основания университет выбрал для себя особую миссию: не только обеспечить своим студентам хорошее современное образование для будущей карьеры, но и привить им высокие морально-этические принципы с упором на Integrity. Одного слова для обозначения этого понятия в русском языке нет, integrity означает «делать все правильно, даже когда этого никто не видит». Труднодостижимое качество, но определить такую цель для студентов — достойное деяние.

Интересы студентов были поставлены во главу угла всей университетской структуры — от президента, который доступен для встречи и беседы каждому студенту, до работников университетской столовой. Что касается преподавателей, то их первостепенная задача заключалась в том, чтобы студент получил необходимые знания и навыки с учетом его индивидуальных качеств.

Как я уже писала, когда мы приступили к работе в Университете Южной Юты, большая часть студентов принадлежала к числу first generation students, что было для них предметом гордости и выражалось в прилежном отношении к занятиям и невероятном упорстве. К сожалению, не все и не всегда получалось сразу. Учитывая это обстоятельство, каждый преподаватель помимо основных часов в аудитории был обязан еще 10 часов в неделю проводить у себя в кабинете для дополнительной индивидуальной работы. Самым удивительным для нас оказалось то, с какой готовностью студенты пользовались их помощью!

Вот одна из множества историй. По какой-то неизвестной причине большинство жителей Америки, по моим наблюдениям, математику не любят. Я не встречала этого ни в России, ни в Европе. А здесь, к примеру, приходишь к зубному врачу, и если случайно упоминаешь, что ты математик, врач и его ассистент в один голос восклицают: «Ненавижу математику!» Поэтому большинство студентов, которым приходилось брать этот курс, его терпеть не могли, но сдавать-то надо. И вот они являлись к преподавателю и просили снова и снова объяснить материал, который только что

слушали в аудитории. Так что перед моим мужем как профессором математики стояла весьма непростая задача: помочь студентам побороть страх перед этим предметом и внушить им уверенность в своих силах.

Особенно запомнился один студент по имени Джек. Это был молодой мужчина лет тридцати, отслуживший в армии и уже обремененный семьей с тремя детьми. Математика давалась Джеку трудно, но он не сдавался. Каждый день (каждый!) он приходил к моему мужу в кабинет и сидел до тех пор, пока для него вроде бы не наступала полная ясность. Однако на следующий день он появлялся с тем же вопросом снова, потому что оказывалось, что все же он не все до конца понял. Однажды муж заболел ангиной. Температура высокая, голоса нет. Поэтому на работу он не пошел. Вечером звонок. Поднимаю трубку и слышу Джека, которому нужен профессор. Объясняю, что профессор болен, говорить не может. Джек продолжает настаивать, ему это необходимо, он не спал всю ночь, но не смог решить задачу. Муж сдается, и Джек приезжает к нам домой, садится рядом с диваном, где мучается математик, и не уходит, пока до него не доходит, в чем его ошибка.

Джек где-то прочитал, что русские математики самые лучшие, и хотел учиться только у моего мужа. Мы восхищались его упорством и, когда молодой человек закончил университет, очень радовались за него. Прошло два года, и раздался звонок от Джека, который сообщил, что вернулся в армию, служит во флоте. Он хотел поблагодарить профессора за свое продвижение по службе, которым был обязан тому, что знал математику лучше всех на корабле, к нему обращались за помощью, если возникали вопросы, связанные с расчетами. Прошло еще какое-то время, и Джек обратился к мужу за рекомендацией для поступления в магистратуру Военной академии. Через десять лет бывший студент стал кандидатом военных наук, но до сих пор регулярно поздравляет любимого профессора с Новым годом, уверяя, что без «русской математики» никогда бы не достиг успеха.

«Студентоцентрическая» модель принесла успех и процветание Университету Южной Юты. Вот уже двенадцать лет «Принстон ревью» называет его одним из лучших в США по соотношению качества и цены обучения (стоимость учебы для местных студентов одна из самых невысоких в стране, поэтому после окончания университета у них самый низкий долг по займу на обучение). В 2017 году УЮЮ был назван вторым университетом штата по качеству подготовки студентов, уступив только престижному Университету Юты. Не будучи вузом научно-исследовательским, Университет Южной Юты не может с ним соревноваться, что не мешает ему уже многие годы оставаться известным центром образования, культуры и искусства для жителей своего региона, формируя новое поколение образованных и социально ответственных граждан на благо комьюнити, которая его основала, пусть в его аудиториях и не решаются глобальные задачи, стоящие перед человечеством.

В университете очень низкая текучесть кадров — те, кто пришел сюда работать, в большинстве своем остаются до выхода на пенсию. Поэтому ориентация на интересы студентов продолжает поддерживаться руководством и преподавателями, несмотря на то что за два десятилетия количество студентов выросло в два с половиной раза.

О президентах

В Америке роль президента университета заключается в том, чтобы определять стратегию развития вверенного ему учебного заведения, получить одобрение и поддержку законодательного собрания штата и найти финансирование для реализации этой стратегии. Необходимые средства обычно получают из бюджета штата и от частных инвесторов. Нередко условием финансового участия штата становится наличие уже собранной половины средств донорской помощи.

И здесь нельзя не упомянуть о роли личности в истории, потому что своим

процветанием Университет Южной Юты обязан Джеральду Шерратту, который умел не только мечтать, но и воплощать в жизнь свои мечты.

Джеральд Шерратт родился и вырос в Сидар-сити, был выпускником местного колледжа, получил высшее образование в Университете Юты, где потом и работал. В 1982 году Шерратта избрали президентом колледжа Южной Юты, который находился в плачевном состоянии: старые здания разваливались, на новые администрация штата денег не выделяла, количество студентов не росло.

У Джеральда Шерратта была мечта — получить для колледжа статус университета — университеты находились в более привилегированном положении в части финансирования — и сделать его притягательным местом для будущего студенчества, чтобы местная молодежь не уезжала на север штата. Через шесть лет он добился этого решения.

Старожилы Сидар-сити утверждают, что в затею с университетом никто не верил, ибо расположенный всего в сорока милях городок Сент-Джордж с населением восемьдесят тысяч (в Сидар-сити, напомним, проживало в 6 раз меньше) имел больше своих представителей в законодательном собрании штата и собственный колледж, также претендовавший на звание университета. В борьбе двух городов и двух учебных заведений, которую называли битвой Давида и Голиафа, победил убежденный в своей правоте уроженец Сидар-сити, преданный своему городу и его жителям. Теперь можно было рассчитывать на то, что средства для строительства нового современного кампуса будут выделены, ибо то, как выглядит территория университета, является чрезвычайно важным фактором для выбора учебного заведения как для американских школьников, так и для их родителей.

В последнем классе школы, перед подачей заявления на получение высшего образования, принято посетить всей семьей не один, а несколько кампусов. Нам, конечно, странно слышать, что университеты сравниваются с точки зрения не программ, а привлекательности, удобства и безопасности территорий, но так оно есть. Отрицательное мнение о кампусе может оказаться серьезной причиной отказаться поступать в этот университет.

За пятнадцать лет президентства Джеральда Шерратта было построено шестнадцать новых корпусов, включая замечательный Студенческий центр имени Шарван Смит, в котором сосредоточены все сервисные подразделения: приемная комиссия, регистрация на курсы, финансовые службы, офисы студенческого самоуправления, комната для сбора благотворительной помощи как для самих студентов, которые могут оказаться в сложном положении, так и для жителей города. А еще огромная крытая спортивная арена, которая используется не только по назначению, но и как концертная площадка, и для торжественных церемоний вручения дипломов выпускникам, и для других университетских мероприятий. В середине Студенческого центра — ротонда со стеклянным куполом, в которой установлена статуя молодой девушки — Шарван Смит.

Шарван была одной из лучших выпускниц Университета Южной Юты и вице-президентом студенческого совета. В возрасте 24 лет она трагически погибла в автокатастрофе, и ее отец, известный бизнесмен, зная, как дочь любила свою alma mater, выразил желание сделать крупное пожертвование университету. Джеральд Шерратт рассказал ему о своем проекте создания студенческого центра с такой страстью и энергией, что заразил своим энтузиазмом собеседника. Так кампус украсился новым современным зданием.

Университету была нужна и новая библиотека — здание, не только отвечающее всем современным техническим требованиям, но и идеально вписывающееся в ландшафт кампуса. Джеральд Шерратт выбрал проект местного архитектора. Теперь дело было за малым — найти инвестора. И президент обратился к Джону Хантсману-старшему, владельцу одной из крупных химических компаний, известному филантропу.

При участии его семьи, в частности, был построен и финансируется знаменитый онкологический центр Huntsman Cancer Institute, уникальное лечебное заведение, где используется комплексный метод лечения раковых заболеваний, включающий даже особую диету и наблюдение врача-психолога.

Обычно, если спонсор выделяет значительную сумму на строительство здания, оно носит его имя или имя, которое он сам называет. Хантсман-старший согласился профинансировать библиотеку, но с условием, чтобы она носила имя Джеральда Шерратта.

Условие было принято, и на территории университета выросло здание из красного кирпича, перекликающегося с цветом горных склонов Юты, в форме конуса со срезанной наискосок застекленной крышей, под которой находился читальный зал. Когда засиживаешься там поздним вечером (а большую часть недели библиотека открыта до полуночи), вид усыпанного звездами неба над головой производит просто феерическое впечатление! А при входе в библиотеку был установлен небольшой бронзовый бюст Шерратта, который довольно быстро превратился в главный студенческий талисман: установилась традиция приходить перед экзаменами в библиотеку и касаться лысины президента — на счастье.

Еще одной инициативой Джеральда Шерратта стали Ютианские летние игры, которые должны были привлечь в Сидар-сити туристов и пополнить бюджет маленького городка. Президент любил спорт и считал Олимпийские игры одним из самых замечательных изобретений цивилизации. Первые Летние игры прошли в июне 1986 года на территории университетского спортивного комплекса. Начиная с того времени ежегодно со всей Юты в Сидар-сити съезжаются более девяти с половиной тысяч участников всех возрастов и профессий и еще пятьдесят тысяч зрителей; соревнования обслуживает тысяча волонтеров. Игры начинаются и завершаются торжественным фейерверком, выступлением популярных групп и парадом участников.

Президент Шерратт мечтал открыть для студентов весь мир, чтобы они могли учиться по обмену в разных странах, путешествовать летом с преподавателями в Европу — такая возможность доступна в крупных частных университетах. Он был страстным сторонником международных программ, хотя и столкнулся с довольно активным сопротивлением: такая инициатива воспринималась как ненужная роскошь. Как всегда, президент постарался убедить город и коллег в своей правоте, и постепенно новое направление стало неотъемлемой частью образования в УЮЮ, который установил связи с 54 университетами-партнерами во всем мире. Свыше 500 студентов ежегодно участвуют в программе study abroad, и в УЮЮ учатся 600 иностранцев.

Первое соглашение было заключено с Россией. Мы получили грант от Министерства образования США на развитие партнерских связей с московским Международным университетом. В течение одного семестра четыре профессора Школы бизнеса преподавали в Москве, а московские студенты приезжали учиться в Юту. Лиха беда начало!

В 1997 году Университет отмечал столетие основания педагогического училища, «правопреемником» которого он считает себя. В день торжества дипломы почетных докторов из рук президента Джеральда Шерратта приняли 41-й президент США Джордж Буш-старший, кардиохирург Майкл Дебейки, астронавт Дэвид Скотт, министр культуры России Евгений Сидоров, главный хирург США Чарльз Эверетт Куп и другие известные политические и общественные деятели, что стало несомненным свидетельством признания заслуг Университета Южной Юты всей Америкой.

Выйдя на пенсию (в то время в штате существовал закон, не позволявший после определенного возраста находиться на государственной службе), Джеральд Шерратт в конкурентной борьбе избрался на пост мэра города. И за восемь лет изменил и Кедровку так же радикально, как до того преобразовал университет. Но это уже другая история...

О Шекспире

Еще одним мечтателем, энтузиастом, воплотившим свою, казалось бы, несбыточную мечту в жизнь, был профессор театрального искусства Фред Адамс, который стал основателем Шекспировского фестиваля в Юте.

Фестиваль, посвященный классике английской драматургии, существует уже более полувека. С июня по октябрь на постоянной площадке идут пьесы как Шекспира, так и других авторов. Таких фестивалей в США проводится одиннадцать, и еще два — в Канаде. Старше ютианского только фестиваль Орегона, основанный в 1935 году, однако ежегодное событие в Сидар-сити считается одной из лучших профессиональных антреприз в стране. В 2000 году именно Шекспировский фестиваль Юты удостоился самой престижной премии в области театрального искусства — Tony Award, которая является эквивалентом «Оскара» — в номинации «выдающийся региональный театр».

Фред Адамс (который до 2016 года был президентом фестиваля) задумал это мероприятие в 1961 году как возможность привлечь в Сидар-сити любителей театра из Юты и соседних штатов: Невады, Айдахо и Аризоны. Первым шагом стал его визит в Орегон, где Адамс подробно изучил организацию тамошнего фестиваля. После возвращения он обратился за помощью в мэрию города. Идея показалась сомнительной, однако тысячу долларов выделили.

Первое представление состоялось уже летом 1962 года. Доход от двухнедельного театрального марафона, который собрал свыше трех тысяч зрителей, составил две тысячи долларов, что позволило запланировать второй сезон. Шекспировский фестиваль в Юте состоялся!

Позже для постановки пьес Шекспира в кампусе была построена точная реплика лондонского театра «Глобус», которая не раз использовалась Би-би-си для исторических съемок, потом была возведена и закрытая сцена, где ставят современные пьесы. В настоящий момент бюджет фестиваля составляет семь миллионов долларов, из которых только 30% — инвестиции государства и частных лиц. Основной доход получают от продажи билетов — ежегодный театральный праздник собирает более 150 000 зрителей.

Мы с мужем театралы и, конечно, не пропускали ни одного спектакля. Все годы Фред Адамс лично встречал и приветствовал зрителей на каждом представлении. Мы были соседями, дружили. Фред был большим сладкоежкой и особенно любил русские шоколадные конфеты, которые мы всегда привозили ему из Москвы.

* * *

Возможно, мои заметки кому-то напомнят рождественские сказки, кто-то справедливо скажет, что можно привести истории не столь привлекательные как о Юте, так и о ее жителях. Конечно, как не бывает мира без добрых людей, так, к сожалению, невозможно его представить и без людей недобрых. Однако человечность и отзывчивость крепче задерживаются в памяти, и вспоминать о них легко и приятно.

Потому я и захотела рассказать о людях, с которыми мне посчастливилось работать и соседствовать целых шестнадцать лет и которые показали мне: для того чтобы жить счастливо, совсем не обязательно надеяться на правительство, государство и ожидать чьей-то поддержки. Работай, люби Бога и свою семью, помогай другим, строй сам и находи единомышленников, чтобы создать ту среду, где ты хочешь жить и где твои дети вырастут хорошими людьми. Звучит тривиально? Согласна. Но я убедилась, что это работает. Когда ты не жертва всего и всех, а free agent — независимый, самостоятельный человек, обладающий свободой воли, который все решает сам.

Александр Городницкий

«Родство по слову порождает слово»

Разговор ведет Ирина Юн

Ирина Юн: В последние годы много говорят о формировании гражданской нации в России, национальной политике и самоидентификации граждан Российской Федерации. В этом контексте — и в политическом, и в научном дискурсе — вновь дебатруется национальная идея, которая могла бы объединить россиян. На ваш взгляд, что это за идея, как ее можно сформулировать?

Александр Городницкий: Несколько лет назад я написал стихотворение «Национальная идея России»:

Опять погода холодеет.
Кричит в тумане вороньё.
Национальная идея,
Кто сформулирует её?
Я изучал бумаги в деле
Цивилизаций вековых,
Но никогда такой идеи
Не обнаруживал у них.
У нас лишь, как это ни странно,
Твердят повсюду про неё.
О ней кричит с телеэкрана
Громкоголосое жульё.
Желая власти или денег,
Такое скажут, что держись.
А у народа нет идеи, —
Есть у народа только жизнь.
Она вперёд себе стремится,
Невозмутима, как река.

В ней отражаются то птицы,
То кучевые облака.
Она течением рутинным
Плывёт меж пашен и лугов,
Ломает жёсткие плотины
И грязь смывает с берегов.
Она несёт дорогой длинной
Суда на собственном горбу.
Её попробуй, как Неглинку,
Загнать в железную трубу.
На Западе или Востоке,
Где протекать бы ни пришлось,
Она вбирает все истоки,
А не разбрасывает врозь.
Лишь о себе самой радея,
Она проходит в стороне,
И тонут мёртвые идеи
В её спокойной глубине.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Поэт, бард, один из основоположников жанра авторской песни в России. Лауреат Государственной литературной премии им. Булата Окуджавы. Ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член РАЕН, главный научный сотрудник Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН. Заслуженный деятель искусств РФ и Заслуженный деятель науки РФ. Живет в Москве.

Что значит *национальная идея России*? Она, что, отлична от национальных идей других народов? Противостоит им? Что значит *национальная идея* вообще? Зачем она нужна? У немцев до прихода Гитлера к власти не было никакой национальной идеи. Даже Бисмарк ее не формулировал.

И.Ю.: Сегодня серьезные ученые подвергают сомнению объективность существования этносов как таковых.

А.Г.: А Льва Николаевича Гумилева вы читали? Я с большим уважением отношусь к этому ученому. В Астане есть университет, названный его именем. Толерантный Назарбаев, когда ему подарили мечеть, рядом поставил православную церковь. Лев Николаевич был замечательным человеком, но и в его теории этноса тоже есть немало концептов, вызывающих сомнение... А вы сами москвичка?

И.Ю.: Нет, я приехала из Ташкента.

А.Г.: Вы из тех корейцев, которых в свое время загнали в Среднюю Азию по приказу товарища Сталина?

И.Ю.: Да. И мой переезд в 2004 году в Россию тоже обусловлен «национальным фактором». В ваших стихах я нахожу очень много созвучного моим переживаниям.

А.Г.: Ну да, я же еврей и хлебнул на всю катушку государственного антисемитизма — меня более 20 лет не печатали. Сейчас у нас его как будто нет. За что угодно можно критиковать Путина, но он не антисемит. Он этого не скрывает, и я за это с большим уважением к нему отношусь.

И.Ю.: Можно ли сравнивать судьбы народов, испытавших гонения и унижения? Ведь у всех было по-разному.

А.Г.: Да, все народы страдали по-разному. Один из лучших польских писателей Юлиан Тувим очень точно заметил: «Нас объединяет не кровь, текущая в жилах, а кровь, которая текла из жил».

И.Ю.: Вас как-то спросили, кем вы себя ощущаете — русским или евреем? Вы ответили рассказом о том, как отказались принимать участие в сборнике стихов под названием «Русскоязычные поэты России».

А.Г.: Я отказался, поскольку считаю это проявлением нацизма. Ибо главное не кровь, главное — язык и культура. Генрих Гейне — немецкий поэт или еврейский? Мой друг Александр Кушнер — русский или еврейский поэт? Скажем, у Мандельштама — великого русского поэта, или у Пастернака есть некие интонационные нотки, которые как-то выделяют их среди других русских поэтов, но это ни о чем не говорит. С таким же успехом можно считать Василия Андреевича Жуковского турецким поэтом (у него мать турчанка). А Пушкину даже стоит памятник в Африке, в Эфиопии. Они считают его своим поэтом. Как-то я выступал в Московском еврейском общинном центре. Зал был битком набит, 500 человек. Возникла дискуссия. Среди прочего обсуждалось мое стихотворение «Родство по слову», где я пишу о том, что мой родной язык — русский. Я не знаю ни иврита, ни идиша, о чем искренне сожалею. Кроме того, у меня вышел фильм «В поисках идиша».

В последние годы я стал декларировать свое еврейство в стихах и песнях именно потому, что многие мои коллеги еврейского происхождения (которые тем не менее являются русскими поэтами!) стараются не касаться этого вопроса. На вечере, посвященном моему 80-летию, выступал президент Русского еврейского конгресса, который сказал: «Мы уважаем Городницкого за то, что он не стыдился своего еврейства тогда, когда это считалось позором в России, и не гордится этим теперь, когда это стало почетным». Еврейский вопрос — это пробный камень фашизма. И не только еврейский — и корейский, и кавказский. Правда, «лица кавказской национальности» несколько заслонили нас с вами.

И.Ю.: У вас есть стихотворение «Родство по слову»:

Родство по слову порождает слово
Родство по крови — порождает кровь.

Блестящий афоризм! Так все-таки, говоря о крови, что вы имеете в виду? Имеется в виду «ген этничности» или это поэтическая метафора?

А.Г.: В словах «Родство по крови — порождает кровь» иная суть. Речь о том, что на основе псевдогенетических, расистских теорий по крови разделяли людей на тех, кто должен жить, и тех, кто должен умереть. Кровь, конечно же, не имеет никакого отношения к национальной культуре; национальная культура — это язык, поэзия, литература, философия, живопись, музыка... Все то, что так или иначе связано с языком и выстраивается на его основе. Когда мне говорят, что первична кровь, я всегда вспоминаю строки из Библии: «В начале было Слово, и Слово было Бог». Я ни в коей мере, конечно, не думаю, что национальные культуры противостоят друг другу, это было бы смешно! И речь не идет о возможности автономно развивать культуру в узких рамках «национального».

И.Ю.: У вас есть еще одно стихотворение на эту тему — «Воробей». Расскажите, пожалуйста, как оно родилось.

А.Г.: Я написал об этом в книге воспоминаний «Атланты держат небо». Меня, подышающего от дистрофии, в апреле сорок второго года с другими детьми вывезли из Ленинграда через Ладожское озеро. И потом дальше с матерью в эвакуацию, в Омск. Полгода болел, слава богу, меня вытащили. Жили мы там на улице Войсковой, 42. И когда я в первый раз вышел во двор, мальчишки тут же обозвали меня жидёнком. И популярно рассказали, что это значит... Я помню свой ужас, отчаяние, ощущение позора! Я прибежал домой и попросил объяснить, в чем дело. До сих пор помню растерянные, испуганные лица моих родителей, которые не смогли мне ничего объяснить. И вот, вспомнив это, я написал стихотворение «Воробей».

И.Ю.: Меня особенно тронули последние строки:

Только он мне единственный дорог,
Представитель пернатых жидов,
Что, чирикавая, пляшет «семь сорок»
На асфальте чужих городов.

А.Г.: А вы знаете, что значит «семь сорок»? В России так называют фрейлехс — национальный еврейский танец, я не знаю почему.

И.Ю.: У меня возник образ тоненького, бесстрашного и гордого мальчика...

А.Г.: И беззащитного.

И.Ю.: Это стихотворение — бунт против «приписанной этничности»? Бунт представителя культурного или конфессионального меньшинства, которое многие века подвергалось гонениям?

А.Г.: Если хотите, да. Меня часто били во дворе, потому что я не умел драться. Позже, когда попал в экспедицию на Крайний Север, я стал занимать первые места по стрельбе из боевого оружия... Антисемитизм — детский, школьный в первую очередь, все закладывалось там и тогда. Ведь в пятьдесят третьем году «дело врачей» получило «народную поддержку», надо сказать. Помню, я шел по каналу Круштейна, навстречу шел пьяный... До сих пор помню эту жуткую рожу, в ушанке такой набекрень, с белыми глазами. Цепко вглядываясь в лица встречных, бубнил: «Жида, проклятые жида. Всех будем морить, как крыс, всех!» По его небритому подбородку стекала пена.

Антисемитская государственная пропаганда старалась сделать из меня человека второго сорта. Мне внушали мысль, что я хуже моих русских товарищей по классу.

У замечательного поэта-фронтовика Бориса Слуцкого, который был моим учителем в поэзии, есть такое стихотворение:

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.
Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.
Я всё это слышал с детства,
И скоро совсем постарею,
А вот никуда не деться,
От крика: «Евреи, евреи!»
Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Эту особую расу.
Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

Понимаете, и я это ощущал на себе. Я попал на Крайний Север после Института геологии и Арктики. Шестнадцать лет в экспедициях, в тяжелых районах — Игарка, Таймыр, позднее Кольский полуостров, Магадан. Я ощущал, что я должен выжечь из себя все это, прежде всего — трусость. Я совершал идиотские поступки. Например, прыгал с порога на реке Северной пьяным на пари, дразнил разъяренного ревнивого мужа, который выпустил в меня пять пуль из нагана с десяти шагов, но не попал: был пьян. Чего только я ни вытворял, чтобы убедить всех окружающих, что я не хуже их. Их-то я убедил, а себя нет.

И.Ю.: Я думаю, что это не трусость, а испытание себя.

А.Г.:

Неоднократно во время своих экспедиций
Страх я испытывал, ибо коварен маршрут.
Тем, кто твердит, что нигде ничего не боится,
Не доверяю, поскольку, наверное, врут...

И.Ю.: Думаю, любой нормальный человек чего-то должен бояться.

А.Г.: Я, когда впервые влез в подводный аппарат, когда задраили люк, и он пошёл на глубину (тогда еще на небольшую глубину — 400-500 метров, я погружался потом на четыре с половиной километра), и что-то затрещало, темнота в иллюминаторе... Вот тогда я подумал: «Господи, ну эти-то двое — это их специальность, а я-то, дурак, чего сюда полез? Чего мне в жизни не хватало?» И уже когда я погружал других людей, спрашивал: «Ну как?» Мне отвечали: «Ты понимаешь, когда я попал...» Я говорил: «Молодец, я тоже».

И.Ю.: В одном из интервью вы рассказывали о том, как вам пришлось выстрелить в пьяных уголовников, потребовавших отдать им на утеху девушку (лаборантку), которая работала в вашей партии возле Игарки. Что это было: страх или, наоборот, бесстрашие?

А.Г.: — Да, я стрелял. Это было не бесстрашие, а отчаяние. У меня не было выхода. Ну что, я должен был позволить ее изнасиловать? А потом повеситься? Я не мог ничего сделать, я вынужден был стрелять в главаря, чтобы их остановить. И, слава богу, никого не убил. А я был уверен, что убил. Ему пулей оцарапало лысину, сбilo шапку, я прямо в лоб ему метил. Стреляю я хорошо, но у меня руки тряслись от страха. Слава Богу, я не стал убийцей. Вы читали стихи об этом?

И.Ю.: Нет.

А.Г.: Ну хорошо, сейчас прочитаю. У меня ведь вся жизнь в стихах.

Клёны горбятся понуро,
Ветки бьются о стекло.
Что минуло, то минуло,
Устаканилось, прошло.
Я на север нелюдимый
Улетал, покуда мог,
Над дрейфующею льдиной
Зябкий теплил огонёк.
Страх, под пьяным стоя дулом,
Не показывал врагу,
Стал от тяжестей сутулым,
Спал на шкурах и снегу.
Кисти красные рябины,
Спирта синего напалм,
Я палил из карабина, —
Слава Богу, не попал.
Я на рею, горд безмерно,
В качку лез, полунагой,
В припортовую таверну
Дверь распахивал ногой,

В океанские глубины
Погружался и всплывал,
А тогда из карабина
Слава Богу, не попал.
Я искал лихие рифмы
И любил неверных жён,
Я коралловые рифы
Расковыривал ножом.
Звёзд подводные рубины
Добывая, вспоминал,
Что паля из карабина,
Слава Богу, не попал.
Облаков седая грива,
И осеннее пальто.
Я судьбе своей счастливой
Благодарен не за то,
Что подруг ласкал любимых,
Что не слишком век мой мал:
Что, паля из карабина,
Слава Богу, не попал.

И.Ю.: Иосиф Бродский чурался имперского: «...Если выпало в Империи родиться,/ То уж лучше жить в провинции у моря». А вы?

А.Г.: У меня есть очень интересное стихотворение. (*Улыбаясь.*) Извините, что я говорю так о своих стихах. И оно является ответом на вопрос об империи и о национальной идее. Стихотворение называется «Ода Империи», оно посвящено моему другу Алику Мирзаяну.

Под крылом у империи ищут спасенья народы,
Опасаясь соседей своих постоянной угрозы.
Здесь татарин Державин читал Государыне оды
И писал Карамзин, зачиная российскую прозу.
Лишь в Великой империи место для малых народов,
Лишь в Великой стране открывается путь человеку.
Нам наглядный пример подаёт неслучайно природа,
Собирая притоки в одну полноводную реку.
На бескрайних полях от холодной Двины и до Дона
Может каждый дерзнувший талант проявить свой и норов.
Станет русским поэтом Жуковский, турчанкой рождённый,
Полководцем российским рождённый армянкой Суворов.
Мировая история будет вещать их устами,
На просторах имперских доступно им будет полмира, —
По отцу Нахимсон адмиралом Нахимовым станет,
Станет канцлером русским внук выкреста — бывший Шапиро.
За собою в полёт их орёл увлекает двуглавый,
К петербургским дворцам и полям, начинённым картечью,
А иначе вовек бы не знать им блистательной славы,
Прозябая уныло в аулах своих и местечках.
На просторах имперских любому отыщется место, —
Холмогорскому парню и гордому внуку Баграта,
И поэтому нету ей равных от оста до веста,
И поэтому ей не страшны никакие утраты.
Здесь потомок арапа величием кесарю равен,
Здесь не спросит никто, чей ты сын и откуда ты родом,
И народ, погибавший в глуши азиатских окраин,
Лишь в Великой империи станет Великим народом.
И на митингах шумных, собрав малочисленный кворум,
Жить начавшие врозь, позабывшие славные даты,
Не спешите назад расползаться по брошенным норам,
Не ломайте свой дом, возведённый отцами когда-то.

Есть еще и другое стихотворение — «Пасынки России», которое мне не разрешили в свое время печатать. Я его написал еще молодым. Оно заканчивается так:

...Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян?
Кто вы, пасынки России,
Неродные имена,
Что и кровь свою, и силы
Отдавали ей сполна?
Тюрки, немцы или греки?
Из каких вы родом стран?
Имена теряют реки,
Образуя океан.

Вот такая национальная идея меня устраивает! Понимаете? Империя — это общность культур. Интересно сравнить две империи. Испанскую империю, которая вырезала американских аборигенов, и Британскую, которая переросла в Британское содружество наций бескровным образом. Это содружество сохранялось и во время Первой мировой войны, и во время Второй мировой войны. Я бывал в Австралии, в Новой Зеландии, они и сейчас формально под эгидой британской королевы, что не умаляет их автономии. И даже Индия! А теперь посмотрите, что сделали испанцы. Они вырезали на захваченных землях миллионы инков, ацтеков, они оставили после себя выжженные поля. Значит, империя — это то, что объединяет.

Российская империя имела возможность объединять народы, потому что она принесла им много хорошего и прогрессивного. А то, что мы получили там сейчас, не дай бог никому! Общность культур на базе объединяющей идеи при свободном развитии каждой национальной культуры — это, конечно, недостижимая мечта... Это можно воплотить в жизнь на основе не мононациональной идеи, а на основе имперской идеи. Империя в отличие от монокультурного, одноязычного государства — это объединение культур. Возьмите Римскую империю, средневековую Священную Римскую империю, Британскую империю.

Империи присущи другие законы. Любой национализм в империи ведет к ее распаду и, значит, является антигосударственным. У меня есть стихотворение «Россия для русских».

Процесс невесёлый начат, —
Дрожи, просвещённый мир!
Россия для русских значит —
Башкирия — для башкир.
Не будет теперь иначе.
Гори, мировой пожар!
Россия для русских значит —
Татария — для татар.
Недолго нам ждать, недолго, —
Все способы хороши.
Отнимут обратно Волгу
Марийцы и чувашаи.
Опомнимся — будет поздно.
Полгода пройдёт, а там, —

Чеченцам обратно Грозный,
Якутию — якутам.
Долины, хребты, алмазы,
И золото, и руда.
Держава погибнет сразу,
Отныне и навсегда.
Забыв об имперской славе,
Лишившись морей, как встарь,
Московией будет править
Уездный московский царь.
Конец богатырской силе.
Не видно в ночи ни зги.
Так кто же друзья России,
И кто же её враги?

И.Ю.: У вас есть еще стихотворение «Император играет на скрипке»...

А.Г.: Да, меня интересуют личности и судьбы двух российских императоров: это Петр III, которого считали слабоумным (что совершенно не так!), и Павел I, которого тоже незаслуженно считали психопатом. Я недавно выступал в Петербурге в Павловской гимназии, где царит культ Павла I. Замечательная гимназия, директор — историк. Я был очень дружен с замечательным русским историком Натаном Яковлевичем

Эйдельманом, у которого есть хорошая книга о Павле I. (Да и стихи о Петре III написаны, кстати сказать, под впечатлением от романа замечательного ленинградского писателя и поэта Виктора Сосноры.) Из этой книги я узнал, что Павел любил играть на скрипке... У меня возник образ худосочного немца, задущенного пьяным Алексеем Орловым и преданным его собственной женой. И вернувшегося в мир свирепым мужиком, донским казаком Емельяном Пугачевым. Такая вот поэтическая метаморфоза.

И.Ю.: Не знаю, насколько корректен тогда вопрос по поводу этого стихотворения.

А.Г.: Некорректных вопросов не бывает, есть некорректные ответы.

И.Ю.: — В этой красивой исторической миниатюре есть такие строчки: «Император играет на скрипке, — / Государство уходит из рук...» Что, на ваш взгляд, предпочтительно для России: сильное государство в ущерб демократии или демократия в ущерб государственности?

А.Г.: Сегодня самое сильное государство в мире — Соединенные Штаты Америки, это все признают. Демократическое государство. А все автократические государства рано или поздно распадались и обнаруживали собственную слабость. Поэтому я считаю, что демократию и сильное государство нельзя противопоставлять друг другу. Надо сказать, что Древний Рим в период своего становления, когда там правил Сенат, был более устойчивым и крепким государством, чем во времена «расцвета», то есть начиная с правления Марка Аврелия и во времена правления прочих императоров.

И.Ю.: В начале нашего разговора на вопрос о том, как вы понимаете национальную идею России...

А.Г.: Я все-таки не очень понимаю, что это такое. Пусть мне кто-нибудь объяснит.

И.Ю.: Мережковский в свое время написал: «Наши современные славянофилы всё ищут в темноте ощупью и никак не могут найти «национальное лицо» России: там, где должно быть лицо, чёрт знает что».

А.Г.: Правильно! Умнейший человек.

И.Ю.: Российская интеллигенция и поныне озабочена поиском национальной идеи. И сейчас многие пытаются так или иначе ее сформулировать.

А.Г.: Это российская интеллигенция озабочена поиском национальной идеи? Правильно я вас услышал?

И.Ю.: Да.

А.Г.: Я не думаю, что это так. Я думаю, что это российская администрация озабочена поиском национальной идеи. Такая идея нужна власти для идеологического обоснования умеренного, как они считают, национализма. Национализма, призванного удержать и сплотить Россию вокруг действующей администрации. А что касается русской интеллигенции, то в трудах таких философов, как Лосев, Бердяев и другие, все сложнее, менее однозначно. Правильно?

И.Ю.: Да, согласна. Особенно, если вспомнить статьи русских философов и публицистов начала XX века (Бердяева, Булгакова, Гершензона, Изгоева, Струве и др.), опубликованных в «Вехах». Вы сказали, что нет никакой национальной идеи, что она не нужна...

А.Г.: Нет, она есть, как феномен. Но как писал, кажется, Франц Кафка, когда у государства достаточно хлеба, ему не нужен жесткий порядок. Мне секрет власти давно уже преподавал мой первый начальник — Борис Мариенгоф, брат знаменитого Анатолия Мариенгофа, учителя Есенина и создателя имажинизма. Он был геологом, и когда я был молодым специалистом, я попал к нему в партию. Борис Мариенгоф сказал как-то: «Саня, я сейчас тебе преподам секрет власти. Вот смотри, у меня 20 работяг и 20 пар сапог. Я не начальник, я завхоз. Я всем раздал сапоги, а они на меня плюют. А теперь представь себе другую ситуацию: 20 работяг и 15 пар сапог — здесь я уже начальник, потому что я могу кому-то дать сапоги, а кому-то нет. Вот то же самое — когда мало хлеба, должен быть жесткий порядок. И обязательно неравенство.

Национальная идея не должна включать в себя в открытом или закрытом виде, так сказать, постулаты о неравенстве, о превосходстве одной нации, как бы она ни была велика и культурна, над другой. Иначе эта национальная идея беременна фашизмом.

Кстати, я не согласен с тем, что не бывает преступных народов. Бывает, и еще как! Немцы это признали и покались. Я был 9 ноября в Гамбурге на годовщине «Хрустальной ночи», когда Гитлер в 1938 году начал уничтожать синагоги, убивать евреев. А сейчас немцы несут цветы, горят свечи перед дощечками с именами людей, депортированных в свое время. Это действительно покаяние, понимаете? Немцы смогли покаяться, поэтому это великая нация. Мы, Россия, покались когда-нибудь и в чем-нибудь? Например, в преступлениях сталинского режима? Хотя тирания была не меньше. Это очень сложный вопрос.

Если речь идет о национальной идее — то речь должна идти о литературе, философии, цивилизации. Вот в чем должна состоять национальная идея. А вовсе не в том, чтобы отгородиться, так сказать, могучей китайской стеной от иных культур.

И.Ю.: Вот, кстати, у меня вопрос относительно вашего стихотворения «В Германию приехав из России»...

А.Г.: ...А откуда вы его знаете? Это ж новые стихи.

И.Ю.: Я купила вашу книгу.

А.Г.: А, вы купили последнюю мою книгу, которой даже у меня нет, — «Осеннее равноденствие». Она только что вышла.

В Германию приехав из России,
К душе своей с вопросами не лезь, —
За что нас так карает Бог всеильный,
Не дав нам жизни той же, что и здесь.
Зачем страдали мы и наши предки,
Которых добрым словом помяну,
Осилив целину и пятилетки
И выиграв Великую войну? /.../

У меня в партии был рабочий, когда у нас начались демократические преобразования, он сказал: «Ничего не выйдет, жили хреново и не хрена привыкать». И я в этих стихах перефразировал его фразу. Это написано в 2016 году.

А вот этот короткий стих — совсем новый, я его еще не читал:

Об этом вспоминаю я не часто
Над зеленью некошенной травы.
Любовь к России и любовь к начальству —
Две вещи несовместные, увы.
Оно на ней висит постылой ношей,
С собой ее равняя вновь и вновь,
Но если ты в любви к нему клянёшься,
Не лги, что это к Родине любовь...

Вот так.

И.Ю.: Александр Моисеевич, как я понимаю, вы считаете, что сформулировать национальную идею и внедрить ее в умы россиян «сверху» нереально. Но, возможно, национальная идея — это нечто, вызревающее «снизу»?

А.Г.: Это мне напоминает известную фразу из русской народной сказки: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Русские народные сказки — мудрейшая вещь! Должна быть корректно поставлена задача. А чтобы сформулировать ее, нужно знать граничные условия: от и до. Что мы имеем в виду, говоря о национальной идее? Любой термин нуждается в четкой формулировке, я бы сказал — почти математическом определении. Я много лет занимался изучением магнитного поля Земли, практически

посвятил этому жизнь. Так вот, студенты часто спрашивают: «Профессор, а как устроено магнитное поле Земли?» — Я отвечаю: «Не знаю». — «Как же вы не знаете, вы же профессор». — «А я потому и не знаю, что никто не знает! Все существующие определения некорректны».

Еще раз скажу: я не знаю, что такое национальная идея, пусть мне объяснят. Каждый народ так вот примитивно понимает национальную идею: «Мы — избранный народ». Как евреи считали (и совершенно напрасно): «Мы — избранные, а остальные с нами не сравнятся!» Такая некорректная постановка вопроса ведет к национализму, который может перерасти в нацизм. Вот что опасно, я думаю.

И.Ю.: Как писал Шопенгауэр: «Убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит».

А.Г.: Ну вот, вы же сами себе отвечаете. Или общеизвестное выражение: «патриотизм — последнее прибежище негодяя». Патриотизм — это любовь к Родине или ненависть к инородцам? У нас могут толковать и как ненависть к инородцам. Я недавно беседовал со школьниками — в последнее время в Питере меня часто приглашают к старшеклассникам. Это была школа в рабочем районе, на Выборгской стороне. Полный зал, примерно 400 человек. Мы говорили о патриотизме. Есть разные определения патриотизма. Есть пушкинское: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Еще одно сформулировал Булат Окуджава, который рассказал мне такую грузинскую притчу. Пришли к сороке и спросили, что такое Родина. «Ну, как же, — ответила сорока, — это родные леса, поля, горы». Пришли к волку и спросили у него, что такое Родина. «Не знаю, — сказал волк, — я об этом не думал». А потом люди взяли обоих, посадили в клетки и увезли далеко. И снова пришли к сороке и задали тот же вопрос. «Ну, как же, — ответила сорока, — это родные леса, поля, горы». Пришли к волку, а волка уже нет — сдох от тоски. И ребята поняли сразу. Они молодые и любую фальшь ненавидят. И когда стоишь перед ними, словно на допросе, и тебе лампа светит в лицо, ты не имеешь права на фальшь.

Ноябрь 2016 года

Евгений Абдуллаев

Литература «бородатая» и «безбородая»

«Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу».

Так — в русском переводе — писал Пушкин в своем известном письме Чаадаеву от 19 октября 1836 года.

«C'est qu'il est barbu; voilà tout. — Оно носит бороду, вот и всё».

Борода, как известно, — не просто волосной покров на лице взрослого мужчины. Окладистая борода — знак, символ причастности. За исключением второй половины девятнадцатого века, когда ее отращивали под влиянием моды, все остальные времена она была делом личного выбора.

Советская литература была безрелигиозной и безбородой. Первым окладистую бороду отпустил Солженицын — что как раз совпало с его религиозным поворотом. Следом обросли бородами писатели-«деревенщики»: Белов, Можаяев, Крупин...

Дело, разумеется, не в самой бороде и ее фасоне.

Дело, как уже сказано, в двух разных русских литературах — «бородатой» и «безбородой», в двух разных читательских аудиториях, разделившихся столетия два назад. В одной читали Четьи-Минеи, в другой — Ричардсона и госпожу Жанлис. В одной покупали издания книгопродавца Игнатия Тузова, одобренные училищным советом при Святейшем Синоде, в другой — следили за новинками Пирожкова и Перцова, печатавших «декадентов». Даже у одних и тех же классиков «бородатые» и «безбородые» читали разное. Одни читали «Гавриладию», другие — «Отцов пустынножиков...»; одни — «Ревизора», другие — «Размышления о Божественной литургии»... И так далее.

Порой, разумеется, эти два круга чтения пересекались. В позднем Достоевском, в некоторых вещах Лескова, Шмелёва... Но полностью не сливались никогда. Может, только в советское время, когда число «бородатых» читателей было доведено до критического минимума. Когда читали, за неимением другого, и отлученного Толстого, и «сатанинского» Булгакова...

К началу нулевых все снова вернулось на круги своя. «Бородатые» и «безбородые» читатели снова расселись по противоположным берегам.

На одном берегу читают издания Сретенского монастыря; на другом — «Ad Marginem» или «Kolonna publications». На одном — в ходу Сорокин и Пелевин, а подросткам покупают Веркина или Акунина; на другом — Сегень или Чудинова, а подростки почитывают Емца и Вознесенскую или что-нибудь совсем архиправильное, вроде «Детей против волшебников». Имена можно назвать и другие, главное — вектор чтения.

Правда, «безбородая» литература и «безбородое» чтение — шире и всеяднее. Финалистами «Большой книги» могут с равной вероятностью оказаться и епископ Тихон (Шевкунов) с «Несвятыми святыми», и Пелевин с «Т». В длинном списке Букера (2014) — и вполне «бородатое» «Моление» Василия Аксенова-младшего, и лихо выбритая «Теллурия» Владимира Сорокина...

«Бородатая» литература — более избирательна. В номинантах на Патриаршую премию финалисты «Букера» или «НОСа» не замечены.

Этот отчасти отражает одну из линий разлома в российском (и не только) обществе. «...К настоящему времени в России возникло два никак интеллектуально не пересекающихся и не способных ни к какому диалогу сообщества... То секулярные силы организуют какой-нибудь похабный перформанс, то, напротив, церковный люд начнет массовую кампанию протеста против какого-нибудь показавшегося чем-то подозрительным фильма. Причем, тут не надо заблуждаться, никто из сторон даже теоретически не готов к диалогу» (Борис Межуев)¹.

Если говорить о литературе, то диалог все же происходит. То с одного, то с другого края возникают попытки заполнить зияющую середину. То «бородатая» литература отходит от стиля семинарских прописей и благостного неославянофильства и пытается говорить более «скромным» языком современной литературы. То «безбородая» оставляет свой скепсис, иронию и интерес к устройству быта детородных частей² и осторожно заходит в церковь.

Так, со стороны «бородатой» приходят уже упомянутые «Несвятые святые», «Флавиан» о.Александра Торика, поэзия о.Сергия Круглова и о. Константина Кравцова. А со стороны «безбородой» — «Современный патерик» Майи Кучерской, «Ангел-вор» Николая Байтова, «Лавр» Евгения Водолазкина, стихи Галины Климовой, Олеси Николаевой, Михаила Иверова... Даже Юрий Буйда, в интересе к православной тематике прежде не замеченный, в своем последнем, только что вышедшем романе «Стален» заставляет героев то и дело рассуждать о Христе и церкви.

В этой промежуточной, диалоговой зоне между «бородатыми» и «безбородыми», возможно, и возникает что-то интересное. Безрелигиозная и антирелигиозная литература скучна — особенно для поколений, успевших наесться ею в советское время. Слегка олитературенный и осовремененный катехизис тоже не слишком питателен (уж лучше — честная архаика).

Как пару лет назад заметил о.Сергий Круглов: «...Я бы не решился выделить православную поэзию в отдельное явление: для меня попросту есть интересные мне поэты, лично исповедующие христианство, живущие им, потому не нарочито вставляющие в стихи церковные реалии, а наполняющие их своим смыслом и своей кровью... Прочее же, в изобилии предоставляемое православными книжными издательствами, относится, опять же, к категории “картинки к катехизису”»³. Сказанное, думаю, можно отнести и к прозе.

Конечно, и каждая из литератур — и «бородатая», и «безбородая» — внутри тоже неоднородна. И в «безбородой» есть свои, альтернативные православию, традиции выхода из безрелигиозной «светскости». В условный «буддизм», гностицизм, неоязычество... Просто в некую «бедную» (а по сути — никакую) религию, о которой недавно писал Михаил Эпштейн⁴. А в перспективе — возможно — и в ислам. (Пока

¹ Межуев Б. Как демоны глухонемые... // Сайт «Ум+». 24 сентября 2017 г. (<https://um.plus/2017/09/24/demon/>).

² Во избежание недоразумений напомним: так Салтыков-Щедрин аттестовал «Анну Каренину» (роман «о наилучшем устройстве быта детородных частей»).

³ Круглов С. Кетчуп на лавровом листе. Пометки на полях к разговорам о «духовной поэзии» // «Арион». 2015. № 2. С. 46. (<http://magazines.russ.ru/arion/2015/2/18k.html>).

⁴ Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014.

исламская тема присутствует в современной русской литературе лишь «точно» — в прозе Ильдара Абузярова, в стихах Еганы Джаббарово́й...).

«...Сталкиваются две традиции — церковная духовная и светская духовная», — точно заметил на дискуссии на тему «новой религиозности» в русской прозе Валерий Байдин¹. И «светская духовная» далеко не обязательно ведет в храм. И вообще не обязательно куда-то ведет, порой оставляя автора (и его читателя) ровно в том же месте, и даже в той же удобной позе, в которой она его осенила.

«— Интересно, — вежливо сказал Пиль. — Признаться, не ожидал встретить атеиста в лице творческого человека... — Но я не атеист, скорее агностик...»

Это из уже упомянутого «Сталена» Юрия Буйды². И хотя далее герой — писатель Стален Игруев — признается: «На душе стало гадко, словно я сморозил глупость», слово — не воробей: вылетело и каркнуло во все воронье горло. Агностицизм также оказывается вариантом «светской духовности», причем наиболее комфортабельным по сравнению с остальными. Даже с активным атеизмом, который все-таки требует от своих адептов определенных духовных и умственных усилий.

«...Сама проблематизация современным обществом спорных вопросов религии и веры все-таки внушает некоторый оптимизм», — пишет филолог и критик Юлия Щербинина в своей статье о современном богохульстве³.

И правда. Спорит общество — спорит литература. «Бородатая» с «безбородой», «безбородая» с «бородатой»; «безбородая» — сама с собой. И пусть — вопреки расхожей фразе — истина в споре *не* рождается (а возникает в сосредоточенной тишине), но питательным слоем для новой талантливой прозы или поэзии эти споры могут стать. А чем талантливее вещь, тем вторичнее вопрос о том, есть ли на ней «борода» и какой длины...

¹ Современная русская проза: «новая религиозность»? Материалы круглого стола // Восток Свыше. 2013. № 4 (XXXII). С. 101—112.

² Буйда Ю. Стален. М.: Издательство «Э», 2017. (Большая литература. Проза Юрия Буйды). С. 198.

³ Щербинина Ю. «Ощушаем и неверующим в него». Заметки о богохульстве // «Нева». 2017. № 7. С.200 — 201.

Сана Валиулина

С полначала

«В атомный век людей волнуют больше не вещи, а строение вещей», — говорит Бродский в своей философской детективной поэме «Посвящается Ялте».

Именно то, что я хотела сохранить верность вещам, а также мой страх распатронить куклу и обнаружить в ней труху, а также моя нелюбовь к самоанализу, который нередко увязает в болоте терапевтической терминологии, были причинами того, что мне было как-то неохота класть свое голландское, или, точнее сказать, голландскоязычное творчество на операционный стол. К тому же я была научена опытом Зено из «Самопознания Зено», одного из моих самых любимых персонажей. Как только он услышал, что при каждом шаге в работу включаются пятьдесят четыре мышцы, то сразу стал спотыкаться и падать при мысли о том, что все эти ниточки просто будут обязаны запутаться, после чего он продолжал хромать еще не одну неделю.

Я предпочитала сохранять невинность, а на все вопросы на эту тему у меня был готов ответ, что никакое я не исключение. Набоков, Конрад и Казанова тоже писали на чужом языке, да еще как.

Практические аргументы писать на голландском прагматичные голландцы встречали с пониманием. С переводчиком писательский процесс шел бы в два раза медленнее, не говоря уже о том, что наверняка приходилось бы обсуждать и защищать свой вариант перевода — занятие трудоемкое и не самое приятное. И еще неизвестно, появился бы этот переводчик вообще, ведь сначала нужно было найти издателя, который не поскупился бы на лишние расходы. Короче говоря, весь маршрут от рукописи до книги был бы длиннее и сложнее.

На самый же главный вопрос: «Ведь родной язык так связан с идентитетом, как же, зная это, можно писать на чужом языке?» — я круто отвечала, что мы, советские люди, в первую очередь были советскими людьми. В нашем огромном разнокультурном котле дружно варились почти двести национальностей. Принцип интернационализма вознес нас над национальным, а значит, и над языковым вопросом. Мы парили над ним, и это и было нашим идентитетом. Со своими тремя корнями я была идеальной социалистической девочкой. Ведь строго говоря, какой язык был моим родным? Этническая татарка, воспитанная на русском и выросшая в Эстонии. До пяти лет я говорила только на татарском и эстонском, к шести годам мама научила меня русскому по сказкам Пушкина, после чего я благополучно забыла татарский.

В Голландии я начала новую жизнь на новом языке. Я была молода, и мне не нужно было сжигать за собой корабли просто потому, что у меня их еще не было. Мне не нужно было отрываться от своего языка с угрозой попасть в экзистенциальный

кризис просто потому, что мой язык еще не был моим. Я почти ничего не успела на нем сделать, и мой русский был своего рода необработанным, пассивным материалом, еще не организованным и не тронутым моим дыханием. Конечно, это был язык прекраснейшей литературы, но меня томила тоска по другой прекрасной литературе, а также по мировой культуре, которой я могла теперь вволю насыщаться. Возможно, что определенную роль здесь сыграли и мои татарские корни, хотя в нашем доме не было и речи о традиционном татарском воспитании. Но я как-то не чувствовала себя русской, несмотря на свою русскоязычность. В Москве же, где я училась в университете, я всегда была «девочкой из Таллинна», а значит с Запада, а значит — не русской.

Так, мое решение писать на голландском стало совершенно естественным выбором, эквивалентом моего нового бытия в Голландии. Переместившись на свободный Запад, я двинулась навстречу и своей личной свободе. Захватывающее приключение, которое я хотела начать налегке и с максимальной непринужденностью/необусловленностью. Прибыв в новый мир, новичок еще обладает иллюзией свободы. Над ним уже не тяготеет прошлое, которое он оставил за собой, или думает, что оставил, над ним еще не властны неписанные законы новой родины. Он парит в облаках, где-то в самосозданном пространстве. Ты и садовник, ты же и цветок...

Мое писательство в Голландии, вначале уж точно, было озарено фейерверком двойного освобождения. Я много читала, овладевая языком на самых различных стилистических уровнях, вгрызаясь в тончайшие оттенки и нюансы, но при этом чувствовала себя совершенно свободной от голландской литературной традиции. Я не была ни ревианкой (Херард Рейве), ни хермансианкой (Виллем Фредерик Херманс), ни мулишианкой (Харри Мулиш), и поэтому мне не нужно было совершать отцеубийство, либо подражать великой голландской тройке, либо же играть с нею в постмодернистские игры.

Впрочем, больше, чем прозу, я полюбила голландскую поэзию с ее неотразимым метафизическим духом. И по сей день меня приводит в трепет совершенно аутентичная «Песнь о безумных пчелах» Мартинуса Нейхофа, в которой сквозит *блаженное томление по огненной смерти* Гёте. Я считаю чудом, что такое совершенно неголландское чувство выражено столь прекрасным голландским, что в свою очередь доказывает, что в любом языке можно выразить одно и то же, только различными языковыми средствами.

Своих же знаменитых отцов из русской литературы я держала на расстоянии, сбежав от них в другой язык. Инстинкт самосохранения. Я должна была облегчить давление моего великого культурного наследия, чтобы оно не задавило меня, либо, что еще хуже, чтобы не стать эпигоном знаменитых предшественников. Навечно запечатленные в моей памяти, они строго взирали на меня со своих портретов, но были бессильны, так как я писала на непонятном для них языке.

Страх раствориться в существующей доминантной культуре... Именно об этом когда-то говорила пианистка Элен Гримо в интервью. Как хорошо я теперь понимала ее. Гримо сбежала из Франции в США, так как чувствовала слишком сильное давление необъятной европейской культуры, со всеми традициями, школами и течениями, которая возвышалась перед ней неприступной крепостью. Это наследие мешало ее непосредственности (непринужденности) и парализовало ее. В США она наконец свободно задышала и смогла начать искать свою собственную музыкальную идиому.

Но как и свобода новичка на чужбине, так и та самая «чистая доска»/ *tabula rasa*, с которой я начала писать по-голландски, оказались лишь кратковременной иллюзией. Не такая уж она была и чистая, эта *tabula rasa*. Помимо своей воли и вне своего ведома я повсюду протаскивала в свой голландский язык моих строгих отцов. Их можно было найти в диалогах, в синтаксисе, в композиции, которая больше походила на извилистую

реку с множеством рукавов, чем на канал, доминирующий в голландском литературном пейзаже. В этой же реке со мной плыли и писатели, поэты и мыслители из мировой культуры, с которыми я знакомилась на своем пути.

Поэтому я совершенно не согласна с общепринятым мнением, что писатели одиноки. Наоборот, когда ты пишешь, ты окружен и связан с другими писателями, которые, так же как и ты, пытаются облечь в художественную форму свои глубочайшие сомнения, страхи, чувства и мысли. Сила писательской мысли, которую он совершенно бескорыстно делит с человечеством, как правило, и не подозревающим об этом, единственное, что в состоянии победить время, а значит и смерть. Иногда чувствуешь себя ближе к человеку, писавшему две тысячи лет назад на мертвом языке, чем к своему современнику, пишущему с тобой на одном.

Профилактика необходима в здравоохранении, чтобы вовремя найти нежелательные изменения в организме, но как активно реагировать на те неумовимые и часто еще незримые сдвиги в душе и сознании, которые внезапно могут поставить под угрозу относительно комфортабельный и безопасный модус операнди твоего существования? Игнорировать их, заняться (само)анализом, попытаться как-то обезвредить, либо просто ждать, пока они не превратятся во что-то типа озарения, которое в свою очередь обернется непреодолимым стремлением заново изобрести себя? Трудно сказать, когда именно нехватка родного языка приняла серьезную форму. То есть когда все практические возражения бесследно растворились в страхе потерять свой язык и кончить свои дни ноль-язычным, малоприятное состояние, когда недостаточно владеешь как родным, так и вторым языками.

Как это и положено в такой момент, на меня навалилась куча вопросов. Или, скорее, они наконец догнали меня. Как связаны идентитет и язык? Теряется ли часть идентитета, если пишешь на чужом языке? Или наоборот, он обогащается? Как два языка влияют друг на друга и как это отражается на идентитете?

На все эти вопросы у меня был лишь один ответ: активное исповедание своего двуязычия, то бишь начать писать и на родном языке.

Теперь в моем распоряжении было лучшее из двух языков-миров-культур. Сильный и деятельный голландский глагол и растянутость русского причастного оборота, строгий голландский синтаксис и аморфная факультативность русского, жесткая система голландских времен и вневременность русского.

А главное, я избавилась от страха перед своими строгими отцами. Что же касается идентитета, то я охотно оставляю его на свое собственное усмотрение, уж он как-нибудь найдет себе дорогу между двумя языками. Тем более, что писать для меня процесс не рациональный, а скорее мистический и поэтому непредсказуемый, где очень важно доверять интуиции.

Что же совершенно не загадочно, так это идеи о творчестве и языке, которые пропагандирует и рассылает по миру литературная индустрия. Если хочешь, чтобы тебя принимали всерьез, то лучше придерживаться доктрины, что писать можно только на родном языке, так как: а) он неразрывно связан с идентитетом, б) только в родном языке можно достичь тончайших нюансов и оттенков, а также той степени виртуозности, которая нужна для хорошей книги. Как будто хорошая книга — это собрание виртуозно написанных предложений.

Как бы то ни было, писательство не на родном языке нарушает привычный ход вещей, а значит пахнет анархией и поэтому нередко воспринимается с недоверием. И все же, написал бы Конрад «Сердце тьмы» на польском? Или это смог бы сделать и гипотетический талантливый англичанин, который случайно плыл с ним на пароходе в Конго? На эти вопросы нет ответа, и творчество не на родном языке остается весьма зыбкой областью.

Конечно, идентитет и язык связаны друг с другом, кто же станет с этим спорить? Но они не являются равными единицами, идентитет больше языка, а литература больше идентитета. Именно это является условием написания интересных и важных книг, где *блаженное томление по огненной смерти* берет за душу читателя.

Я начала писать в 1995 году, на русском. Написав три статьи, которые перевел мой муж, я отправила их в нашу солидную газету «НРС Ханделсблад» в рубрику «Ахтерпахина», типа «Смеси». Их приняли. После чего по вышеуказанным в статье причинам (смотри о переводе и переводчике) я решила попробовать писать на голландском. Получилось неплохо, и в течение нескольких лет я печаталась в НРС и других журналах. А работала я в Институте устного и письменного перевода и переводила для Министерства иностранных дел ежеквартальный журнал «Голландские горизонты».

Потом мне стало тесновато в рамках газетных статей, и я решила начать писать роман про студенческую жизнь в Москве. Я послала рукопись в издательство «Де Гейс», оно приняло его, и в 1999 году вышел мой дебют «Крест». В 2002 году я выпустила в том же издательстве сборник новелл «Девушка, которая хотела быть львом». В 2006-м в свет вышел роман «Дидар и Фарук», в основу которого была положена история моих родителей. Повествование охватывает период с 1922 по 1955 годы. Этот роман, изданный в «Мейленхофф», попал в шортлист литературной премии «Либрис».

В 2009-м — роман «Сто лет гезеллигheid», издательство «Прометей». Я не знаю, как адекватно перевести это типичное голландское экзистенциальное состояние (дословный перевод — уют, приятная атмосфера). Этот культурный и социальный феномен можно описать примерно так: на дворе темно, неуютно, ветрено и холодно, а у нас в доме за задернутыми занавесками тепло, уютно, горят свечи и всем (должно быть) хорошо. О том, что происходит на дворе, не упоминаем, а кто нарушит правила игры, тому может и не поздоровиться.

В 2014-м вышли «Дети Брежнева». Эту книгу я писала на русском, а потом перевела на голландский. В 2015-м — сборник эссе «Зимние ливни». Сюда включено большинство моих статей и эссе, написанных в течение двадцати лет. В нынешнем году сборник получил «Премия Ян Ханло» за лучший сборник эссе.

Николай Александров

Как человек уходит из истории

Сана ВАЛИУЛИНА. Не боюсь Синей Бороды: Роман. — М.: Издательство АСТ/Редакция Елены Шубиной, 2017.

Современный российский роман балансирует между фельетоном, документальной фиксацией повседневности и постмодернистским художественным строительством. Он банален в своих нарративных приемах, в стилистике рассказа. Он заиклен «на вопросах и проблемах», он подразумевает позу писательской значительности. Неважно, в чем она выражается. Допустим, в том, чтобы говорить художественно, то есть с неким беллетристическим придыханием. Забавно, что это придыхание не подразумевает профессионализма. Точнее — замещает его. Иными словами, если человек встал на табуретку и читает стихи, уже сам этот факт, сама эта возвышенная поза освобождает его от искусства декламации. Табуретка становится доказательством артистизма. И тогда можно не заботиться ни о стиле, ни о сюжете, ни о композиции, ни о внятности художественного высказывания. Пафос забивает профессионализм, чистоту высказывания, ясность мысли.

Случай Саны Валиулиной — иного рода. То есть не вполне здешний, то есть с отчетливым ощущением, что это написано не вполне здесь. Хотя бы потому, что она уже признанный писатель в Голландии. Ей не нужно заботиться о том, чтобы сказать значимое слово, слово, способное изменить российскую ноосферу, воздействовать на отечественную ментальность, пролиться спасительным дождем на затхлую почву нашей действительности. Она освобождена от позы. Ей не нужно вставать на табуретку. Выгодное положение. Хотя призрак табуретки в финале все равно появляется. И все как будто обваливается композиционно, когда читатель доходит до искусственной, аллегорической, фельетонно-антиутопической последней части. Живая плоть романа упирается в вычурный протез.

И все же. В романе Валиулиной чувствуется какое-то спасительное отчуждение, столь необходимый сегодня взгляд со стороны. Другой инструментарий, если угодно. Ну, или поиски его. Даже в заглавии. Право же, кому придет в голову называть роман «Не боюсь Синей Бороды» — сколько тут нужно всего объяснять. Но это к слову.

Роман ретроспективен, автобиографичен, маргинален уже потому, что рисует жизнь советской периферии. Правда, не модный и актуальный восток, а запад. Эстония, которая почти Европа. Маленькая Европа советского времени, затем медленно отплывающая к Европе большой в постсоветские годы.

Здесь нет узнаваемой, привычной заикленности на социальности. Да, советские реалии. Да, диссидентские мотивы. да, меняющийся мир: от советской безнадежности к постсоветской тревожности. Но главное — опыт личности.

В первой части — вечный сюжет: странный, чужой, непонятный человек в привычном мире. И поэтому загадочный, манящий, страшный. Актуальная версия сказки. Симпатичный маньяк, даже красавец, с детской травмой, разумеется (это уже западное влияние). Скупая и нестерпимо любящая его мать, вечно отсутствующий отец, разрастающийся, превращающийся в монстра дом, как будто требующий жертв. И еще двуликий мир эстонского курорта и непокорная память, хранящая образы завоевателей.

Но главное здесь все же не детективно-психологическая история, увиденная и разгаданная девочкой-подростком. Забавно, что история ничем не разрешается. Героиня разгадала тайну, увидела в прекрасном Томасе маньяка-убийцу, призрак Синей Бороды, но никому не открылась. Сохранила тайну в себе. И на этом поставлена точка. Хотя роман еще далек от завершения.

Но уже и в этой, как будто сюжетно законченной части есть неожиданности, которые, на мой взгляд, и делают роман интересным, не вполне обычным.

Все начинается с голоса героини. Это она рассказывает о себе. И о том, как увидела Томаса. То есть сначала увидела его мать Эрику, жену черного капитана, и их странный дом. Как думала, будто никакого капитана дальнего плавания нет, точнее ни в каких он не плаваниях, а просто спрятан, закрыт в доме. Как ее тянуло к дому, а потом появился Томас. «Томас такой? красивый?, что на него даже смотреть трудно. Может, поэтому я его и не видела все это время, как будто он и его имя были разделены и только этим летом вдруг соединились в моем взгляде. Томасу подходит слово «трагический?». Мама это слово очень любит, и москвичи тоже, а папа его редко употребляет, но, по-моему, часто думает... У Томаса волосы цвета вороньего крыла, как и у черного капитана. Я таких волос ни у кого не видела, ни в Руха, ни в Таллинне. И кудрявые, но не барашком, а такими небрежными волнами. Глаза у него неуловимого цвета, но скорее зеленые, только не как у Эрики».

Здесь Я — и герой, и рассказчик, и мир мы видим глазами девочки. Девочки без имени, девочки с «золотистыми глазами».

Но вот она взрослеет. Томас превращается в красивого юношу и предмет девичьих мечтаний, а изначальное Я рассказчика, его голос уходят из текста, отдавая место безличному автору. Можно сказать и так. Я, в свою очередь, подвергается остраKENению, лишается силы высказывания, речи, становится персонажем. Героиня перестала быть рассказчиком, но осталась в тексте. И теперь уже Томас смотрит на нее и чувствует на себе ее взгляд, и отыскивает ее среди других дачниц. «Мимо опять прошла девочка с золотистыми глазами. Вид у нее был скучающий? и немного несчастный?. Она вообще часто так смотрела. Но сей?час она не входила в его планы. Ему надо было думать дальше, и он перевел взгляд на другую дачницу, скорее всего, из Москвы».

Загадка дома и Томаса разрешается. И страшная тайна остается между ними, между Томасом и девочкой. А роман идет дальше.

Потому что следующая часть переносит читателя не просто в другое пространство, другой локус, но и в другой модус повествования. И в другой сюжет, в школьную драму советского времени (тоже, впрочем, историю одного преступления). Прежнее, рассказывавшее нам Я, девочка «с золотистыми глазами» теперь теряется в кругу других лиц, растворяется среди них. Нужно усилие, чтобы найти того, кто еще недавно рассказывал нам страшные истории летней жизни эстонского курорта, кто был вовлечен в детективные перипетии, кому, казалось, угрожала смертельная опасность, кто замороженно шел по следу, кто по-детски, из-за угла следил за развитием душевного недуга, за мутацией личности, зарождением преступного умысла, кто так и не объяснил (а может ли объяснить подросток?), что же это было за влечение и

почему преступление осталось нераскрытым, и что заставило героиню смолчать: страх, страсть, жалость, покорность? Впрочем, такое же усилие нужно, чтобы разглядеть намеки, вскользь брошенные упоминания о фактах, возвращающие читателя к первой части. Здесь, в этой новой истории, героиня уходит даже не на второй, а на третий план, зато у нее появляется имя. «А еще Маню Рахимову очень интересовало, кто какой? на самом деле и как долго человек может притворяться хорошим, если он плохой?, а главное, знает ли он об этом сам, или характер не является чем-то постоянным, а раскрывается по ходу жизни, а значит, он есть непредсказуемая величина и для самого его носителя».

Она — Маня Рахимова — как будто издали следит за происходящим, но единственная понимает, догадывается, какая драма должна произойти. Просто не успевает ее предотвратить.

В следующей части, заключающей историю уже постсоветского времени, мы не найдем даже персонажа, даже героя. Лишь упоминание о нем. То есть героиня на протяжении повествования как будто все дальше и дальше уходит от нас и от разворачивающихся событий. И с этой точки зрения вроде бы логично, что в финале роман растворяется в аллегории, как бы уничтожая всякий биографизм, достоверное, фактическое, реалистическое поле. Логично, но не вполне убедительно.

Впрочем, важно другое. Способ наррации, изменение угла зрения, позиции делает сложным и сам художественный мир. Неожиданным, по крайней мере. Разбивает устоявшийся канон, дает возможность играть с сюжетом (или сюжетами, как в данном случае). А отсюда — и совершенно другое читательское впечатление. Ведь от читателя требуется как-то соединить эти разные истории, разные нарративные картинки в одно целое. И понять, о чем же все-таки роман. Получается — о том, как человек уходит из истории, освобождается по мере взросления и обретает ту самую спасительную отстраненность, которая ведет к художественной свободе, разбивает привычный романский канон.

Оксана Бутузова

Приближение к Северу

По первому же рассказу становится ясно, насколько суровы законы Севера, как жестко обращается он с людьми, а те в свою очередь — с животными. Если конь споткнулся и не может работать в полную силу — расстрел («Рахат»). Но и коню дают последнюю возможность если не жить, то хотя бы бороться. И он борется, зная, что за первым выстрелом последуют второй и третий.

Можно обмануть человека и притвориться мертвым, а потом встать и отправиться в лес («Как Байкала хоронили»), чтобы умереть там, не на глазах, чтобы не хоронили по людскому обычаю зверей, а если и хоронили, то только в воображении.

У каждого своя судьба — и у человека, и у животного, и даже у растения. Вроде бы правильно живет человек, преодолевая и радость, и боль («Крещение кукушки»), но вот смысл жизни понять не может, потому что не видит ее целиком. Слишком сильные события не находят связи друг с другом, и человек мается, пробуя и так, и этак. Но вот жизнь растения, которая проходит у него на глазах от роста до созревания плодов, дает понимание и умение видеть плоды собственной жизни, а не мечтать, «пока сын вырастит». И еще важно не отрываться от традиций, даже в виде примет и заговоров, иначе все рассыплется, не найдет продолжения в общей канве.

Рассказы этого Альманаха не рассыпаются, хотя они очень разные. Но все в целом дают

некое приближение к Северу. Интересно наблюдать степень приобщенности авторов и их героев к этим краям. Кто-то здесь вырос, кто-то подкован энциклопедическими знаниями и грамотно обращается с ними, кто-то знаком отрывочно и пытается приблизиться за счет деталей, а кто-то еще только едет на поезде в северном направлении.

На Север едут за приключениями, уж больно романтично. Но неподготовленному путешественнику он открывается серым, неудобным и неприветливым («За сюжетами»). Словно скучная прогулка по скучному музею, которую скрашивает только алкоголь. Этому взгляду снаружи не помогут писательская корочка и вечная присказка, то ли оправдание, то ли угроза: «Мы — писатели, мы про вас напишем». Но сюжетов там нет, есть лишь своя жизнь, из которой герои силятся сделать сюжет, вытаскивая из памяти обрывки детства. Того, кто хочет писать о том, чем не живет и не дышит, не принимают. По крайней мере, это признается честно.

А ведь каждая деревня здесь дышит, как живое существо, даже полузаброшенная, как Первач, в которой остались одни инвалиды («Забывай как звали»). К ней и обращаются, как к человеку. Она достойна уважения, поскольку выживает за счет духа, духа тех людей, которым необходимы каждодневные проявления мужества, чтобы просто существовать в этих условиях. Деревня, как и главный герой, — бесполое существо. Возможно, от ее имени и ведется повествование.

Суровость Севера сродни суровости воинов. В наши дни это люди, прошедшие чеченскую

Альманах новой северной прозы. — Петрозаводск: Verso, 2016.

войну («Праздник лишних орлов»). Повесть состоит из историй, порой оканчивающихся драматично. Они, как острые осколки войны, вонзаются в память. Север принимает солдат отовсюду, и уже некоторые путают ветеранов чеченской с ветеранами Отечественной.

Бывший спецназовец, так и не привыкший к мирной жизни, пробует найти себя в северном монастыре. Монастырь, война и тюрьма — места схожие. Везде ты действуешь не по своей воле. Ты принимаешь одно главное решение (в случае тюрьмы — совершаешь преступление) и дальше исполняешь лишь то, что установлено законом. Причем монастырь, как решает герой, — хуже в том отношении, что из монастыря пути назад нет, в нем ты становишься совсем другим человеком. Это — как умереть.

Но от войны и тюрьмы тоже пути назад нет, даже когда срок вышел. Герои постоянно вспоминают и службу, и заключение. Единственный праздник для них — оказаться вместе, чтобы сложить печь и самим сделать себе тепло.

В противоположность предыдущей повести, герои «Индийских сказок» — местные жители, «индейцы», которые сами по себе и вне общества. Они даже спрятались за чужим именем. Главное у них — «свобода и воля», но больше нет ничего, кроме окрестной природы. Свобода в том, что есть разные пути, а воля — выбирать из них тот, за который будешь потом отвечать. Верить только в свои силы, не опираясь ни на семью, ни на друзей, ни на богов, ни на людей. Если захотел что-то лишнее — наказание может быть жестоко, сам же и осуществишь, рубанув себя топором, как елку. Потому основное занятие индейцев — «шевелёж», борьба со всем, что вокруг, а главное — с самим собой, со своей ленью, желанием не быть индейцем и прочими напастями.

Но как далеко еще до индейцев тем, кто только приехал в эти края. Чтобы пустить корни на земле, нужно построить дом для постоянного жилья и баню для очищения («Муки-муки»). Как нелепо и несерьезно выглядит покупка дома столичными писателями (из рассказа «За сюжетами»), и как мучительно трудно, но зато основательно и слаженно строится дом собственными

руками, общаться и договариваться с местными строителями — тоже целая работа. Муки-муки — в переводе на русский — страдания и тяжелый труд.

Но обзавестись домом — это еще не все. Важно установить связь с окружением — с природой, людьми, со всеми живыми существами, даже если они вызывают отвращение или боязнь, как змеи («Змей»). Здесь все так устроено, что никто ни на кого не нападает, все разделено разумно: хищники-щуки охотятся в озере, землю сторожат змеи. Коля тоже своего рода змей, он сторожит здешние края от дурных и чужих людей. Следует убивать только тех змей, что живут внутри тебя и стараются отравить жизнь или того «зеленого змия», который парализует. Тогда не будешь бояться и тех, что снаружи. Ведь они не хорошие, не плохие, как и Коля. Они очень органичные для здешней земли, в них присутствуют и добро, и зло. Плавали же по старой легенде в одном озере две утки, «в одной утке заключался сам бог, а в другой — сатанаил». Без борьбы двух этих начал друг с другом не возникли бы земля и все вокруг.

Литература — такая же борьба и такой же суровый Север. У каждого в ней свой путь, и в каждом пути надо дойти до такого мастерства, чтобы суметь поймать дух, заключить его в образ, из которого он уже не вырвется. Это очень похоже на рыбную ловлю, ведь рыбы из другой стихии. Ты втягиваешь их в свою, но рыбы всегда борются, норовят сорваться с крючка, тянут леску и даже на земле продолжают борьбу за жизнь. В большой прозе нередко пишешь и не видишь, к чему все идет. В рассказе в этом отношении проще, все складывается как на ладони, словно жизнь растения уместилась в один сезон.

Трудно поймать крупную рыбу — подсесть, удержать, вытащить, а бесплотный дух удержать еще труднее. И здесь одними словами не обойдешься. Слова — сети, что расставляешь, а дальше дело мастера. И следующие рассказы Альманаха выглядят как некоторые напутствия писательской гвардии.

Искусно сплетаются слова («Холодное топливо»), то ли согреться хочется, то ли понравиться. Но слишком непрочны и тонки эти кружева, не согревают причастностью, да и не поймашь в них читателя.

Для начала надо навестить своего Карлсона («Прощание на крыше»). Не стоит отказываться от воображения, прощаться с фантазиями. Ведь в карельских легендах их хоть отбавляй. Те заботы, которыми живут люди в повседневности, не столь глобальны, чтобы за ними не разглядеть собственный внутренний мир, оставшийся нам из детства.

Много у человека воспоминаний копится за всю жизнь. Есть и такие, что бередают постоянно — это война («Отец»). Если ударить по ним, в самое сердце, тогда полечает и на время отпустит. Хорошо бы научиться не обижаться, когда тебе указывают на твои недостатки («Лысый»), но этому человек может научиться только на собственном опыте, пройдя через свой жизненный катарсис. Это долгий процесс, возможно, он продлится всю жизнь.

Так и с литературой. К ней приближаются, приобретая опыт, но можно застрять на полпути, так и не научившись ловить рыбу-бук. Будучи филологически экипированным, имея в арсенале переизбыток слов и специальных словечек, чувствуешь себя уверенно, как в стильном комбинезоне («Вертящая ворга в щелях»). Но все равно клевать не будет, а то еще и кульбит на снегоходе сделаешь.

Авторы закидывают свои сети в надежде поймать интерес читателя. Некоторые на скромную, но вкусную приманку, другие выкладывают все и сразу, «перебивая самих себя», весь опыт житья на Севере. Но в Москву все равно хочется, хоть она и обманщица («Среда»). Потому что корни городского человека не в земле, а на асфальте, куда упал из гнезда птенец («Птичка»). Горожанин хоть и пожалеет его, но накормит только тараканами. В лесу же человек будет

чувствовать себя, как пес, которого один за другим бросают хозяева (это если прочесть наоборот рассказ «Жду здесь»).

Но не так важно, где ты живешь, важнее не заикливаться на шаблонах, не повторять одно и то же предложение из учебника, засевшее в голове («История одного предложения»). «Мама мыла раму» так же затерто, как и любовь к близким, которые всегда рядом. В литературе ничего не достигнешь, не отказавшись от штампов. Но выкинув их, нужно чем-то заполнить дно («Дно. Стоянка одна минута»). Из пустого «Дна» ничего не вытечет, оно так и останется словом, мелькнувшим в окошке поезда. И придется еще очень долго «вкалывать», прежде чем начнешь зарабатывать на этой литературной «клубничке» («Клубничка»). Это только издали кажется, что писать легко и приятно, как и собирать клубнику, но окунувшись в работу, начинаешь мечтать о другой, более прибыльной и не такой тяжелой.

Все события, вроде бы не связанные друг с другом, будь то в прозе или в жизни, сплетаются, сшиваются невидимой ниточкой в цельную ткань. Изучать эту ткань — еще одна сторона общения с литературой. Закрывающие Альманах «Очерки Кемского поморья» И.М.Дурова — образец неразрывного сплетения судьбы автора с историей родного края. Жизнь этого настоящего помора и краеведа была такой же трудной и суровой, но она наполнена песнями, легендами, сказаниями, которые он собирал. Ведь к земле испокон веков прирастают песнями и легендами, везде, не только на Севере. Возможно, и Альманах когда-нибудь в будущем станет частью культурного наследия этого края.

Владимир Шпаков

Украинский пазл

К новостям с Украины и из Крыма мы привыкли едва ли не больше, чем к ежедневным погодным сводкам. Четыре года изо дня в день СМИ кормят нас то ужасными, то обнадеживающими сообщениями из этих регионов, и на таком фоне зачастую меркнут и уходят в тень даже события мирового масштаба. Ну понятно: болит и волнует если не родное, то хотя бы близкое и знакомое — то, с чем связан судьбой. А всякий взрослый россиянин (или почти всякий) так или иначе связан с этими территориями, каковым была уготована драматическая, но при этом разная судьба. Вопрос тут не в наличии либо отсутствии информации, ее в медиапространстве завалили. А в том, *кто и как* сумеет убедительно показать подлинный драматизм, а подчас и трагизм ситуаций, что разворачиваются перед нами на экранах телевизоров, компьютеров или выстреливают с газетных страниц. Ведь в основном мы наблюдаем бесконечный словесный поток (временами переходящий в словесный понос) с бесчисленных телешоу, где давно распределены роли и амплуа, в том числе записных злодеев. И хотя дискуссии вроде бы горячие, а градус полемики невероятно высок, все равно остается ощущение, что тебя динамят. Под грудой пропагандистских штампов и повторяющихся взаимных обвинений правда жизни глохнет, ее давят на корню; и при этом, как видно, все себя очень комфортно чувствуют, в том числе записные злодеи.

На этом фоне книга Платона Беседина «Дети декабря» выглядит феноменом из другого

пространства. Написанная по горячим следам недавних событий, включающая в себя массу узнаваемых реалий, фамилии политиков, олигархов, эта книга тем не менее оставляет совсем иное послевкусие, нежели навязшие в зубах теледебаты. И внимательный читатель, взяв ее в руки, моментально почувствует разницу между идеологией и живой жизнью, между столкновением мнений и столкновением человека с ужасами современности.

Книга состоит из пяти повестей, на первый взгляд, не очень связанных друг с другом. Но вчитываясь, постепенно начинаешь понимать, что эти тексты связаны общей темой (и не только темой). Она разрабатывается по-разному; и герои разные, и судьбы различаются, однако книга не распадается на фрагменты, все равно остается ощущение целостности.

Герой-рассказчик в повести «Стучаться в двери травы» — подросток из Донбасса, молодой человек школьного возраста. Многоквартирный дом, где он живет с матерью, серьезно поврежден в результате обстрела, жить там невозможно. Вскоре закрывают школу, мать теряет работу (фирму тоже закрыли), а приютить некому. В итоге мать и сын становятся беженцами. И хотя они уезжают в Крым, где вроде бы не стреляют, где мирное небо над головой, такой судьбе все равно не позавидуешь. Налаженная, умеренно благополучная жизнь обычной украинской семьи в одночасье оказалась разрушена, растоптана войной, а скиталец — он и в Африке скиталец, и в Крыму. Вовсе не райские кущи ожидают вынужденных переселенцев, а жизнь в палаточном лагере где-то на окраине Севастополя — со всеми вытекающими. Отсутствие лекарств в медпункте, кормежка просроченной тушенкой, большие

Платон Беседин. Дети декабря. — М.: ЭКСМО, 2017. — (Серия «Документальный роман»).

начальники, которые приезжают в лагерь беженцев «засветиться»... Все эти детали создают совсем не радужную, не парадную картинку, к каковой нас приучил «телеящик». Да и отношение к известным событиям тех же жителей Донбасса тоже не всегда одобрительное. «Ополчение он ненавидел, люто, отчаянно. Никогда больше я не видел, чтобы человек так ненавидел. Всем собой, без остатка. Слово души дьяволу отдал и еще доплатил». Да, есть и такие персонажи; того, чье мнение процитировано, найдут потом с простреленной головой, и мне как читателю (пусть я и не разделяю подобного отношения к ополченцам) этого человека жалко.

Вот эта неоднозначность, показ жизни вне господствующих идеологических штампов — очень ценная вещь. Когда миллионы человеческих судеб резко и трагически меняют свой ход — клише невозможно, каждый страдает по-своему и всякая драма индивидуальна.

В повести «Дети декабря» крымчанин Вадим Межуев отправляется из Крыма на Антимайдан. В этой повести автор тоже старается уйти от идеологии, она тут теряется и тухнет в многоголосии улицы. «Запинаясь, подглядывая в бумажку, депутат Партии регионов произносит предположительно огненные, лавоподобные речи, которые, вылетев из его перекошенного отчаянием рта, остывают и превращаются в пепел». В то время как улица говорит, быть может, не очень правильно, сумбурно, зато живыми человеческими голосами, тут никакого «пепла» мы не увидим. Вопреки пафосу противостояния герою хочется познать еще логику и мотивы противоположной стороны, «сложить все части украинского пазла», в итоге Вадим отправляется на Евромайдан, в бурлящий киевский котел, каковым была столица Украины в декабре 2013-го.

Это еще не страшные февральские события, когда счет убитым пошел на десятки, тут описано пока что мирное противостояние. Но какие-то сущностные вещи уже проглядывают, и автор устами героя их фиксирует: «Первопричина всегда одна: люди на Евромайдане хотят доказать себе, что они больше, чем есть на самом деле, и тем самым победить, уболтать, перемолоть смерть. Я тоже приехал в Киев за этим. Быть вне себя, выйти за рамки». Герою хочется простоты, привычного расклада на

черное и белое, своих и чужих, однако жизнь показывает, что простых ответов на сложные вопросы не будет. И что в каждом участнике событий есть что-то и от беса, и от ангела. Герою приходится рассориться с другом Игорем, затем он идет в гости к чешке Петре, приехавшей в бурлящий Киев, дерется с ее друзьями-чеками, так что абсурд к финалу нарастает, и где-то впереди, как продолжение пока что не смертельной потасовки видятся будущие убиенные на Майдане, в Одессе, на Донбассе...

Действие повести «Мебель» разворачивается несколько позже: Майдан уже победил, всюду идет АТО на Донбассе, и жизнь на Украине меняется в известную сторону. Но связи с Крымом еще не оборваны, поэтому житель Севастополя по фамилии Смятин едет в Киев, обустроить купленную там когда-то квартиру. Она была приобретена, когда жизнь виделась совсем в ином свете, по сути, в другой стране, и обустройство, возможно, не имеет смысла. Да еще законная жена против, потому что на Украине — «Война!». Плюс к тому со здоровьем неладит, да и психическое состояние не ах: некая черная тень после прочтения «Мелкого беса» начала мерещиться Смятину. Но герой, вопреки всему, тащит в Киев чемоданы книг и начинает разыскивать по магазинам важнейший атрибут любого жилья — мебель. Он делает это упорно, методично, отгоняя накатывающие галлюцинации, но постепенно хлопоты делаются бессмысленными, даже абсурдными. Весь строй жизни новой Украины, с ее калек из зоны АТО, с галопирующими ценами, с повсеместным бардаком — отрицает возможность устроить здесь жизнь, обрести, как мечтает Смятин, тихую семейную гавань. В итоге, дошедший до края, он бежит назад в Крым, но в этот момент прекращается всякое сообщение со «временно оккупированной» территорией. Поезд в Одессу, затем автобус до границы на перешейке, однако силы уже на исходе, и герою, как следует из финала, просто не суждено добраться домой.

Герою повести «Воскрешение мумий», напротив, суждено добраться домой. Впрочем, не самая длинная дорога из Мисхора в Севастополь оказалась столь замысловатой и опасной, что он вполне мог и не добраться. Мог бы пропасть, погибнуть, и слава богу, что

оказался всего лишь ограбленным некими кавказцами-уголовниками. Все эти перипетии происходят, что немаловажно, в Крыму, который уже *наш*. Но жизнь пока что мало напоминает идиллию, что мерещилась в угаре революционных событий недавнего прошлого, когда в голову героя (как и многих его земляков) било шампанское под названием «воссоединение с Россией». Этот человек сообразно убеждениям отстаивал независимость своей малой родины, однако теперь переживает постреволюционное похмелье и задается тревожными вопросами: «Так растерялся ли, растрепался ли наш Внутренний Крым? Сожрала ли его, затюкала ли адова кухня роста цен, ужесточения законов и транспортно-логистических бед? Проглотил ли его лукавый Левиафан ванильных, приторных обещаний? Затерла ли его та же, что и при Украине — да что там, не меняющаяся со времен Грибоедова, — банда казенных морд? Не знаю».

Связь между разнесенными в пространстве и времени историями обнаруживается по мере их прочтения. В качестве фоновых героев в повестях то и дело всплывают персонажи из других текстов, намекая на целостный характер этих событий. Меняя ракурсы, автор из этих фрагментов и впрямь пытается сложить некий пазл. Но пока не прочтешь финальную повесть, пазл не складывается, в нем чего-то не хватает.

В завершающей книгу повести «Красный уголь» социальный контекст уходит на второй план. Тут упоминается Донецк, по которому уже начинают стрелять и откуда надо срочно вывозить деда в спокойный Крым. Но это не главное — главное разворачивается совсем в другой плоскости, сугубо человеческой. Навещая деда в госпитале, герой привязывается (сам не понимаю почему) к больному старику

Фомичу, к которому никто не приходит. Навещает его, потом увозит домой, помогает, ухаживает, хотя у самого проблем полон рот — он только что развелся с женой и очень переживает за дочь, оставшуюся без отца. И все-таки что-то его толкает к старику, заставляя даже рисковать если не жизнью, то здоровьем, поскольку сын Фомича, картежник и прощелыга, проиграл квартиру отца и ждет его смерти, чтобы расплатиться с долгом.

Это крайне существенный момент. Более того — ключевой для книги, где пафос вроде бы социальный, касающийся исторических подвижек, и где частная жизнь отдельных людей как будто не важна. Но в том-то и дело, что важна. После прочтения финала начинаешь понимать, почему в предыдущих текстах автор столько внимания уделяет семейным отношениям, дружеским, рассказывает об отцах и детях и т.п. К чему эти мелочи, если на твоих глазах творится История?! Отдайся ее течению, маленький человек, прыгни в бурлящий поток, глядишь, и вынырнешь большим!

Но автор не идет по этому пути, в чем и есть главная ценность книги. Могут рушиться царства, распадаться империи, Крым может делаться *нашим*, а Киев, мать городов русских, превращаться в стан врага. Но главное крушение — это крушение человеческого сердца: когда оно каменеет, тогда и наступает конец времен. «Красный уголь», если угодно, можно расценить как уголек человечности, который раздувает в себе герой повести, не желая превратиться в бесчувственный камень. Вот это стремление остаться человеком и есть недостающая часть украинского пазла, собирающая книгу воедино и делающая ее целостным произведением. И дающая надежду на будущее.

Дмитрий Артис

Довериться руке

Сразу возьму быка за рога и кинусь в самую гущу салимоновской книги:

Прощание с лирическим героем...

Есть что-то зловещее (трагическое?) в отповеди лирическому герою из уст автора, достигшего полного единения с ним. Будто отповедь самому себе. Так две параллельные прямые в условиях бесконечности пересекаются и сливаются в одно целое. Теперь уже трудно понять: герой рассказывал жизнь автора или же автор писал жизнь своего героя. Снимается вопрос первичности. Они невозможны друг без друга.

Герой, за которым раньше можно было спрятаться, возложив на него статус отдельной личности, оказывается не кем иным, как самим автором, а все обращения к нему не выходят за рамки разговора с самим собой. И несмотря на то, что придаваемое этому образу величие рассыпается («в ходе эволюции исчезли гиганты...») на множество составных частей («детали в интерьере и в одежде»), он остаётся значимым персонажем внутри стихотворных текстов, поскольку является единственным, кто, по мнению автора, способен выслушать его, обретая тем самым право на молчание.

Взаимоотношения лирического героя и авторского «я», их постоянная борьба — основной мотив книги. Они периодически вытесняют друг друга, сходятся и снова расходятся. Порой уже непонятно, чей голос исполняет ведущую партию в том или ином стихотворении. Голоса так похожи, что

пропадает желание их разделять. Ясно ведь — если в тексте встречается обращение к кому-либо, то оно воспринимается как обращение к самому себе. Единение в бесконечности. Единение двух параллельных прямых за счёт уединения. Даже в стихотворении с посвящением (оно, кстати, одно на сто двадцать четыре страницы книги) авторский посыл направлен к самому себе, в свои собственные мысли, преподносимые как мысли некоего персонажа. Есть безучастное отстранение, похожее на рефлекс — срабатывающий на подсознательном уровне инстинкт самосохранения. Адресат же стихотворения, обозначенный в посвящении, — всего лишь «отправная точка», от которой можно оттолкнуться, чтобы вновь и вновь наслаждаться беседой с самим собой. Не будь посвящения, строчки с упоминанием *товарища*, вибрирующие на уровне лёгкости пушкинской поэтики, воспринимались бы, как обращение автора к своему второму «я»: *«В провинции легко уйти от дел, // на год, на два от света удалиться, // что хорошо товарищ мой умел»*.

Интересно, что в самом начале книги Владимир Салимон не даёт возможности высказаться своему лирическому герою, устраивая по нему гражданскую панихиду («солдаты не прошли парадным строем»), а в конце, в самом последнем стихотворении, забирает эту возможность уже у самого себя — у своего авторского «я»: *«Чтобы право на молчание / получить, изображал / зверя дикого рычание, / чем родных своих пугал»*.

Отказ от речи желанен. Автор надеется обрести желанный покой — тишину. Чтобы прийти к нему, необходимо выпотрошить

Владимир Салимон. Право на молчание. — М.: Воймега, 2017.

себя без остатка, даже с перебором, так, чтобы снять вопросы, споры и пересуды, которые могут возникнуть в настоящем и будущем у родных и близких, у читателя. Он выговаривается, уходит в длинноты, затягивает высказывание, кружит вокруг сути и изначально выбранной темы, приходит к непредсказуемому финалу. Стихи кажутся заранее не продуманными — возникающими в процессе написания, они ведут Владимира Салимона, вытаскивая наружу его подсознание. Довериться *руке*, отдаться власти выходящей из-под контроля капризной музы бывает мучительно тяжело, она затягивает в такое болото лишних слов и смыслов, из которого выбраться можно исключительно путём болезненной ампутации. Но это тот случай, когда композиционный беспредел отдельных строк и текстов работает на сквозной мотив книги, сохраняя живое дыхание текста.

Отключаясь от суеты бренного мира, Владимир Салимон благодаря своей чуткой фантазии погружается в почти фольклорную окружающую среду.

Явления природы подобны человеческим страстям:

Как будто перед бурей, наступило
затишье вдруг, внезапно ветер стих
и дождь умолк, сломила силу сила.

Персонажи русских народных сказок, будь то Иван-царевич или Колобок, отправляясь на поиски невесты / счастья / покоя, по дороге обязательно встречают разговаривающих человеческим голосом братьев наших меньших, которые побуждают их к совершению поступка, провоцируя интригующие повороты событий. Сюжеты многих стихотворений Владимира Салимона держатся на подобных второстепенных персонажах:

Он хочет написать роман в стихах,
но сочинил на пол-листка вступление,
когда дремавший у него в ногах
пёс выказал известное волнение.

На примере стихотворения с посвящением Сергею Васильеву видно, как и с чего начинается путь авторской мысли — это один из самых показательных текстов, где Владимир Салимон превращается в героя сказки-путешествия, которой коснулась, если обратить внимание на многочисленные аллюзии, литературная обработка.

Заметка о товарище моем
не получалась, прилетели птицы
клевать иргу ненастным, хмурым днём,
все разом — зяблики, дрозды, синицы.

Линейное повествование, как и свойственно подобным памятникам фольклора, отталкиваясь от нежелания главного персонажа существовать в мире обыденностей — в случае Салимона — за письменным столом, уводит его в мир зябликов, дроздов и синиц — в лес, на берег реки, в провинцию, в глушь, в Саратов. Правда, путешествие остается лишь намерением, поэтому-то, наверное, у него и нет трагического финала, если не брать в расчет того, что «заметки о товарище» Владимира Салимона рисковали остаться ненаписанными.

Подкупает чистота посыла стихотворных текстов. Поэтическая речь Владимира Салимона ясна, легка и трагична одновременно — под стать человеческому бытию, с его мыслями о тщетности и бесполезности (заметим: приправлены они отнюдь не старческим брюзжанием, а юношеским романтизмом). В процессе увлекательного чтения открываются все новые смыслы и нюансы. В стихи Владимира Салимона уходишь глубже и глубже, нисколько не боясь ненароком удариться лбом о железобетонное дно. По крайней мере я до него так и не добрался.

...но если заглянуть поглубже, если
перетряхнуть до дна земной Эдем,

мельчайших организмов копошенье
мы обнаружим в толще недр земных,
по сути дела, всё сооруженье,
всё мирозданье держится на них...

Александр Евсюков

Спокойствие среди хаоса

Рассказы Вадима Месяца, собранные под одной обложкой, поначалу сбивают читателя с толку. Перед нами без малого полсотни коротких историй, насыщенных таким количеством событий, которого хватило бы на целую серию остросюжетных романов. «Любая книжка должна быть приключенческой. Я считал так в подростковом возрасте и, после многолетнего перерыва, считаю так и сейчас. Более того, добыча хорошей приключенческой книги должна сопровождаться соответствующим приключением», — так формулирует автор свое творческое кредо в рассказе «Книголюбы». Увлекательность — это конечно хорошо, однако динамичность действия никаким образом не подкрепляется глубокими внутренними переживаниями рассказчика и других героев. Почти вся рефлексия вынесена за скобки произведений. И это озадачивает.

Как же так — серьезная психологическая литература приучила нас сопереживать героям и напряженно следить за их тревожностями, а здесь, понимаете ли, царит полная свобода анархического толка, каждый волен делать, что ему нравится (не претендуя на безраздельное внимание рассказчика) и стремительно пролетать мимо в космическом потоке, уступая место следующим кометам и метеорам. Так перед нами проносятся друзья, покойные и выжившие, любовницы, жены, увлечения, дефицитные джинсы и полковничьи шинели, морги и стриптиз-бары, гопники и битники, аквариумы и мотоциклы, отбросы и сливки общества, американская витрина и российская глубинка, путешествия и рок-н-ролл.

В какой-то момент вдруг становится

понятно, что этот космический хаос — стихия и даже своего рода религия этой прозы. Именно в нем она существует, именно от него стремится защититься своим «патологическим спокойствием». И представляется, что как раз поэтому почти к любому кульбиту судьбы, ко всякому поступку случайного знакомого или персонажа классического романа рассказчик относится с заведомым пониманием: «Раскольникова не осуждал. Если бы перед убийством он зашел ко мне, я бы сказал ему: решай сам. У каждого дела есть свои плюсы и минусы. Это было главной мыслью сочинения. Раскольникова могли ждать великие дела. Зачем я буду наступать на горло его песне?»

Но, кажется, ни к чему и ни к кому главный герой Месяца не прикипает, ни от чего не ставит свою жизнь в прямую зависимость. Вернее, порой он невольно привязывается к чему-то случайному, нелепому — к предмету, с которым связана жизненная история, и предметом этим могут оказаться, например, маникюрные ножницы фирмы «Золинген». «Что нужно человеку моей формации в дороге? Телефон, кошелек, паспорт, смена белья, зубная щетка и набор бритвенных принадлежностей. Но — важнее всего маникюрные ножницы» («Ножницы»).

Здесь возникает весьма прозрачная отсылка к текстам Довлатова (аж трижды заявленная с обеих сторон обложки и в аннотации), прежде всего к рассказам из сборника «Чемодан»: конкретная вещь как наглядное напоминание о яркой и парадоксальной истории. Однако у Довлатова вещи, перебравшись за океан, остаются исключительно реликтами прошлой жизни. Они не живут дальше. Вещи у Месяца доигрывают свою роль и в итоге остаются именно там, где им положено. «Я безучастно

Вадим Месяц. Стриптиз на 115-й дороге: Рассказы. — М.: Издательство «Э», 2017.

поинтересовался о цене на эту услугу и бросил свои "Золинген" в мусорное ведро. Я мог повторить старый трюк и выудить их обратно, но не хотел. Я чувствовал, что время свободы и путешествий налегке подходит к концу. Я должен вернуться к детям».

Отмечу еще два существенных отличия между «зачинателем» и «продолжателем» традиции. Первое — из прозы Сергея Довлатова очень сложно выделить любимое произведение. Как правило, либо любят и принимают всего Довлатова, либо не принимают — тоже всего. В случае со сборником Вадима Месяца ландшафт получается более сложным и насыщенным. В нем есть рассказы, которые заметно выделяются, оставаясь при этом вполне органичными для целостного явления. Это «Интуристы», «Курица», «Машуков», «Вундеркинд», «Живые и мертвые», «Пистолет», «Баллада о трех мотоциклах», «Ха-Яркон», заглавный «Стриптиз на 115-й дороге» и ряд других.

Второе: перепутать происходящее в Америке и в СССР в произведениях Довлатова практически невозможно. Между двумя странами и их ментальностями располагался «железный занавес», это две совсем разные жизни. В книге Месяца такого резкого контраста нет, и совсем не случайно рассказы с названиями «Перово» и «Шарон-спрингс» расположены по соседству. Здесь российский мент живет с «американской мечтой» в душе. А украинские националисты выясняют отношения с «москалями» на американской территории. «Природа здесь была такая же, как и в других частях севера штата Нью-Йорк. Сосновый и лиственный лес, мох. Огромные черные валуны, разбросанные по лесу схождение доисторических ледников».

Стоит только пропустить беглую вступительную фразу, и не сразу поймешь, где сейчас находишься: в Москве, в Сибири

или на Диком Западе. Некоторые критики уже успели вменить это автору в вину. Вот цитата из рецензии в «Литературной газете»: «У Вадима Месяца что РФ, что USA — одно и то же. И там, и там его герои ничего не делают, надувают всех подряд, пьют на халяву и занимаются блудом». Надо признать, что все перечисленные особенности поведения в рассказах присутствуют. Но главным все-таки остается человек с его ироничной стойкостью и подчеркнутым спокойствием среди буйства человеческих и природных стихий. Человек, хвалу и клевету приемлющий равнодушно и научившийся не оспаривать глупца слишком всерьез.

По словам автора, для него важны выход из рамок бумажной литературы и приближение произведений к жанру стендапа, живого исполнения текстов, которое способно заметно облегчить их читательское понимание. И, как мне представляется, конкретно эту книгу было бы очень уместно снабдить диском с профессиональным аудио-прочтением избранных рассказов.

Дочитывая книгу, ощущаешь, как сама жизнь подсовывает рассказчику столько событий, включая остро драматические, что подробно отстрадать по поводу каждого из них нет ни времени, ни возможности. Иначе писатель (а вслед за ним и читатель) просто перегорит, как лампочки при частых скачках напряжения.

Но бесконечно скрывать все подлинные чувства под маской иронии и снисходительного равнодушия тоже оказывается невозможно, и поэтому из-под нее прорываются то не улегшееся в душе раздражение (как в рассказе «Франкенштейн»), то невысказанная вслух сердечная боль. Потому что от нее русскому писателю, пусть порой и бравирующему американскими опытом, никуда не деться.

Валерий Мильдон

Очарованные странники литературных фуршетов

Сокращенный вариант романа появился в начале 2014 года на страницах журнала «Москва» под именем Натальи Кременчук, после чего в литературной среде начались обсуждения того, кто все же автор этого яркого сочинения.

Ныне под именем Кременчук выпущен его полный текст, но и теперь интрига сохраняется: на четвертой странице автором названа известная в научно-педагогических кругах филолог и к тому еще лауреат премии Правительства РФ Наталья Борисенко, а соавтором — креативным редактором — прозаик, историк литературы Сергей Дмитренко... Очевидно, такой саспенс вокруг имени автора входит в творческую стратегию тех, кто данное произведение создал, тем более что жанрово оно относится к авантюрному роману. История начинается с феерической панорамы одного из литературных праздников, которыми явно прославится наше время, — вручения крупной премии за лучший «новый русский роман». Однако во время обильного фуршета убивают счастливого лауреата, а случайно попавшая на мероприятие психолог Ксения вместе со своим давним приятелем, литературным шатуном Андреем Трешневым, и не только они, оказываются втянутыми в расследование этой запутанной истории... Но в конце концов это прежде всего «авантюры языка», отдаленно напоминающие нечто у Лескова («Очарованный странник», «Соборяне»). И за этими «авантюрами» следить

интереснее, нежели за детективом, ибо там, как только тайна убийства раскрыта, ждать нечего. С языком иначе: только и думаешь, а что сейчас скажет главный герой — очарованный странник фуршетов? Кажется, все исчерпано, даже разнообразие вин и закусок, но нет, язык персонажа неисчерпаем, с чем авторов (автора?) и поздравляю.

Текст «Смерти на фуршете» многослоен.

Первый слой — для любителей детективов. Второй — для любознательного читателя современной литературы, которого интересует не эстетика, а экзотика, то, что происходит с создателями литературы, их каждодневное бытовое, совершающееся за пределами текста. Третий — для профессиональных читателей, которые ищут раскавыченные цитаты из классики и радуются, когда находят. Таких цитат в романе много, они естественно соскакивают с языка его героев, кажется, что они извлекают их из книжного океана именно в момент произнесения. Думаю, так и было с «автором» во многих случаях, когда книга писалась. И это усиливает художественный эффект. Наконец, есть и четвертый слой — для читателей-писателей, которые, полагая, будут прищелкивать языком, с удовольствием узнавая известных только им лиц в скрытых за вымышленными фамилиями персонажах. А если не узнают, подойдут к авторам, чтобы спросить: «А этот кто?»

Более того, полагая, когда наше время уйдет в историю, эту книгу можно будет рассматривать как документ эпохи, ибо отчетлив мемуарный отблеск. По ней потомки будут судить о литературной жизни первых полутора десятилетий XXI столетия, как,

Наталья Кременчук. Смерть на фуршете: Полный текст романа. — М.: Издательские решения, 2017.

например, по «Сумасшедшему кораблю» Ольги Форш (он бегло упомянут в романе) судят о конце десятых и начале двадцатых годов XX века.

В романе слышны слабые отзвуки Ильфа и Петрова, Михаила Булгакова, но это не в упрек, скорее, в похвалу — не поощрительную, а эстетическую: если хорошо и кстати, отчего не воспользоваться, ведь писатель не у жизни учится (у нее ничему нельзя научиться, жизнь не эстетический феномен), а у другого писателя\писателей.

Мастерски придуманы имена и фамилии, названия учреждений, фондов и премий; их чтение — особое удовольствие.

Описаний почти нет, сплошь диалоги — трудная работа, но она делается с изяществом артистическим. Кое-где, однако, требуется легкая чистка, похоже, авторы поленились ее сделать. Например, трижды используется слово «вусмерть». Слово как слово, но выглядит рогожной заплатой на фоне легкой материи языка романа. Или: «в тихих шелестящих разговорах». Одно из двух; а то и вовсе оставить только второе прилагательное, ибо первое в нем уже есть. Или: «центральной охранник». Я понимаю, о чем речь, но прилагательное из баскетбольного лексикона в этом эпизоде ни к селу, ни к городу. Или: одна из второстепенных героинь Ольга, врач, говорит не своим, а авторским языком, языком литературной среды, которым она не может владеть (по заданным именно «автором» условиям), и эту мимолетную фигуру не отнесешь к удачам.

Зато главный герой, Андрей Трешнев, очень хорош, его присутствие украшает любой эпизод, и диву даешься, как бесконечен запас шуток, словечек, рассказов, каламбуров,

которые находятся для него у «автора». Остроумие Трешнева нигде не тяжело, его находчивость всегда к месту, он — Одиссей, Воланд, Остап Бендер (первое, что пришло на ум), или, перемещаясь в теорию, трикстер, о чем, к счастью, авторы не думали, иначе не было бы эстетической легкости, увлекающей читателя романа, причем вне зависимости от детективной истории, в него вплетенной.

Подумалось, как только начался детектив: меня совсем не тянет узнать, чем он кончится, хотя эта история взята, разумеется, осознанно, по праву профессионального писателя, ведающего, чем увлечь читателя. Действительно, увлекает, но не меня (это — беглое впечатление читателя, а не критика, который должен прятать личное мнение). Но мне зато припомнился давний рассказ Генри Джеймса «Поворот винта»: там детективная история заканчивается ничем. Мы так и не узнаем, что же произошло на самом деле, остается только гадать, и такое долгое гадание было предусмотрено автором. Думаю — и эту свою мысль тоже связываю с достоинствами «Смерти на фуршет» (ибо за ее чтением она всплыла), — что Джеймс, работая в эстетике готического романа, таким способом освежал ее. В романе Кременчук–Борисенко–Дмитренко тоже есть «готический» эпизод, мне непонятный: в преддверии финала три главных персонажа оказываются нагими на Тверском бульваре — после загадочного пребывания в подземелье (важная деталь готики), хотя здесь, кажется, это подземелье — склад книжного магазина...

Но все ли нам понятно, например, в современном литературном движении?! И не стремится ли роман «Смерть на фуршете» травестийно-санитарным образом современную литературную эстетику освежить?

Ольга Балла

Точность тайн

Взявшись знакомить современников с литературным наследием поэта, прозаика и литературоведа Александра Цыбулевского (1928—1975), составитель книги и комментатор вошедших в нее материалов Павел Нерлер пошел по пути, который может показаться неожиданным. То, что мы держим в руках теперь — по собственным словам Нерлера, «второй том воображаемого двухтомника». За пределами этого огромного, в девять сотен страниц тома остались художественная проза Цыбулевского (скажем так: проза, художественная в строгом и классическом смысле) и его стихи, то есть то, с чего, по идее, стоило бы начать его узнавание. Стоило бы, несмотря на то, что художественные тексты Цыбулевского уже издавались (во-первых, по большей части в Грузии, где автор провел всю свою жизнь, во-вторых — слишком давно: последняя его книга — она же единственная, вышедшая в Москве, «Ночные сторожа» — была издана в 1989 году). Почему так вышло — из сказанного составителем в предисловии не очень ясно; ясно лишь, что готовилась книга нетипично долго — целых 15 лет, что «в первоначальный замысел входило нечто вроде» полного собрания его сочинений, в первый том которого вошли бы поэзия и проза, а во второй — критические статьи и записные книжки. Однако первый из томов по каким-то не названным напрямую, обстоятельствам так и не состоялся.

Александр Цыбулевский. Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии / Сост., вступ. статья, коммент. П.Нерлера. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Этого несбывшегося тома жаль, потому что Цыбулевский хотя и был значимой культурной фигурой в Грузии, его имя, по выражению Нерлера, «многое говорит знатокам русской и грузинской поэзии», — как поэт и прозаик он остался все-таки недопрочитанным, все-таки, по большому счету, на периферии русского культурного сознания (которому он, человек двух культур, принадлежал в большей степени, чем грузинскому). Хорошо было бы, конечно, увидеть все в целом. В каком-то смысле можно сказать, что мы входим в художественный мир автора если и не совсем уж с черного хода, то через служебную дверь и видим не только внятно выстроенные комнаты и залы, но и помещения, полные строительных материалов, заготовленного про запас сырья.

Тем не менее, не имея полноценной возможности судить о собственных прозе и стихах Александра Цыбулевского (только по черновым заготовкам в записных книжках да по цитатам из обстоятельного и информативного, размером и охватом в небольшую монографию, предисловия к книге, написанного Нерлером, — одновременно и жизнеописания, и анализа творчества), я почему-то подозреваю, что тексты, вошедшие в этот том несостоявшегося двухтомника, отражают личность автора, особенности его мировосприятия и мышления точнее всего.

Включены же сюда — в основной корпус текстов (есть еще приложения) — литературоведческие эссе: «Высокие уроки. Поэмы Важа Пшавела в переводах русских поэтов», «Разговор о Блоке» и «Разговор о Мандельштаме» — и огромный, впервые публикуемый массив записных книжек: шестьдесят восемь книжек за девять лет —

с 1964-го по 1973-й (все, что сохранилось; было больше — от девяноста до сотни). Кроме этого, мы можем оценить Цыбулевского-фотографа, увидеть его мир его глазами: в одном из двух фотоблоков книги представлены его художественные фотографии, на которых — почти исключительно Грузия, ее земля, ее храмы и памятники, ее лица. (В другом фотоблоке — «фотобиография» самого автора, портреты его самого, его родных и друзей.) В приложения же составитель вынес, во-первых, литературоведческие статьи Цыбулевского, найденные в его архиве: черновой текст о ритме в художественной прозе, две заметки о еврейских писателях — о Шолом-Алейхеме и Фейхтвангере, оставшиеся неопубликованными, и две внутренние рецензии на переводы грузинских поэтов. В работе Цыбулевского ориентирует нас помещенная здесь полная его библиография. И наконец, приложение неожиданное, но очень много дающее для того, чтобы почувствовать личность автора книги: «Венок» — посвященные ему стихи разных поэтов, среди которых и составитель книги Павел Нерлер (а также Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Михаил Синельников, Глан Онанян, Даниил Чкония, Булат Окуджава...)

Очень хочется сказать, что записные книжки, эти дико- и буйнорастущие черновики внутренней жизни, неотделимые от мгновенных хроник жизни внутренней — наиболее интересное здесь (составитель считает этот, самый большой раздел книги «главным», а Цыбулевский в одной из записей, не без раздражения, правда, так сам себя и назвал — «записно-книжечник»). Но нет: эссеистика оспаривает у них этот статус активно и успешно. Будучи, казалось бы, узкоспециальной по своему назначению: филологические, инструментальные тексты, посвященные прояснению узкоцеховых вопросов о том, как устроена переводческая работа и какими путями она решает свои задачи, — эта проза выходит далеко за такие рамки, не теряя при этом, вот что удивительно, своего инструментального характера и не переставая быть действительно прояснением узкоцеховых вопросов на самом что ни на есть конкретном материале. Верите

ли, читать это интересно даже в том случае, если (тем более если!) ты примерно ничего содержательного не знаешь о грузинской поэзии, а переводы из нее, выполненные Мариной Цветаевой, Николаем Заболоцким и Борисом Пастернаком, привычно считаешь трудом, которым эти большие поэты занимались вынужденно (в сущности — проклятым, поденным), результаты которого располагаются где-то на периферии их работы в словесности и которыми, осмысливая их работу, вполне можно без особенного ущерба для ее понимания пренебречь.

Так вот: филологическая проза Цыбулевского такие представления переворачивает совершенно.

На очень небольшом, в сущности, пространстве конкретных текстов (четыре поэмы: «Этери», «Раненый барс», «Гоготур и Апшина», «Змеед») исследователь решает здесь крупные, коренные задачи (и более того: показывает, что именно такого масштаба задачи решали, переводя грузинского классика, и его герои!). Он выявляет эстетику и этику взаимоотношений переводчиков с переводимыми текстами (кстати: Цыбулевский мог в полной мере оценить подлинник — выросший в Грузии, он хорошо знал ее язык и культуру); прослеживает, как это связано с общей этикой и эстетикой самих Цветаевой, Заболоцкого, Пастернака, с устройством их личностей. Именно в таком контексте он читает их переводческую работу. Например, из того, что «цветаевское «я» — не эгоистично, оно утверждается в страстном самоотречении: «Все в мире меня затрагивает больше, чем моя личная жизнь» (из письма 1923 года). Из понятия «выразить себя» — в случае Цветаевой следует исключить даже тень себялюбия» — он прямо выводит то, что для перевода «она избирает пословный метод, он более отвечает отношению к переводимому тексту, как к святыне. Для Цветаевой важно преодолеть логически непреодолимое противоречие: не изменить себе и раствориться в авторе полностью». Тогда как задача лишнего таких установок Заболоцкого не столь мучительна: для него главным было дать настоящие русские стихи, перед этой задачей

отступали остальные, он растворяется не столько в авторе оригинала, сколько в совокупном образе русской классической поэзии <...>» Говорит он и о неизбежной ограниченности переводческого понимания («Но кое-что всегда остается недоступным для перевода. Сосуд перевода менее емкий, в него не может перелиться весь подлинник без остатка».) В сущности Цыбулевский осмысляет таким образом основания переводческой практики как таковой и говорит об этом много принципиального.

«Кто же ближе к подлиннику, чей перевод вернее? Есть основания для предположения: переводы «Этери» ни взаимодополняют, ни взаимоисключают друг друга — у них нет точек соприкосновения, это самостоятельные, изолированные, отдельные, отдаленные системы, разность и противоположность которых обоснована и оправдана подлинником. Причем дело не в противоречивости подлинника (кстати, оба перевода тоже не противоречат и не противостоят друг другу), а в его особенностях, равноправно в нем совмещенных. Каждый переводчик находит в оригинале близкое себе, оригинал дает ему повод и почву для его поэтических качеств и пристрастий». Но и более того: он прослеживает, как перевод влияет на собственную поэзию переводчика (так, в «Змееде», переведенном в середине 1930-х, вырезают черты позднего Пастернака. которых поэт еще сам в себе не знает).

В конечном счете, разговор получается и еще шире — о характере читательского восприятия (перевод — одна из интенсивных его разновидностей); о мифологических корнях самих поэм Важи Пшавелы («Этери плачет о стаде, и оно без нее будет растерзано. Стадо погибло, потому что не стало пастуха — это один из самых древних мотивов в мировом фольклоре. Ситуация столь древняя — когда пасти стадо миссия чуть ли не божественная. Этери и есть в некотором роде божество, такое же, как Миндия в поэме «Змеед». И та же тема: Миндия лишается божественного дара, перестает быть божеством из-за женитьбы, то же и Этери, она нарушает клятву, обет безбрачия. Этот обет ритуален — Этери в храме

природы подобна весталке, жрице, нимфе, Психее наконец. Она покидает нечто обладающее приметами рая».) Перед великим грузинским поэтом Цыбулевский, несомненно его почитая, ничуть не благоговеет и способен на жесткие суждения даже по отношению к классику: «То, что Этери подневольна у мачехи, — это механическая накладка на суть образа, несуразность, неувязка», — не говоря уже о его переводчиках. Признавая в них поэтов первого ряда, он говорит о них на равных, как о коллегах по цеху.)

Кроме всего прочего: то, что Цыбулевский пишет о сравнительных достоинствах несравнимого — русских переводов нескольких поэм грузинского классика (вообще — об их особенностях, не раз подчеркивая, что противопоставления по принципу «лучше — хуже», «более точно — менее точно» в данном случае не имеют смысла), — в той же степени тщательно выстроенное исследование, в какой и художественная литература. Говоря о том, что именно эти тексты, — с одной стороны, как бы инструментальные, с другой — как бы черновые и сырьевые — чувствуются лучше всего отражающими авторскую личность, я имела в виду, что в этой личности художественное и аналитическое начала на самом деле не просто нераздельны. Они вообще — одно и то же: художественное в нем аналитично, аналитическое — художественно. Но и смешения здесь таинственным образом тоже нет — две стороны этого целого, притом вполне ясно, различаются.

Между разными формами многообразного участия Цыбулевского в словесности не то чтобы вовсе нет перегородок, но они скорее соединяют, чем разделяют; они нетипично проницаемы. Вернее всего это, конечно, видно в записных книжках, где один модус речи прямо на глазах переходит в другой (прозаический — в поэтический), создается из другого — и вновь возвращается в него — практически незаметно. (Родство поэтического и прозаического Цыбулевский чувствовал всегда, не только как практикующий писатель, но и как теоретик, о чем свидетельствует его раннее — «возможно, первый вариант дипломной работы <...> на филфаке

Тбилисского университета — исследование о ритме в художественной прозе»). Но — о чуде! — в литературоведческих текстах ведь происходит то же самое, просто иначе. «Живая точность тайн» — названа пастернаковскими словами одна из глав его «Разговора о Блоке». Те же слова хочется отнести и к текстам самого Цыбулевского: точность у него, чуждого темнотам и невнятиям, именно такая.

Предмет своего внимания (в данном случае — разные по внутреннему устройству, но равно обоснованные русские истолкования грузинских текстов) Цыбулевский воспринимает стереоскопически, одновременно с разных сторон и двумя способами: и концептуально, и образно, пластически. Так умеют немногие. Видимо, в какой-то мере это — врожденная способность, которую культура только оттачивает.

Илишь заглянув в предисловие (не каждый же начинает читать с предисловий, хотя в данном случае — безусловно стоит), читатель изумится: боже мой, а ведь большое, изящное эссе о переводах из Пшавелы — не что иное, как кандидатская диссертация.

То есть по происхождению и заданию — совершенно официальный, академичный текст, просто вынужденный, казалось бы, уже в силу, так сказать, своих жанровых особенностей, быть выстроенным по жестким правилам и вписываться в идеологические условности (особенно, если вспомнить, что защищалась эта диссертация в беспросветно советское время — в 1974 году). Между тем из условностей этого рода мы не встретим здесь ни единой. С одной стороны — ни одной ссылки на классиков марксизма-ленинизма, ни одной расхожей идеологемы, ничего в угоду власти и злобе дня. С другой стороны — ни малейшего наукообразия и сопутствующей ему тяжеловесности. Никаких пустых, ритуальных слов в принципе: все, что здесь говорится, говорится по существу дела. Вообще, этот текст писан как будто вне времени (единственная примета эпохи — то, что ко времени написания «Высоких уроков» все герои этой книги: и Цветаева, и Заболоцкий, и Пастернак — состоялись как безусловные классики и были в качестве таковых прочитаны

и осознаны), вне его тяготений и давлений. В этом ясном и точном тексте, да, нет пустот, но есть объемные воздушные пространства, в нем легко дышится. И тут читатель снова будет удивлен, когда узнает, что диссертация о русских переводах поэм Пшавелы писалась тяжело больным человеком и была защищена Цыбулевым за несколько месяцев до его ранней смерти.

Кстати, «разговор» о Блоке (свои тексты о важных для него поэтах Цыбулевский узнаваемым образом именует по модели мандельштамовского «Разговора о Данте», а Нерлер и вовсе предлагает считать это жанровым обозначением: «разговоры») тоже имеет отчасти академические корни: записные книжки Блока были предметом еще одной диссертации автора, «не защищенной, точнее, не защищавшейся». В «разговорах» о двух важнейших поэтах своей жизни, по существу — на их материале, по их поводу, — он опять-таки выговаривает предельно принципиальные для себя вещи: о сути поэзии, об устройстве человека. Если бы Цыбулевский не был так чужд пафосу (а он, осторожный и внимательный, вполне ему чужд), можно было бы сказать, что эти «разговоры» — своего рода манифесты. Предлагаю рабочую формулировку: *аналитические манифесты*. Аналитические — и притом личные и страстные («Мандельштам мне дорог весь. Я не совсем понимаю, что означает «есть от Христова тела», но мне кажется, тут близкое состояние»). У него даже и это не разделялось.

Записные же книжки Цыбулевского, составившие основную часть тома, — живое и, пожалуй, самое точное осуществление его «поэтики доподлинности» (суть которой — схватывание жизни в ее данности, прежде всех домыслов, прежде даже самой «подлинности», в ее осязаемой, ускользающей сиюминутности — «главная философия в том, что не существует "потом"», — в силу чего Нерлер в предисловии даже отказывает его текстам в метафизической глубине, хотя тут уже можно было бы поспорить). Сам Цыбулевский своих книжек, конечно, в этом качестве не замышлял: для него это были тексты вполне вспомогательные, тексты-

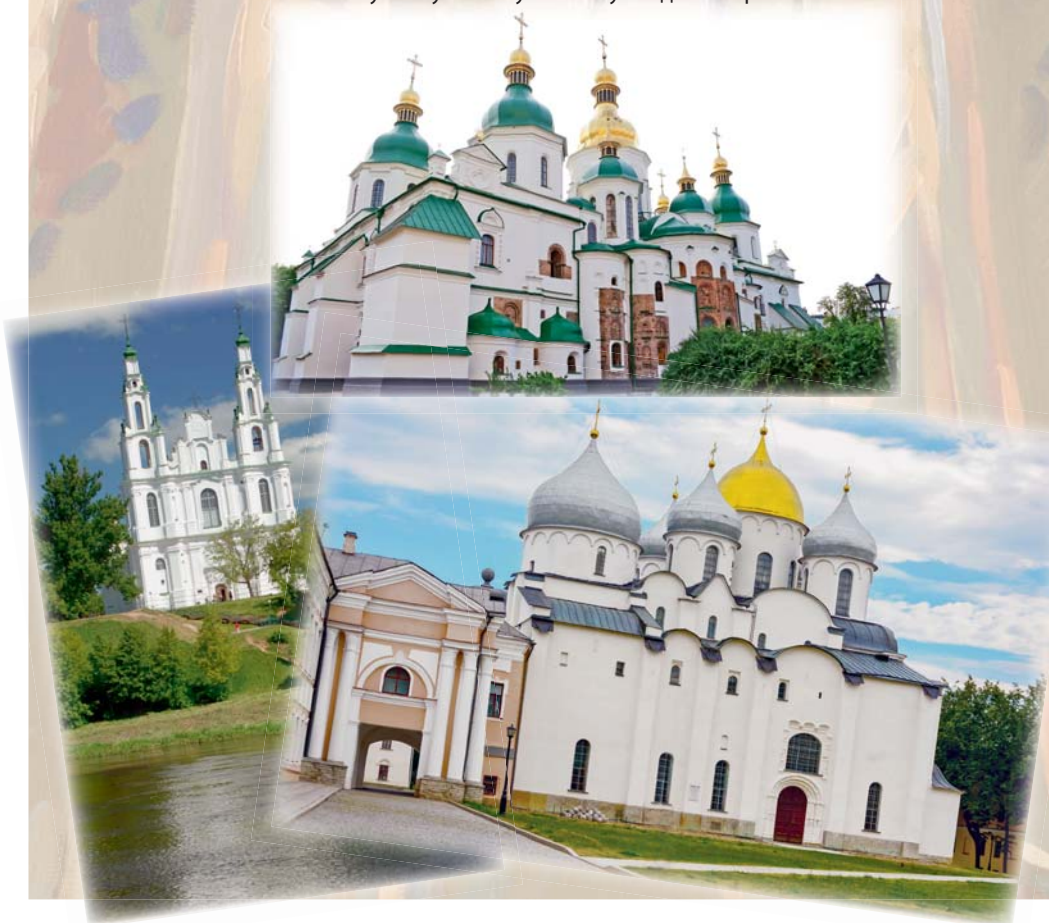
возможности. Своего рода предтексты всех мыслимых текстов, черновики всего, тексты-посредники между внутренней и внешней речью, гораздо более близкие к речи внутренней. Он писал совсем для себя, он даже знаков препинания не ставил (расставили уже потом — издатели). Он улавливал там движения восприятия в том самом виде, в каком те возникали, неотделимые от чувственных примет жизни вокруг («Когда пишешь (так же как думаешь), может быть,

надо, чтобы там было сразу не меньше чем о 3-х вещах сразу, обо всем попутном»). Он нащупывал там созвучия, ритмы, формы («записная книжка — в ней не столько факты — сколько проба на музыку»), которые при своем развитии могли вывести к прозе, могли — к поэзии, к теоретической или биографической рефлексии, а могли и просто остаться самими собой. Живой точностью, точностью тайн в ее самодостаточной неизреченной полноте.

ТРИ СОФИИ

София Киевская, София Новгородская, София Полоцкая — три крупных каменных собора выросли менее чем за тридцать лет (с 1037-го по 1066-й год) на землях во многом ещё языческой и, в основном, деревянной, одноэтажной Руси. Троиединство этих храмов стало символом мудрости, символом объединения духовно близких народов. Не случайно летом этого года 12 молодых художников из Беларуси, России и Украины осуществили совместный художественный проект — «Три Софии». Объектом художественного исследования молодых живописцев и стали эти выдающиеся памятники христианской культуры, внесенные в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, — София Киевская, Софийские соборы в Великом Новгороде и Полоцке.

В рамках международной программы «Минская инициатива» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государственных участников СНГ участники проекта провели совместные пленэры в Новгороде, Киеве и Полоцке. Состоявшийся в Полоцке вернисаж был приурочен ко Дню белорусской письменности, далее картины из Беларуси переехали в Киев и выставлялись в Национальном музее Тараса Шевченко. В России с выставкой можно было познакомиться во время Форума творческой и научной интеллигенции стран СНГ, проходившего в Москве в декабре 2017 года. Приветствуя участников и гостей вернисажа, специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой отметил: «Определяя сюжет для художественного проекта, который бы объединял творческую молодежь и был бы ей действительно интересен, мы выбрали идею трех храмов. Данный проект, вне сомнений, находится вне политики. Ведь Софии, прежде всего, символизируют духовность и мудрость народов». На нашей вклейке мы публикуем малую толику созданных работ.

СОФИЯ КИЕВСКАЯ

Марина Мороз (Беларусь)
«Золото дня»

Елена Петрихина (Россия)
«София Киевская»

Пётр Малинка (Украина)
«Киев. После заката»

Мария Трегубова (Россия)
«Взгляд из-за угла. Киев»

Елена Петрихина (Россия)
«Софийский собор в Киеве»

СОФИЯ ООХООСКАЯ

Елена Петрихина (Россия)
«София Новгородская»

Александр Доманов (Беларусь)
Без названия

Екатерина Очерedyko (Украина)
«Карминовый закат»

СОФИЯ ПОЛОЦКАЯ

Татьяна Очерedyко (Украина)
«Под моросющим дождём»

Алёна Игнатъеваа (Беларусь)
«Непогода»

Елизавета Ланчинская (Россия)
«София Полоцкая»

Мария Кузнецова (Украина)
«Киев. Етюд № 2»

Александр Доманов (Беларусь)
Без названия

Бриллиантовый флёр

Рубрику ведет Лев Аннинский

Роман свой Вячеслав Щепоткин назвал с намеком на модное сегодня членовредительство дерущихся рекорсменов детективного жанра: «Дуэль алмазных резидентов», и, я думаю, зря. Потому что убойного приключенчества там мало (кого надо — гробят между делом, без эмоций); а «дело», напрягающее эмоции, куда важнее и интереснее умопомрачительных дуэлей.

Это «дело» — алмазно-бриллиантовое, веками остающееся самым прибыльным в мировой экономике. Чем держится эта фантастическая прибыльность? Можно, конечно, думать, как в старину: тем она держится, что человечеству «нужны украшения». Но наивность такого объяснения стала очевидна в нынешний век, когда в ряду стран, производящих бриллианты, появились новые «диамантеры» и индусы стали теснить израильтян, алмазно-бриллиантовое дело осозналось как одно из самых выгодных занятий на мировом валютном рынке. Помимо всяких там «украшений».

В России с исчезновением советской диктатуры это дело вышло из-под завесы госсекретности, и молодые деятели «перестройки», полезшие, как определяет автор романа, «из щелей», вцепились в него мертвой хваткой. Традиционный регулятор алмазного рынка — корпорация «Де Бирс» — больше не орудует в одиночку, рядом с ней орудуют конкуренты. И среди них — родимая компания «АЛРОСЕВ», в имени которой присутствуют: Алмазы, Россия, Северная Республика... И обрастает компания сотнями снабженческих фирм и фирмочек с тысячами работников, которые тоже хотят получать свое...

Что еще характерно для этого мирового рынка — умение прятать добытое. «Алмазы любят тишину». В этой «тишине» Вячеслав Щепоткин выстраивает свой роман почти в восемь сотен страниц!

Проблемы обсуждаются с соответствующей выдержкой.

Представители конкурирующих компаний обтяпывают дела при закрытых дверях. Иногда в зале суда. И делают это с должным пониманием того, что можно упоминать, а о чем лучше помалкивать.

Иногда эти выверенные дискуссии напоминают перетягивание каната, которому нет конца, — такие обсуждения должны и самим участникам навевать тоску, но к счастью, время от времени повествование вырывается из этих секретных лежбищ на свежий очерковый простор, и тогда паруса повествования наполняются крутым ветром реальности.

Сильнейшие страницы — о том, как спасали затопленный наводнением Большереченск... («Видимо, это русская национальная черта — только в такой вот

беде, когда жизнь разметана стихией, делиться с более пострадавшим последним из того, что у самого осталось»).

Но я должен вернуться от этих бросков в «тундру» реальности к обсуждению алмазно-бриллиантовых комбинаций. Я понимаю, что с моими интеллектуальными ресурсами нечего и пытаться исчерпать огромное содержание романа — я надеюсь, что с этим справятся другие критики. Я же сосредоточусь на тех аспектах, где бриллиантовый сюжет выявляет нашу общую, общероссийскую ситуацию.

Что еще помогает почувствовать ее, эту нашу ситуацию — убаюкивающее перетекание доводов Щепоткин умело покрывает народным шепотным юмором. «Если это мужчина, то шплинт, если женщина — шпонка». Годится! Начали забивать в стенку гвоздь — стенка завалилась — прямо к соседям. Ну и что! Захохотали и вместе с соседями вызвали мужиков из соседней смены: поставили стенку на место! Очень хочется нашему человеку пошутить, попроказничать... прикрыв этой шепутней законное желание отхватить — свое!

И тут возникает ситуация, немыслимая в прошлом:

«Надо, чтобы каждое подразделение, каждый работник — от бульдозериста и шофера до начальника карьера или директора ГОКа — был лично заинтересован в наилучших результатах своего труда».

То есть: чтобы каждый работник получал — немедленно! — некую причитающуюся ему часть общей результативной прибыли.

Бывало ли такое в обозримом прошлом? В военную пору, которая определяла весь смысл бытия? Допустим, подросток работал на заводе, вытачивая некую деталь. Винтик к машине. Куда и как встанет этот винтик, он знать не мог. Куда пойдет танк, собранный из этих «винтиков», не знал и директор завода. Это знали только в Ставке, которая работала секретно. И такая система действовала из поколения в поколение вечно воюющей (или готовящейся к войне) страны.

«Перестройка» перевернула все. Теперь любой работающий имеет право вместе с другими распоряжаться тем, что сделано. Не только в алмазно-бриллиантовом комплексе, как это показывает автор романа. Вся гигантская страна должна принять этот новый стиль бытия: результаты — немедленно!

Как отразится подобная перемена на характере народа, на стиле жизни огромной страны — еще неясно. Отразится — по ходу развития.

А пока так:

«Если ИМ это можно, то почему нельзя МНЕ?.. ОНИ, занимая государственные посты, воруют у государства, а Я украду у НИХ. Нет, не украду! Возьму положенное МНЕ: за МОЙ ум, за МОЕ умение обвести ИХ».

Как уравнивается это МОЕ с тем, что НЕ МОЕ и как НЕ МОЕ станет с ним сшибаться? Как отразится на разных уровнях общественной пирамиды?

Кое-что в романе реализовано. Поразительна глава «Отец» — о взаимоотношениях одного из закоперщиков нынешнего алмазного «верха» с отцом — в советском прошлом боевым подводником, дослужившимся до высоких чинов, а затем отправленным в отставку. Этот старый моряк возненавидел же «перестройку», из-за которой развалился русский флот!

А сын в этой самой «перестройке» поймал свой шанс!

Отец должен бы возненавидеть и сына.

Вот тут-то — замечательный финал главы: сопротивляясь тем силам, которые продолжают подталкивать Державу к дальнейшему распаду, отец и сын укрепляются в своем родственном, идейном и нравственном единстве!

Допустим, это происходит на уровне, где ищут себя молодые олигархи «перестройки». А что сказать о тех рабочих, которым приходится доставать алмазы из

земли? или о тех, что вытаскивают из этих алмазов бриллианты? О всех тех людях, которые на своих плечах протащили страну сквозь жуткую эпоху и должны тащить ее дальше?

«Что же говорить о великом русском народе, чья история — это вбирание представителей других этносов, переплавка их в огромном национальном тигле, наделение вновь принятых своими чертами, языком, культурой, но и, конечно, обретение каких-то черт влившихся людей...»

Все верно!

«Так появилась восточно-сибирская ветвь русского народа: немного смуглые, чуть широкоскулые, рослые здоровяки, с темными, чуть-чуть суженными глазами, слегка приплюснутым носом. Широкую русскую натуру дополняла азиатская невозмутимость».

Ни слова не решусь исправить в этом рассуждении автора романа. Разве что дополню: с юга-то шла сюда совсем иная сила: огнем и мечем присоединяли землю боевитые мусульмане: мирных жителей подчиняли безоговорочно, сопротивлявшихся уничтожали без жалости. В соотношении с такой бедой казаки, перенимавшие у местных охотничью умелость и навыки животноводства (коневодства), а приобщавшие местных к земледелию, действительно создали уникальную общерусскую нацию, вобравшую в себя опыт и традиции тех племен, которые обрусевали, сохраняя при этом неповторимое историческое лицо.

Так и дошли русские казаки до Тихоокеанского, Сахалинского, Японского берега.

И не просто дошли, но наработали духовный опыт, уникальный в нынешнем непредсказуемо меняющемся мире. Это — вынесенная из многовековой истории способность русского человека взаимодействовать с другими верованиями, готовность к контакту и взаимообогащению с иными духовными доктринами, ощущение общего нравственного поля с ними.

Что дальше? Куда и как повернется характер русского человека, если великая Евразийская равнина замкнет границы и начнет разворачивать миллионы людей к новым ценностям?

Удержим ли мы душу при нашей легендарной всеотзывчивости? Сохраним ли себя при таком мировом всеохвате?

Есть ли у Вячеслава Щепоткина предчувствия на этот счет?

Я подозреваю, что есть.

Вот эпизод с освящением церкви в «алмазной столице».

«Церкви, в общепринятом смысле слова, «алмазная столица» не имела. В новом городе советская власть считала ее не самой нужной. Был небольшой деревянный молебельный дом. И утром именно отсюда к месту закладки нового храма должен был пойти крестный ход во главе с патриархом».

Все население городка собирается на торжество.

Патриарх отвечает на каверзные вопросы и делает это с замечательным тактом и выдержкой. Например, его спрашивают: зачем на православный праздник допускают шамана с его ритуалом? Патриарх отвечает: "Это тоже религия. Национальная. Не будем мешать".

И никто вроде бы никому не мешает. Это не та смертельная ситуация, когда надо было спасать город от наводнения; тут — обычное состояние наших граждан...

И вдруг пара реплик от наших нынешних олигархов падает на этих граждан обжигающими искрами:

« — Мы не имеем права тратить деньги акционеров на это махровое мракобесие. Если хотят, пусть строят на свои средства».

Ответная реплика:

«А мы — государство — вернули им когда-то отобранные у них огромные ценности? Отдали деньги за разрушенные храмы?»

Ох, лучше бы не задевать шрамы расколов...

«То, что загремело дальше, заставило даже ко многому привычных мужчин открыть рты». Виртуозная, неподражаемая русская матерщина обрушилась на головы спорщиков. Слова и выражения, среди которых самыми благозвучными были «сучий потрох» и «вонючие козлы», взлетали в космос и разбивались оземь, обдавая брызгами презрения всех, кто вызвал такое негодование.

И по мере того как волны матюгов возносили души до предельной искренности, я отдавал себе отчет в том, что же означает это соединение естественной ярости и сверхъестественного самоутверждения! Это — реакция на малейший отзвук раскола! Объять весь мир, но остаться собой...

И такое состояние народа — главная реальность, которую прозревает Вячеслав Щепоткин под выверенной рецептурой нынешнего алмазно-бриллиантового комплекса.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2017 ГОД

	№	Стр.
ПРОЗА		
АБУЗЯРОВ И. Троллейбус, который идёт на север. <i>Рассказ</i>	III,	104
АВЧЕНКО В. Цилиндрическая свекла. <i>Рассказ</i>	IX,	115
АНТОНИЧЕВА М. Ну же, Бог. <i>Рассказ</i>	VII,	194
АНУФРИЕВА М. Доктор Х и его дети. <i>Роман</i>	VII,	8
БАДАЛОВ Т. Неоправданные ожидания. <i>Повесть</i>	IX,	74
БИРМАН Д. Машина времени. <i>Рассказы</i>	III,	113
БЛИНОВ А. Мандариновая птица. <i>Итальянские дневники и сказки</i>	IV,	104
БОГАТЫРЁВА И. Формула свободы. <i>Роман</i>	VI,	5
БОГОСЛОВСКИЙ Р. Умирующий. <i>Рассказ</i>	II,	156
БУЛКАТЫ И. Фигляр предзимья. <i>Рассказы</i>	VIII,	116
БЫЛИНСКИЙ В. Ночь с идиотом. <i>Рассказы</i>	IX,	55
ВЕРЯСОВА Д. Великий пост. Дневник неопита. <i>Монастырская проза</i> ...	XII,	7
ВОЙСКУНСКИЙ Е. Дело Кузнецова. <i>Отрывок из романа</i>	VIII,	139
ГАБУЕВ А. Мальчик и пистолет. <i>Рассказ</i>	II,	106
ГАВРИЛОВ А., ЕЛОХИН П. Записки фрилансера. <i>Повесть</i>	IX,	127
ГАНИЕВА А. В гостях. <i>Рассказ</i>	VI,	186
ГЕНАТУЛИН А. Пэпэжэ. <i>Рассказ</i>	V,	6
ГЕРБЕР Д. Баклажан на дынной лозе. <i>Рассказ</i>	XII,	146
ГОБЗЕВ И. Волшебник. <i>Рассказ</i>	X,	174
ГОРОДЕЦКИЙ В. Рассказы	I,	85
ДЕМИДОВ В. Из сборника «Сказки про животных»	III,	127
ДЗУГАЕВ Б. Руми. <i>Рассказ</i>	XII,	141
ДОЛГОПЯТ Е. Нина. <i>Рассказ</i>	VI,	172
ЕРМАКОВ О. Приключение странное. <i>Повесть</i>	IV,	12
ИБРАГИМБЕКОВ М. Тыко Вилка. <i>Рассказ</i>	I,	104
ИВАНОВ А. Остров мёртвых. <i>Рассказ</i>	II,	85
ИВАНОВ А. Опыт № 1918. <i>Роман</i>	V,	24
.....	VI,	97
.....	VII,	104
ИВАНОВ А. Утоли моя печали. <i>Рассказ</i>	XII,	96
ИВАНУШКИНА П. Вечный вторник воскресенья. <i>Рассказы</i>	II,	151
ИУДИН А. Незабытый. <i>Рассказ</i>	III,	134
КАВУН О. Фрески эпохи Когусё. <i>Рассказ</i>	VIII,	162
КЛЮЧАРЁВА Н. Рассказы	IX,	101
КОРИОНОВ О. Обстоятельства. <i>Рассказ</i>	VII,	189
КОРНИЕНКО И. Улыбки. <i>Рассказы</i>	II,	68
КОТЮСОВ А. Терракт. <i>Рассказ</i>	III,	146
КРЮКОВА Е. Чек. <i>Рассказ</i>	III,	160
КУЗЕЧКИН А. Самая важная инсталляция. <i>Рассказ</i>	III,	169
КУЗНЕЦОВ И. Гардеробщик. <i>Рассказ</i>	II,	111
ЛАДОГА А. Наши единственные любви. <i>Рассказы</i>	II,	9
ЛИДСКИЙ В. Эскимосско-чукчанская война. <i>Повесть</i>	X,	22
МАРКИШ Д. Рассказы из сборника «Гранатовый лог»	VII,	173
МЕДВЕДЕВ В. Лети вместе с ветром. <i>Повесть</i>	IV,	56

МЕЛИХОВ А. Вестники. Повесть	X,	58
МИЗАРАС В. Из книги «Амаркорды». С литовского. Перевод автора	VI,	195
МОСКВИНА М. Кентавр и Маруся. Сюжет из будущей книги	VIII,	6
НЕСТЕРИНА Е. Хроника празднования 8 Марта, составленная за десять лет наблюдений	II,	170
ОБУХ А. Муха имени Штиглица, или А будущее — по самочувствию. Повесть ..	V,	88
ОГАНДЖАНОВ И. Беспроигрышная лотерея. Рассказ	VIII,	178
ОРЛОВ Д. День шахтёра. Повесть	III,	6
ПISKУНОВ В. Ракоход. Andante	II,	100
ПОКРОВСКИЙ Ю. Вмятку. Сюрреалистическая композиция	III,	171
ПРУДНИКОВ С. Здравствуй, папа. Записки современного тридцатилетнего. Повесть	VIII,	40
РЕЗЦОВ А. Рукопись, найденная в эсэмэсках. Рассказы	V,	131
РОГАНОВ А. Беженец. Рассказ	II,	132
РЯБОВ О. Девятый день. Рассказ	III,	181
РЯЗАНЦЕВ С. Кочевники проспекта Возрождения. Повесть	VIII,	87
САМОЯРДОВА Е. Один, два... Рассказы	II,	51
СЕКISOV А. Родинка. Рассказ	II,	164
СЕЛЮКОВА Д. Никто никого не ждёт. Рассказы	X,	110
СЕНЧИН Р. К мужу. Рассказ	IV,	43
СЕНЧИН Р. Дождь в Париже. Фрагмент романа	X,	157
СНЕГИРЁВ А. Я люблю. О рассказах и рассказчиках	II,	7
ТАДТАЕВ Т. Как это бывает. Рассказы	X,	142
ТВАЛТВАДЗЕ Т. Лермонтов. Рассказ	II,	32
ТОРЧИЛИН В. Рассказы	V,	121
ТУГАРЕВА А. Иншалла. Чеченский дневник	I,	8
ФЕТИСОВ Е. Рассказы	XII,	153
УМАРОВА А. Приходи свободной. Повесть	IX,	3
ХАИРОВ А. Страстный поклонник. Рассказ	II,	27
ХАСАНОВ Р. Тазият. Повесть	XII,	112
ЦЫГАЛЬСКАЯ И. Два рассказа	III,	79
ШАМШУРИН В. И день сомкнётся на себе. Рассказы	II,	121
ШАХВЕРДЯН Л. Белое платье. Рассказ	IX,	121

ПОЭЗИЯ

АМЧИСЛАВСКИЙ А. До конца игры. Стихи	VII,	192
АРИШИНА Н. Куплю тебе бронезилет. Стихи	III,	101
АФЛАТУНИ С. Дойче велле. Поэма	VI,	167
БЕРШИН Е. От Волги и до Галилейских вод. Стихи	VI,	94
Бессрочна жизнь, пока живём. Из современной армянской поэзии		
МКРТЧЯН Ш., САФАРЯН Э. Стихи. С армянского. Перевод Г.Кубатьяна	VI,	191
БРУШТЕЙН Я. Вальсок уходящего мая. Стихи	V,	118
ВАСИЛЬЕВ С. Из последнего... Стихи	I,	82
ФАЛИКОВ И. Напоследок. Апрель Евгения Евтушенко	V,	145
ВЛАСОВ Г. Герой в пейзаже. Стихи	IV,	38
ГАБРИЭЛЬ А. Весна как жизнь. Стихи	V,	85
ДЬЯЧКОВ А. Мирумир, минарет, монумент. Стихи	IX,	71

ЕЛАГИНА Е. Быть листком среди листьев других. Стихи	IX,	52
ЕМЕЛИН В. Эти русские мальчики. Стихи	X,	55
ЖУМАГУЛ Е. Покуда жизнь — загадка. Стихи	III,	76
ЖУМАГУЛ Е. Человек. Стихи	XII,	44
ЗЛОТНИКОВА О. Если б не эта любовь. Стихи	IX,	98
ЗОЛОТАРЁВ С. Планировка пространства. Стихи	VIII,	36
ИН Л. Печальные песни. Современная китайская поэзия. Стихи. С китайского. Перевод Л.Ялань, Ч.Хуали	I,	112
КАБАНОВ А. ...я — зависим от Украины. Стихи	II,	3
КАБЫШ И. Имя её — неуют. Стихи	V,	18
КЛИМОВ-ЮЖИН А. Так здесь живут. Стихи	VIII,	136
КОЗЛОВ В. Остановись, живи. Стихи	VIII,	84
КОСТРОВ В. Печальный стратостат. Стихи	V,	3
КРЮКОВА Е. Над горой Фавором пламя. Стихи	XII,	93
КУЗНЕЦОВА И. Бумажная архитектура. Стихи	IV,	53
ЛАПШИНА Е. С отвагой голубиной. Стихи	XII,	109
ЛЯСКОВСКАЯ Н. С нетленного листа. Стихи	IV,	101
МАРКОВА М. Кому, кому он белый свет? Стихи	VII,	100
МЕЖИРОВА З. Молчанья разговор. Стихи	II,	65
МИЛЛЕР Л. Покуда брезжит там, вдали. Стихи	VII,	171
НЕРПИНА Г. Пространство нежилое. Стихи	II,	185
ОРЛОВ А. О том, как жизнь иконописна. Стихи	XII,	138
ПАВЛОВСКАЯ А. Держи меня в воздухе. Стихи	III,	90
ПОЛЯКОВА Н. Мы дети огромной ночлежки. Стихи	X,	154
РОДИОНОВ А. Стихи из дневника	II,	118
РУМЯНЦЕВ Д. Небесное паломничество. Стихи	I,	100
РУМЯНЦЕВ Д. В семействе триедином. Стихи	XII,	3
РУСАКОВ Г. Страна работаг. Стихи	VII,	3
САЛИМОН В. Краеугольный сад. Стихи	I,	3
Сквозь сыпучесть времён. Современная поэзия Узбекистана		
ГУМЕРОВ Р., АХМЕДОВ Б., ДАДАЕВА А. Стихи	X,	137
СОЛОНОВИЧ Е. Честь по чести. Стихи	VIII,	3
«Спешу на голоса и всматриваюсь в лица...».		
Поэты многонациональной России	IV,	3
ТРЕБУШНЫЙ Д. В пространстве, предназначенном для рая. Стихи	III,	3
ФАЛИКОВ И. На Таганку вышел. Стихи	VI,	3
ФЛОРЯ М. Долгозвучным голосом. Стихи	IX,	112
ШАПОВАЛОВ В. Три баллады	X,	16
ШЕВЧЕНКО Г. Особенности естества. Стихи	VIII,	113
ВЕНОК ЕВГЕНИЮ ЕВТУШЕНКО		
ХЛЕБНИКОВ О., НЕКЛЯЕВ В., КУДИМОВА М., ФАЛИКОВ И., ИВАНТЕР А., ГОРОДНИЦКИЙ А., КУЛЛЭ В., ВАТУТИНА М., КАБЫШ И., ВОЛГИН И., КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ К. Стихи	V,	137
ПОЭТЫ НИЖНЕГО		
КУЛАКОВА М., ДМИТРИЕВ А., БАРАШКОВА С., ШИШКОВ Р., БЕЗДЕТНАЯ А. Стихи	III,	142
ПОЭТ И О ПОЭТЕ		
ПАГЫН С. Небо плачет человеком. Стихи	IV,	129
«Моя душа пустынное любила...». Разговор с С.Пагином ведет Е.Константинова	IV,	132

МИНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

Международный гуманитарный проект

ДИЧЕНКО А. Рассказы	III,	93
ДОБРОВА Е. «Слова идут навстречу темноте...». <i>Альманах молодой поэзии «Terra poetica»</i>	IV,	192
«Пабудзі мяне рана-раненька...». <i>Студия сравнительного перевода</i>	IX,	124

УЗЕЛ СВЯЗИ

АЛЕКСАНДРОВ Н. Письма Соломонову. <i>Повесть-проект</i>	I,	116
«Я устал верить в себя...» <i>Письма поэта Вениамина Айзенштадта, прозванного Блаженным, Григорию Корину, Семёну Липкину, Инне Лиснянской, Елене Макаровой (1980—1992)</i>	I,	138

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

БЛАЖЕННЫЙ В. Мне неизвестны библейские сроки... <i>Стихи</i>	I,	162
К 80-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ БИТОВА		
ПОПОВ Е. Битов. Единственный экземпляр	V,	173
БИТОВ А. Уроки Армении. <i>Путешествие в небольшую страну</i>	V,	176

ПРОЗА.DOC

ПОСПЕЛОВА Е. Биба и Чайковский. <i>Арабески в миноре и в мажоре</i>	III,	188
ХЛЕБНИКОВ О. Три отца и много дядек. <i>Фрагменты документальной повести</i>	IV,	142
ШЕВАРОВ Д. Тень проходящего Петра. <i>Странички из дневника</i>	II,	187

АРХИВ

ЦЫБУЛЕВСКИЙ А. Великие радости путешествий. <i>Шесть записных книжек. Публикация и вступительная заметка А.Нерлера</i>	V,	206
--	----	-----

ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ

Лауреаты «Кубка мира по русской поэзии — 2016»		
КОЛЕСНИК Л., БАТХЕН Н. <i>Стихи</i>	VII,	184
«Хочешь я покажу тебе чудо?..». <i>Гости «ДН» — победители Международного детско-юношеского литературного конкурса имени Ивана Шмелёва</i>	II,	218

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

БАЗАЛЕЕВА И. Дачные люди	VII,	200
ВЕЙККИ В. Кто кошке глаза и хвост дал. <i>Пьеса в шести действиях. С карельского. Перевод автора</i>	VIII,	201
ВОЛКОВА С. Золотой цыпленок. <i>Повесть</i>	IX,	146
МУХИН С. Глупый медведь	VII,	202
«На земле всё хорошо». <i>Детские писатели многонациональной России</i> .	VIII,	195
НЕЧИПОРЕНКО Ю., СЕДОВ С. Сказки на два голоса	VIII,	185
«Я боюсь пустой жизни». <i>Белгородские школьники о детстве и взрослении</i>	V,	192

СПЕЦНОМЕР «ДРУЖБА НА ВЫРОСТ»

«Только детские книги читать...». Заочный «круглый стол»	XI, 3
Проза и поэзия	
Станислав ЛИВИНСКИЙ. Замри, умри, воскресни! Стихи	XI, 33
Буллат ХАНОВ. Непостоянные величины. Роман	XI, 36
.....	XII, 47
Джон НОУЛЗ. Сепаратный мир. Роман. С английского. Перевод И.Дорониной ...	XI, 98
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ. И запоёт иной тростник. Стихи	XI, 160
Керен КЛИМОВСКИ. Дорога. Скорость. Высоцкий. Повесть	XI, 164
Светлана МИХЕЕВА. Необыкновенная страна. Стихи	XI, 185
Александр СНЕГИРЁВ. Вторая жизнь. Рассказ	XI, 187
Сергей ДИГОЛ. Последняя четверть мелового периода. Рассказ	XI, 190
Первые стихи	
Галина КЛИМОВА. «Как живётся тебе...»	XI, 195
Семейное чтение	
Анастасия ОРЛОВА. Сердце — рыбка. Стихи	XI, 197
Презентация	
Александр БЛИНОВ. Синий Слон, или Девочка, Которая Разговаривала с Облаками. Из будущей книги	XI, 200
Наталья ИГРУНОВА. Мир, в котором сбываются мечты	XI, 205
Детям о детях	
Капри ХИНРИКУС. Даниил Второй. Главы из книги. С эстонского. Перевод Майи Мельц	XI, 208
Книжный опыт	
Ольга ЛЕБЁДУШКИНА. Учебная история (Ю.Кузнецова. «Первая работа»)	XI, 223
Будущее в настоящем	
Дмитрий РУБАШКИН. «С головой, повернутой назад»	XI, 226
Учителя и ученики	
«...Чтоб было у кого потом учиться». Ованес АЗНАУРЯН, Дмитрий БЫКОВ, Ирина ВАСИЛЬКОВА, Александр ОРЛОВ, Арслан ХАСАВОВ	XI, 243
Фестивали и конкурсы	
На страницах «ДН» — победители Международного детско-юношеского литературного конкурса имени Ивана Шмелёва	XI, 251
Библионавтика	
Ольга БАЛЛА. Голоса из хора	XI, 265
Эхо	
Праведность неправильности. Рубрику ведет Лев Аннинский	XI, 270

ПУБЛИЦИСТИКА

БАЛДАНО М., ДЯТЛОВ В., КИРИЧЕНКО С. Город, ставший Домом. Этнизация городского пространства: от уездного Верхнеудинска к столичному Улан-Удэ ..	VI, 225
БУРОВ А., ПРАШКЕВИЧ Г. О понимании. Три письма на одну тему	IV, 173
БУРОВ А., ПРАШКЕВИЧ Г. О пошлости. Три письма на одну тему	VII, 223
БУРОВ А., ПРАШКЕВИЧ Г. О правде и о вечных вопросах. Два письма на одну тему	XII, 187

КАГРАМАНОВ Ю. На площади Бастилии больше не танцуют. <i>Французы пересматривают опыт «великой» революции</i> I,	171
КАГРАМАНОВ Ю. По ком звонит колокол III,	209
РУМЕР-ЗАРАЕВ М. Сыновья Авраамовы. <i>Еврейско-арабский симбиоз: столетия связей и противоречий</i> XII,	178
СТОЛЯРОВ А. Война миров. <i>Исламский джихад как историческая неизбежность</i> IX,	170
СТОЛЯРОВ А. Разноликий ислам XII,	160
ФРУМКИН К. Тирания профессионалов. <i>(Лабораторные опыты)</i> V,	158
ХАРЧЕНКО В. Феномен Ахты: горы и люди VIII,	228

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

А где ты был в семнадцатом году? <i>Версии Д.Быкова, Г.Гратта, А.Григоренко, Д.Гуцко, Д.Драгунского, В.Емелина, К.Еськова, Ш.Идиатуллина, И.Кузнецова, А.Матвеевой, А.Мелихова, С.Носова, Г.Прашкевича, А.Родионова, В.Рыбакова, А.Торка</i>X,	3,93,177
ДЖУМАЕВ А. «Скажите, а Ленин еще вернется?». <i>К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность</i>X,	213
КАГРАМАНОВ Ю. Осуждение Фауста, акт 8-й X,	225
ПЕРЕСЛЕГИН С. Война за Будущее. <i>Революционная проектность в России: годы 1917—2017</i> X,	189

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

ЕВСЮКОВ А. Сюжет V,	164
ХАСАВОВ А. Здесь и сейчас IX,	193

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

КЛИМОВСКИ К. Заметки фестивального путешественника. <i>Попытка анти-травелога</i> I,	218
---	-----

НАЦИЯ И МИР

АЛАВЕРДОВА Л. Как поживают Белинский и Гоголь по ту сторону Атлантики II,	207
ДЖУМАЕВ А. Хворост для костра. <i>О разрушительной силе невежества во взаимоотношениях цивилизаций и конфессий. Центральная Азия и Россия</i> ... IV,	163
МАЛАШЕНКО А. О вреде традиции и пользе привычки VII,	212
МАРКЕДОНОВ С. Россия на Большом Кавказе: в тени Сирии и Украины ... VI,	204
РУСАКОВ А. Страна разных скоростей I,	187
ТАРАСОВА А. Моя Америка: жизнь в стране мормонов. <i>(Глазами наших соотечественников)</i> XII,	195
ФЁДОРОВА А. Свободолюбивые баловни. <i>Взгляд с итальянского каблука</i> .. III,	222
ЦИРУЛЬНИКОВ А. Поцелуй юкагирки. <i>Записки путешественника</i> VIII,	208
..... IX,	196

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

ГОРОДНИЦКИЙ А. «Родство по слову порождает слово».	
<i>Разговор ведет И.Юн</i> XII,	206
СТЕПАШИН С. «Просто люблю читать...». <i>Разговор ведет Н.Игрунова</i> VI,	213

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Среди других миров...» <i>Русская и русскоязычная культура на постсоветском пространстве. Е.Абдуллаев, А.Жвалевский, М.Земсков, О.Панфил, А.Торк, И.Цыгальская отвечают на вопросы Н.Игруновой</i> X,	236
--	-----

КРИТИКА

АБДУЛЛАЕВ Е. В поисках поступка. <i>Шесть поэтических сборников 2016 года</i> ... III,	233
«А дни — как тополиный пух...». <i>Памяти Андрея Туркова</i>	
ИГРУНОВА Н. Человек меры IX,	229
ТУРКОВ В. Последняя верста IX,	231
МАНН Ю. В школе дебютов IX,	235
ЗВОНАРЁВА Л. Вспоминая Андрея Михайловича Туркова IX,	236
КНОРРЕ-ДМИТРИЕВА К. Человек «из того времени» IX,	237
ШЕВАРОВ Д. Отдаленный звук человечности IX,	239
КОЗЬКО В. Светлой памяти прошедшего IX,	240
АЛЕКСАНДРОВ Н. Как человек уходит из истории XII,	222
АМУСИН М. Революция: флаги в пыли VII,	230
ВАЛИУЛИНА С. С полначала XII,	218
ЕРМОЛИН Е. Распутье: русскоязычный прозаик в начале третьего тысячелетия.	
<i>Заметки о современном кросскультурном литературном опыте</i> VI,	240
ЗУБАРЕВА В. «Удвоенность молитв прими...». <i>Две родины в поэзии Беллы Ахмадулиной</i> IV,	183
НИКИФОРОВИЧ Г. Россия эмигранта Фридриха Горенштейна III,	246
Писатель и читатель в мире, потерявшем будущее.	
<i>Литературные итоги 2016 года</i> I,	234
..... II,	228
Продирание сквозь слепоту. <i>Последние романы Отара Чиладзе: два прочтения</i>	
ГЕРТМАН О. Самая важная работа на свете IX,	216
АБЗИАНИДЗЕ З. Грузинский роман в русской интерпретации.	
<i>Романы Отара Чиладзе в русской переводе и рефлексиях русской критики</i> .. IX,	221

ПЕРВЫЕ СТИХИ

БЕРШИН Е. Я был один VI,	236
ГЕДЫМИН А. «выхода нет — надо писать...» XII,	158
ГРИЦМАН А. «...и мне приснился стих» VIII,	206
КАБЫШ И. «Как это "солнышко поёт"?» V,	22
НАДЕЕВ С. Как рождается поэт IX,	139
ТИМОФЕЕВСКИЙ А. «Стихи часто приходили во сне...» II,	216
ЧЕРНИКОВА Е. Оскар на счастье III,	207
ЧКОНΙΑ Д. «Ды здрыстыт Стылин!» VII,	198

БИБЛИОНАВТИКА*Рубрику ведет Ольга БАЛЛА*

Точка доверия	I,	166
И всё-таки они сходятся	III,	257
Между совестью и отечеством	V,	239
Потому и обжигает	VII,	240
Тихий шорох времени	IX,	245

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР*Рубрику ведет Евгений АБДУЛЛАЕВ*

Литература при минус тридцати	II,	248
Союз разрушимый. Нужны ли сегодня писательские организации?	IV,	200
Производственный роман	VI,	247
«Я б в писатели пошёл...»	VIII,	233
Литература «бородатая» и «безбородая»	XII,	215

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Литературная классика: диалог со временем. Новый издательский проект	IV,	204
---	-----	-----

ПОДРОБНОЕ ЧТЕНИЕ

АНАСТАСЬЕВ Н. Благо непонимания (Д.Гранин. «Интеллегенды: Статьи, выступления, эссе»)	III,	261
ГОФМАН Е. Задачу передоказав. (Е.Бершин. «Гранёный воздух»)	VIII,	236
КОТЮСОВ А. Братья и сёстры (А.Козлова «F20»; П.Крусанов. «Железный пар») VI,		250
ФАЛИКОВ И. Пятнадцатый?.. (В.Молодяков. «Георгий Шенгели: биография 1894—1956»)	II,	251
ШЕВАРОВ Д. «Ангел выбрал меня на сочувствие праведникам...» (В.Лихоносов. «Тут и поклонился: Эссе, письма, очерки»)	IV,	231

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

АМУСИН М. Гора и город сквозь призму мифа. [На кн. Д.Соболева «Легенды горы Кармель» (2016)]	IV,	248
АРТИС Д. Довериться руке. [На кн. В.Салимона «Право на молчание» (2017) XII,		231
БАЛЛА О. Придумать реальное. [На кн. Д.Замятина «Гунны в Париже» (2017)] VI,		257
БАЛЛА О. Точность тайн. [На кн. А.Цыбулевского «Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии» (2017)]	XII,	237
БУТУЗОВА О. Жизнь длиною в сто тысяч слов. [На кн. М.Басырова «Сочинения» (2017)]	X,	262
БУТУЗОВА О. Приближение к Северу. [На Альманах новой северной прозы (2016)] XII,		225
ВОЛОДИХИН Д. «Мало избранных...». [На кн. А.Иванова «Тобол». Кн. 1 (2016); кн. 2 (2017)]	VII,	244
ГЕРТМАН О. Сращивая разорванное. [На кн. А.Ассман «Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна» (2017)]	X,	264
ДАВЫДОВ Д. Письмо во время катастрофы. [На кн. Т.Тадтаева «Иди сюда, парень!» (2017)]	IV,	240

ДАВЫДОВ Д. Тонкая настройка слуха. [На кн. В. Курносенко «Совлечение бытия» (2017)]	IX,	255
ДЕКИНА Ж. Магический кристалл легенды. [На кн. А. Евсюкова «Контур легенды» (2017)]	IX,	261
ДОБРОВА Е. Книга с потерянным смыслом. [На кн. И. Кузнецовой «Пэчворк» (2017)]	IX,	248
ЕВСЮКОВ А. Спокойствие среди хаоса. [На кн. В. Месяца «Стриптиз на 115-й дороге» (2017)]	XII,	233
ЕЛАГИНА Е. «Этот день мы приближали, как могли...». [На кн. «Бронепоезд Победы»: Стихотворения русских поэтов о Великой Отечественной войне (2016)]	V,	243
ЕЛАГИНА Е. «Не ко времени и не ко двору». [На кн. И. Фаликова «Марина Цветаева: Твоя неласковая ласточка» (2017)]	VI,	264
ЗАЙНУЛЛИНА Г. Голова садовая — в яблочке. [На кн. А. Остудина «Вишнёвый сайт» (2017)]	IV,	242
КОТЮСОВ А. Девятнадцать короткометражек про жизнь. [На кн. Е. Долгопят «Родина» (2016)]	IV,	236
КОТЮСОВ А. Бог не простит. [На кн. Д. Новикова «Голомяное пламя» (2017)]	VII,	248
КУТЕНКОВ Б. Своевременно и грустно. Одинокий памятник литературной жизни. [На кн. Л. Вязмитиновой «Тексты в периодике. 1998—2015» (2016)] ..	IX,	263
ЛАВРОВА Л. «И повториться всё, как встарь...». [На кн. А. Слаповского «Неизвестность» (2017)]	X,	257
ЛЕБЕДУШКИНА О. Подменыши. [На кн. М. Хемлин «Искальщик» (2017)]	X,	259
ЛЕВКИН А. Как делается вот это всё. [На кн. О. Балла «Упражнения в бытии» (2016)]	X,	267
ЛЮСЫЙ А. Что видит новый Гильгамеш? [На Литературно-художественный альманах «Новый Гильгамеш» (2017)]	IX,	257
МЯГКОВА Л. Время языка [На кн. Е. Девос «Уроки русского» (2016)]	V,	248
МИЛЬДОН В. Очарованные странники литературных фуршетов. [На кн. Н. Кременчук «Смерть на фуршете» (2017)]	XII,	235
НЕВЕРОВ А. Дом окнами на кладбище. [На кн. А. Ермаковой «Пластин» (2015)]	IV,	244
ПОГОДИНА-КУЗМИНА О. Добыча смыслов. [На кн. А. Колобродова «Здравые смыслы» (2017)]	VI,	261
САФРОНОВА Е. Человек с горящей головнёй. [На кн. А. Кабанова «На языке врага» (2017)]	IX,	251
СОТНИКОВА Т. Любовь к Ленинскому проспекту. [На кн. А. Доля «Ленинский проспект» (2016)]	V,	246
ШПАКОВ В. Связь времен. [На кн. Б. Бартфельда «Возвращение на Голгофу» (2016)]	VII,	251
ШПАКОВ В. Украинский пазл. [На кн. П. Беседина «Дети декабря» (2017)]	XII,	228

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

КЛИМОВА Г. Гений места — Арзамас	V,	251
МЕЛЕНЕВСКАЯ Э. Вокруг родника. О ереванских конференциях русистов ...	VIII,	243
ПОДПОРЕНКО Ю. «Грузинский авангард» — прошлое, угадавшее будущее	III,	269
ПОДПОРЕНКО Ю. Две грани исторического художественного наследия ...	VI,	267
ПОДПОРЕНКО Ю. Юбилей, который НЕ состоялся	IX,	267
СЕНИЦЫНА Л. «Привлечь к себе любовь пространства»	IV,	251

ЭХО*Рубрику ведет Лев АННИНСКИЙ*

Плата за русскость?	I,	253
Точка взлёта	II,	262
Севич. <i>Из размышлений о сверстниках</i>	III,	270
Магомед — свидетель	IV,	253
«Тому, кто плывёт...» <i>Из наблюдений над современной прозой</i>	V,	253
Откровения слова и фотообъектива — экспрессом	VI,	269
Былое и дым. Читая Овчинникова	VII,	254
Дурылинский окоём	VIII,	251
Миг безвременья	IX,	269
Революция! Что делать?	X,	271
Бриллиантовый флёр	XII,	242

ИЗ ПОЧТЫ «ДН»

На авансцене общественного внимания. <i>Два письма по следам публикации о Константине Федине</i>	VIII,	248
--	-------	-----

Summary

Darya VERYASOVA. The Great Fast. Long short story

«The Great Fast» by Daria Veriasova is a piece of the so called «monastery fiction», or in other words, the diary of a young woman, neophyte and a poet who has jumped neither from the roof of the unbearable capital city life nor into a river, but into the salutary routine of a quiet provincial nunnery where the life and its rules are different... And there, fasting and praying with other nuns, sometimes succumbing to temptations, she finally «discovers» herself, her own soul and harmony.

Poetry

The Bible, Talmud and Koran, these holy books of Christians, Jews and Muslims apart from anything else are real emeralds of the fine poetry.

Nearly all the great poets in all times wrote about God and Faith and the poets of nowadays keep doing it. Poetry of this kind doesn't represent some unctuous confession, more often it represents reflections over eternal themes, searching for the sense of being and for the answers to the eternal questions.

The poems by Yerbol DZUMAGUL from Almaty, Kazakhstan, are jolly, daring, effervescent, often written in slang but still deeply connected to the Koran.

General Christian motives, allusions and images we'll find in the verses by the authors who differ from each other in their poetics — Dmitry RUMYANTSEV, Yelena LAPSHINA, Yelena KRYUKOVA and Alexander ORLOV.

Andrey STOLYAROV. Diversity of Islam

The article reveals a rich panoramic view of various facts, events and problems of today's Islamic world in Russia.

Mikhail RUMER-ZARAEV. The Sons of Abraham

The retrospective view from the XXI century of more than millennial history of relationships between the Arabs and the Jews.

Gennadij PRASHKEVICH, Alexey BUROV. The Truth and the Eternal Questions

Does there exist the universal rationale of the necessity to know the truth? What does a lie breed? These are the questions which the writer Gennady Prashkevich and physicist Alexey Burov are meditating over.

Alla TARASOVA. The Life in the Country of Mormons «Perhaps to somebody my notes will bring to mind Christmas carols. But I just wanted to share my memories about the people who had shown me how to live happily not relying on governments, the state or anyone at all...» Alla Tarasova, Doctor of philology tells about her long experience of close communion with American colleagues and friends in Southern Utah.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Также можно оформить подписку *online* на сайте журнала
дружбанародов.com

Мобильная версия «ДН» для устройств на iOS доступна в App Store и на
<https://itunes.apple.com/ru/app/druzba-narodov/id893172883?mt=8>

Верстка Елены ЖИРНОВОЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»